

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
РОССИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И
ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

*Под общей редакцией доктора экономических наук, профессора
В.А. Шамахова*

Санкт-Петербург
2019

УДК 321
ББК 66.2
К560

Автор

Ковалев Андрей Андреевич, кандидат политических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Рецензенты

Бочарников Игорь Валентинович, доктор политических наук, профессор кафедры «Информационная аналитика и политические технологии» Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана, руководитель Научно-исследовательского центра проблем национальной безопасности, действительный государственный советник Российской Федерации 3 класса

Радиков Иван Владимирович, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой российской политики Санкт-Петербургского государственного университета

Ковалев А.А. Актуальные проблемы национальной безопасности России: теоретические и практические аспекты / под общ. ред. В.А. Шамахова. – СПб.: Изд-во Коновалова А.М., 2019. – 302 с.
ISBN 978–5–6042547–4–5

В настоящем издании собраны статьи, опубликованные автором в различных научных изданиях на протяжении нескольких лет. Все материалы, вошедшие в книгу, объединяет одна тема: исследование вопросов обеспечения целостной безопасности России как уникального цивилизационного явления. Безопасность рассматривается как целый комплекс социальных отношений и интенций, комплексная реализация которых позволит не только сохранить мир на земле в целом, но и укрепить национально-государственные устои уникальных цивилизационных общностей, которые оказались расшатанными под агрессивным давлением североамериканского варианта Западной цивилизации.

УДК 321
ББК 66.2

ISBN 978–5–6042547–4–5

© А.А. Ковалев, 2019

ПРЕДИСЛОВИЕ

В последние годы со стороны философов, политологов, социологов, экономистов и других ученых-обществоведов наблюдается повышенный исследовательский интерес к проблемам обеспечения комплексной безопасности. Создаются новые политологические концепты, призванные максимально широко учитывать различные аспекты безопасности. Возникают новые трактовки этого понятия, причем активизируются попытки определить безопасность всесторонне – как на индивидуальном, так и на социальном, а порой и на глобальном, цивилизационном уровне. Эта задача становится особенно актуальной в наше непростое время, когда под угрозой оказались сами основания существования человечества как единой и уникальной общности.

Создание однополярного мира после распада Советского Союза привело к обострению цивилизационных противоречий, и современная ситуация угрожает перерасти в масштабный цивилизационный конфликт. Поэтому безопасность во времена цивилизационного противостояния включает в себя экономические, политические, культурные и иные аспекты. Это – целый комплекс социальных отношений и интенций, комплексная реализация которых позволит не только сохранить мир на земле в целом, но и укрепить национально-государственные устои уникальных цивилизационных общностей, которые оказались расшатанными под агрессивным давлением североамериканского варианта Западной цивилизации. Этот вариант, как показывает нам история последних десятилетий, отнюдь не является самым совершенным, и именно настойчивые попытки его фетишизации и грубого силового навязывания приводят к расшатыванию существующей системы международной безопасности.

Современное целостное научное знание о безопасности включает определенные представления об этом феномене в рамках технических, юридических, военных, политических, социальных наук, находящихся в теснейшей взаимной связи.

Усилия ученых концентрируются, в частности, для сохранения и дальнейшего развития системы базисных ценностей общества – как на структурном, так и функциональном уровнях. После Второй мировой войны сложилась комплексная система обеспечения международной безопасности, в сохранении которой неопределима роль Организации Объединенных Наций. Именно эта организация, ведущую роль в деятельности которой сыграли великие державы, смогла преодолеть многие опасности, связанные с противостоянием двух общественно-политических систем. Это противостояние выразилось, прежде всего, в холодной войне, которая велась между СССР как ведущей державой мировой системы социализма, и США, принявших на себя роль защитника западной цивилизации, отстаивающей капитализм и ценности либеральной демократии.

После исчезновения в карты мира Советского Союза изменился и политологический инструментарий, используемый для создания разнообразных концепций безопасности. Так, с конца XX столетия проблемы безопасности начали рассматривать в контексте основных постулатов теории нелинейных

процессов и теории хаоса, а также синергетической терминологии. В конечном итоге это способствует пониманию спонтанности и непредсказуемости характера и направленности возможных опасностей. Как теоретики, так и политические практики приходят к осознанию тесного взаимодействия сложных процессов социальной и природной самоорганизации реальных объектов окружающего мира.

Синергетический характер безопасности заключается в том, что как национальная, так и международная безопасность предполагает объединение и взаимодействие как целостной системы всех институтов политической, экономической, социальной и гуманитарной сфер жизнедеятельности человека, общества, государства, а в некоторых случаях и международных институтов. Это позволяет создать желанный системный эффект устойчивого общественного развития.

Предлагаемая вниманию читателя книга состоит из исследовательских работ, рассматривающих различные аспекты безопасности как сложного целостного явления современной политической и социокультурной реальности. Автор рассматривает теоретические, исторические, логические, экономические аспекты безопасности, являющейся для нашей страны проблемой особой важности. С самого начала существования русского многонационального государства как формы социально-политического бытия Русского мира огромные богатства нашей Родины служили предметом зависти для самых разнообразных агрессоров. Это до предела актуализировало проблемы различных аспектов безопасности.

Киевская Русь, Московское царство, Российская империя, Советский Союз являлись историческими формами уникальной русской цивилизации – Русского мира, постепенно включавшего в свою орбиту все новые и новые территории и культурные пространства. Современная Россия за последние годы обнаруживает все признаки духовного возрождения и роста цивилизационной мощи, что не может не вызывать недовольства ее противников и роста цивилизационного противостояния. Многие проблемы современности коренятся в прошлом, без которого нет и будущего. Поэтому в этой книге мы неизбежно коснемся истории обеспечения безопасности в нашей стране.

Современные представления о безопасности человека, общества, государства в целом основываются, прежде всего, на том обстоятельстве, что это достаточно сложное социально-политическое явление. Поэтому в этом сборнике мы обратимся к различным актуальным аспектам проблемы целостной безопасности. Мы рассмотрим влияние геополитических факторов на обеспечение военной безопасности Российской Федерации и воздействие процессов глобализации и регионализации на вопрос национальной и государственной безопасности. Внимание читателя будет предложено рассмотрению информационного компонента в обеспечении военной безопасности, становящегося с каждым годом все более и более важным.

Мы проанализируем варианты формирования системы международной безопасности в эпоху цивилизационного противостояния, оценим безопасность современной Европы и военную безопасность Балтийского региона в условиях

продвижения военной инфраструктуры НАТО к границам Российской Федерации.

Не будут обойдены нашим вниманием аспекты военной безопасности как проблемы философии политики, актуальные вопросы геополитического имиджа военного статуса России и положения гражданского общества России в эпоху противостояния цивилизаций и многие другие вопросы.

Таким образом, в книге акцентируется внимание на теоретических, концептуальных и организационно-правовых основах обеспечения национальной безопасности, учет которых в практической плоскости позволит существенно повысить эффективность разработки и внедрения государственной политики по вопросам национальной безопасности и механизмов ее реализации, более активно и оперативно реагировать на угрозы национальной безопасности Российской Федерации.

Автор с благодарностью воспримет замечания и предложения читателей, которые будут способствовать дальнейшему комплексному исследованию проблемы обеспечения национальной безопасности. Объединив все свои изыскания последних лет в одной книге, автор надеется найти отклик у заинтересованного в данной проблеме читателя и готов вступить в конструктивную дискуссию.

Анализ вариантов формирования системы международной безопасности в эпоху цивилизационного противостояния*

Современная система международной безопасности – это сложное и противоречивое структурное образование. Данная система складывалась на протяжении ряда лет после окончания Второй мировой войны на основе нескольких базовых концептуальных идей и интенций, из которых главной была идея мирного сосуществования государств с различным общественно-политическим строем, а главной интенцией было стремление предотвратить новый мировой пожар. Система международной безопасности призвана обеспечить предотвращение и отражение многочисленных угроз, возникающих как на социальном, так и на индивидуальном уровне. В идеале общество не может быть признано безопасным, если каждый его член не чувствует себя в безопасности. При этом важную роль играет системность в региональном и надгосударственном подходах к формированию системы международной безопасности и контролю над ее функционированием.

В настоящей статье мы рассмотрим основные варианты формирования системы международной безопасности в русле развития авторской концепции противостояния цивилизаций [1]. Эта цель конкретизируется в решении следующих задач: 1) выявлении основных противоречий, приведших к современному противостоянию цивилизаций; 2) рассмотрении знаковых исторических этапов формирования современных международных отношений и системы международной безопасности; 3) демонстрации влияния основных геополитических стратегий на формирование и функционирование системы международной безопасности; 4) определении наиболее приемлемой стратегии формирования системы международной безопасности.

Различные аспекты проблемы создания и формирования системы международной безопасности в последнее время исследовались Д.Г. Балуевым, А.Г. Дугиным¹, А.Ф. Зильхарнеевым², А.М. Ибрагимовым [2] и другими учеными.

Глобализация протекает по рецептам США уже третий десяток лет. Некоторые отечественные ученые, такие как П.А. Горохов, А.Г. Дугин³, С.Г. Кара-Мурза [4], оценивают проходящую под эгидой США глобализацию как третью мировую войну. И в этих оценках есть зерно истины. Вот что пишет П.А. Горохов: «Глобализация – всеохватывающий, многоаспектный процесс насильственного превращения мира в целостную и унифицированную по

* Ковалев А.А. Анализ вариантов формирования системы международной безопасности в эпоху цивилизационного противостояния // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2017. – Т. 13. – № 12. – С. 2349-2362.

¹ Дугин А.Г. Теория многополярного мира: учеб.пособие. Плюриверсум. – М.: Академический проект, 2015. – 360 с.

² Зильхарнеев А.Ф. Глобальная безопасность в эпоху серфингистов // Индекс безопасности. – 2016. – Т. 22. – № 3-4. – С. 7-12.

³ Дугин А.Г. Теория многополярного мира: учеб.пособие. Плюриверсум. –М.: Академический проект, 2015. – 360 с.

западным стандартам систему. Главными режиссерами этого процесса являются сильные мира сего, объединившиеся в элитарные клубы, постепенно принявшие на себя роль мирового правительства» [3].

Причем схожие оценки глобализации как процесса, направленного на уничтожение культурных и экономических границ и способного привести к необратимой социокультурной аннигиляции европейской культуры и перевороту во всей системе международных отношений, высказывают и некоторые западные политологи [5–8]. Вот что пишет, например, Ф. Шиммельфенниг: «После окончания Второй мировой войны именно США в качестве единственного экономически выигравшего от мировой бойни крупного государства стали играть роль главного архитектора Западного мира и превратились в сверхдержаву, возглавившую противостояние коммунистическому блоку. После идеологического поражения коммунизма и распада СССР США, оказавшись на вершине мирового политического Олимпа, стали перестраивать Европу по своему образу и подобию, в том числе и попавшие под их безоговорочное влияние бывшие страны Варшавского договора. Глобализация – дитя холодной войны и поражения мирового социалистического лагеря в этой войне» [7].

Ныне вполне закономерно в мире происходит и будет происходить укрупнение противоборствующих сторон. Возможные столкновения между ними, угрожающие международной безопасности в ближайшем будущем, будут, на наш взгляд, определяться двумя ведущими факторами. Первый фактор – цивилизационные противоречия, источники которых детерминируются всей человеческой историей и культурой. Эти противоречия затрагивают мораль, язык, религию, обычаи, в целом – все социальные институты, формирующие субъективную самоидентификацию людей. Второй фактор – чреватые возможным военным столкновением последствия, возникшие вследствие укрупнения цивилизационных конгломератов, а следовательно, усиления военной мощи входящих в них государств.

Современная международная ситуация по своему накалу и совокупности неразрешенных противоречий во многом напоминает времена холодной войны. Традиционно отчет холодной войны ведется со знаменитой речи У. Черчилля в Фултоне 5 марта 1946 г., когда он призвал к созданию союза англоязычных народов, направленного против складывающейся мировой системы социализма. Но если в эпоху холодной войны налицо было идеологическое противостояние двух общественно-политических систем, то в переживаемую человечеством современность налицо противостояние цивилизаций [1], и система международной безопасности должна если не разрешить эти противоречия, то хотя бы свести их к минимуму. И, разумеется, *sine qua non* современной международной политики заключается в непереносимом осознании и сбалансированном учете этих противоречий.

В своих работах мы уже исследовали цивилизационные противоречия, способные на начало XXI столетия привести человечество к третьей мировой войне и непосредственно угрожающие системе мировой безопасности. Был также проведен обзор основных исследовательских подходов к сущности и классификации цивилизаций современности: западная цивилизация, «русский

мир», китайская цивилизация, исламский мир и другие цивилизационные конгломераты [1].

Обратимся к цивилизационным противоречиям. Во-первых, это противоречия между интересами становящейся все более независимой Россией и странами Европейского союза, которые permanently подчиняются диктату США и теряют самостоятельность – как во внутренней, так и во внешней политике. Этот тезис доказывается в том числе и слепым следованием со стороны стран Европейского союза политике санкций против России, инспирированной США.

От санкций против России страдают экономически развитые государства Евросоюза, прежде всего Германия, с которой у нашей страны всегда были традиционно развиты социально-экономические и культурные связи. Но федеральный канцлер А. Меркель демонстрирует полную зависимость от внешнеполитического курса США, поэтому стремится выстраивать собственную систему безопасности с оглядкой на заокеанского «большого брата». Между тем внутренние проблемы Германии растут и множатся, и среди них важнейшей следует назвать вышедшую из-под контроля миграцию в страну необразованной арабо-африканской массы, настроенной агрессивно по отношению к традиционным европейским духовно-культурным ценностям. Видимо, Меркель опасается образованного немецкого электората, настроенного по отношению к России благожелательно, и стремится разбавить его бездуховным плебсом, не осознавая страшной опасности, грозящей вследствие этого самой Германии.

Во-вторых, это противоречия между утратившей статус сверхдержавы Россией и Соединенными Штатами Америки, этим статусом еще обладающими, что было признано и Президентом В.В. Путиным на Петербургском международном экономическом форуме в последние дни пребывания Б. Обамы в качестве лидера США. На наш взгляд, первые лица этой страны в целом очень болезненно относятся к любым тенденциям к восстановлению исторической справедливости и стремлению России вернуть утраченные вследствие распада СССР территории.

В-третьих, отмеченные противоречия теснейшим образом связаны с противоречиями между США и развитыми странами Европы, с одной стороны, и со всем остальным миром, включая Россию – с другой. Эта группа противоречий – самая обширная. После образования однополярного мира в результате распада СССР у США и их союзников главным стремлением стало сохранить свое превосходство. И это в то время, когда большинство стран земного шара хотят установить относительно справедливое распределение плодов человеческой деятельности, при котором принимались бы в расчет интересы всех цивилизованных стран. В современную эпоху цивилизационного противостояния повторяется та же самая логика взаимоотношений между метрополией и колониями, которая издавна известна во всемирной истории. Достаточно вспомнить события последнего века истории Римской империи.

Ныне США, являясь порождением некогда могучей и пассионарной европейской цивилизации, диктуют правила политической игры Европе, утратившей жизненную силу и ставшей анемичной, толерантной и политкорректной. На протяжении истории всего XX столетия США

трансформировали и деформировали традиционные европейские ценности. Демон политкорректности ныне полностью нивелировал такие ценности, как брак, семья, отечество, любовь, совесть, культура. И этот процесс продолжается в современную эпоху. А кризисная социокультурная ситуация в европейских странах самым непосредственным образом влияет на систему международной безопасности.

Современная система международной безопасности испытывает сильное влияние экзистенциальных противоречий между цивилизациями, которые могут привести к большой и, видимо, последней войне в истории человечества. Противостояние цивилизаций уже приобрело характер эволюционной войны, то есть войны нового типа – не просто за передел мира, территориальные приобретения, за экономическое господство. Если новая мировая война разразится, то это будет война за путь грядущей социальной и политической эволюции человечества, которая приведет к ядерному апокалипсису. Именно поэтому система международной безопасности в современную эпоху призвана прежде всего предотвратить гибель человечества и разрешить цивилизационные противоречия мирным путем.

Рассмотрим некоторые исторические вехи формирования современных международных отношений и системы международной безопасности. Было бы интересным в более обстоятельном исследовании рассмотреть основы и общие векторы развития наиболее знаковых моментов формирования системы международной безопасности в логико-историческом аспекте. Здесь отметим лишь, что основы этой системы стали закладываться еще во второй половине XIX столетия (Парижский мирный договор 1856 г., Сайгонский договор 1862 г., Франкфуртский мир 1871 г., Сан-Стефанский мир 1878 г., Константинопольский мир 1897 г.).

В начале XX в. большинство образованных людей верило, что наступающее столетие будет веком мира, прогресса и процветания. И лишь самые прозорливые политики смогли предвидеть грядущие мировые пожары, ибо видели всю сложность и груз нерешенных противоречий, висевших дамокловым мечом над европейскими странами. Но войны вспыхивали, бушевали, проливались потоки крови, а после завершения всемирных битв закономерно возникала идея обезопасить не просто отдельные страны, а все человечество от возможного повторения мирового пожара. Так появились международные организации, призванные предотвращать мировые войны. Так, к примеру, Первая мировая война 1914–1918 гг. создала предпосылки для образования Лиги Наций, а Вторая мировая война (1939–1945 гг.) послужила толчком для создания Организации Объединенных Наций.

Огромное влияние на образование международной системы безопасности оказала Великая Октябрьская революция, которая привела к формированию мировой системы социализма и коренным образом изменила карту мира и сферы влияния крупнейших государств.

К сожалению, как показал опыт истории, ни Лига Наций, ни ООН не смогли полностью справиться с задачей создания действенной системы международной безопасности. Время идет, но перманентная угроза всемирной безопасности

остается. Локальные войны вспыхивают с печальным постоянством во всех точках земного шара, в том числе и в Европе. Начало XXI в. ознаменовалось резким ростом политических и военных конфликтов. Со всей очевидностью напрашиваются исторические параллели со страшными событиями ушедшего столетия. Именно поэтому сегодняшняя необходимость реформирования существующего мироустройства вполне объективна.

Однако в развитии современной международной ситуации хотелось бы обойтись без военных сценариев, столь характерных для минувших эпох, хотя мы и наблюдаем явную тенденцию возврата современной геополитики в прошлое. Только в отличие от того сценария, когда идея Лиги Наций формировала концепцию мироустройства на базе признания новой роли США и фактического утверждения главенствующего геополитического принципа *Anglo-Americana* [9], в сегодняшней попытке провести *upgrade* всей системы международных отношений мы усматриваем стремление вернуть ситуацию в формат *status quo*. За последние четверть века США воплотили столетнюю мечту Великобритании, претворив в жизнь принцип *Anglo-Americana*. Но Великобритания не торопится сдавать свои позиции и демонстрирует возросшую самостоятельность – как от США, так и от Евросоюза. Именно с этим обстоятельством, на наш взгляд, связан столь стремительный и показательный выход Британии из состава ЕС.

В целом, по мнению большинства исследующих данную проблематику ученых, вопросы обеспечения безопасности в международных отношениях продиктованы прежде всего интересами защиты своих государственных интересов силовыми методами, а вовсе не стремлением к международному сотрудничеству и созданию системы всеобщей безопасности⁴ [10–12].

Распад Советского Союза, по словам В.В. Путина, явился крупнейшей геополитической катастрофой современности и напрямую повлиял, причем самым негативным образом, на систему международной безопасности. Если взять модель геостратегии, принятую в Европейском союзе, то ее можно определить двумя базовыми императивами. Первый императив – территориальный, заключающийся в том, что ЕС желает иметь четкую сферу своего влияния и контроля с помощью создания так называемых буферных зон. В течение какого-то времени ЕС пытался оформлять этот вектор своих геополитических намерений через создание межгосударственных союзов на основе принципа суверенного равенства. Сейчас, когда полным ходом идет экономический кризис, а следовательно, ослабла и ресурсная база для поддержания этого амбициозного геополитического проекта, европейские государства перешли к формированию альтернативной стратегии своего политического и экономического влияния – на основе односторонних действий. В частности, это коснулось переноса периметра обороны стран НАТО от своих границ к границам стран российского ближнего зарубежья.

При этом следует заметить, что этот процесс начался задолго до сегодняшних дней – от экономической и геополитической «оккупации» стран

⁴ Walt S.M. What Would a Realist World Have Looked Like? // Foreign Policy, 8 January 2016.

бывшего Варшавского договора после распада мировой системы социализма до искусственно созданного и до сих пор поддерживаемого в незатухающем состоянии военно-политического кризиса в Украине. Осуществление этой стратегии происходит путем дестабилизации этих стран для того, чтобы данные государства не смогли по политическим или экономическим соображениям войти в зону влияния других государств или образований. Эта тенденция четко просматривается в выстраивании стратегического оборонного периметра по линиям Калининград – Беларусь – Украина – Приднестровье – Крым – Абхазия – Южная Осетия, а также Кыргызстан – Таджикистан – Казахстан.

Ярким примером данного процесса опять же служат политические маневры Украины, которая, провозгласив себя внеблоковым государством, целенаправленно и динамично обнаруживает свое продвижение в направлении консолидации с Североатлантическим альянсом. В подобной политике двойных стандартов видится явное воплощение заинтересованности ЕС и США, которое проявляется в геополитическом и геоэкономическом поведении данных акторов в формировании и поддержке украинского кризиса.

В результате тотального информационного контроля и воздействия ЕС и США был создан образ вмешательства России во внутренние дела Украины без учета того обстоятельства, что украинский антиконституционный переворот был осуществлен с подачи, политического одобрения и содействия как США, так и ЕС. И был не только одобрен государственный переворот на Украине, но и оказана всесторонняя политическая, экономическая и даже военная поддержка путчистам, что ввергло Украину в состояние гражданской войны и экономический и социальный коллапс.

Двойственность политики Запада просматривается в активизации политических действий в период с конца 2013 и по февраль 2014 г. Евросоюз и США способствовали дестабилизации обстановки внутри Украины и силовому смещению легитимной власти в этом государстве, в то время как Российская Федерация заняла нейтральную позицию, предоставляя украинскому народу законное право на самоопределение.

Конкретным примером, подтверждающим миротворческую направленность геополитических устремлений России, является решение «крымского вопроса», когда в результате волеизъявления населения была оказана политическая, экономическая, гуманитарная и социальная поддержка Республике Крым. Стоит отдельно отметить то обстоятельство, что урегулирование данного вопроса прошло без военных и кровопролитных столкновений, в отличие от ситуации, допущенной Киевом при решении вопросов волеизъявления населения на территориях ДНР и ЛНР.

Второй императив стратегии содружества ЕС и США связан с вопросом энергетической безопасности и сопутствующим ему противостоянием Востока и Запада (первый обладает необходимой базой природных ресурсов, а второй крайне зависим от этого фактора). Попытка России уйти от вектора сырьевой ориентации путем модернизации своей энергетической и экономических сфер, а также с помощью политических договоренностей с энергообразующими государствами закончилась введением Западом экономических санкций,

направленных против Российской Федерации, под предлогом нерешенности все того же «украинского вопроса». При этом у самого Запада заканчиваются свободные ресурсы для того, чтобы привлекать в интеграционные проекты государства как Восточной Европы, так и постсоветского пространства. Единственным способом не допустить потери контроля над этими пространствами является попытка дестабилизации военно-политической обстановки по периметру «буферных зон».

Третий элемент стратегии формирования системы международной безопасности, подконтрольной влиянию Запада, заключается в активном участии ведущих западных держав в различных региональных кризисах. Эти державы стремятся оказывать все большее влияние в тех регионах, которые являются приоритетными для большинства мировых акторов, прежде всего США и Китая. Ведущие мировые державы стремятся получить инструмент влияния на регулирование стоимости энергоносителей, а также на контроль над другими природными ресурсами. По опыту предыдущих лет установилась четкая зависимость, согласно которой при любой военно-политической дестабилизации на Ближнем Востоке, происходит рост или падение цен на нефть, в зависимости от цели, которую преследуют геополитические акторы, участвующие в организации данной дестабилизации.

На сегодняшний момент преобладающей в формировании новой геополитической стратегии является линия сторонников жесткой парадигмы, идеологов негативной позиции по отношению к нормализации отношений между РФ и Европейским союзом. Нашей страной делаются попытки установить прагматично консенсусные отношения между Россией и Китаем, но Запад воспринимает данный сценарий как потерю влияния и контроля над Евразийским регионом. Прежде всего это касается позиции Соединенных Штатов и Великобритании.

Отметим, что равным образом настороженно столпы западной цивилизации относятся к дружественным отношениям Китая и Пакистана, существующим с 1951 г. В современную эпоху Китай и мусульманский Пакистан подняли свое партнерство на новый уровень, причем обозначили это такими довольно показательными акциями, как первый совместный военный парад. С другой стороны, в этом сближении двух государств-соседей существуют определенные опасности и для России. Дружба Пекина и Исламабада возбуждает негативные политические эмоции у Индии, с которой у России имеются давние и теплые отношения.

Но ни одна страна в современном мире не вмешивается столь активным образом в дела других суверенных государств, как США. В связи с этим мы полностью согласны с А.А. Куковским, который констатировал, что США в конце XX – начале XXI века в одностороннем порядке, нарушая международные соглашения и договоры, фактически закрепили за собой право брать на себя функциональную роль агрессора по отношению к любому государству, которое находится в зоне их национальных интересов [13]. Печальная судьба Ирака и Ливии, обладавших богатыми нефтяными ресурсами и стремившихся быть независимыми от США, в полной мере подтверждают этот тезис.

Однако такая жесткость в перспективе может обернуться достаточно негативными последствиями для самих США, а именно – привести к накоплению политического, социального и национального негатива. Это спровоцирует окончательную утрату тотального контроля над находящимися под их влиянием территориями. Особенно этот сценарий актуален в связи с дальнейшей невозможностью финансово-кредитной поддержки интересующих США стран докризисными темпами с одновременным переходом на силовые или провокационные способы воздействия и решением своих геополитических и геоэкономических вопросов. К таким провокационным методам ведения современной холодной войны можно отнести как поддержку так называемых «цветных революций», так и тотальную атаку, организованную США и вынужденно поддерживаемую ЕС, против политической позиции и всей экономики России в виде беспрецедентных со времен СССР финансовых и политических санкций.

На сегодня сформировался ряд деструктивных факторов, создающих угрозу национальной безопасности РФ. Прежде всего это внутригосударственная политическая обстановка и социально-экономическая ситуация, проблемность которой во многом вызвана действиями внешних геополитических оппонентов нашей страны [14].

Следует понимать, что активизация продвижения блока НАТО в виде создания и укрепления военных баз по периметру и на территории Евразийского региона, в том числе на территории бывших советских республик, является попыткой воплощения концепции так называемой «теории хаоса». Ее цель – дестабилизация обстановки в интересующих страны альянса регионах с одновременной попыткой не допустить возможности укрепления дружеских паритетных отношений между РФ и другими странами. Иными словами, не только накаляется обстановка в международных и межгосударственных отношениях, но и делаются попытки довести данный геополитический кризис до цивилизационного противостояния в целях дальнейшего вмешательства в любой конфликт на любой территории, безо всякой необходимости соблюдения международных правил, согласований и договоров.

В этом же ключе следует рассматривать и такую угрозу международной безопасности, как терроризм, превратившийся в современную эпоху в геополитического надгосударственного актора. Реализацию разнообразных террористических парадигм можно рассматривать как попытку создания или планомерной поддержки опасного инструмента агрессивной геополитики, способного выполнить задачи по хаотизации ситуации в любой стране и регионе мира.

Прагматика современной геополитики исходит из того, что де-факто идет новая холодная война. Это означает возможность оправдания таких кризисных явлений, как дестабилизация на рынке энергоресурсов, расширение военных заказов со стороны абсолютно всех ведущих акторов, общая милитаризация международных отношений, внутренняя мобилизация и ужесточение политического и социального режимов. Это делается, как правило, со ссылкой на

существование внешнего врага в лице международного терроризма или отдельно взятых стран: Ирака, Ирана, Северной Кореи или даже РФ.

Так, США во время украинского кризиса на волне экзальтации, мобилизации и манипулирования общественным мнением пытались создать легитимность для любых проявлений искусственно внедряемого хаоса. Такие действия влиятельнейшего геополитического актора привели систему международной безопасности к точке бифуркации, когда возможны как сценарий резкой эскалации международной обстановки (вплоть до начала военных действий в мировом масштабе), так и обратный вариант, когда система международной безопасности будет сбалансирована взвешенным и объективным взаимным принятием новой концепции системы общемировой безопасности, основанной не только на роли главных геополитических акторов, например, в виде проекта некоего ООН-2.

Мирная альтернатива существует всегда. Если у Украины в создавшейся международной обстановке хватит политической воли признать факт законности самоопределения ДНР, ЛНР и Крыма, то это может поставить категорическую точку в попытке Запада расшатать военно-политическую обстановку в регионе постсоветских стран и снять общее геополитическое напряжение, стабилизировав международные отношения путем принятия нового формата системы международных отношений. Тем более что правовой и политический прецедент для этого в современной международной политике уже существует в виде решения югославского конфликта.

Можно сделать вывод, что наиболее приемлемым сценарием на ближайшую перспективу для мирового сообщества в целом и для России в частности является биполярная модель мира с такими осями, как США в виде складывающего свои полномочия мирового гегемона, и союза на прагматичной экономической основе между РФ и наиболее развитыми странами Европейского союза, такими как Германия и Франция. Именно экономика этих стран больше всего страдает от экономических санкций против России и от всеобъемлющего диктата США.

Перспективным представляется и ведущее участие России в цивилизационном евразийском проекте в условиях конкуренции с нелиберальным европейским проектом глобализации, где главную роль играют США. Евразийский ответ Российской Федерации на однополярную систему глобализации мирового сообщества выразился в создании и дальнейшей деятельности ЕАЭС. Государства бывшего СССР, являющиеся ныне соседями и партнерами России, логикой всей своей исторической судьбы, а не только побуждаемые прагматичными экономическими интересами, должны будут присоединиться к евразийской цивилизационной парадигме. Например, Казахстану для сохранения своей независимости и защищенности от цивилизационной агрессии западной демократии жизненно необходимо присоединение к Евразийскому союзу.

К другому альянсу во главе с КНР также необходимо относиться объективно. С одной стороны, Китай имеет все возможности и ресурсы пойти на конфронтацию с любой из стран мира. С другой – именно эта сильная сторона является и слабым местом КНР. Китай может идти на силовые методы решения

вопроса или жестко отстаивать свою политическую позицию, но объективно не способен идти на консенсус. Это скорее государство-одиночка, не способное вступать в паритетные альянсы, и именно поэтому вокруг КНР невозможно объединение стран Востока и Азии. Именно поэтому данный регион следует рассматривать как территорию постоянного риска.

Данная биполярная модель позволила бы вывести современную систему международных отношений из кризиса и преодолеть точку бифуркации в геополитике, не доводя ситуацию до силового способа решения вопроса «кто есть кто» в геополитической иерархии и не монополизировав права на определение геоэкономического сценария развития мирового общества.

На сегодняшнем этапе функционирования международного сообщества происходит кардинальная смена устоявшихся институтов и парадигм. В глобализирующемся мире эта смена носит масштабный общемировой характер, какими бы ни были приоритеты национальных доктрин в отношении внутреннего или международного развития. В этом смысле трансформация должна пройти по всем существенным точкам: философским, правовым, политическим. При этом надо понимать, что ни одна из доктрин не может дать полноценного ответа, ибо она тяготеет к политической частичности [15].

Так, например, развитие и утверждение такого феномена, как частные военные и охранные компании происходит в мировой политике в силу трансформации силовой составляющей системы международных отношений, которая в контексте теории реализма подразумевала, что «доминирующими процессами на международной арене являются межгосударственные конфликты и войны» [16]. Если раньше предпринимались усилия, направленные на реализацию интересов государств с помощью военных действий и непосредственно на ведение вооруженных действий, то сегодня реалистическая теория претерпевает трансформацию. И силовой аспект, составляющий базовую основу власти, традиционно находящуюся в руках государств, более не является абсолютным и исключительным, поэтому часть государственных силовых функций передается негосударственным структурам.

При этом важно понимать, что процесс приватизации сферы безопасности не выступает формой одностороннего «захвата» государственных функций частными структурами, а происходит вследствие либо прямого бездействия, либо в значительной мере с подачи самого государства и международного сообщества.

Видимо, мировое сообщество вступило в эпоху, когда роль государственности постепенно трансформируется, а монопольное использование государством как аппарата управления своего права быть господствующим и единственным субъектом международных отношений, начинает изменяться.

В связи с этим одним из наиболее важных в ситуации сегодняшней кризисной международной обстановки представляется процесс узаконивания механизма и инструментария деятельности частных военных структур – как на национальном уровне, так и в международном законодательстве. При этом формирование четкой концепции и правил формирования и приложения сил частных военных компаний является задачей не только для государств – поставщиков услуг таких компаний, но и для государств, на территории которых

эти компании непосредственно осуществляют или могут осуществлять свою деятельность.

Итак, система международной безопасности в современную эпоху призвана предотвратить гибель человечества и разрешить цивилизационные противоречия мирным путем. Необходимость формирования новой системы международной безопасности возникла в результате структурного и институционального кризиса мировой геополитической и геоэкономической систем. Видимо, для России наиболее реальным и действенным в плане безопасности является союз с наиболее развитыми странами Европы, которые уже сейчас начинают уступать от всеобъемлющего контроля США. Многообещающим является и совершенствование евразийских связей, где России традиционно принадлежит ведущая роль.

Сегодня мы наблюдаем образование нового формата системы международной безопасности, когда наряду с классическими гарантами общественной безопасности – государствами, на сферу безопасности начинают оказывать влияние и негосударственные частные структуры. К ним можно отнести, к примеру, ТНК, оказывающие значительное стратегическое влияние на формирование или прекращение военно-политических региональных или частных конфликтов, или частные и военные охранные компании, участвующие в подобных конфликтах как инструмент оперативного воздействия.

Международная безопасность обеспечивается конкретной деятельностью международных акторов и может быть определена как результат разумной и взвешенной политики, способствующей формированию эффективных гарантий мира и предотвращению новой мировой войны.

Библиографический список

1. *Ковалев А.А.* Информационная политика и военная безопасность России в эпоху противостояния цивилизаций: теоретико-методологические аспекты проблемы: монография. СПб: Изд-во «ПОЛИКОНА». 2016. 193 с.
2. *Ибрагимов А.М.* Международные гарантии обеспечения норм права международной безопасности // Право и политика. 2009. № 8. С. 1687–1695.
3. *Горохов П.А.* Глобализация: опыт философского осмысления // Вестник Оренбургского государственного университета. 2007. № 7. С. 44–50.
4. *Кара-Мурза С.Г.* Советская цивилизация. От начала до наших дней. М.: Алгоритм, Эксмо, 2008. 1200 с.
5. *Fitzmaier P., Geessler L., Höll O.* et al. Internationale Politik (Uni-Taschenbücher M). Wien: UTB, 2006. 564 p.
6. *Lehmkuhl U.* Theorien internationaler Politik. Einführung und Texte. München, Wien: De Gruyter Oldenbourg, 2001. 743 p.
7. *Schimmelfennig F.* Internationale Politik. Paderborn: Schöningh, 2010. 472 p.
8. *Weber C.* International Relations Theories: A Critical Introduction. Routledge, 2014. 292 p.

9. Акчурина О.С., Демидов С.В. Рождение идеи Лиги Наций в Великобритании. В кн.: Направления и формы гуманитаризации высшего образования. Вып. 3. Рязань: Изд-во РГРТУ. 2013. С. 26–33.

10. *Stoessinger J.G.* Why Nations Go to War. New York: St. Martin's Press, 1974. 230 p.

11. *Waltz K.N.* Theory of International Politics. New York: McGraw Hill, 1979. 256 p.

12. *Donnelly J.* Realism and International Relations. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 231 p.

13. Куковский А.А., Петров А.В., Рослов П.Д. Актуальные вопросы обеспечения безопасности в современном мире // Вестник ЮУрГУ. Сер. Право. 2016. № 2. С. 47–52.

14. Доманов В.Г., Артюхин О.А. Политический неоампир: выбор России или геополитический сателлитизм. Ч. I // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2015. № 1. С. 105–111.

15. Каракулян Э.А. Международная безопасность в контексте современных тенденций в праве международного сообщества // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2017. № 1. С. 122–129.

16. Небольсина М.А. Частные военные и охранные компании: тенденции роста и проблемы легитимации. В кн.: Международная безопасность, контроль над вооружениями и ядерное нераспространение: 70 лет после атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки. М.: Изд-во ИМЭМО РАН. 2016. С. 102–106.

Безопасность современной Европы: между стремлениями и реальностью*

Европа как часть света и социокультурная общность является ведущим регионом мира в области экономики, культуры, политики и военного сотрудничества, обладая в то же время сложной и многосторонней институциональной структурой. Благополучие, мир и сотрудничество между европейскими государствами являются наследием геополитической и институциональной истории Европы. В течение всей политической истории на европейском континенте перманентно вспыхивали войны и различные кризисы. За тысячу прошедших лет Европа жила относительно мирно в среднем лишь какие-то два десятка лет, ибо войны вспыхивали с трагическим постоянством даже в самых отдаленных ее частях. Уже Тридцатилетнюю войну (1618-1648) можно рассматривать как мировую войну в рамках тогдашней европейской политической ойкумены. И зародившееся еще в античную эпоху международное право развилось в эпоху Нового времени, причем главным стимулом выступала необходимость мирного сосуществования европейских государств, единых в

* Шамахов В.А., Кириленко В.П., Ковалев А.А. Безопасность современной Европы: между стремлениями и реальностью // Политика и Общество. – 2018. – № 10. – С.43-52.

приверженности к христианской духовности и базисным основаниям цивилизационного этоса, но порой бесконечно разнообразных в конкретных социокультурных формах выражения национального духа.

В XX столетии, пережив ужасы двух мировых войн, Европа в конце этого бурного века пришла к идее экономического и политического союза с единым правовым пространством, основанным на идеях правового государства. Этот европейский проект предложил гражданам разных европейских стран довольно устойчивую форму мира и процветания, – во всяком случае, так представлялось большинству политиков на рубеже XX и XXI столетий. Получили дальнейшее развитие все отрасли международного права (публичное, частное, наднациональное), развивавшиеся для обеспечения интересов граждан европейских государств [5].

Но в последние годы европейский геополитический контекст представляется все более уязвимым из-за роста нестабильности в регионе и сокращения внутренней сплоченности среди самих европейских государств. Чтобы исправить негативные тенденции в современной геополитической ситуации, хрупкой, нестабильной и сложной, Европейский союз пытается стать независимым от заокеанского «Большого брата» стратегическим актором с возможно большей автономией в области своей обороны и безопасности. Однако реальное международно-правовое обеспечение интересов европейских государств, необходимое в современной сложной ситуации, далеко от того формально-юридического идеального состояния, которое зафиксировано в различных международных договорах и обязательствах, в том числе и в Глобальной стратегии внешней политики и политики безопасности Европейского союза.

Налицо разрыв между должным и сущим, юридическим и фактическим. Желание ЕС стать самостоятельным стратегическим актором во многих существенных аспектах весьма далеко от его реальных возможностей, а также способностей и готовности европейских государств осуществлять независимую от США внешнюю политику. Явственно наблюдается необходимость выбора между стремлением к усилению оборонительной автономии Европейского Союза или же дальнейшим укреплением трансатлантической связи. Различные аспекты проблемы европейской безопасности рассматривались как в трудах зарубежных ученых, часть которых используется нами в ходе этого исследования, так и в работах отечественных авторов, таких, например, как Т.В. Юрьевой «Проблемы региональной безопасности: современный опыт Европы» [10], И.В. Сурмы («Философия безопасности в контексте актуальной геополитики») [7], коллективные монографии «Безопасность будущей Европы» [1] и «Конфигурация нового миропорядка: проекты и реальность» [4] и т.д. Цель данной статьи – рассмотреть важнейшие аспекты проблемы безопасности Европы в свете последних международно-правовых документов и исследовать разрыв между стремлением ЕС к проведению самостоятельной политики и стратегической реальностью. Для достижения этой цели представляется целесообразным: 1) рассмотреть факторы, повлиявшие на новую парадигму европейской безопасности и растущую напряженность в международной политике; 2) оценить

Глобальную стратегию Европейского Союза по внешней политике и политике безопасности как документ международного права; 3) выявить возможности ЕС как самостоятельного актора в международной политике; 4) рассмотреть возможные варианты развития современной ситуации и проблемы, подлежащие решению для возможного сокращения разрыва между должным и сущим, юридическим и фактическим.

В современном мире наблюдаются ускоренные геополитические изменения, связанные с экономическими и политическими катаклизмами. Налицо противостояние цивилизаций [3],[9], обусловленное не только противоречиями между Востоком и Западом, но и противоречиями в самой западной политической культуре, в том числе между США и Европой и между самими европейскими странами. Говоря о противостоянии цивилизаций, которое признается нами в качестве ведущего индикатора современной мировой истории, мы не отрицаем, что этот термин, в определенной мере, навеян работами С. Хантингтона [8], но само это противостояние может отнюдь не быть «столкновением», то есть протекать не только в открытой военной форме, а в форме преимущественно войн информационных, торговых, социокультурных. Но, к сожалению, с другой стороны, именно путь конфликта, то есть столкновения цивилизаций становится все более и более реальностью современной эпохи.

Разнообразные изменения материализованы в широком политико-географическом перераспределении власти и политического влияния. Происходящие изменения лишь подчеркивают кризис Европейского мира, ослабляя интеграцию ЕС и увеличивая нестабильность его границ. Об этом говорится в Глобальной стратегии Европейского Союза по внешней политике и политике безопасности: «Мы живем в период экзистенциального кризиса внутри и за пределами Европейского союза. Нашему союзу угрожает опасность. Наш проект, который принес мир, процветание и демократию, находится под вопросом» [2].

Существуют факторы, которые существеннейшим образом повлияли на дискуссию о новой парадигме общеевропейской обороны. Среди них следует назвать, прежде всего, следующие: снижение доверия населения Европы к собственным политикам под влиянием глобального кризиса 2008 года; ухудшение экономического и социального обеспечения, при котором пострадали граждане европейских государств, а также отчуждение части правительственной элиты от большей части населения, что привело к росту популистских и антисистемных настроений; отсутствие четкого политического видения ситуации и реального лидерства в Европейском союзе; напряжённость в отношениях с Российской Федерацией в связи с конфликтом в Украине; увеличение потока мигрантов и беженцев; растущая угроза исламского терроризма; выход Великобритании из Европейского союза; неоднозначная позиция Президента США Дональда Трампа по ряду вопросов, в результате чего возникла напряженность в трансатлантических отношениях.

В условиях громких заявлений президента США Д. Трампа, который, видимо, войдет в историю как один из самых своеобразных политиков этой

страны, о нежелании выделять финансовые средства на обеспечение безопасности Европы обостряются существующие противоречия между США и ведущими европейскими странами. Эти противоречия могут найти выражение и в ситуации «торговых войн», которые периодически угрожают разразиться в современной социокультурной и политической ситуации. Ведь каждая страна Европейского Союза имеет еще и собственные экономические, культурные и политические интересы, помимо общеевропейских, и по отношению к заатлантическому соседу Франция и Германия или же Румыния могут относиться по-разному.

Указанные нами факторы существенным образом влияют на напряжённость в международной политике некоторых европейских стран, ставя под сомнение непрерывность европейского проекта и реальность его ценностей.

Испанский профессор Рафаэль Осле Доминго считает, что наблюдающиеся дислокации мирового экономического кризиса, необходимость системы глобального правосудия для борьбы с преступлениями против человечества и пресловутый демократический дефицит международных институтов лишь подчеркивают необходимость создания инновационной и действительно глобальной правовой системы, которая позволяет человечеству переупорядочить себя в соответствии с признанными глобальными потребностями и развивающимся международно-правовым, единым европейским сознанием. С этой целью Доминго является сторонником движения за создание Парламентской ассамблеи Организации Объединенных Наций, организации, которая выступает за демократическое реформирование Организации Объединенных Наций. Этот новый глобальный закон сам по себе явится правовым порядком, подлинно необходимым для современности, и не будет ограничиваться несколькими моральными принципами, которые направлены на руководство деятельностью народов мира [12].

Увы, реальность показывает, что действенная роль ООН и многих других международных организаций резко уменьшилась за последние годы. Научный сотрудник Парижского Института Жака Делора Томас Пеллерин-Карлин считает, что «геостратегическая ситуация в Европейском союзе значительно ухудшилась за несколько лет. Европа сталкивается с рядом кризисов на своих границах, от Украины на востоке до южного побережья Средиземного моря. В этом контексте Европейская политика в области безопасности и обороны является более необходимой, чем когда-либо, с учетом позиций, занимаемых в настоящее время Россией и Соединенными Штатами» [15]. Как упомянутая выше Глобальная стратегия, так и франко-немецкое соглашение от 11 сентября 2016 г. под названием «Возрождение общей политики в области безопасности и обороны. На пути к всеобъемлющей, реалистичной и надежной обороне в ЕС» [16] совпадают в своих выводах о «регрессии безопасности». Об этом также говорится и в других документах, созданных и опубликованных в последние годы, что свидетельствует о росте активности в области создания важнейших международно-правовых документов, призванных определять будущее Европы.

Но важность мысли, высказанной в статье научного сотрудника из Института Жака Делора именно в том, что отмечается парадоксальная ситуация,

при которой европейские страны страдают непосредственно от последствий конфликтов в Сирии и на Ближнем Востоке и не имеют возможности активного влияния на события в регионе. В то время США и Россия могут влиять на исход событий, но сами в меньшей мере страдают от этих конфликтов хотя бы потому, что приток мигрантов как враждебной европейским ценностям силы не является проблемой ни для США, ни для РФ. И хотя, согласно Глобальной стратегии ЕС по внешней политике и политике безопасности, Европейский союз хочет влиять на предотвращение и реагирование таких конфликтов, реальность все же показывает, что способность даже таких мощных государств, как Франция и Германия, делать это в Украине, Сирии или Ливии очень ограничена и зачастую ничтожна.

За последние десятилетия Европейский союз развил большой гражданский потенциал, но не смог отреагировать на региональные кризисы или вооруженные конфликты, в которых преобладает его участие, поэтому он зависит от военной поддержки НАТО, где первую скрипку играют именно США. Осуществляемая на геополитических условиях США международно-правовая реальность показывает, что ЕС не является полноценным стратегическим субъектом, поскольку Европа не способна решительно изменить международные условия, влияющие на ее интересы. И это происходит отнюдь не потому, что между государствами-членами ЕС нет точек совпадения для определения общей угрозы, которая объясняет его «стратегическое» поведение и возникающие трудности в реагировании на эти угрозы.

Общность интересов у европейских государств наличествует, но дискуссия о том, что будет наиболее подходящей основой для европейской обороны, будет ли она подлинно европейской или же поддерживаемой трансатлантической связью, все же ведется на протяжении нескольких десятилетий без принятия эффективного решения. Не является геополитической панацеей и Глобальная стратегия, которая молчаливо отказывается претендовать на автономную оборону в интересах Североатлантического альянса. Частные интересы государств Европы приносятся в жертву общей геополитической интенции цивилизационного доминирования США. Налицо делегирование функций в соответствии с более широкими возможностями Североатлантического договора по защите европейской территории. Это явственно видно на примере кризиса в Украине, в течение которого военные действия, развертывание сил и проведение военных учений осуществлялись в Центральной и Восточной Европе европейскими союзниками и возглавлялись НАТО при доминировании США.

На протяжении десятилетий Европа выигрывала от поддержки блока НАТО и США, без необходимости не использовала свои силы для защиты европейской территории и исполняла роль стратегического актора в контексте биполярности или гегемонии [11]. Вопрос о преемственности в поддержке возник в связи с относительным снижением военной мощи США и возникшей необходимостью служить новым приоритетным направлениям, таким как Азиатско-Тихоокеанский регион и Ближний Восток, что делает затруднительным для США задачу и дальше брать на себя основное бремя ответственности в Европе. Поэтому одним из изменений во внешней политике новой администрации Президента США

является пересмотр распределения руководства в политических и финансовых аспектах между западными союзниками, особенно в тех альянсах, где государства-члены обладают достаточным экономическим потенциалом для того, чтобы сделать это самостоятельно. Стоит отметить тот факт, что после Брексита союзники, не являющиеся членами Европейского союза, вносят 80% всех расходов на оборону НАТО. Есть вероятность того, что США в конечном итоге снизит степень своего стратегического влияния на европейской земле, что поставит ЕС перед необходимостью стать стратегическим игроком по умолчанию.

В этих условиях Брексит существенно ухудшает европейскую ситуацию, поскольку британский вклад традиционно был очень важен для того, чтобы ЕС достиг своего статуса ведущего и самостоятельного стратегического актора. Соединенное Королевство не захотело вносить свой вклад в традиционный ядерный, экспедиционный, технологический или разведывательный потенциал для содействия стратегической автономии ЕС. А гипотетический вывод США из Европы стал бы изменением стратегического контекста и, следовательно, оказал бы влияние и на британскую позицию. Напротив, после Брексита традиционная Британская оппозиция к любой форме европейской интеграции в обороне уже не имеет прежней силы, так что ось Париж-Берлин может ускорить развитие в данном направлении. Однако различные стратегические концепции гегемонистского ядра после Брексита очевидны, что отражается в структуре и возможностях их соответствующих Вооруженных Сил, которые различаются по своему составу и качеству.

Геополитическая ситуация на европейском континенте требует создания действенного и самостоятельного стратегического актора. Но лидера в Европейском Союзе нет и быть не может, ибо это будет противоречить его основным принципам. Хотя реальным экономическим локомотивом Евросоюза являются две страны: Франция и Германия. Но и в них экономическая нестабильность ведёт к политическому упадку. Скажем, «мультикультурная политика» Ангелы Меркель привела к проблемам для немецкой национальной идентичности, когда на улицах немецких городов вспыхивают этнические беспорядки. Если Берлин и Кёльн повторяют печальную судьбу Парижа и Брюсселя, где уже давно безнаказанно обострены до крайности межрасовые проблемы и террористические тенденции, то последствия для всей Европы могут быть необратимыми. Мы полностью согласны с мнением И.В. Сурма: «Частота происходящих в Европе терактов и очевидная неготовность европейских спецслужб противостоять им доказывает, что без переосмысления фундаментальных общественных установок и идеологием правящих элит страшную тенденцию переломить не удастся. А такое переосмысление дается нелегко» [7].

Если в первой половине XX века европейский вклад в обеспечение международной безопасности преобладал, то после Второй мировой войны гегемония США стала очевидной – особенно после гибели мировой системы социализма. Теперь же европейские силы должны быть преимущественно направлены на свою собственную защиту и на стабильность их политической и

правовой среды, как того требует Глобальная стратегия. Современный переходный период плох и опасен тем, что трудно согласовать институциональные и коллективные взгляды с отдельными международно-политическими субъектами, поскольку восприятие рисков и угроз фрагментировано и мозаично.

Глобальная стратегия ЕС рассматривается как стратегический план, учитывающий автономию, но основанный на стандартах мирового порядка и направленный на «обеспечение мира и безопасности в пределах и за пределами его границ». Для такого амбициозного видения необходимо иметь политическую самобытность и обладать потенциалом, который еще предстоит построить. Статус международного актора требует прогнозирования эволюции международно-правового контекста и его адаптации к нему, определения желательного регионального порядка, планирования стратегии действий, оказания желаемого влияния и получения необходимых средств для достижения поставленных целей. Для этого необходима действенная защита интересов европейских государств – как международно-правовая, так и чисто военная. Что же предпринимается для этого на европейском континенте сегодня?

С учётом эволюции существующего стратегического контекста Европейский союз рассматривает возможность укрепления своего потенциала в области безопасности и обороны. Глобальная стратегия ЕС не превысила полномочия, определённые пунктом 2 статьи 42 Договора о Европейском союзе. Как нам представляется, Стратегия не рассматривает возможность коллективной обороны, поскольку «НАТО остаётся основным ориентиром для большинства государств-членов ЕС». Напротив, приоритетом является активизация усилий и наращивание общего потенциала, а не выделение сил на решение конкретных задач. В Стратегии говорится: «как европейцы, мы должны взять на себя большую ответственность за нашу безопасность. Мы должны быть готовы и способны реагировать и защищаться от внешних угроз. Хотя НАТО существует для защиты своих членов от внешних нападений, европейцы должны быть лучше подготовлены, обучены и организованы, чтобы действительно внести решительный вклад в такие коллективные усилия, а также действовать автономно в тех случаях, когда это необходимо» [2].

Уровень амбиций по отношению к европейской стратегической автономии варьируется в зависимости от различных деклараций. Так, Председатель Европейской Комиссии Жан-Клод Юнкер стремился к самообеспеченности, для того чтобы не полагаться на какую-либо стороннюю помощь, в то время как в Глобальной стратегии автономия направлена на разрешение самостоятельных действий, хотя при необходимости и подразумевает сотрудничество с НАТО.

Помимо одного лишь желания, получение самого статуса стратегического актора зависит от реализации власти, от поставленных целей и предпринятых реальных действий. В связи с первоначальными амбициями Председателя Европейской Комиссии Жан-Клода Юнкера или Верховного представителя Европейского союза по иностранным делам и политике безопасности Федерики Могерини, франко-германское предложение, внесенное в сентябре 2016 года, требовало более тесного сотрудничества между государствами-членами для

достижения необходимого потенциала, но при этом ясно, что основная ответственность за защиту собственных геополитических интересов лежит все же на каждом государстве-члене.

Сотрудничество, которое можно обозначить образно как «по требованию», вряд ли будет способствовать реальной интеграции. Согласно пункту 1 статьи 42 Договора о Европейском союзе, его деятельность направлена за пределы территории Союза на общие цели, такие как обеспечение поддержания мира, предотвращение конфликтов и укрепление международной безопасности. Как и Договор о Европейском союзе, так и Глобальная стратегия, то есть оба эти документа, ссылаются на необходимость общей обороны, однако они все же обходят стороной упоминание о территориальной защите, которая по-прежнему молчаливо и прямо делегирована блоку НАТО в соответствии с различными договорами. Это в свою очередь ограничивает Союз в праве проведения крупномасштабных военных операций, и, в соответствии с Общей политикой безопасности и обороны Европейского союза, все сводится к гражданским и военным неисполнительным миссиям.

В так называемом сотрудничестве «по требованию» приоритетом является развитие коллективных навыков в форме совместных действий. Так, 30 ноября 2016 г. Европейская Комиссия представила План действий по европейской обороне (European Defence Action Plan), в соответствии с которым был создан Европейский оборонный фонд (European Defence Fund), мероприятия которого будут направлены на более эффективную поддержку расходов государств-членов в «общих оборонительных возможностях, укрепления безопасности европейских граждан и продвижения конкурентоспособной и инновационной промышленной базы» [6]. Не ставя под сомнение необходимость создания промышленной и технологической базы европейской обороны, все же её развитие не оправдывается промышленными и экономическими целями, а подчинено определённой стратегии. При разработке такой стратегии определение возможностей для достижения результатов с помощью Плана действий по европейской обороне зависит от сложного процесса переговоров между государствами-членами, который может привести к тому, что реальные возможности будут существенно отличаться от оперативных концепций.

25 июня 2018 г. министрами обороны девяти государств Европейского союза был подписан меморандум о намерениях, согласно которому была создана новая структура под названием «Европейская инициатива военного вмешательства» под руководством президента Франции Эммануэля Макрона [17]. Указанное сообщество будет иметь общий бюджет и доктрину, которая устанавливает свои руководящие принципы для совместных действий и планирования непредвиденных обстоятельств, в которых блок НАТО не участвует. Инициатива пока не встроена в рамки Общей политики безопасности и обороны Европейского союза. Однако логика инициаторов заключается в том, чтобы использовать «Европейскую инициативу военного вмешательства» в качестве способа демонстрации Вашингтону, что европейские страны привержены задаче сохранения собственной безопасности, развитию военного потенциала и передаче оборонных расходов значимым образом. Благодаря своей

гибкости данный механизм не создаёт дополнительных институциональных слоёв, и ожидается, что все более частые контакты между представителями государств ускорят процесс принятия решений в кратчайшие сроки, для того чтобы справиться с возникающими кризисами в обстановке стратегического значения для Европы.

Подведем итоги. Защита Европейской территории является стратегической необходимостью, которая требует использования международного права и власти во всех её формах, однако Европейский союз пока полностью не обладает такими возможностями. Чтобы сократить разрыв между текущей реальностью и желанием, ЕС необходимо будет разработать и принять комплексную программу европейской обороны. Однако создание европейской военной державы в этих условиях представляет собой задачу высокого уровня сложности, как в силу стратегических расхождений, так и относительно способности европейских государств адаптироваться к текущей эволюции сложного стратегического контекста в условиях цивилизационного противостояния.

Другим европейским вариантом защиты своей территории является укрепление «трансатлантической связи» и дальнейшая адаптация к НАТО. Эта связь расширит возможности ЕС как стратегического субъекта, его способность обеспечивать международную безопасность или свободный доступ к достояниям, привнесенным глобализацией, которые многим европейским интеллектуалам представляются довольно сомнительными [13]. Без укрепления самого Европейского Союза существует опасность того, что за появлением союзной сплоченности будет процветать двусторонние отношения между европейскими странами и Вашингтоном в ущерб всему проекту ЕС.

Все альянсы, которые были в мировой истории, имели лидера, и в Организации Североатлантического договора роль США остается неоспоримой и по сей день. ЕС должен выбирать между своим ростом в качестве стратегического актора, опираясь на Североатлантический Альянс, или же пытаться проводить самостоятельную политику. В любом случае, он должен будет вести себя как менее бюрократический и более стратегический участник международных отношений, потому что международная безопасность во многом зависит от вклада Запада. В то время как вклад США сокращается из-за «усталости» американской экономики или политической перебалансировки, международная безопасность в условиях цивилизационного противостояния требует большего европейского участия.

В современных реалиях активизация «трансатлантической связи» означает, независимо от справедливого вклада в укрепление военного потенциала, необходимого для осуществления власти союзниками, решительное политическое соглашение об использовании военной мощи, что означает совместное видение мирового порядка, которого необходимо достичь. Именно здесь ЕС должен оказывать действенное влияние. Если же по обеим сторонам Атлантики возобладают различные представления о мировом порядке, то результирующий сценарий будет непредсказуемым, тем более если из этих представлений будет исключена Россия как геополитический актор, становящийся все более активным в современных цивилизационных конфликтах.

Библиографический список

1. Безопасность Европы: коллективная монография. М.: Весь мир, 2011. 748 с.
2. Глобальная стратегия Европейского Союза по внешней политике и политике безопасности // [Электронный ресурс] URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eu_global_strategy_ru.pdf
3. *Ковалев А.А.* Информационная политика и военная безопасность России в эпоху противостояния цивилизаций: теоретико-методологические аспекты проблемы. СПб.: издательский центр Поликона, 2016. 196 с.
4. Конфигурация нового миропорядка: проекты и реальность: коллективная монография. Новосибирск: НГУЭУ, 2015. 291 с.
5. Международная интеграция и интеграционное право: учебник для бакалавриата, специалитета, магистратуры и аспирантуры / под общ. ред. В.А. Шамахова, В.П. Кириленко, С.Ю. Кашкина. СПб.: ИПЦ СЗИУ – фил.РАНХиГС, 2017. 877 с.
6. Могерини представила План действий в сфере европейской обороны // [Электронный ресурс] URL: https://eeas.europa.eu/generic-warning-systemtaxonomy/404_ru/16279/Могерини%20представила%20План%20действий%20в%20сфере%20европейской%20обороны
7. *Сурма И.В.* Философия безопасности в контексте актуальной геополитики // Вопросы безопасности. 2016. № 6. С. 15-23.
8. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2014.-571 с.
9. *Шамахов В.А., Ковалев А.А.* Военная безопасность России и информационная политика страны в эпоху конфликтного противостояния цивилизаций. М.: РИОР, 2019. 184 с.
10. *Юрьева Т.В.* Проблемы региональной безопасности: современный опыт Европы // Вестник МГИМО Университета. 2010. № 6. С.126-133.
11. *Brownlie I.* Principles of Public International Law. New York: Oxford University Press, 2008. p. 19.
12. *Domingo R.* The New Global Law. Cambridge University Press, 2010. p. 15-18.
13. *James P., Steger M.* Ideologies of Globalism // Globalization and Culture: Vol.4. London, Sage Publications, 2010.
14. *Jonathan I., Rosaldo R.* Introduction: A World in Motion. The Anthropology of Globalization. Chichester. Wiley-Blackwell, 2002.
15. *Pellerin-Carlin T.* What European security and defence policy? // Notre Europe-Jacques Delors Institute, 14/XII/2016
16. Revitalizing CSDP towards a comprehensive, realistic and credible Defence in the EU septembre de 2016 // [Электронный ресурс] https://www.senato.it/japp/bgt/showdoc/17/DOSSIER/990802/3_propositions-franco-allemandes-sur-la-defense.pdf.
17. The European Intervention Initiative: a New Military Force Established in Europe // [Электронный ресурс] URL: <https://www.strategic->

Влияние геополитических факторов на обеспечение военной безопасности Российской Федерации*

Введение

В постиндустриальной цивилизации стратегия геополитических отношений основывается, по большей части, на геоэкономической парадигме. Эта парадигма базируется не только на завоевании территорий, овладении экономическим пространством или ресурсными базами, но и направлена на внедрение своего видения будущего и навязывание своей политической воли наиболее мощными акторами международных отношений. Реализация политических интересов ведущих держав приводит к их цивилизационному противостоянию, в котором одной из ведущих интенций является стремление к экономическому доминированию. Но в современную эпоху стратегические цели реализуются и достигаются с учетом геополитических интересов, исследование которых становится ныне все более актуальной задачей. Поэтому в этой статье мы рассмотрим основные аспекты влияния геополитических факторов на обеспечение военной безопасности нашей страны.

Материалы и методы

Методология исследования данной работы закономерно предполагает использование диалектического, историко-логического и историко-сравнительного методов, а также конкретно-политологических методов (ситуационный анализ, ивент-анализ, метод экспертной оценки).

Рассмотрим основные теоретические материалы, которые имеются в распоряжении исследователя, обращающегося к проблеме влияния геополитических факторов на военную безопасность страны.

Прежде всего, главным геополитическим фактором является занимаемая государством территория, т. е. исторически сложившееся жизненное пространство того или иного социума, включающее земельные ресурсы, недра, полезные ископаемые и др. Большинство войн во всемирной истории возникало из-за спорных территорий и желания овладеть их богатствами. Десятки философских учений возникло для оправдания захватнических стремлений: от Аристотеля, который еще в IV в. до н. э. говорил о войнах справедливых и несправедливых, до З. Бжезинского, обосновывавшего ведущую роль США на «геополитической шахматной доске». От главного геополитического фактора – территории – зависят и все остальные. Отсюда геополитику в теоретическом плане нужно рассматривать как науку о территориальных интересах государства.

* Ковалев А.А. Влияние геополитических факторов на обеспечение военной безопасности Российской Федерации // Управленческое консультирование. – 2018. – №6. – С.53-62.

А интересы эти можно защищать как мирными, так и военными средствами. В современную эпоху наблюдается невиданный ранее, качественно новый симбиоз военных и невоенных, прежде всего, информационно-политических, средств защиты геополитических интересов.

После исчезновения с политической карты мира СССР как исторической России сложился, по сути дела, однополярный мир, в котором доминирует одна сверх-держава – США, отстаивающая и проводящая в жизнь свои геополитические интересы агрессивной политикой глобализации. Эта политика включает целый комплекс насильственных, в том числе военных, методов, а также самых разнообразных способов социокультурного, экономического и политического воздействия, целью которого является навязывание американского образа жизни и либеральных ценностей. Территориальные претензии США к странам, богатым нефтью и другими природными ресурсами, но не принадлежащими к европейскому цивилизационному сообществу, оборачиваются прямым вооруженным вмешательством во внутренние дела этих стран (Афганистан, Сирия) и их фактическому уничтожению (Ирак, Ливия).

Сегодняшняя геополитическая стратегия США основана в основном как на геоэкономической конкуренции, так и на управлении национальными рисками. Эта стратегия направлена на упрочнение своей собственной политической системы и на подрыв социальной, политической и экономической систем своих оппонентов. Причем старый имперский принцип Британской империи «разделяй и властвуй» используется Соединенными Штатами в полной мере даже в отношениях с Европейским союзом, находящимся под их действенным и порой агрессивно-навязчивым влиянием.

Во второй пол. XX – нач. XXI вв. произошел переход от статистического к динамическому использованию пространства, которое выразилось монополизацией контроля над потоками информации, капиталов, рабочей силы. В связи с ростом экономического могущества Китайской Народной Республики и растущей геополитической активностью России по пути возрождения русской цивилизации возможно перераспределение влияния мировых центров силы. Стоит отметить, что некоторые политологи отмечают, что спад экономического потенциала и могущества США очевиден. Из придерживающихся такого мнения ученых следует назвать, прежде всего, историка Альфреда Уильяма Маккоя из Университета Висконсин в Мэдисоне⁵. Делается вывод, что эти процессы неизбежно приведут к ослаблению позиций этой сверхдержавы на международной арене, возможному появлению новых геополитических центров и воссозданию многополярного мира.

4 декабря 2014 г. Президент России В. В. Путин в Послании Федеральному собранию отметил: «Надо с уважением относиться к законным интересам всех участников международного общения. Только тогда не пушки, ракеты или боевые самолеты, а именно нормы права будут надежно защищать мир от

⁵ Alfred W. McCoy. The Decline and Fall of the American Empire: Four Scenarios for the End of the American Century by 2025. The Huffington Post, 6 Dec 2010.

кровопролитных конфликтов»⁶ [5]. Но это пожелание в современных геополитических условиях и состоянии противостояния цивилизаций, к сожалению, фактически невыполнимо. И говорить о сглаживании противоречий и уменьшении цивилизационного противостояния сегодня не приходится.

Напротив, современная международная обстановка свидетельствует о том, что политические конфликты все более и более обостряются. Территориальные претензии решаются чаще всего военной силой, но и сама война приобрела за последние годы новые, ранее просто невозможные формы. Ежедневно со стороны противоборствующих цивилизационных конгломератов звучат воинственные декларации и чрезвычайно угрожающие заявления. В условиях уменьшения авторитета и неэффективности международных институтов, отвечающих за поддержание и укрепление мира, в сфере безопасности опять стала преобладающей доминанта силового компонента.

При этом происходящий процесс глобализации наложил свой отпечаток не только на геоэкономические и геополитические структурные изменения, но и на организацию и функционирование системы обороны и политики безопасности современных государств, так как вопросы безопасности перестали быть чисто внутренним делом государств, а сместились в надгосударственную и наднациональную плоскость. Этому способствовала динамика роста локальных межгосударственных конфликтов малой интенсивности к XX – нач. XXI вв., а также активное внедрение на геополитическое поле такой концепции, как «теория хаоса», и переформатирование существовавшей некоторое время архитектуры монополярного устройства мирового сообщества.

Во второй половине XX столетия общим местом в концепциях политологов и действиях политиков-практиков была интенция на создание международной системы коллективной безопасности. Приведем типичный для такой парадигмы пример определения системы коллективной безопасности: «Система безопасности, созданная усилиями нескольких государств или всего мирового сообщества для предотвращения или нейтрализации различного рода угроз (экономических, военных, экологических и др.) существованию и развитию человеческой цивилизации на региональном или глобальном уровне» [2].

В современную эпоху начинает складываться парадигма, основной чертой которой является стремление ведущих государств – игроков на международной арене – усилить переформатирование и укрепить собственные системы национальной безопасности. Ведущую роль здесь играет цивилизационное противостояние. Мы уже обращались ранее к исследованию современных цивилизационных противоречий, которые могут привести к «мировому пожару», и которые необходимо учитывать при построении стратегических и тактических действий в области военной безопасности [4].

Здесь отметим лишь, что наиболее значимыми и опасными противоречиями являются, на наш взгляд, следующие: 1) противоречия между интересами России и странами Европейского союза, бездумно следующими в фарватере

⁶ Послание Президента РФ В. В. Путина Федеральному собранию РФ от 4 декабря 2014 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/news/47173>

американской политики; 2) противоречия между утратившей статус сверхдержавы Россией и сверхдержавой Соединенными Штатами Америки; 3) противоречия между США и развитыми странами Европы, с одной стороны, и со всем остальным миром, с другой, включая Россию. За последние двадцать лет лидеры Соединенных Штатов были твердо уверены в том, что их страна приобрела статус единственной сверхдержавы. Но такого рода самоуверенность может стать опасной для любой державы. Отметим, что однополярный мир противоречит, по мнению автора, фундаментальным законам диалектики.

Объективно России как державе, начинающей проявлять все большую геополитическую активность, выгоден рост противоречий как внутри самого Европейского союза, так и между ЕС и США. Выход Британии из Еврзоны и растущее число протестных настроений в странах Европейского союза, связанных с притоком мигрантов из Азии и Африки, может стать дестабилизирующим фактором для ЕС. А распад Евросоюза будет объективно содействовать решению многих геополитических вопросов в пользу России. И в этой связи компонент военной мощи российского государства опять стал преобладающим аргументом при решении спорных геополитических вопросов.

Следует понимать, что формирование объективных геополитических моделей дает возможность объяснить не только уже сложившуюся геополитическую структуру и соотношение сил на международной арене, но и дать объяснение направлениям и ключевым факторам геостратегии государств в направлении постоянной экспансии. Экспансия предполагает навязывание готовых образцов социально-экономического, политического и культурного развития без какого бы то ни было взвешенного учета различия между цивилизациями. Уже четверть века глобализация осуществляется по унифицированным американским стандартам, причем демократию (феномен, свойственный исключительно европейской цивилизации) пытаются насильственно насадить в регионах с совершенно противоположной исторической традицией.

Поэтому современная модель геополитической архитектуры должна основываться на двух основных тезисах: уход в прошлое монополярного атлантизма и формирование многополярной модели геополитического сообщества. Период монополярного протектората и контроля США в сфере международных отношений заканчивается, и как любое завершение определенного этапа развития мирового сообщества и цивилизации, это чревато эскалацией напряженности из-за возникновения многовекторной комбинации интересов и различных возможностей участников данного процесса.

На формирование современной геополитической напряженности наложили свой отпечаток самые разнообразные факторы. Мы отметим лишь ведущие среди них:

- 1) цивилизационное противостояние,
- 2) усиление значимости некоторых геополитических акторов (например, КНР) и ослабление роли конгломератов (например, ЕС),
- 3) абсолютно беспрецедентная комбинация представлений на формирование нового мирового порядка, который мог бы отразить и сбалансировать возникшую

на сегодняшний момент геополитическую ситуацию. Существующая ситуация в современном мировом сообществе уникальна еще и тем, что происходит кризис не только системы и институтов международных отношений, но и кризис структурно-цивилизационный, который совершается одновременно на геополитическом, геоэкономическом и духовно-культурном уровне.

На наш взгляд, вышеперечисленные обстоятельства в очередной раз подтверждают концепцию Г. Моргентау [7], согласно которой все цели внешней политики должны определяться вектором национального интереса и поддерживаться соответствующей силой, т. е., согласно «железному закону политики», во все времена между государствами определяющими выступают именно силовые отношения. Самосохранение системы международных отношений основывается на поддержании в ней динамического равновесия разных, иногда абсолютно противоположных интенций государств как составных элементов этой системы. Но данное равновесие, как и любая саморазвивающаяся система, рано или поздно приходит к необходимости более или менее существенных изменений – «перезагрузки», говоря популярным ныне языком.

Попытки максимальной реализации собственных национальных интересов отдельными участниками процесса либо вызывают недовольство остальных участников, а соответственно провоцируются ответные противодействующие движения, либо ставят всю систему в монопольную зависимость от одного определяющего фактора. Эту мысль наглядно иллюстрируют современные отношения между США и Европейским союзом, многие развитые страны которого недовольны взятой на себя США ролью «старшего брата». Но главная опасность состоит в том, что Соединенные Штаты порой стремятся играть роль Большого Брата в оруэлловском смысле, а такие интенции рано или поздно вызывают перенапряжение и эскалацию противостояния всех участников системы.

Именно подобный процесс мы и наблюдаем в современных геополитических отношениях. Связано это прежде всего с тем, что в системе международных отношений отсутствует единая, четко обозначенная и общественно признанная структура управления, а следовательно, данная система относится к категории систем стихийного регуляционного механизма. Поэтому происходит постоянное противоборство интересов и позиций, интересов и обстоятельств между государствами, что до последнего момента и являлось нормой функционирования общепризнанной системы международных отношений. Но на данном этапе эта система в таком ее виде стала неэффективной, так как, во-первых, в нее были изначально заложены субъективные факторы тех геополитических акторов, которые ее формировали, поддерживали и продолжают контролировать, а во-вторых, произошло значительное смещение векторов сил, в первую очередь это касается усиления геополитического веса Китайской Народной Республики и Российской Федерации.

При этом также следует понимать, что мощь государства состоит из совокупности факторов экономического, политического и военного потенциала, она направлена как на отстаивание своих позиций на международной арене, так и

на обеспечение внутривнутриполитического развития и функционирования государства. В этом контексте каждое государство является носителем, а следовательно, и субъектом силы, а сама система международных отношений выступает непосредственным объектом деятельности государств.

С одной стороны, стабильность системы международных отношений базируется на равновесии межгосударственных отношений всех стран, пребывающих в процессе постоянного национального, политического, экономического и социокультурного эволюционного развития. С другой стороны, для того чтобы система развивалась, нарушение данного баланса является аргументированным и непременным условием. Но, как следствие нарушения этого баланса, происходит эскалация конфликтности в межгосударственных отношениях. Таким образом, геополитика, как и экономика, развивается по циклическому сценарию. Рост общемировой конфронтации свидетельствует о том, что существует острая необходимость в переформатировании и внесении структурных корректив в существовавшую систему межгосударственных отношений.

При этом необходимо отдавать себе отчет в том, что если не отслеживать и не контролировать данные пики эскалации структурных сдвигов в международных отношениях, то возникает угроза перехода из фазы тотального международного кризиса в фазу общемирового вооруженного конфликта – войну. Однако в любом случае с учетом цикличности геополитических отношений, на одной из стадий международного конфликта формируется новая архитектура баланса сил в обновленной системе международных отношений, с учетом изменений в элементах и самой структуре системы. Следовательно, международные конфликты разного уровня интенсивности и напряженности являются логичным этапом развития системы международных отношений.

Несмотря на то что до сегодняшнего момента в условиях постиндустриального этапа развития мирового сообщества наиболее развитые страны уже более половины столетия решали вопросы без вооруженных серьезных конфликтов, это объясняется только одним аргументом: конфронтационная форма выяснения отношения является губительной и отсюда контрпродуктивной. Но в условиях процессов агрессивной глобализации и насильственной интеграции наметилась явственная тенденция к тому, что более развитые государства современного сообщества усиливают и совершенствуют свою сферу обороноспособности.

Следует иметь в виду и то обстоятельство, что ведущую роль при формировании глобального постиндустриального мирового сообщества играли лишь несколько стран. Именно эти страны не только создали проект «дивного нового мира» (если вспомнить без всякой иронии Шекспира и Хаксли), но и готовы отстаивать и навязывать свои интересы всему современному международному сообществу, в том числе используя при этом и фактор силы. Ведь войну можно политкорректно назвать «операцией по принуждению к миру», убийство мирных граждан – «зачисткой территорий», а стремление захватить богатые природными ресурсами страны неевропейской цивилизации – «необходимостью борьбы с терроризмом». Нестабильность современного

сообщества, столкновение и конфронтация цивилизаций Запада и Востока позволяют внедрять в жизнь современного общества агрессивные идеологии, религиозный фундаментализм, шовинизм, национализм, т. е. тот самый инструментарий, который способен нарушить существующую систему международных отношений и привести к полной дестабилизации мирового сообщества.

Результаты

Систематизируем изложенный выше теоретический материал. Прежде всего отметим, что на сегодняшний день сформировался также целый ряд моделей взаимоотношений государств – от простой классической формы двухсторонних отношений до отношений коалиций, основанных на объединении вокруг совпадающих интересов, либо вокруг интересов доминирующего лидера. Также третьей стороной, регулирующей межгосударственные отношения, может выступать надгосударственная структура, имеющая на это определенные полномочия – ООН, ОБСЕ, НАТО и т. п.

На современном этапе развития международных отношений военную безопасность любого государства необходимо рассматривать не только как систему, предназначенную для предотвращения или минимизации деструктивных последствий военно-политического противостояния, а как симбиоз осознанных и продуманных действий по мониторингу, анализу, прогнозированию, предотвращению или пресечению угроз и опасностей, исходящих от внешних оппонентов, включая как отдельные государства, так и надгосударственные структуры.

Кризис современного геополитического процесса, как нами было отмечено ранее, связан не только со структурными и институциональными изменениями самого общества, но и с попытками ряда государств и негосударственных акторов, используя свой экономический и политический потенциал, не только выражать и лоббировать свои интересы, но и откровенно навязывать свою геополитическую позицию. Это не могло не привести к эскалации нестабильности как на общемировом, так и на региональных уровнях. В идеале в механизме обеспечения военной безопасности современного государства должны начать играть все большую роль невоенные, несиловые его компоненты. Приоритет должен отдаваться использованию дипломатических, переговорных, политико-правовых и социально-экономических методов предупреждения и разрешения конфликтных ситуаций, без трансформации их в форму военных угроз и опасностей.

К сожалению, современная ситуация не дает оснований для оптимистичных прогнозов. Видимо, мир вступает в новый период, который можно назвать новой «холодной войной». Мы согласны с мнением современных российских исследователей: современное сообщество, не научившись содействовать и взаимодействовать в формате мирных отношений как базовой модели взаимодействия, постоянно в скрытой или открытой форме наращивает военные ресурсы, а гарантом защиты является только присутствие в одном из военно-политических союзов, и, таким образом, нарушены все основные принципы, которые были сформулированы и заложены после окончания Второй мировой

войны в существовавшую донные систему обеспечений международной безопасности [5].

В сложившейся ситуации глобальной геополитической трансформации эффективность обеспечения военной безопасности, в первую очередь, формируется с помощью методов мониторинга и аналитического прогнозирования военно-политической обстановки как в общемировом, так и на региональном и внутригосударственном уровнях. На сегодняшнем этапе сформировалась очевидная потребность в методологической и правовой разработке и введении в практическую деятельность международных отношений договоров и законов, запрещающих агрессивное применение невоенных средств, определив механизм и инструментарий информационной войны как одной из форм войны классической. Действенная информационная политика в современную эпоху может привести к победе в войне или же существенно способствовать таковой.

Структурно военную безопасность можно представить тремя взаимосвязанными уровнями: 1) общественный уровень, формирующий общественные отношения, включающие в себя и необходимость обеспечения военной безопасности; 2) государственный уровень, на котором происходит разработка и формирование концепции обеспечения военной безопасности; 3) военный уровень, на котором происходит непосредственное воплощение решений и действий по обеспечению военной безопасности в мирное и военное время.

Делая свой стратегический выбор за последние четверть века, Российская Федерация несколько раз модернизировала и корректировала свой политический курс развития [1]. Связано это, прежде всего, с напряженными отношениями, которые сформировались за последние несколько лет по оси США-РФ, с характерным стремлением Вашингтона не дать возможности усилению России как центра силы и притяжения в постсоветском регионе. Опасения США строятся на том, что Российская Федерация выступает динамично развивающимся государством, твердо отстаивающим свои позиции на международной арене в условиях происходящего геополитического противостояния.

Проблемы геополитики, затронутые в настоящей статье, трактуют по-разному. Причем определения самой геополитики значительно отличаются друг от друга, но в их обсуждении неизменным остается констатация связи геополитических факторов и военной безопасности. Приведем определение профессора В. А. Золотарева, доктора исторических и юридических наук, которое совпадает с позицией автора: «Под геополитикой понимается система научно обоснованных и официально принятых взглядов руководства одного государства или коалиции государств на их географическое положение и роль в мировом сообществе в политическом, экономическом, военном и других отношениях, реализуемых в практической деятельности с целью удержания ведущего положения в мире или регионе и обеспечения национальных и государственных интересов» [3, с. 8].

Политолог из Германии Гайнц Брилл рассматривает геополитику как «геопространственные, внешнеполитические акты великих держав в контексте

геостратегии» [8, с. 21]. Брилл подчеркивает, что геополитика – политическая интерпретация географических обстоятельств, она возникла из политической географии и первоначально находилась в оппозиции к ней [8, с. 19].

К сожалению, некоторая теоретическая слабость отечественной геополитики объясняется тем, что в СССР эта наука, наряду с генетикой, кибернетикой и сравнительной лингвистикой, понималась как лженаука со всеми вытекающими отсюда пагубными последствиями для тех ученых, которые все же имели смелость утверждать необходимость разрабатывать и учитывать созданные геополитические концепции. А ведь Советский Союз как историческая Россия имел обширнейшие как сухопутные, так и морские границы. Поэтому геополитические интересы великой державы – признавали ли ее первые лица реальность этих интересов или же нет – были весьма многосторонними и требовали комплексной защиты, в том числе и прежде всего – военными средствами.

В обсуждении проблем геополитики эту науку часто характеризуют как удачный междисциплинарный термин, относящийся к социальным дисциплинам, а порой – навешивают на нее ярлык околонучного, идеологизированного неологизма, порожденного западноевропейским интеллектуализмом. Мы полагаем, что статус геополитики как особого политолого-социологического подхода к изучению соотношения между географическим положением государств, их внешней политикой и состоянием военной безопасности вряд ли целесообразно ныне подвергать сомнению.

Заслуживает внимания одно из последних исследований, увязывающих проблемы геополитики и безопасности страны, в том числе и безопасности военной. Это исследование 2010 г., принадлежащее перу Е.А. Ходаковского «Политическое развитие и безопасность Российского государства в системе гецивилизационных взаимодействий Запада и Востока» [6], в котором автор дает целостное рассмотрение основных угроз военной безопасности, существующих для России.

Заключение

В заключение нашего краткого исследования сделаем ряд выводов. Современная геополитика, которая в нашей стране уже четверть века не рассматривается лишь как «буржуазная наука», вынуждена иметь дело с постоянно, лавинообразно меняющейся политической реальностью. Изменениям подвергается не столько политическая карта мира, сколько цивилизационные союзы, возникшие после крупнейшей геополитической катастрофы новейшей истории – распада СССР как исторической России. В связи с возросшей геополитической активностью РФ можно говорить о ее активном включении в процесс противостояния цивилизаций.

Меняющиеся геополитические факторы действительно воздействуют на военную безопасность акторов цивилизационного противояния, которое в ряде регионов мира перетекает в прямые военные конфликты. Вопросы безопасности в ядерную эпоху перестали быть чисто внутренним делом государств, а сместились в надгосударственную и наднациональную плоскость. Современная военная безопасность осуществляется не только поддержанием на

должном уровне сугубо военной мощи, но и адекватным развитием информационной политики, соответствующей внутри и внешнеполитическим реалиям.

Геополитические претензии должны быть должным образом сформулированы и обоснованы, а противоречия решаться, по преимуществу, методами информационной войны, а лишь затем следует допускать возможные реальные военные действия. В современную эпоху наблюдается невиданный ранее, качественно новый синтез военных и невоенных, прежде всего, информационно-политических, средств защиты геополитических интересов.

Библиографический список

1. *Аминов И.Р.* О фундаменте национальной безопасности России // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2015. № 2 (27). С. 56–62.
2. Гражданская защита. Понятийно-терминологический словарь. М.: Флайст, Информационно-издательский центр «Геополитика», 2001.
3. *Золотарев В.А.* Военная безопасность Государства Российского. М.: Кучково поле, 2001.
4. *Ковалев А.А.* Информационная политика и военная безопасность России в эпоху противостояния цивилизаций: теоретико-методологические аспекты проблемы: монография. СПб.: Поликона, 2016.
5. *Старостин А.М., Самыгин С.И., Верещагина А.В.* Эволюция войны и многообразие ее форм в условиях кризиса национальной идентичности и динамики угроз информационной безопасности современного общества // Социум и власть. 2016. № 5 (61). С. 49–54.
6. *Ходаковский Е.А.* Политическое развитие и безопасность Российского государства в системе гецивилизационных взаимодействий Запада и Востока: дис. ... д-ра полит. наук. М., 2010.
7. *Bain W.* Deconfusing Morgenthau: Moral Inquiry and Classical Realism Reconsidered // Review of International Studies. 2000. Vol. 26. N 3. P. 445–464.
8. *Brill H.* Geopolitische Analysen. Beiträge zur deutschen und internationalen Sicherheitspolitik. 2. Auflage. Bissendorf, Biblio-Verlag, 2008.

Влияние процессов глобализации и регионализации на вопрос национальной и государственной безопасности: путь от экономики до геополитики*

Исходя из международной исторической и экономической практики, необходимо отметить, что любой экономической (финансовый, банковский) или социальный кризис является закономерным результатом развития любой из сфер жизнедеятельности общества, так как выступает не как результат действий, а как

* Ковалев А.А. Влияние процессов глобализации и регионализации на вопрос национальной и государственной безопасности: путь от экономики до геополитики // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2017. – Т. 13. – № 6. – С. 1150-1161.

форма отражения одной из фаз цикла системы. Так, к примеру, экономика является одной из наиболее ярких примеров именно взаимосвязанности, взаимовлияния и обобщающего характера этой системы. Связано это прежде всего с эффектом саморегулирования, определяющего границы и этапы развития, обеспечивающего импульс своего развития и самоопределение точки бифуркации в этом процессе, определяющего состояние равновесия во временном, количественном и качественном преобразовании системы.

Современная цивилизация вступила в фазу перерождения, модернизации и трансформаций, что обосновывает логичность и предсказуемость появления парадигмы кризисных явлений в национальных экономиках и, как результирующее следствие, общий структурный кризис мировой экономики. В первую очередь эта тенденция связана с факторами влияния процесса глобализации и существующего на сегодня цивилизационного противостояния, с попыткой унификации не только экономического пространства, но и социально-политического, национально-духовного, интеллектуального, ценностного и нравственного мировоззрения, что формирует ряд опасностей и угроз как сферам национальной и государственной безопасности в частности, так и международной системе безопасности в целом.

Экономическо-финансовые кризисы являются закономерным свойством мировой экономической системы. Но для понимания глубинных причин кризиса необходимо, к примеру, разделять структурно-институциональные, денежные, валютные, и долговые кризисы. Если первые являются экономической реальностью, то относительно долговых можно проследить четкую закономерность использования данного механизма как искусственно создаваемого явления, которое в последнее время все чаще используется как инструмент влияния и воздействия не только в сфере экономики, но и как существенный аргумент геополитического влияния. А этот уже напрямую затрагивает область сферы государственной, национальной и международной систем безопасности. Как видим, анализ кризисного явления только с позиции выборочно взятой сферы не срабатывает или будет неполноценным и необъективным.

Так как современный институциональный социально-экономический кризис является в большей степени производным от структурного общественно-экономического кризиса, вызванного переходом от эпохи индустриальной к эпохе информационной, то выходом из него видится не только перезагрузка или модернизация материально-технологической сферы, но и реформатирование абсолютно всех областей жизнедеятельности сегодняшней цивилизации. И как раз первоначальным, базовым полем может выступить усовершенствование международных и производственных отношений, которые являются лейтмотивом дальнейших институциональных и структурных изменений в обществе.

Происходящий сегодня кризис не выступает деструктивным явлением, разрушающим экономическую систему до основания. Сформировавшись из совокупности составляющих (геополитических, геоэкономических, социально-общественных, глобально-интеграционных) аспектов, он носит характер крупномасштабного институционального «возмущения» из-за перехода системой

(и обществом) своеобразной точки бифуркации. Таким образом, современный кризис приобретает форму синхронизации экономических и геополитических циклов, комплексно и синтезировано объединяя в себе структурные изменения как самого общества, так и созданных им ранее систем. Именно поэтому, исходя из общепризнанной диалектической сущности, кризис несет не только угрозы, но и такую же степень возможностей для модернизации и выстраивания новых институциональных и структурных механизмов в геоэкономической и геополитической системах.

Рассмотрим более подробно факторы и аспекты, повлиявшие на формирование этого переходного периода.

Кризисные явления можно определить как результирующий знаменатель и последствие процессов глобализации и масштабной геополитической и экономической интеграции. В свою очередь, этот аспект был предопределен фактором ресурсного и экологического кризиса цивилизации. Эскалация откровенной борьбы за ресурсы и геополитический и геоэкономический потенциал со своей стороны сформировала тектонические сдвиги в социуме, затронув как общественно-гражданскую, так и ментально-духовную сферы общества. Происходит динамичный распад патриархальных устоев и принципов, моральных и социальных ценностей и правил, что не косвенно, а напрямую оказало влияние на формирование состояния турбулентности, в которое вошло современное общество. Ярким отражением и примером обозначенного процесса, затрагивающего одновременно и социальную, и экономическую плоскости, можно назвать современные миграционные потоки, которые более схожи не с классическим перемещением трудовых ресурсов по периметру «выгоды – невыгодности» своего применения, а выступают формой нового «переселения народов», вызванного в первую очередь уже не экономическим, а именно цивилизационным кризисом.

В свою очередь, катализатором, значительно ускорившим динамику происходящих в обществе деструктивных явлений, стал кризис политической системы, над которой был проведен эксперимент «всеобщей демократизации». С одной стороны, это запустило механизм воплощения в жизнь концепции формирования общественного благосостояния. И этому воплощению были подчинены абсолютно все сферы жизнедеятельности и жизнеобеспечения общества.

Однако данная парадигма оказалась тупиковым вариантом развития общества, так как все ранее названные благие намерения в результате приняли форму «кредитности», то есть за абстрактную социально-экономическую идею социуму приходится расплачиваться абсолютно материальными и осязаемыми вещами – объемом ресурсов, уровнем личной и общественной свободы, своими духовными и нравственными ценностями.

Информационная составляющая современного этапа развития общества определена степенью развития информационно-коммуникативных технологий, уровнем контроля за информационными потоками, механизмами и инструментами ее продуцирования и распространения. Следует понимать, что в большей степени на формирование сегодняшнего кризиса оказывает влияние

динамически нарастающая потребность и способность общества к переработке, передаче и усваиванию информации. И именно поэтому разработка и внедрение новой парадигмы общества, общества именно информационного, скрывает внутри себя целый ряд противоречий. Так, под эгидой растражиженной концепции «свободы слова» и опасности авторитарного контроля над информационным полем происходит процесс унификации и контролируемой концентрации информации теми геополитическими участниками и негосударственными структурами, которые на сегодняшний момент располагают для этого техническими и финансовыми ресурсами и возможностями.

В этом следует согласиться с О.Н. Прокаевой, которая считает, что *«информационные технологии формируют новые способы манипуляции общественным сознанием со стороны более развитых стран в рамках мирового противоборства, и тем самым создают угрозу национальной идентичности»* [1].

Следовательно, динамика прохождения информационной революции, с одной стороны, ускоряет переход общества с фазы индустриального развития в эпоху информационного сообщества, а с другой – формирует целый спектр угроз, которые базируются как раз на факторе уязвимости информационных технологий и применении их деструктивного потенциала.

Поскольку информационное звено современного сообщества приобретает базовую и основополагающую роль в формировании всей его архитектуры, систем и сфер, то именно на информационный фактор возлагается ответственность и основная нагрузка по обеспечению формирования механизмов распознавания индикаторов происходящих и потенциально возможных кризисных явлений, степени их угрозы для личностной, государственной, национальной или мировой безопасности.

Усиление динамики интеграционных процессов в условиях глобализации сформировало взаимозависимость между хозяйствами стран, и этот аспект современной геоэкономики, а также сложная конфликтогенная ситуация на геополитическом поле, создали угрозу трансформирования экономического кризиса в кризис мировой, а не только экономической.

Так, к примеру, происходящий сегодня глобализационный процесс с одной стороны можно рассматривать как форму региональной интеграции, направленной на формирование прозрачного, логично взаимосвязанного и взвешенно контролируемого пространства. С другой стороны, аспект регионализации необходимо рассматривать под углом концепции реакции национальных государств на вызовы глобализации в целях противостояния деструктивным явлениям и влиянию на национальную экономику с использованием механизмов и инструментов противостояния выборочному внешнему протекционизму. Последний аспект стал особенно актуальным в последнее время в связи с политикой агрессивного введения, внедрения и навязывания геополитических и геоэкономических правил функционирования современного общества, которые по тем или иным причинам не желают участвовать в процессе насильственного глобального монополизирования сфер мировой экономики и геополитики, предпочитая развитие по собственному сценарию (как, например, геоэкономическая и геополитическая позиция

Российской Федерации). И это – логичный альтернативный путь свободного суверенного государства. Как верно замечает О.В. Родионова, *«если предлагаемый как образец государственно-правовой институт чужд конкретному обществу и идет вразрез с традициями и обычаями того или иного народа, то очень возможны проблемы «приживаемости» такого явления»*⁷.

Феномен происходящих сегодня геоэкономических и геополитических процессов состоит в том, что, несмотря на внешнюю однонаправленность, взаимовлияние и взаимозависимость, глобализм и регионализм выступают, с одной стороны, как синергетичные взаимодополняющие друг друга, катализирующие факторы, а с другой – как полные антагонисты. Любое региональное объединение уже по своей сути является «мини-глобализмом». Однако именно регионализм выступает оппонентом и инструментом противодействия глобализму, тем самым заявляя себя как абсолютно самостоятельное и самодостаточное явление, обладающее собственными конструкциями, механизмами, целями, логикой и инструментарием для воплощения своих целей. Так, к примеру, в докладе Национального совета по разведке США 2016 г. *«Глобальные тенденции: парадокс прогресса»* прямо говорится, что Россия и КНР в ближайшие пять лет станут не только мощными независимыми региональными лидерами, но и оспорят монопольное влияние США на мировой арене⁸.

В связи с этим существует еще одна историческая и геополитическая задача, решение которой представляется довольно неоднозначным и непредсказуемым. И связано это с тем, что, как пишет проф. СПбГУ И.В. Радиков: *«...перед Китаем стоит комплекс очень серьезных проблем (демографических, экологических, экономических), причем их сочетание таково, что решение одних ведет к усугублению других. Экспансия с целью захвата территорий и природных ресурсов может явиться для КНР возможным способом избежать серьезнейшего кризиса, угрожающего самому существованию этой страны»* [2]. То есть, решая свои внутренние, институциональные и структурные проблемы, Китай потенциально готов переместить накопившееся напряжение в государстве из внутренней среды во внешнюю – даже ценой войны в целях сохранения своей целостности и, собственно говоря, государственности. При этом очевидным фактом является то, что КНР ставит свои национальные интересы выше любой формы системы международной безопасности именно в целях самосохранения, а не испытывая угрозу извне. Именно поэтому возникновение такого триумvirата, как США – КНР – Россия, не только не приветствуется многими геополитическими участниками международных отношений, но и очень похож на шаткий нейтралитет в треугольнике Великобритания – Германия – СССР образца 1938–1939 гг. Это прямо свидетельствует о подготовке международного сообщества к

⁷ Родионова О.В. Глобализация как основной детерминант модификации современного государства // Вестник Ивановского государственного университета. Сер. Естественные, общественные науки. – 2014. – Вып. 1. – С. 27.

⁸ Global Trends. Paradox of Progress, January 2017. URL: <https://dni.gov/files/images/globalTrends/documents/GT-Full-Report.pdf>

любым сценариям развития геополитического противостояния – вплоть до применения силы в разных ее проявлениях.

Несмотря на общность интернализационной природы, глобализм и регионализм имеют достаточно принципиальные отличия. Основой процесса глобализации является унификация абсолютно всех систем существования общества – от технологической, экономической и геополитической мирохозяйственной деятельности до попытки контроля над духовной и ценностной сферами, что сразу же формирует угрозу национальной и государственной безопасности. Со своей стороны, концепция регионализма находит свое выражение в таких аспектах, как самоопределение, самоидентификация, национальная, культурная, географическая и экономическая идентификация и близость. Другими словами, нельзя определять глобализацию как синергию региональных объединений. И именно поэтому мы считаем, что проект общей глобализации является искусственно созданным и искусственно поддерживаемым, а концепцию регионализации – абсолютно естественным явлением в любой сфере жизнеобеспечения общества – как современного, так на любом этапе прошлого или будущего.

Кроме того, транснациональная суть глобализации заключается в перемещении власти с наднационального уровня на глобальный, с ведущей ролью мирового рынка и полной зависимостью от него рынков национальных, пребывающих под тоталитарным контролем извне [3].

Следует четко понимать и осознавать дуализм и системность природы формирования и развития мирового хозяйства и социума. На сегодняшнем этапе это развитие проходит точку социальной, политической, экономической бифуркации, вызывая тем самым как разнообразие научных гипотез, течений и мнений, так и реальное практическое геоэкономическое, геополитическое и социальное противоборство в попытках реформатирования общества. И архиважную роль в данных процессах занимает противостояние политических и экономических центров силы.

В связи с этим необходимо обозначить еще одну негативную черту процесса глобализации, верно и достаточно емко обозначенную С.И. Самыгиным: *«Разрыв связи между транснациональным капиталом и национальной общностью, государством с его территорией и населением, уничтожает социальные обязательства капитала»* [4]. То есть транснациональная сущность глобализации ставит данный процесс выше любой институциональной формы, прав и решений международных или государственных структур, тем самым противопоставляя себя социуму (обществу) в принципе. При этом *«государство само нередко превращается в инструмент получения прибыли»* [4]. Таким образом, возникает угроза любой государственности в частности и всей системе международной безопасности в принципе.

На деструктивный характер описанных процессов указывает тот факт, что процессы экономической, инновационной, культурной и духовной глобализации не интегрируют, а искусственно и планомерно нивелируют любое наличие,

проявление или реакцию региональных, национальных или локальных императивов.

Ярким примером этого выступает тот факт, что, несмотря на эскалацию и динамику практического воплощения проекта глобализации в повседневную функциональную жизнь современного сообщества, даже в своей кульминационной фазе роста данное действие и явление указывает на его искусственность (яркий пример – кризис проекта «Евросоюз»). Это происходит в первую очередь из-за наличия целого ряда противоречий и категоричного и безапелляционного навязывания «правил игры» без каких-либо попыток ведения реального и объективного диалога. Другими словами, вся «логика» процесса глобализации зиждется на полном отсутствии паритетных отношений, где происходил бы не ангажированный учет внутренних объективных и субъективных мнений, правил и ментальности. На поверку разрабатываемая концепция всеобщей демократизации, плюрализма и волеизъявления оказалась скрытой, цинично последовательной и планомерно внедряемой парадигмой тотального контроля и авторитаризма, а по факту – просто ширмой в геополитическом противостоянии государств и идеологий.

Как современная мировая экономика, так и геополитическое поле существования сегодняшнего общества продемонстрировали важность основополагающей роли элемента глобализации в региональном контексте. Однако односторонность и навязчивая необоснованность такого подхода начала проявляться уже в конце XX в. И фактически сотворенный путем ручного (неестественного) управления экономический, геополитический и социально-общественный кризис современности стал результирующим подтверждением того, что концепция глобализации потерпела фиаско в принципиальном и, что самое главное, навязанном противостоянии с концептом регионализации.

В результате такого взаимодействия и противостояния глобальных и локальных экономических, политических и социальных процессов сформировался такой феномен, как противопоставление концепции глобального интеграционного сообщества концепту «справедливого мира» – в его локальном и сетцентричном видении через парадигму децентрализации.

Специфика этого явления заключается в том, что акцент с интернационализации естественным образом был изменен. Вектор парадигмы встраивания локальных национальных и региональных рынков в глобальную экономическую, геополитическую и информационную систему поменял направление на «подстраивание» универсального геоэкономического и геополитического поля под специфику и требования локальных рынков. Таким образом, как альтернативный вариант можно рассматривать стабилизацию международных отношений и устранение обострения противостояния транснациональных и надгосударственных структур с классическими национальными и региональными образованиями, например, в форме таких международных сообществ, как ЕАЭС, АСЕАН, БРИКС, ШОС, ЕврАзЭС, СНГ и др.

Если рассматривать подобные региональные альянсы подробнее, то хотелось бы обратить внимание на их логичность в отношении вопросов сферы

безопасности. Ведь если государства региона успешно осуществляют и соблюдают договорные отношения, то вмешательство или контроль внешней стороны уже в принципе не нужен, так как стороны согласовали все необходимые и важные вопросы и умеют держать их под контролем самостоятельно. В связи с этим отдельной острой политической проблемой выступает вопрос односторонних санкций в международном праве. Являются ли допустимыми в международных отношениях подобные действия, учитывая основополагающий признак суверенитета как «независимость во внешних сношениях»? [5].

Здесь хотелось бы отдельно коснуться вопроса монополизации блоком НАТО права на вмешательство в региональные, межгосударственные и внутригосударственные вопросы. Изначально данный альянс был задуман как военный и геополитический противовес Советскому Союзу и его союзникам. В дальнейшем, после разрушения СССР и Восточного блока, с прекращением Варшавского договора, по факту, миссия НАТО должна была быть завершена. Однако наметилась совершенно иная тенденция – блок не только стал динамично расширяться, вбирая в себя все новых партнеров, но и постепенно взял на себя функцию «международного прокурора» – с правом вмешательства во внутригосударственные и региональные взаимоотношения любых государств, даже вне зоны своих границ, а фактически – в любой точке земного шара. Постепенно стала образовываться своеобразная общемировая политическая и военная коалиция под эгидой обеспечения безопасности ее участников. Последовательно право на собственную безопасность альянса начинает подменяться правом на вмешательство в любую конфликтную геополитическую ситуацию. Таким образом, *«...в итоге, политический истеблишмент Соединенных Штатов фактически может осуществлять в самом произвольном порядке интерпретации тех или иных событий или действий в международных отношениях»* [6].

Однако возникает парадокс. Если, по официальной версии и доктрине блока, его усилия направлены сугубо на оборонительную и миротворческую функции, то к этой похвальной инициативе может, в принципе, присоединиться любой из участников международных отношений, принимающий подобные положения. И, кроме того, все значимые геополитические субъекты могут (при этом некоторые желают, а некоторые просто обязаны) вступить в НАТО, то в таком случае, когда туда вступят все участники международных отношений, возникает ситуация, что система начинает замыкаться на саму себя. Но тогда возникает совершенно логический вопрос: а зачем тогда нужна такая гонка вооружений во главе с главным идеологом НАТО – США, если в результате все со всеми в конце концов договорятся? Не проще ли уже сегодня начать формирование международной системы безопасности – и не путем военной эскалации, не взращиванием блоков и альянсов по целям, интересам и политическому весу, а через консенсус и формирование действенных наднациональных структур? Ответ опять же очевиден: сформирована глобальная система для тотального контроля, а не для поддержания баланса мировой системы безопасности. И это касается как военной, так и геоэкономической и даже социально-информационной и культурно-духовной сфер.

Налицо проведение политики двойных стандартов и сплошная подмена устоявшихся понятий, правил и традиций, сформированных или закрепленных в обществе в целом и международных отношениях в частности [7]. И здесь мы согласны с тем выводом, что: *«...структурное насилие связано не только с экономическим и социальным неравенством, но и с идеологически и культурно мотивированным насилием, сопровождающим реализацию политических проектов, построенных на антимодернизационной риторике»* [8].

При этом обращает на себя внимание целенаправленная подмена западом термина «законный» на «легитимный», и это естественно, ведь критерием «легитимности» проще манипулировать, чем соблюдать законность [9]. А квалифицируя и оправдывая линию по вмешательству во внутренние дела государств, термин «глобализация» (являющаяся свободным движением культур, капиталов, людей, технологий и ресурсов) на практике подменяют термином «глобализм», служащий мощным механизмом по экспорту стереотипов сознания [10].

В это же время Россией во время урегулирования сирийского кризиса была показана возможность и эффективность применения политики, направленной на соблюдение примата международного права путем недопущения нереалистичных политизированных запросов и невозможности силового сценария решения вопроса, способного размыть миропорядок, основывающийся на принципах Устава ООН. Россия, в отличие от большинства государств, участвовавших в урегулировании данного конфликта, смогла выстроить конструктивные отношения с обеими конфликтующими сторонами и при этом сформировать предпосылки для проведения переговорного процесса на международном и правовом уровне [11].

В связи со сказанным, мы считаем логичными выводы Б.Д. Накашидзе, касающиеся постановки вопроса о заключении международного договора, учитывающего новые международные и внутригосударственные реалии, который смог бы эффективно определять, в каких конкретных случаях, кем и для каких целей допустимо «вмешательство» во внутригосударственные или межгосударственные конфликты с использованием в качестве основания гуманитарной миссии [12].

Разумный баланс процессов глобализации и регионализации позволит модернизировать и взять под контроль происходящую трансформацию экономических и геополитических международных отношений, тем самым нивелируя угрозу эскалаций конфликтов, формируемых как раз на почве противостояния негативному влиянию и навязыванию глобализационной парадигмы. Противопоставление же глобализма регионализму приводит к таким геополитическим провалам, какие мы наблюдали и продолжаем наблюдать на примерах Ливии, Ирака, Ирана, Афганистана, Сирии. Некоторыми исследователями вопроса регионализации данное явление трактуется как *«функция описания и анализа реальных процессов передачи властных компетенций, а также является результатом регионализма и одной из его составляющих наряду с региональным самосознанием и региональной*

идентичностью, которые воплощаются в общественно-политических феноменах» [13].

Со своей стороны, регионализм трактуется как последовательный ряд сделок между элитами национального, регионального и транснационального уровней [14]. И на сегодняшнем этапе развития международных отношений наметилась тенденция, когда региональные силы стремятся к взаимодействию с наднациональными структурами без посредничества, функцию которого ранее выполняло государство. Тем самым государство как институт утрачивает свою значимость и влияние, но одновременно возникает опасность утраты его суверенитета [15]. Именно поэтому при рассмотрении вопросов сферы национальной и государственной безопасности следует всесторонне проработать и анализировать данное «типичное» направление в современной политике. Так как в этом случае явно формируется угроза сепаратистских настроений, что явно подтверждается фактом роста количества новых государств, признанных мировым сообществом – с 51 страны в 1945 г. до 193 – в 2011 г.⁹.

Взаимосвязанность, взаимозависимость, взаимовлияние или откровенная противоположность процессов глобализации или регионализации зависят от существующей геополитической тенденции, поскольку данные процессы являются амбивалентными¹⁰.

Сущность синергии мировых экономических и геополитических явлений современного кризиса проявляется в четко обозначенных аспектах и факторах. Наша точка зрения состоит в том, что накопительный деструктивный эффект мирового экономического кризиса является результатом взаимодействия определенных факторов, и по своему эффекту превосходит ожидаемые последствия. Вхождение в мировой экономической, геополитической и социально-общественный кризис и дальнейшее прохождение его точки бифуркации связано с возникновением накопительного эффекта для международных субъектов, а уровень влияния и деструктивности определяется в зависимости от характера их значения и степени роли в развитии системы международных отношений. При этом следует учитывать то, что эффект накопительного фокусирования может иметь как положительную, так и отрицательную сторону, имея соответствующее модернизирующее значение для развития мировой экономики.

Специфика современного мирового экономического, геополитического и социально-общественного кризиса определена одновременным проявлением симбиоза кризисных явлений в различных сферах жизнедеятельности мирового сообщества и хозяйствования. На наш взгляд, обобщающая деструкция мирового структурного и институционального кризиса определяется как разница между реальными потерями от самого факта появления кризиса, сложности прохождения его этапов и объемом прогнозируемых (предсказуемых)

⁹ Рост численности членов ООН с 1945 г. Организация Объединенных Наций, 2016. URL: <http://goo.gl/nSqM0W>

¹⁰ Алюян А.Р. Проблемы взаимосвязи регионализации и глобализации // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2016. – № 2-6.

накопительных потерь от данного кризиса в различных сферах мирового сообщества.

Вместе с этим необходимо отметить, что накопительный эффект проявляется только при условии положительного или отрицательного значения синергии, так как нулевое значение является признаком ее отсутствия или недостаточной значимости.

Полагаем, что противоречия и слабость развития современной мировой экономики заключаются в том, что ее свойства тесно взаимосвязаны с геополитическими процессами, которые иногда не поддаются природной объективной логике, а носят в основном субъективный управляемый и манипуляционный характер. Таким образом, отрицательные результаты системного и институционального современного кризиса общества целенаправленно созданы из политических мотивов и существенно затрудняют преодоление мировых экономических кризисов, приумножая деструктивные масштабы их последствий, а положительные результаты, призванные ускорить переход с одного этапа развития общества на другой, искусственно затормаживаются.

Кроме того, следует согласиться с тем, что кризисное явление в любом государстве – это такое состояние национальной экономики, в котором приходится идти на определенные и тщательно просчитанные жертвы [16].

Следовательно, системное наложение нескольких кризисных явлений в одном временном периоде приводит к хаосу, не к качественному или количественному изменению определенных свойств, а к их поэтапному нивелированию и дальнейшему стадийному разрушению в результате накопления критической «массы» локальных кризисов, которые изначально запущены глобальным структурным кризисом. Последний, в свою очередь, искусственно направляется и поддерживается, а затем уже и сам провоцирует и подпитывает свою эскалацию, тем самым ставя под удар и собственную и мировую систему экономической, политической и социальной безопасности.

При этом следует понимать, что рынок и его среда в период трансформаций находятся в точке бифуркации, на стадии преобразований и становления, а следовательно, координация механизмов самого рынка на этом этапе подвергается значительному искажению и деформированию. Это не дает ему возможности функционировать, используя ранее используемые инструменты и алгоритмы, и в связи с этим возникает необходимость привлечения и активного (в некоторой степени даже авторитарного) регулирующего участия в данном процессе государства [17, 18]. И подобные правила и тенденции распространяются, на наш взгляд, как на социальную и экономическую сферы, так и на геополитическое поле, меняя структуру и характер системы международных отношений.

Итак, глобализационный путь развития современного общества вызвал целый ряд институциональных и структурных кризисов. При этом сформировавшиеся проблемы в форме экономических или геополитических кризисов и конфронтаций затронули не только отдельные государства или регионы, а охватили всю систему международных отношений. В связи с этим

возникла актуальная потребность в выработке и согласовании обновленной общей международной политики абсолютно во всех сферах жизнедеятельности и функционирования общества.

Перезагрузке и модернизации подлежит как сфера экономических, политических и военных отношений, так и пересмотр самой концепции глобализации – с рассмотрением альтернативных путей развития современного сообщества, например, концепции регионализации. Естественно, это потребует глубинной структурной перестройки всей существующей архитектуры международных отношений, но это и является первостепенным и актуальнейшим вопросом геополитики. Без его планомерного, всестороннего и прозрачного решения мировое сообщество войдет в состояние полной политической, экономической и социальной турбулентности, и результаты вхождения в это состояние для человечества абсолютно непредсказуемы.

Библиографический список

1. Прокаева О.Н. Влияние процессов глобализации на проблему национальной идентичности // *Инновационная наука*. 2016. № 5-3. С. 65–67.
2. Радиков И.В. О трансформации военной политики постсоветской России. Ч. 2 // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2009. Т. 5. № 2. С. 163–179.
3. Маркрян В.Р., Молчан А.С. Факторы устойчивого развития региональных социально-экономических систем в условиях глобализации экономического пространства // *Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета*. 2014. № 95. С. 1011–1020. URL: <http://ej.kubagro.ru/2014/01/pdf/37.pdf>
4. Самыгин С.И., Верецагина А.В., Рачина А.В. Финансовая безопасность государства в условиях экономической глобализации: специфика рисков и угроз // *Гуманитарий Юга России*. 2016. Т. 17. № 1. С. 169–177.
5. Кешнер М.В. Легитимность односторонних санкций в современном международном праве. В кн.: *Материалы VII Конгресса РАМИ*, 28–29 сентября 2012 г. М.: МГИМО-Университет, 2013. С. 71–83.
6. Ковалёв В.В., Магомедов М.Г., Самыгин С.И. Практика двойных стандартов в мировой политике: угрозы национальной безопасности России // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2016. № 6-7. С. 55–60.
7. Ноздрин А.В. Политика двойных стандартов в международных отношениях // *Актуальные проблемы современных международных отношений*. 2013. № 1. С. 79–83.
8. Верецагина А.В., Самыгин С.И., Имгрунт С.И. Цивилизационная безопасность современного мира в условиях актуализации цивилизационной идентичности: социальная утопия или перспективная реальность? // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2016. № 6-7. С. 38–43.

9. Мюллерсон Р. Два мира – два права? Геополитика под прикрытием законности и морали // Россия в глобальной политике. 2014. Т. 12. № 2. URL: <http://globalaffairs.ru/number/Dva-mira--dva-prava-16587>

10. Ходынская-Голенищева М.С. Сирийский кризис, методы дестабилизации «неугодных» государств и провоцирование «управляемого хаоса» // Вестник МГИМО. 2015. № 3. С. 43–50. URL: <http://www.vestnik.mgimo.ru/en/razdely/international-relations/syrian-crisis-context-emergingmultipolar-international-order>

11. Ходынская-Голенищева М.С. Подготовка «Женева-2» в свете актуальных аспектов развития сирийского кризиса // Вестник МГИМО. 2013. № 5. С. 33–38. URL: <http://www.vestnik.mgimo.ru/en/razdely/international-relations/international-conference-syriageneva-2-difficulties-inter-syrian>

12. Накашидзе Б.Д. Наднациональность в международном праве и государственный суверенитет: вопросы совместимости // Государственное управление. Электронный вестник. 2016. № 58. С. 177–193. URL: http://ejournal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2016/vipusk_58._oktjabr_2016_g./pravovie_i_politicheskie_aspekti_upravlenija/nakashidze.pdf

13. Рудницкая А.П., Сагакова К.В. Основные направления реализации внешней и внутренней политики России в условиях современной системы мирового взаимодействия // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 4-2. С. 304–307.

14. Смищенко Р.С. Регионализм и модели регионализации в сравнительной перспективе // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 4-2. С. 278–281.

15. Рудницкая А.П., Глинник Ю.А. Процессы регионализации в странах европейского Союза: вызовы и тенденции // PolitBook. 2016. № 1. С. 92–107.

16. Харламов А.В., Харламова Т.Л. Глобализация и системные изменения в управлении российской экономикой // Проблемы современной экономики. 2015. № 2. С. 121–124.

17. Соловьёва О.А. Государственное регулирование в условиях экономической трансформации // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 8. С. 23–31.

18. Naisbitt J. Global paradox: the bigger the world economy the more powerful its smallest players. New York: William Morrow & Co., 1994.

Военная безопасность Балтийского региона в условиях продвижения военной инфраструктуры НАТО к границам Российской Федерации*

Введение

Вопросы военной безопасности как важнейшей составной части комплексной безопасности страны представляются особенно актуальными в современную эпоху обострения межкультурных и цивилизационных противоречий, когда перед человечеством вновь со всей остротой встала угроза нового мирового пожара. После распада Советского Союза Российская Федерация не только оказалась в одиночестве против стран Североатлантического блока, но и вынуждена действенно противостоять весьма недружелюбной политике, которую НАТО проводит по отношению к нашей стране на протяжении последних лет. Именно за последнее десятилетие Россия обнаружила стремление к проведению подлинно независимой внутренней и внешней политики, что вызвало ничем не оправдываемое агрессивное противодействие со стороны Североатлантического блока.

Составной и наиболее опасной частью противодействия стало продвижение блока НАТО к границам нашей страны, в том числе в тех ставших независимыми государствах, которые традиционно не только являлись частью российской державы в таких ее исторических формах, как Российская империя и Советский Союз, но и всегда входили в сферу геополитических интересов нашей Родины.

К числу таких геополитических объектов принадлежит Балтийский регион, проблема военной безопасности которого относится к числу важнейших в условиях дальнейшего продвижения военной инфраструктуры НАТО на восток. Именно рассмотрение этой проблемы является целью настоящей статьи, которая реализуется последовательным решением следующих взаимосвязанных и взаимосвязанных задач:

- 1) оценка роли стран Балтийского региона в системе европейской безопасности;
- 2) анализ военно-стратегической обстановки в балтийском регионе с момента распада СССР и по настоящий день;
- 3) оценка деятельности НАТО в Балтийском регионе с точки зрения угрозы для военной безопасности нашей страны;
- 4) анализ возможностей РФ для обеспечения и защиты своих интересов в Балтийском регионе.

Решение этих задач обусловило структурные компоненты настоящего исследования.

Роль Балтийского региона в системе европейской безопасности

Такое понятие, как Балтийский регион, все чаще используется в самых различных сферах современной жизни, хотя еще совсем недавно им оперировали

* Ковалев А.А., Балашов А.И. Военная безопасность Балтийского региона в условиях продвижения военной инфраструктуры НАТО к границам Российской Федерации // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2018. – Т. 14. – № 6. – С. 1151-1165.

в основном историки и культурологи, а также специалисты в различных отраслях экологии. Видимо, сам термин происходит от латинского *balteus* – пояс. Еще в средние века это море сравнивали с поясом, который простирается от Скифии до Греции [1]. О Балтийском море впервые, скорее всего, написал хронист XI в. Адам Бременский [2]. В международной политике и экономике понятие «Балтийский регион» начало широко применяться только в самом конце 1980-х гг.

Сам термин «Балтийский регион» может использоваться как в узкой, так и в широкой трактовке [3, 4]. Когда говорят о Балтийском регионе в узком понимании этого термина, то к нему относят государства, которые имеют непосредственный выход к Балтийскому морю, а именно: Россию, Польшу, Эстонию, Латвию, Литву, Финляндию, Швецию, Данию и Германию. Что же касается широкого понимания термина «Балтийский регион», то оно сложилось после образования Совета государств Балтийского моря (1992). Помимо тех стран, которые Балтийский регион включает в узком смысле, в него вошла Норвегия, а в 1995 г. – Исландия.

Основным обоснованием термина «Балтийский регион» является физико-географическое, основанное на так называемом «бассейновом» принципе: к этому региону относят ту территорию, на которой располагается дренажный бассейн рек, впадающих в Балтийское море [3–5]. Исходя из этого принципа, к странам Балтийского региона полностью относятся территории Литвы, Эстонии и Латвии, практически вся территория Польши, очень значительная часть территории Финляндии и Эстонии, весь северо-восток Германии, северо-запад Российской Федерации, большая часть территории Дании, примерно половина территории Белоруссии и даже небольшие части территорий таких достаточно значительно удаленных от Балтийского моря государств, как Словакия, Чехия и Украина.

Еще одним критерием, по которому исследователи (например, сотрудники Центра балто-славянских исследований Института славяноведения РАН В.В. Иванов, П.М. Аркадьев, Т.В. Михайлова) относят те или иные государства к Балтийскому региону, является исторический [6]. Различные народы, проживавшие на побережье Балтийского моря, в течение сотен и тысяч лет вступали друг с другом в экономические, политические, культурные и другие контакты. Но исторический подход достаточно аморфен с точки зрения определения конкретных географических границ, поэтому его применение серьезно ограничено. К тому же он весьма политизирован.

Каждый из описанных подходов имеет свои как положительные, так и отрицательные стороны. В нынешней международной практике базовой считается та трактовка понятия «Балтийский регион», которая содержится в международной программе VASAB (Видение и стратегии развития государств Балтийского региона). Ее реализация осуществляется под эгидой Совета Европы и Европейского союза. Базовый документ этой стратегии был принят в начале декабря 1994 г. на конференции в Таллине, и в нем указаны основные ценности стран Балтийского региона. Несколько ранее, в марте 1992 г., в Копенгагене была образована межправительственная организация Совет государств Балтийского

моря, в которую вошли Дания, Германия, Латвия, Литва, Эстония, Норвегия, Россия, Польша, Швеция, Финляндия.

С древнейших времен Балтийское море являлось морской коммуникацией, которая в экономике тех государств, которые расположены на его берегах, играла огромную роль. Согласно официальным статистическим данным [7], на сегодняшний день на страны Балтийского региона приходится 12,6% территории и 4,4% населения всей планеты. Суммарный валовой национальный продукт этих государств составляет чуть более 11% мирового ВВП (с учетом такого показателя, как паритет покупательной способности – 9,7%). Что касается удельного веса стран Балтийского региона в мировой торговле, то он составляет примерно 14% (13% импорта и 15% экспорта). Эти статистические данные свидетельствуют: от того, в каком состоянии находится экономика балтийских государств и насколько активно они участвуют в международном разделении труда, во многом зависит и состояние мировой экономики.

Специалисты отмечают [4], что для экономик таких государств Балтийского региона, как Эстония, Латвия и Литва, наибольшее значение имеют внутри региональные связи: более 60% их внешнеторгового оборота приходится именно на взаимную торговлю. От нее в значительной степени зависит экономическое благополучие Финляндии, в несколько меньшей степени – Швеции, Польши и Дании (от 30 до 40%), России (20%) и Германии (10%).

Исторически сложилось так, что в экономике Балтийского региона всегда значительную роль играл транзит сырьевых товаров, причем его направленность очень ярко выражена: с востока и севера на запад и юг. Из России еще в древности именно по Балтийскому морю в страны Европы отправлялись основные сырьевые товары: лес и пенька. С развитием промышленности они дополнились сначала углем и железной рудой, а несколько позднее – нефтью и газом. Именно углеводороды на сегодняшний день играют преобладающую роль в экспорте Российской Федерации в другие страны Балтийского региона, прежде всего в Германию, которая является крупнейшим внешнеторговым партнером РФ в Европе.

Сейчас Россия представляет собой для стран Евросоюза в целом и Балтийского региона в частности самую настоящую кладовую природных ресурсов. Следует заметить, что для европейских государств сотрудничество с РФ в сырьевом и энергетическом секторах экономики является чрезвычайно важным, поскольку дает возможность значительно диверсифицировать закупки ресурсов и существенно снизить зависимость от их поставок в Старый Свет из других регионов планеты: Северной и Южной Америки, стран Азии и Персидского залива. В свою очередь, тесное сотрудничество с другими странами Балтийского региона очень выгодно и для Российской Федерации, поскольку оно дает возможность не только обеспечить себе обширный рынок сбыта сырьевых экспортных товаров, но и доступ к современным западным технологиям.

Прорубать «окно в Европу» на балтийском направлении Россия начала еще во времена Ивана III, но окончательно наша страна обосновалась на балтийском побережье в период царствования Петра I. Во многом именно то, что Россия

тогда де-факто стала одним из государств Балтийского региона, привело к ее ускоренному экономическому развитию.

Согласно данным внешнейторговой статистики [8], на сегодняшний день почти половина всего российского экспорта осуществляется через Балтийское море. При этом внешнеторговые грузы отправляются не только через те порты, которые располагаются на территории Российской Федерации, но и через гавани, находящиеся на территории сопредельных стран Балтийского региона. Специалисты утверждают, что без них Россия не сможет обойтись даже в том случае, если претворит в жизнь все свои долгосрочные планы, касающиеся строительства новых собственных морских портов [8]. В обозримом будущем ожидается рост поставок российских экспортных товаров. Российские порты, расположенные на Балтике, даже в среднесрочной перспективе не смогут справиться с тем потоком нефти, нефтепродуктов и прочих сырьевых товаров, которые отправляются по морю в страны Балтийского региона. Российской Федерации для их отправки придется и далее использовать те порты, которые расположены в странах Балтии и Финляндии. Именно поэтому улучшение и углубление экономического и политического сотрудничества со странами Балтийского региона имеет для России экзистенциальное значение.

Важной частью такого сотрудничества является возможность доставки российских энергоносителей потребителям стран Балтийского региона. В 2011 г. вступил в строй газопровод «Северный поток», который проложен по дну Балтийского моря и связывает терминал, находящийся в бухте Портовая, расположенной неподалеку от Выборга (Ленинградская область), и терминал, находящийся неподалеку от Грайфсвальда (земля Мекленбург-Передняя Померания, ФРГ). В 2012 г. была пущена в эксплуатацию вторая нитка этой газотранспортной магистрали, проектная мощность которой составляет около 55 млрд м³ газа в год. Предполагается, что вскоре начнется сооружение газопровода «Северный поток-2», который пройдет параллельно первому и существенно улучшит возможности поставок российского природного газа в Западную Европу.

Особую ценность Балтийский регион представляет для Российской Федерации еще и потому, что в нем имеются весьма благоприятные природные, культурно-исторические, интеллектуальные и технические условия для развития сотрудничества со странами Евросоюза. Кроме того, в странах Балтии (Эстонии, Латвии и Литве) достаточно многочисленно русскоязычное население, что также является одним из серьезных факторов, способствующих расширению и дальнейшему углублению взаимовыгодных экономических связей в этом важном регионе планеты [9]. Проблемы экономического развития стран балтийского региона самым непосредственным образом связаны с его комплексной безопасностью и той военно-стратегической обстановкой, которая исторически сложилась на сегодняшний день. Экономические, политические и социокультурные интересы стран Балтийского региона защищаются военными средствами, в том числе и инструментарием информационной войны.

Военно-стратегическая обстановка в Балтийском регионе

Отношение большинства стран Балтийского региона к Российской Федерации всегда было сдержанно-настороженным, ибо Россия практически с

того самого момента, как распался Советский Союз, рассматривалась как их политическими элитами, так и простыми гражданами в качестве продолжателя традиций Российской империи и СССР. Именно поэтому совершенно неслучайно Эстония, Латвия, Литва и Польша поспешили вступить в НАТО. Несмотря на отсутствие реальной военной угрозы со стороны России, эти страны Балтийского региона продолжают придерживаться ярко выраженных антирусских позиций.

Серьезное ухудшение отношений со странами Балтийского региона, да и со всем западным миром, произошло после того, как в состав Российской Федерации весной 2014 г. по результатам проведенного референдума вошел Крым, ранее бывший частью территории Украины. Международным сообществом это было воспринято как акт агрессии в отношении суверенного государства, а к Российской Федерации на международном уровне был применен целый ряд экономических санкций, которые в последнее время только усиливаются. Эстония, Латвия и Литва восприняли присоединение Крыма особенно настороженно, поскольку в этих государствах проживает немало этнических русских – у властей появилось серьезное опасение, что они также каким-либо образом выразят желание, чтобы территории, на которых они компактно проживают, вошли в состав России.

Отношения других стран Балтийского региона к Российской Федерации также изменились далеко не в лучшую сторону. Конечно, в каждом из государств этого региона проводится своя собственная политика в отношении России, и поэтому на ее особенностях и нюансах имеет смысл остановиться поподробнее.

В 1940 г. Эстония вошла в состав Советского Союза и была одной из его республик вплоть до 1991 г., когда в результате распада СССР стала независимым государством. Опасаясь того, что эта независимость рано или поздно будет утрачена, Эстония сразу же взяла решительный курс на вступление в НАТО и стала полноправным членом этого военного блока 29 марта 1994 г.¹¹. Она обеспечила себе достаточно надежную защиту, несмотря на то, что на сегодняшний день численность ее вооруженных сил составляет всего 5 500 чел. (30 000 чел. в резерве). Согласно уставу НАТО, при агрессии в отношении какого-либо из членов этого блока в его защиту выступают все остальные (принцип коллективной безопасности). Именно в Эстонии произошло вопиющее по своему варварству надругательство над памятью советских воинов, отдавших свои жизни в борьбе с фашизмом¹². Причем постоянное русское население Эстонии, составляющее около 25%, подвергается постоянной дискриминации с молчаливого согласия властей Евросоюза, которые снисходительно и не без одобрения взирают на парады эсэсовских военных преступников в Эстонии и никак не реагируют на уголовное преследование ветеранов, боровшихся с нацизмом.

В интервью, которое в середине мая 2017 г. президент Эстонии К. Кальюлайд дала немецкой телерадиокомпании Deutsche Welle, заявлено, что на данный момент физической угрозы Россия для ее страны не представляет. Тем не

¹¹ Amnesty International: Estonia – Amnesty International Report 2010, December 2011.

¹² Konflikt um Sowjet-Ehrenmal – Streit zwischen Estland und Russland eskaliert // Spiegel Online, 1 Mai 2007, 8 Juni 2017.

менее она считает, что на территории Эстонии все же должен быть размещен батальон НАТО. Кроме того, с 8 по 26 мая 2017 г. в Эстонии состоялись учения «Весенний шторм», в которых приняли участие около 9 тыс. военнослужащих из 13 государств Североатлантического альянса.

Позиция нынешних эстонских властей состоит в том, что НАТО на 100% обеспечивает адекватное сдерживание любого потенциального агрессора, поэтому Россия нападать на Эстонию не будет [10]. Собственно говоря, об отсутствии таких планов неоднократно заявлял и российский МИД.

Литва стала независимым государством, по сути, до официального распада СССР, и случилось это в сентябре 1991 г. Отношения этой страны с Российской Федерацией складывались достаточно непросто, поскольку о своем выходе из состава Советского Союза Литва фактически объявила еще в 1990 г., а в январе 1991 г. Москва решила вернуть эту бывшую республику обратно, причем с использованием военной силы. Именно события той поры в Вильнюсе и некоторых других крупных литовских городах и являются основной причиной того, что Литва является на сегодняшний день прибалтийским государством, которое больше всего опасается России.

Д. Грибаускайте, нынешний президент Литвы, является, пожалуй, одним из самых антироссийски настроенных политических лидеров. Следует особо отметить, что в этом с ней солидарна практически вся политическая элита страны [11], по мнению которой, политика Москвы опасна не только для прибалтийского региона, но и для всей Европы в целом. Особую тревогу литовских властей вызывает «декларируемая российскими властями доктрина, согласно которой они в качестве одного из своих внешнеполитических приоритетов рассматривают защиту русскоязычных за рубежом»¹³.

В 2014 г., после того как Крым на основании волеизъявления его граждан вошел в состав России, министр обороны Литвы Ю. Олескас заявил, что нечто подобное может случиться и в этой стране Балтии. Он сказал, что около 100 тыс. российских военных могут в течение всего нескольких часов выдвинуться к границам страны, и поэтому очень важно, чтобы на ее территории располагался воинский контингент НАТО в качестве сдерживающего фактора, причем на постоянной основе. Совсем недавно Грибаускайте выразила также большую озабоченность в связи с повышенной военной активностью Российской Федерации в граничащей с Литвой Калининградской области. Более того, она заявила, что российско-белорусские учения «Запад-2017» свидетельствуют о том, что Москва и Минск совместно готовятся к войне с Западом¹⁴. Таким образом, Литва видит в России значительную угрозу собственному суверенитету.

Латвия также объявила о своей независимости в 1990 г., еще до распада СССР. В новейшей истории ее отношения с Российской Федерацией складывались очень непросто. Одной из основных претензий к латышским властям со стороны России остается сложное положение многих русскоязычных жителей, которым не предоставлено гражданство и которые являются в

¹³ Russland verdoppelt Zahl der Soldaten bei Militärmanöver // Die Zeit, 19 März 2015.

¹⁴ Graham-Harrison E., Boffey D. Lithuania fears Russian propaganda is prelude to eventual invasion. The Guardian, 3 April 2017.

республике, образно говоря, людьми второго сорта¹⁵. После того как Крым вошел в состав Российской Федерации, власти Латвии убеждены, что недовольные своим положением русскоязычные граждане могут попытаться провести собственный референдум о присоединении тех территорий, где они преимущественно проживают, к Российской Федерации¹⁶.

Чтобы максимально снизить вероятность такого развития событий, Латвия разместила на своей территории контингент НАТО, который, по ее мнению, в значительной мере гарантирует стране безопасность. Военные эксперты считают латвийскую армию самой слабой в прибалтийском регионе [12], так что для защиты от гипотетической агрессии со стороны Российской Федерации присутствие войск Североатлантического блока в этой стране действительно необходимо.

В вопросе отношения к России латвийское общество сейчас достаточно серьезно расколото. Подавляющее большинство русскоязычного населения никакой угрозы со стороны России не ощущает, в то время как большинство этнических латышей испытывают такие опасения [12]. Интересно, что не так давно глава полиции безопасности Латвии Н. Межвиецс заявил, что его сотрудниками зафиксировано несколько случаев, когда отдельные латвийские педагоги пытались «реализовывать геополитические интересы России»¹⁷, соответствующим образом воздействуя на своих учащихся.

Финляндия независимость от Советской России получила в декабре 1917 г., однако в 1939–1940 гг. бывшей российской провинции Чухне [13] пришлось воевать с Советским Союзом. Во время Второй мировой войны Финляндия была союзницей Германии, однако после ее окончания у СССР именно с ней сложились, пожалуй, самые лучшие отношения из всех капиталистических стран.

В последнее время отношения России и Финляндии серьезно ухудшились – вплоть до того, что нейтральная ранее Финляндия стала рассматривать возможность вступления в НАТО. Правда, в мае 2017 г. М. Хаутала, посол этой страны в России, во время своего рабочего визита в Екатеринбург заявил, что в действительности таких планов нет, однако отметил, что финны отнюдь не отказываются от своего права подать заявку на вступление в этот военно-политический блок. Посол сказал, что это может быть сделано тогда, когда будет наблюдаться явное ухудшение ситуации в области безопасности.

Финляндия озабочена присоединением Крыма к РФ и повышением военной активности России в Балтийском регионе. Не так давно в американском издании *The Wall Street Journal* появились сообщения о том, что финские власти решили серьезно реконструировать систему бункеров и тоннелей под Хельсинки протяженностью около 200 км. Как свидетельствуют эксперты, в этом подземном городе может разместиться все население финской столицы¹⁸. Причиной того, что

¹⁵ Werden die Russen in Estland und Lettland diskriminiert? URL: <http://baltikum-blatt.eu/baltikum-submenue/1089-werden-die-russen-in-estland-und-lettland-diskriminiert.html>

¹⁶ Der neue Fischer Weltatmanach 2017. Frankfurt am Main: Fischer Verlag, 2016. S. 278.

¹⁷ Infotop.lv – новости Латвии и мира, аналитика и путешествия. URL: http://infotop.lv/home/startpage_lv/lv

¹⁸ Canonica F., Krogerus M., Simone S., Gertsch C. Was die Welt von Finnland lernen kann. Hei Suomi! Finland hat Geburtstag. Das Magazin. Zürich: Tagesanzeiger, Tamedia, № 13, Frühjahr 2017.

власти страны решили взяться за модернизацию этой системы коммуникаций, является, по их мнению, военная угроза со стороны Российской Федерации.

Дания как скандинавская страна располагается достаточно далеко от Российской Федерации, и военной агрессии не опасается. К тому же она давно является полноправным членом НАТО, что в значительной мере гарантирует ее безопасность. Тем не менее, в последние годы экономические и политические отношения Дании и Российской Федерации существенно ухудшились. Совсем недавно Дания высказала намерение направить полторы сотни своих военнослужащих в состав контингента НАТО, размещенного в Прибалтике [14].

Михаил Ванин, российский посол в Копенгагене, в своем недавнем интервью датским средствам массовой информации, констатировал, что в последнее время Дания проводит немало, как он выразился, «антироссийских кампаний», что выражается и в поддержке санкций, и в отправке своих военных в Прибалтику, и в целом ряде других совсем недружественных действий¹⁹. Дания недовольна тем, что российские военные самолеты нередко летают в непосредственной близости от ее воздушных границ.

Как и Дания, Швеция располагается достаточно далеко от России, но и с этой скандинавской страной отношения у Российской Федерации в последнее время складываются далеко не лучшим образом вследствие вхождения Крыма в состав России. Не так давно шведская газета *Dagens nyheter*, ссылаясь на свои собственные источники в спецслужбах страны, сообщила, что Швеция опасается роста угрозы со стороны Российской Федерации. Издание не стало конкретизировать, в чем именно состоят угрозы, поскольку его источники классифицировали эту информацию как совершенно секретную и имеющую большое значение для национальной безопасности государства. По данным издания, рассекречивание этой информации возможно только по специальному решению правительства.

Не так давно власти Швеции приняли решение досрочно вернуть в 2017 г. на остров Готланд размещавшуюся там ранее военную группировку. По уверениям шведских властей, это никак не связано с тем, что страна опасается военного вторжения, однако специалисты отмечают, что безо всяких причин военные гарнизоны в ускоренном порядке не размещаются. Следует также отметить, что по сообщениям той же газеты, *Dagens nyheter*, в шведском правительстве подумывают о вступлении страны в НАТО, хотя никаких официальных заявлений по этому поводу нет. Причиной тому также считается некая возросшая угроза со стороны России, которая, как уже было сказано, в Швеции является государственной тайной.

Польша, бывшая некогда территорией Российской империи и после 1945 г. – частью мировой социалистической системы, традиционно ощущает угрозу со стороны России. Как отметил в своем недавнем выступлении в Сейме министр обороны А. Мацирович, военная угроза в последнее время существенно возросла по причине значительного повышения активности российской военной авиации

¹⁹ Российский посол пригрозил Дании ядерным оружием, а в Минобороны призвали не делать из России «монстра». URL: <http://newsru.com/russia/21mar2015/vanin.html>

вблизи воздушных границ страны. По словам Мацуровича, польским истребителям F-16 все чаще приходится вылетать на их перехват. Кроме того, значительное беспокойство польских властей вызывают и совместные российско-белорусские учения «Запад-2017».

Недавно в Варшаве состоялся саммит НАТО, по результатам которого Североатлантический альянс принял решение о серьезном усилении военной группировки, расположенной в Польше. Официальный представитель канцелярии президента А. Дуды по его результатам заявил, что во многом благодаря этой мере, страна в обозримом будущем уже не будет ощущать никакой угрозы со стороны России. Впрочем, некоторые известные польские эксперты считают, что так называемая российская угроза является фиктивной. Т. Янковский в интервью радио Sputnik отметил, что такая угроза полностью надумана для того, чтобы обеспечить необходимость закупки американских вооружений (в значительной степени, кстати, устаревших)²⁰.

О своей обеспокоенности возросшей угрозой со стороны России для Германии и всей Европы не так давно официально заявил Б. Каль, нынешний глава федеральной разведывательной службы. Боевая мощь российских вооруженных сил, сосредоточенных поблизости от западной границы Германии, в последнее время возросла вдвое. Каль отметил, что это никак нельзя расценивать в качестве оборонительных действий. В качестве практической меры противодействия российской угрозе является решение немецкого правительства обновить систему ПВО, о котором недавно сообщило агентство Reuters.

Однако трезвомыслящие немецкие политики понимают, что ухудшение отношений с Россией и экономические санкции лишь вредят экономике Германии. В середине июня 2017 г. официальные власти заявили, что новый пакет антироссийских санкций, который ставит под вопрос реализацию совместных российско-германских проектов, угрожает энергетической безопасности не только ФРГ, но и всей Европы. Глава немецкого внешнеполитического ведомства З. Габриэль отметил также, что сотрудничество Германии и России в сфере энергетики является прерогативой исключительно этих двух стран.

Итак, военно-стратегическая обстановка в Балтийском регионе остается напряженной и обусловлено это боязнью мифической российской угрозы. Живучесть этого мифа связана с агрессивной и недружественной политикой правительств балтийских стран по отношению к русскому населению, которое рассматривается в качестве граждан второго сорта, дискриминируется и потому видит в Российской Федерации возможного спасителя.

Деятельность НАТО в Балтийском регионе

Проблема приближения военной инфраструктуры блока НАТО к границам Российской Федерации не нова. В действующей редакции Военной доктрины²¹ прямо говорится, что основной внешней военной опасностью для нашего государства является приближение военной инфраструктуры стран – членов

²⁰ Польский эксперт: никакой «российской угрозы» не существует. URL: https://ria.ru/radio_brief/20170620/1496930704.html

²¹ Военная доктрина Российской Федерации: утв. Президентом РФ 25.12.2014 № Пр-2976.

НАТО к границам Российской Федерации, в том числе и путем дальнейшего расширения блока. Кроме того, к внешней военной опасности относится развертывание или наращивание воинских контингентов иностранных государств на территориях государств, сопредельных с Россией и ее союзниками, а также в прилегающих акваториях.

После распада СССР все три бывшие прибалтийские союзные республики и большинство стран Варшавского договора стали членами НАТО. В целом за последние четверть века новыми членами блока НАТО стали 13 государств, из которых четыре страны непосредственно граничат с территорией России. В качестве «компенсации» России предлагали участие в натовской программе «Партнерство во имя мира». Был предъявлен ряд условий, при выполнении которых наша страна могла бы участвовать в совместных учениях и миротворческих операциях. Российская сторона в соответствии с данной программой должна была взять на себя ряд обязательств, которые противоречили концепции ее военной политики (раскрытие военного бюджета, согласование программы модернизации и развития ОПК). От России требовалось также реорганизовать вооружение и свою систему боевого управления, тактику действия военных формирований под стандарты НАТО. Учрежденный в 2002 г. совет «Россия – НАТО», функционировавший до 2014 г., также не дал никакого позитивного результата.

Обеспечение безопасности нашего государства зависит от резко меняющейся обстановки в стране и в мире. Проанализируем несколько редакций Военной доктрины Российской Федерации, что поможет понять мотивы, логику и причины реформирования силовых институтов власти в сфере обеспечения военной безопасности страны.

В Военной доктрине 1993 г. не было прямо сказано о проблемах, связанных с приближением НАТО к границам Российской Федерации. Речь шла о том, что внешней военной опасностью для России было расширение военных блоков и союзов в ущерб интересам военной безопасности РФ²².

В начале 2000 г. исполняющий обязанности Президента Российской Федерации В.В. Путин утвердил новую редакцию Военной доктрины²³. В качестве военной опасности извне стали рассматривать создание и наращивание группировок войск, ведущее к нарушению сложившегося баланса сил, вблизи государственной границы РФ и ее союзников, а также на прилегающих к их территориям морях.

Через 10 лет, уже Президентом РФ Д.А. Медведевым были утверждены новые положения Военной доктрины²⁴. Теперь приближение военной инфраструктуры стран – членов НАТО к границам Российской Федерации, в том

²² Основные положения Военной доктрины Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 02.11.1993 № 1833 (утратил силу).

²³ Об утверждении Военной доктрины Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 21.04.2000 № 706 (утратил силу).

²⁴ О Военной доктрине Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 05.02.2010 № 146 (утратил силу).

числе расширение блока, стали рассматривать как серьезную военную опасность, требующую незамедлительного реагирования.

Отсутствие в течение 10 лет законодательно закреплённой угрозы приближения инфраструктуры НАТО к границам РФ можно объяснить попытками России сблизиться с НАТО. В своем недавнем интервью режиссеру О. Стоуну Президент РФ В.В. Путин сообщил, что поднимал вопрос о возможности вступления России в блок НАТО еще в беседе с Б. Клинтоном²⁵. Здесь стоит отметить, что вступление России в Североатлантический альянс, по сути, невозможно. Это своего рода утопия, так как после гипотетического вступления России в данную организацию НАТО теряет весь смысл своего существования. Стоит напомнить, что в 1949 г. блок НАТО был создан США в противовес Советскому Союзу, а Россия после распада СССР является его правопреемницей. Вступление России в НАТО означало бы конец самому альянсу, если только блок не обозначил бы нового врага – например, международный терроризм.

Альтернативой взаимоотношений России и НАТО должно стать не вступление нашей страны в данный альянс, а поиск возможности сотрудничества с НАТО в случае соблюдения ряда условий, из которых важнейшими должны стать следующие:

1) блок НАТО должен взять на себя обязательство действовать в строгих рамках норм международного права, неукоснительно соблюдая принципы Устава ООН, в том числе и в странах Балтийского региона;

2) альянсу необходимо трансформироваться из военного блока в политическую систему коллективной безопасности, включающую в себя военное ядро, способное незамедлительно реагировать на конфликты локального характера, могущие вспыхнуть в Балтийском регионе;

3) участники Североатлантического альянса обязуются соблюдать и исполнять норму ст. 5 Вашингтонского договора относительно того, что нападение на какую-либо страну – члена НАТО стоит рассматривать как нападение на всех, и применить это ко всей территории нашего государства;

4) должны произойти сокращение и унификация военных расходов;

5) блок НАТО должен отказаться от размещения вдоль российской границы в целом и в Балтийском регионе в частности военных объектов, способных противостоять российскому стратегическому потенциалу.

На сегодняшний день деятельность НАТО в Балтийском регионе представляется достаточно агрессивной, а против России развязана широкомасштабная информационная война, в которой огромную роль играют бывшие прибалтийские республики. Сама логика политических процессов заставляет Россию всемерно укреплять и расширять военное присутствие в Балтийском регионе.

Возможности РФ для обеспечения и защиты своих интересов в Балтийском регионе

²⁵ Путин рассказал, что обсуждал с Клинтоном вступление России в НАТО. URL: <https://ria.ru/politics/20170603/1495759550.html>

Одним из механизмов в обеспечении военной безопасности Балтийского региона выступают силы и средства Западного военного округа, являющегося военно-административной единицей вооруженных сил Российской Федерации. Западный военный округ был образован в 2010 г. в ходе военной реформы путем слияния Ленинградского и Московского военных округов, Северного и Балтийского флотов, а также 1-го Ленинградского Краснознаменного командования ВВС и ПВО. Штаб-квартира округа располагается в Санкт-Петербурге. Войска и силы военного округа дислоцируются на территории трех федеральных округов (Северо-Западного, Центрального, Приволжского), включающих в себя территории 26 субъектов Российской Федерации. Западный военный округ входит в состав Объединенного стратегического командования (ОСК) «Запад». В связи со сложной международной обстановкой, вызванной в том числе наращиванием военного присутствия блока НАТО в Арктике, в декабре 2014 г., Северный флот был выведен из ОСК «Запад» и был включен в состав ОСК «Север» для комплексного обеспечения безопасности арктического региона, со штаб-квартирой в Североморске.

В законодательстве Российской Федерации имеется такое понятие, как оборона²⁶, под которой понимается система политических, экономических, военных, социальных, правовых и иных мер к вооруженной защите и вооруженная защита Российской Федерации, целостности и неприкосновенности ее территории. В целях обороны создаются Вооруженные силы Российской Федерации, при этом Минобороны России является органом управления Вооруженными силами Российской Федерации. К обороне привлекаются силы и средства ФСВНГ, МЧС России, СВР, ФСБ, ФСО, ГУСП, а также создаваемые на военное время специальные формирования.

Оценим военно-стратегический потенциал Вооруженных сил Российской Федерации в Балтийском регионе. Так, в состав ОСК «Запад» входят 2 общевойсковые армии (6-я Краснознаменная общевойсковая армия, 20-я гвардейская Краснознаменная общевойсковая армия); 1-я гвардейская танковая армия; 6-я армия ВВС и ПВО; Балтийский флот, а также соединения, воинские части и организации всестороннего обеспечения. По данным официального сайта Министерства обороны России, численность ОСК «Запад» составляет более 400 тыс. военнослужащих.

Непосредственно страны Балтийского региона граничат с территориями Ленинградской (Эстония, Финляндия), Псковской (Эстония, Латвия), Калининградской (Литва, Польша), Мурманской (Финляндия) областями, Республикой Карелия (Финляндия). В данных субъектах Федерации располагается достаточное количество сил и средств, способных отразить или предотвратить агрессию (или угрозу агрессии) против Российской Федерации.

Так, для поддержания состояния военной безопасности и в случае агрессии или угрозы агрессии против Российской Федерации силы и средства ОСК «Запад» и ОСК «Север», включающие в себя бригады, полки, батальоны, дивизии, центры, отряды, готовы выполнить приказ Президента – Верховного

²⁶ Об обороне: Федеральный закон от 31.05.1996 № 61-ФЗ.

Главкомандующего Вооруженными силами Российской Федерации и защитить наше государство от акта агрессии. Под агрессией признается применение вооруженной силы иностранным государством (группой государств) против суверенитета, политической независимости и территориальной целостности Российской Федерации. Федеральный конституционный закон «О военном положении»²⁷ к актам агрессии относит ряд действий, направленных против России, выраженных в виде: вторжения или нападения вооруженных сил иностранного государства (группы государств) на территорию Российской Федерации, либо любая аннексия территории нашего государства или группы государств или ее части с применением вооруженной силы; бомбардировки вооруженными силами иностранного государства территории России или применение любого оружия иностранным государством против России; блокады портов или берегов Российской Федерации вооруженными силами иностранного государства; нападения вооруженных сил иностранного государства на Вооруженные силы Российской Федерации или другие войска независимо от их места дислокации; действия иностранного государства, позволяющие использовать свою территорию другому государству для совершения акта агрессии против России; засылки иностранным государством или от имени иностранного государства вооруженных банд, групп, иррегулярных сил или наемников, которые осуществляют акты применения вооруженной силы против Российской Федерации.

Большинство действий НАТО, предпринятых в последнее время в Балтийском регионе, напоминают готовящуюся военную агрессию против нашей страны, причем присутствие значительных сил сопровождается продуманными акциями информационной войны, направленными на сознание как россияян, так и граждан других стран Балтийского региона.

Выводы

Итак, Балтийский регион – это область традиционных геополитических интересов России, сфера обоснованных притязаний «русского мира» в экономике, политике и социокультурной сфере. Мир и спокойствие в этом регионе напрямую влияют на комплексную безопасность России, а военная активность НАТО, возросшая за последние годы, должна справедливо оцениваться как прямая угроза для военной безопасности нашей страны.

Россия не принадлежит к какому-либо военному блоку, поэтому активность НАТО не может быть оправдана необходимостью защиты или превентивных мер в ответ на российскую угрозу. Балтийский регион не должен превратиться в «ядерный пояс» враждебно настроенных по отношению к нашей Родине государств, тем более – в шахидский пояс смертников, ибо политкорректная и толерантная по отношению к азиатским мигрантам политика может привести к фатальным для всей европейской цивилизации последствиям.

С другой стороны, Россия должна укреплять свои политические и экономические позиции в Балтийском регионе и быть готова защищать их военными средствами, ибо усиление влияния нашей страны соответствует

²⁷ О военном положении: Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 № 1-ФКЗ.

традиционным историческим и патриотическим традициям и, следовательно, реализации национальной идеи страны.

Библиографический список

1. *Бременский А.* Деяния архиепископов гамбургской церкви. В кн.: *Немецкие анналы и хроники X–XI столетий.* М.: Изд-во Университета Дмитрия Пожарского, 2012. С. 297–449.
2. *Вайнштейн О.Л.* Западноевропейская средневековая историография. Л.: Наука, 1964. 483 с.
3. *Корнеев В.С.* Международная регионализация на Балтике: монография. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2010. 205 с.
4. *Корнеев В.С.* Понятия «страны Балтийского региона» и «Балтийский регион» // *Космополис.* 2008. № 2. С. 68–76.
5. *Корнеев В.С.* Формирование трансграничных мезорегионов на Балтике. Калининград: Изд-во Российского гос. ун-та им. И. Канта, 2010. 79 с.
6. Балто-славянские исследования. XIX. Сборник научных трудов. СПб.: Нестор-История, 2014. 588 с.
7. *Maciejewski W.* The Baltic Sea Region: Cultures, Politics, Societies. Uppsala: Baltic University Press, 2002. 676 p.
8. *Жиркова С.В.* Роль Балтийского региона в сотрудничестве Россия – Евросоюз // *Социально-экономические явления и процессы.* 2013. № 6. С. 87–91.
9. *Кабузан В.М.* Формирование многонационального населения Прибалтики (Эстонии, Латвии, Литвы, Калининградской области России) в XIX–XX вв. (1795–2000 гг.). М.: Институт российской истории, 2009. 151 с.
10. *Воротников В.В.* Внешняя политика государств Балтии в начале XXI в. М.: Аспект Пресс, 2015. 271 с.
11. *Eidintas A., Bumblauskas A., Kulakauskas A., Tamošaitis M.* The History of Lithuania. Vilnius: Eugrimas, 2015. 328 p.
12. *Schmidt T.* Das politische System Lettlands. In *Die politischen Systeme Osteuropas.* Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften, 2004. P. 111–151.
13. *Лескинен М.В.* Поляки и финны в российской науке второй половины XIX в.: «другой» сквозь призму идентичности. М.: Индрик, 2010. 368 с.
14. *Knauer C.* Dänemark. Ein Länderportrait. Berlin: Christian Link Verlag, 2017. 224 s.

Военная безопасность как проблема философии политики*

Философия политики – важная составная часть социальной философии, которая в последнее время начинает становиться все более актуальной в общем

* Ковалев А.А., Мусин Э.А. Военная безопасность как проблема философии политики // *Вестник Поволжского института управления.* – 2018. – Т.18. – №3. – С. 106-115.

комплексе социально-гуманитарных наук. В своей предметной области философия политики во многом совпадает с теоретической политологией, которую можно рассматривать как преемника социальной философии, весьма быстро ставшей на ноги в социокультурной реальности XX в. В наступившем столетии политики обязаны решать сложнейшие внутри- и внешнеполитические задачи, но одной из главнейших является обеспечение комплексной безопасности страны.

В системе комплексной безопасности важнейшее место занимает военная безопасность – устоявшееся понятие, которое во всех европейских языках возникло с момента зарождения государственности и самой цивилизации. Достигнуть действенных успехов в деле укрепления военной безопасности без достижения должного уровня теоретического понимания данной проблемы невозможно. Теоретическое понимание проблемы военной безопасности немислимо без применения методологической базы философии политики, которая сама по себе обширна и многоаспектна. С целью рассмотрения некоторых аспектов проблемы военной безопасности в контексте философии политики обратимся к онтологическим, прагматическим, этическим и историко-логическим особенностям понятия «военная безопасность». Отметим, что все эти грани тесно переплетаются друг с другом, образуя неразрывное единство системного качества военной безопасности, поэтому сама военная безопасность не сводима к числу структурных элементов, ее составляющих.

За всю историю существования философии проблемы войны и мира, безопасности и экзистенциальных угроз часто становились предметом углубленной рефлексии. Вопросы обеспечения военной безопасности государства находили свое отражение еще в работах античных мыслителей. О «кратικῆς ασφάλειας» (государственной безопасности) рассуждали как первые представители любомудрия Фалес и Гераклит, так и столпы «высокой классики» Сократ, Платон и Аристотель.

Платон отмечал в диалоге «Федон», что война разгорается из-за жадности телесных удовольствий и требуемых для реализации этой цели богатств [1, с. 16]. К справедливым войнам Платон относил войны оборонительные или направленные на восстановление справедливости и полагал, что ничто не должно отвлекать воинов от обеспечения военной безопасности. Основная цель воинов – это сохранение мощи и целостности государства. Сущность безопасности, по его мнению, – это предотвращение вреда [2, с. 275].

Аристотель считал, что для защиты государства и его граждан необходимы специальные социальные институты, предназначенные для обеспечения мира [3, с. 307]. Стагирит видел справедливость войны в защите от врагов и установлении наилучшего правления над варварскими народами. И Платон, и Аристотель различали строгие нормы войны в отношении соседей-греков и более слабые – в отношении варваров, к которым возможно применение методов, неприемлемых к эллинам. Как видим, политика двойных стандартов имеет давнюю историю в социокультурной и политической практике человечества. Проблема военной безопасности нередко решалась в зависимости от господствовавшей в ту или иную эпоху формы идеологии, завесившей от определенных этических

воззрений. Онтология военной безопасности теснейшим образом была связана с этикой и аксиологией. Ценность самой безопасности имела человеческое, социальное и культурное значение, а безопасность рассматривалась как явление действительности, как нечто сущее. Различное понимание добра и зла, блага и вреда не могло не сказаться на трактовках проблем войны и мира – порой диаметрально противоположных у разных мыслителей.

Гай Юлий Цезарь считал, что безопасность должна обеспечиваться вооруженной силой [4, с. 430–439], хотя уже Геродот в своей «Истории» сообщает об античных формах информационной войны и своеобразных «идеологических диверсиях». В пятой книге великого труда рассказывается, как Аристагор Милетский искусным психологическим воздействием уговаривает персидского сатрапа склонить царя к захвату Наксоса, Пароса, Андроса и других Кикладских островов, а также города Евбеи [5].

Постепенно трансформация самой сущности войны приводит к изменению понимания военной безопасности. Совершенствование способов истребления себе подобных толкало людей на изучение разнообразных подходов к проблеме безопасности, в том числе и военной, ибо людей в человеческой истории чаще всего истребляли на войне – величайшей опасности для единичного и общего социального бытия. Длительные и суровые военные действия служили для любой цивилизации проверкой на прочность. Великая европейская цивилизация возникла в Греции, структурно и законодательно окрепла в Римской республике и впоследствии в империи, а окончательно сформировалась в Европе. Новая и свежая кровь европейских народов влилась в жилы греко-римской цивилизации. Европейская цивилизация триумфально пошла по миру. Отнюдь не погруженные в наркотический сон индусы с их верой в нирвану, а деятельные европейцы создали паровой котел, открыли Америку и создали «Илиаду», «Божественную комедию» и «Фауста».

Весь современный мир – продукт пассионарности европейской цивилизации, если использовать терминологию великого мыслителя Л.Н. Гумилева. Бывшие варвары распространяли свои ценности не только мирным путем, но преимущественно огнем и мечом. Благие цели достигались порой весьма спорными средствами, среди которых война занимала главенствующее место. Особо подчеркнем, что христианская западная цивилизация была создана сильными телом и духом, воинственными, гетеросексуальными и абсолютно неполиткорректными людьми, убежденными в превосходстве своего этноса, религии и культуры. С другой стороны, все негативные тенденции и кризисные явления современной эпохи (экологический кризис, аннигиляция нравственности, военные конфликты) также, по большей части, являются результатом развития западноевропейской цивилизации. Сама война может быть понята как превышение меры здоровой агрессивности и неуживчивости, которая жизненно необходима для возникновения любой цивилизации. Желание доказать свою правоту, в том числе и военной силой, коренится в природе западного человека. В этом – диалектическая связь силы и слабости западной цивилизации, где ценность часто оборачивается антиценностью, а добро – злом.

В Новое время Эразм Роттердамский утверждал, что обеспечение безопасности возможно не только военными средствами [6]. Несколько ранее Уильям Оккам сказал Людвигу Баварскому, у которого с 1328 г. скрывался в Мюнхене от преследований Римского Папы: «Защищай меня мечом, а я буду защищать тебя пером». По сути, вся христианская цивилизация базируется на признании важности Слова, понимаемого как Дух, Логос, могущий убивать и воскресать: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Иоанн 1:1). Искусно сказанное и вовремя употребленное слово могло не только вызвать войну, но и предотвратить кровопролитие.

По сути, эти мысли трансформировались в воззрения выдающихся политологов современности. Такие исследователи, как В.К. Потехин, В.И. Слипченко подчеркивают, что применение вооруженного насилия отнюдь не всегда является определяющим признаком военного столкновения между государствами [7; 8]. Если придерживаться такой точки зрения, то Третья мировая война уже идет полным ходом. Ведь и в 1930-е годы военные действия велись в разных регионах земного шара до того, как разразился мировой военный пожар, а накал идеологической борьбы был обжигающе горяч.

Даже после нападения Германии на Польшу 1 сентября 1939 г. никто из политиков того времени не говорил о том, что началась Вторая мировая война. Даже само слово «война» ими не употреблялось. Немецкая официальная пресса писала о военных действиях в Польше как о «борьбе за мир в Европе», советские пропагандисты после 17 сентября 1939 г. именовали раздел и уничтожение Польши «защитой братских народов» – правда, без уточнения того обстоятельства, от кого эти народы защищаемы. Итальянская пресса вторжение Гитлера в Польшу трактовала как «выполнение миротворческой миссии».

Сегодня часто вспоминают о различных трактовках стратегии непрямых действий сэра Б. Лиддел Гардта, бывшего современником двух мировых войн и самых разнообразных кризисов, в том числе и Карибского [9]. Традиционное понимание войны устарело и не отвечает в полной мере среде безопасности в XXI в. Мысли Лиддел Гардта о том, что для достижения победы противника нужно любой ценой вывести из равновесия, активно используются для стратегии современной информационной войны, а создание действенной стратегии такой войны невозможно без мощной политико-философской базы.

При рассмотрении состояния военной безопасности России как проблемы философии политики в современной ситуации следует учитывать, что войны как явление социокультурной реальности всегда возникают как следствие неразрешимых противоречий в межгосударственных отношениях. Эти противоречия, как и некоторые болезни, хотя порой и загоняются внутрь общественных организмов, но все равно рано или поздно проявляются, и порой это происходит самым роковым образом.

Ныне уже нет противостояния двух общественно-политических систем, но налицо противостояние цивилизаций, возникшее из-за неразрешенных цивилизационных противоречий. За последние годы наблюдается тенденция к возрождению Русского мира как геополитического единства. Само понятие «Русский мир» в современную эпоху стало интенсивно употребляться

отечественными социальными философами, историософами и политологами после встречи В.В. Путина с творческой интеллигенцией в Доме Державина в Санкт-Петербурге. Именно тогда, в канун Года русского языка, Президент РФ в качестве важнейших составляющих «русского мира» выделил «русское слово» и «русскую культуру». В.В. Путин тогда отметил: «Русский мир может и должен объединить всех, кому дорого русское слово и русская культура, где бы они ни жили, в России или за ее пределами. Почаще употребляйте это словосочетание – «русский мир». Это пожелание Президента РФ было выполнено социальными философами и политологами, и дискуссии о Русском мире как о некоей общности приняли оживленный характер.

И пусть пока само это понятие носит, по большей мере, культурологический и идеологический оттенок, но налицо и практические шаги, предпринятые в процессе создания и укрепления Евразийского экономического союза, созданного при ведущем активном участии России 1 января 2015 г.

Сама возможность укрепления позиций России вызывает активное противодействие Запада. Идеологические схватки превращаются в борьбу геополитических концепций. Главное, чтобы при этом не страдала истина, ибо она вновь – и уже давно – в ряде научных исследований как на Западе, так и в нашем Отечестве, в некоторые секторах общественно-политического знания запрещена. Господствует идеология в самых разнообразных формах и модификациях. Если же истина противоречит идеологии, то эта истина объявляется преступной. Именно поэтому важно не повторять ошибок советского времени, когда безграмотные идеологи в 1970–1980-е годы привели державу к духовному вакууму и экономическому краху. Важно также не опуститься до уровня западных «прогрессивных» политологов, для многих из которых основным методом научной дискуссии является лишь стройная и продуманная система оскорблений оппонентов.

В современную эпоху происходит унификация мира по американским стандартам, и этот процесс угрожает национальной безопасности многих стран, в том числе напрямую и военной безопасности России. Этот процесс красиво именуют глобализацией. Как отмечает П.А. Горохов, «глобализация – всеохватывающий, многоаспектный процесс насильственного превращения мира в целостную и унифицированную по западным стандартам систему, совпадающий, по сути дела, с Третьей мировой войной, которая ведется развитыми странами Запада против остального мира» [10, с. 44].

Сама военная безопасность любой страны напрямую связана с ее властными структурами. Т. Гоббс акцентировал внимание на том, что у верховной власти есть право объявления войны и заключения мира [11]. Мыслитель много рассуждал о войнах, причины которых коренятся в человеческой природе, склонной в агрессии. В своем труде «Левиафан» философ опровергал старую истину Аристотеля о том, что человек является по природе своей общественным существом.

Но подлинной безопасности можно достичь лишь при отказе от состояния «войны всех против всех», от «права всех на все». Люди заключают общественный договор, суть которого заключается во взаимных обязательствах

между подчиняющим и подчиняющимися. Именно государство – главный гарант всеобщей безопасности. Государство призвано соблюдать нерушимость общественного договора, который, по словам Т. Гоббса, «без меча лишь слова, которые не в силах гарантировать человеку безопасность» [12, с. 338]. Ныне эти мысли кажутся трюизмом, но в эпоху зарождения капитализма и создания новых общественно-политических концепций идеи Т. Гоббса были струей чистой воды в замутненном болоте средневековых предрассудков.

Собственно, именно Т. Гоббс и Дж. Локк являются творцами теории безопасности, которая стала утверждаться в Новое время и оказала значительное влияние на идеологию и практику европейских государств, в том числе созданных на основе философских и правовых идей Дж. Локка Соединенных Штатов Америки. Именно мысли и доводы, содержащиеся в его произведении «Два трактата о государственном правлении» [13], американские колонисты использовали в своей борьбе против королевской власти во время Американской революции.

Война непосредственно связана с политикой и имеет политическое содержание. Так было всегда, но именно с возникновением капитализма в Европе политические интересы стали довлеть над прочими и определять состояние войны и мира. К началу XIX столетия, в бурную эпоху наполеоновских войн, определились основные контуры теории войны и военной безопасности. Здесь нельзя не вспомнить о классической книге Карла фон Клаузевица «О войне», созданной в 1832–1837 гг. и призванной осмыслить величественную Наполеоновскую эру, порожденную кровавой и великой Французской революцией. По К. Клаузевицу, война является рационально организованным инструментом национальной политики. Безопасность – состояние, свободное от военной угрозы. Здесь Клаузевиц идет в русле основных концепций немецкой классической философии, согласно которым разум довлечет над природой и рационально можно постичь все загадки мироздания. Клаузевиц вполне логично и рационально связал войну и политику. «...Война есть не что иное, как продолжение политических отношений с привнесением иных средств» [14, с. 101].

К. Клаузевиц подчеркивал, что войны не возникают внезапно, но долго и тщательно подготавливаются национальными правительствами, проводящими определенную политику. Война, являясь частью единой системы, лишь продолжает в иной форме предшествующую политику государства. Политика порождает войну, а не наоборот. Если же правительство начало войну, то оно лишь рационально продолжает ту политику, которую проводило до начала военных действий. Мирная политика призвана удовлетворить собственные эгоистические интересы, но если она не дает желаемых результатов, то государственная власть переходит к другой форме политики – войне, главной целью которой является сокрушение вражеской политики военными средствами. Отсюда «война есть акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю» [14, с. 3].

Разумеется, в современную эпоху цели войн не всегда являются политическими в традиционном смысле, ибо меняются сами представления о

должном и сущем в политике. Эти цели не всегда эксплицитно связаны с идеологическим и геополитическим выражением национальных интересов, но имплицитно отражают эти интересы. Геополитика теснейшим, часто неявным образом связана с целым комплексом этнических и религиозных аспектов целей и достижением территориальной или языковой идентичности. Разумеется, само право применять вооруженное насилие при ведении войн в современную принадлежат не только заинтересованным государствам, но и союзам государств и транснациональным корпорациям.

Суть военной безопасности для России – предотвращение войны, которая угрожала политической и социокультурной целостности страны на протяжении всей ее истории. Здесь онтологическая сущность явления сливается с праксеологической стороной. Некоторые аспекты проблемы военной безопасности в условиях силового противостояния цивилизаций в логико-историческом аспекте уже рассматривались в предшествующих работах [15]. Отечественные мыслители часто обращались к проблемам войны и военной безопасности, ибо война была перманентным явлением для русской истории. Гигантская территория России с богатейшими людскими и природными ресурсами издревле манила к себе захватчиков.

Выдающийся историк М.Н. Покровский совершенно справедливо отмечал, что история – это политика, опрокинутая в прошлое [16]. Порой историк-большевик говорил, что история есть политика прошлого, без которой нельзя понять политику настоящего. Видимо, эта максима является парафразом мысли британского историка Эдварда Фримана: «История есть политика прошлого, а политика – история настоящего» [16].

Фактически на протяжении всей своей государственной истории России пришлось отражать удары завоевателей, мечтавших захватить богатые и обширные просторы Руси. В начале XVII столетия Россия оказалась под угрозой потери государственности, которая была восстановлена не усилиями верховной власти, а инициативой снизу – народным ополчением, созданным в Нижнем Новгороде под руководством князя Дмитрия Пожарского и гражданина Кузьмы Минина.

Именно вечная необходимость отражать удары многочисленных внешних врагов нашла свое отражение в самой этимологии русского слова «безопасность». Этимологически безопасность означает состояние свободы от любой возможной опасности, что подчеркивал В.И. Даль в своем великом Словаре. Он определяет слово «безопасность» как «отсутствие опасности; сохранность, надежность». Далее читаем: «Безопасливый, ничего не опасующийся, неосторожный, самонадеянный, смелый и опрометчивый; безопасливость – свойство, качество». В контексте рассматриваемой тематики интересна поговорка, которую приводит в этой словарной статье В.И. Даль: «Безопасливость губит» [17, с. 67].

Немецкое слово *die Sicherheit* означает «безопасность» и «уверенность», а логика и корни английского *security* и французского *la sécurité* коренятся в латинском слове *securitas*, которое означает состояние уверенности, надежности, стабильности и беззаботности. Собственно, и это латинское слово произошло от древнелатинского «*sesed*» (без) и *cura* (забота).

В аксиологическом аспекте саму свободу как величайшую ценность можно понимать как в положительном («свобода для»), так и в отрицательном («свобода от») аспектах. Военная безопасность как состояние свободы для мирного и творческого труда всегда была идеалом для русских патриотов. Военная безопасность, сама выступая одной из высших ценностей, давала возможность развиваться высшим духовным потенциям народа. В этом – главный аксиологический аспект военной безопасности.

До 1990-х годов отечественная социально-политическая мысль военную безопасность вполне логично ассоциировала с понятием защиты социалистического государства, и укреплением его обороноспособности. Огромную роль играл социалистический патриотизм. В ельцинские годы над патриотизмом посмеивались разные общественно-политические деятели, обанкротившиеся политики, люто ненавидевшие Россию, особенно любили вспоминать афоризм поэта Самуэля Джонсона «Патриотизм – последнее прибежище негодяя» (Patriotism is the last refuge of a scoundrel). С начала 2000-х годов смешки по поводу патриотизма, патриотов и необходимости укреплять безопасность страны стали затихать, но окончательно утихли лишь тогда, когда в феврале 2016 г. В.В. Путин объявил патриотизм национальной идеей России.

В 1994 г., в разгар ельцинского безвременья, лауреат Нобелевской премии мира и бывший Государственный секретарь США Г. Киссинджер, изрек: «Любой, кто хоть сколько-нибудь обстоятельно изучал историю России, знает, что именно русский национализм всегда обеспечивал целостность страны и ее способность справляться с многочисленными врагами и бедами» [18]. На наш взгляд, эксполитик верно уловил основную философскую составляющую национальной идеи нашей страны, которой она была верна во всех государственно-политических формах на протяжении своей истории (Киевская Русь, Московское царство, Российская империя, Советский Союз). Г. Киссинджер считается не только выдающимся американским интеллектуалом, но и инициатором и главным проводником политики разрядки в отношениях США и Советского Союза. Г. Киссинджер тщательно изучал русскую историю и литературу, поэтому резюмировал свои наблюдения пророчески: «А ныне русские потеряли созданную ими огромную империю. Можно ли рассчитывать на какую-то иную реакцию на это унижение, нежели взрыв национализма?» [18].

Пусть иностранцы именуют русский патриотизм национализмом! Из-за этого вовсе не стоит отрекаться от самих себя и великой истории своего государства лишь потому, что кому-то хочется называть наше Отечество последней империей в мире, а русский патриотизм именовать национализмом. Степень военной безопасности напрямую связана с уровнем патриотизма, ибо безопасным может считать себя лишь государство, свободное от внутренних распрей и могущее в любой момент отразить внешнюю опасность силами как армии, так и всего народа.

Патриотизм – диалектический синтез онтологической и аксиологической составляющих духовности, без которого невозможна безопасность страны. Сохранение и приумножение традиционных российских духовно-нравственных ценностей как основы российского общества является стратегической целью

национальной безопасности, согласно Указу Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». 7 мая 2018 г., после инаугурации Президента РФ, был издан Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». Данный документ направлен на укрепления российской гражданской идентичности на основе духовно-нравственных и культурных ценностей народов Российской Федерации.

Таким образом, очевидно, что само понимание термина «военная безопасность» в разных исторических эпохах у различных мыслителей варьировалось, различается оно и у современных мыслителей – политологов, философов, юристов. Например, военную безопасность можно понимать «как состояние жизнедеятельности социума, его структур и институтов, гарантирующее их качественную определенность в параметрах надежности существования и устойчивости развития посредством исключения военного насилия» [19, с. 81–82].

Различные аспекты безопасности – экономические, политические, психологические и т.д. – исследуются уже в течение столетий. Однако к середине XX столетия явственно высветилась необходимость обобщения множества эмпирических данных и отдельных теоретических положений. Необходим синтез знаний о самом феномене безопасности, создание системной концепции обеспечения безопасности. Многие ученые и в России, и за рубежом приступили к активному исследованию проблем, связанных с обеспечением национальной и международной безопасности. Однако, существенные различия в подходах к трактовке социальных процессов, к объяснению их логики также явились причиной возникновения большого количества концепций иногда дополняющих друг друга, а, зачастую, и противоречащих друг другу.

Итак, рассмотрев онтологические, праксеологические, аксиологические, этические и историко-логические особенности понятия «военная безопасность», можно сделать вывод, что военная безопасность России не сводима к числу составляющих структурных элементов, так как образует внутреннее и внешнее единство. Онтология теснейшим образом связана с праксеологией, а этика – с аксиологией, которая, в свою очередь, базируется на сущностной основе. Логика исторического процесса высвечивает экзистенциальную и онтологическую проблематику.

Тем не менее следует констатировать, что исключить само начало локальных военных действий в эпоху противостояния цивилизаций чрезвычайно сложно. По сути, в мире уже вспыхнули очаги новой мировой войны, и если в ближайшее время их не удастся погасить, то грядущая мировая катастрофа станет неизбежной.

Создать, сохранить и укрепить состояние военной безопасности нельзя без перманентного анализа меняющейся ситуации, в котором должны быть задействованы философы, политологи, юристы, экономисты и культурологи. Реальная жизнь намного богаче самых объемных и всеохватных философских концепций, но, по нашему убеждению, именно философия политики может послужить нитью Ариадны в лабиринте международных и геополитических

противоречий. Исходя из сложившейся социокультурной и геополитической ситуации противостояния цивилизаций в современном мире, военную безопасность России в качестве предмета анализа философии политики можно определить как диалектическое состояние отношений между Россией и ее возможными противниками, обусловленное комплексом политических, экономических, военных и других противоречий, сглаживание или разрешение которых призвано исключить возможность Третьей мировой войны.

Библиографический список

1. *Платон*. Собрание сочинений: в 4 т. М., 1994. Т. 2.
2. *Платон*. Диалоги. М., 1986.
3. *Аристотель*. Политик. СПб., 1911.
4. *Цезарь Г.Ю.* Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне, о Гражданской войне, об Александрийской войне, об Африканской войне. М., 2007.
5. *Геродот*. История. М., 2007.
6. *Роттердамский Эразм*. Воспитание христианского государя; Жалоба мира, отовсюду изгнанного и повсюду сокрушенного; Похвальное слово глупости. М., 2001.
7. *Потехин В.К.* Современные войны и национальная безопасность России // Кому будет принадлежать концентрированное оружие в XXI веке?: сборник статей / гл. ред. Ю.В. Крушинов. М., 1997. С. 69–87.
8. *Слипченко В.И.* Войны шестого поколения. Оружие и военное искусство будущего. М., 2002.
9. *Лиддел Гарт Б.Г.* Стратегия непрямых действий. М., 1957.
10. *Горохов П.А.* Глобализация: опыт философского осмысления // Вестник Оренбургского государственного университета. 2007. № 7. С. 44–50.
11. *Гоббс Т.* Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Т. Гоббс. Соч.: в 2 т. М., 1991. Т. 2. С. 139–140.
12. Антология мировой философии: в 4 т. Т. 2: Европейская философия от эпохи Возрождения по эпоху Просвещения. М., 1970.
13. *Локк Д.* Два трактата о государственном правлении. М., 2009.
14. *Клаузевиц К.* О войне. М., 1933.
15. *Ковалев А.А.* Информационная политика и военная безопасность России в эпоху противостояния цивилизаций: теоретико-методологические аспекты проблемы. СПб., 2016.
16. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / авт.-сост. В. Серов. М., 2005.
17. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1995. Т. 1. А – 3.
18. *Kissinger I.W.* A Biography. New York: Simon & Schuster, 2005.
19. *Радиков И.В.* Военная безопасность общества и государства: политологический анализ: дис. ... д-ра. полит. наук. СПб., 2000.

Военная безопасность России и проблемы геополитики*

У каждого государства, стремящегося сохранить свою территориальную, социально-экономическую и культурную независимость, есть некие ценностные каркасы, которые остаются в основе своей неизменными на протяжении длительного социального времени. К такой ценностной основе относится и военная безопасность страны, которая, в совокупности с другими компонентами, призвана обеспечить ее национальную безопасность в целом.

Вообще этим проблемам национальной безопасности в целом, равно как и значению ее отдельных составляющих, уделяется в последнее время все более пристальное внимание, в том числе и нашими московскими коллегами – специалистами Дипломатической академии МИД России (см., напр.: [1: 78–98; 2: 99–115; 3: 158–175]). Статьи на эти темы, в их самых разнообразных ракурсах и аспектах, публиковались и на страницах «Вестника» [4: 21–30; 5: 31–43]. На примере США затрагивались и вопросы сопряжения современной военно-политической мысли с политологическими концепциями и геополитикой вообще [6: 35–50]. В настоящей же статье внимание автора концентрируется прежде всего на взаимосвязи многих из проблем военной безопасности России с рядом геополитических концепций.

К сожалению, исключить военные действия с участием нашей страны, пусть даже первоначально локальные, в современную эпоху, насыщенную множеством больших и малых противоречий и конфликтов, чрезвычайно сложно. По сути, некоторые из таких конфликтов, устойчиво перешедших в фазу боевых действий, гипотетически можно воспринимать как первые уже вспыхнувшие очаги новой мировой войны. В том смысле, что если в ближайшее время их не удастся погасить, то грядущая мировая катастрофа станет вполне возможной, а при определенном стечении обстоятельств даже неизбежной.

Военную безопасность России в этих условиях можно определить как поиск таких форм отношений между нашей страной и ее возможными противниками, которые бы исключали или хотя бы до предела минимизировали саму возможность третьей мировой войны. Форм, обусловленных, конечно, внушительным комплексом действенных и эффективных политических, экономических, социально-психологических, военных и других факторов. (Это определение можно считать уточняющим и дополняющим первоначальное. В своем диссертационном исследовании автор определял военную безопасность как «особое состояние отношений между государствами (или их коалициями), обусловленное сочетанием политических, экономических, военных и других факторов, исключающих возможность начала войны (военных действий)» [7: 39]).

Логично понимать при этом военную безопасность государства также и как некое качественное состояние, складывающееся из количественных факторов, важнейший среди которых – степень защищенности традиционных

* Ковалев А.А. Военная безопасность России и проблемы геополитики // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2016. – № 2 (8). – С. 41-50.

национальных достояний и ценностей, самих природных богатств нашей Родины от различного рода внешних и внутренних опасностей и угроз.

Широкие трактовки военной безопасности вообще имеют тенденцию максимально приблизиться к более многомерному понятию «национальная безопасность», стать своего рода его «рабочим ядром». Так, И.В. Радиков считает, что военная безопасность – это «состояние жизнедеятельности социума, его структур и институтов, гарантирующее их качественную определенность в параметрах надежности существования и устойчивости развития посредством исключения военного насилия» [8: 81–82]. Напомним в этой связи, что национальная безопасность в целом определялась в «Стратегии национальной безопасности

России до 2020 года» как «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства» ([9]; цит. по: [5: 32]).

Не вдаваясь в глубокие дискуссии по терминологии, в данной статье под военной безопасностью будем преимущественно понимать качество защищенности от агрессии и получения значимого ущерба со стороны других государств.

Говоря сегодня о военной безопасности, нельзя обойти вниманием проблемы геополитики. Саму геополитику тоже трактуют по-разному, причем определения в той или иной мере зависят от мировоззрения, политических взглядов автора, уровня и качества его образования, степени патриотизма и других самых разнообразных факторов. Позволим привести здесь определение профессора В.А. Золотарева, доктора исторических и юридических наук: «Под геополитикой понимается система научно обоснованных и официально принятых взглядов руководства одного государства или коалиции государств на их географическое положение и роль в мировом сообществе в политическом, экономическом, военном и других отношениях, реализуемых в практической деятельности с целью удержания ведущего положения в мире или регионе и обеспечения национальных и государственных интересов» [10: 8].

В СССР геополитика, наряду с генетикой, кибернетикой и сравнительной лингвистикой, долгое время рассматривалась как лженаука со всеми вытекающими отсюда пагубными последствиями для тех ученых, которые все же имели смелость говорить о необходимости разработки собственных и учета существующих геополитических концепций. Между тем, Советский Союз имел обширнейшие как сухопутные, так и морские границы. Отсюда геополитические интересы великой державы – признавали ли ее лидеры реальность таковых или нет – были весьма разнообразными, многоаспектными и требовали комплексной защиты, в том числе и прежде всего – военными средствами. Де-факто, на прагматическом уровне, это, естественно, так или иначе осознавалось и учитывалось руководством страны, но на научном, теоретическом уровне замутнялось господством идеологизированных догм.

Геополитику и поныне часто характеризуют как более-менее удачный междисциплинарный термин, относящийся к социальным дисциплинам, а порой и вовсе навешивают на нее ярлык околонучного неологизма, порожденного творчеством западноевропейских интеллектуалов. Думается, что хотя бы в качестве методологии особого подхода к изучению соотношений географического положения и ресурсных возможностей государств с их внешней (не в последнюю очередь военной) политикой статус геополитики вряд ли целесообразно подвергать сегодня сомнению.

Геополитические концепции широко применяются и в информационной сфере, особенно в ее сегментах, направленных на достижение и сохранение военной безопасности. Впрочем, еще до рождения термина как такового построения геополитического характера слишком часто использовались на протяжении истории для обоснования шовинистических и милитаристских интенций во внутренней и внешней политике.

Спустя столетия, в первой половине XX века, геополитические конструкции на новом качественном уровне были развиты в трудах англичанина Хэлфорда Джона Маккиндера [11] и немецкого генерала, считающегося одним из основателей Общества Туле (Thule-Gesellschaft), профессора Карла Гаусхофера [12]. Маккиндер и Гаусхофер использовали некоторые идеи американского адмирала Альфреда Тайера Мэхэна [13], признанного подлинным основателем геополитики как таковой. Хотя в научной литературе можно встретить и мнение, что само понятие ввел в западноевропейскую интеллектуальную традицию в 1916 году, в разгар Первой мировой войны, шведский ученый-германofil и политик Рудольф Челлен в своем труде «Государство как форма жизни» [14]. Челлен считал, что, с точки зрения геополитики, три основных фактора оказывают влияние на положение государства: расширение, территориальная монолитность, свобода передвижения. Челлен вычленил геополитику как один из ведущих элементов политики вообще, понимаемой как многоаспектный, многоуровневый и направляемый процесс.

Адмирал Мэхэн развивал концепцию Sea Power, согласно которой завоевание господства на море признавалось основным законом и главной целью войны, достижение которой в наибольшей мере гарантирует победу над врагом и обретение мирового господства [13: 54–60]. Среди прочего адмирал обосновывал необходимость борьбы англосаксонской «морской» расы с «сухопутной» славянской, поэтому призывал сдвинуть Россию железным кольцом государств, обладающих «морской силой» [13: 59]. В целом он постулировал существование вечного противоречия между сухопутными и морскими державами и выделял то обстоятельство, что лишь всеохватный контроль над океанскими и морскими коммуникациями и крупными портами способен привести к долговременному геополитическому доминированию англосаксов в мире. Россию Мэхэн считал сухопутной, континентальной державой, которую нужно сдерживать совместными силами США и держав-союзников, обладающих «морской мощью».

Теперь, когда после распада СССР наша страна обладает лишь 4/5 своей бывшей территории и во многом утратила былое величие морской державы, некоторые застарелые идеи Мэхэна, к сожалению, оказались реализованными.

Как и Мэхэн, Хэлфорд Маккиндер в своей работе «Демократические идеалы и реальность» призвал сдерживать Россию путем постоянного военного давления на нее [11: 78–80]. Согласно концепции Маккиндера, Россия занимает самое выгодное географическое положение между Европой и Азией, то есть срединное, центральное положение. Поэтому ее ослаблению должны всячески содействовать другие государства планеты. Если смотреть с планетарной точки зрения, то в центре обитаемого мира находится Евразийский континент, в середине которого лежит так называемый Heartland, «сердце мира». Heartland – это самый удобный географический плацдарм для контроля над всей планетой, ибо этот плацдарм через систему концентрических кругов организует иерархию планетарного пространства. В самом его центре находится «осевой ареал» (pivot area). Это геополитическое понятие географически совпадает с Россией, вызывавшей особую ненависть у Мэхэна и Маккиндера.

То, что само понятие «геополитика» напрямую связано с проблемой военной безопасности, не требует особых доказательств. Геополитические концепции, отдельные идеи и конструкции в той или иной степени всегда служили обоснованием возможной военной, социально-экономической или культурной экспансии, что явственно видно и сегодня. Казалось бы, все перечисленные выше геополитические концепции принадлежат уже достаточно далекому прошлому. Однако, как показывает практика, они продолжают, хотя и в разной степени, воздействовать на умы людей, в том числе (и прежде всего) – на административные, дипломатические и военные элиты многих государств.

Причудливо смешиваясь подчас в головах иных генералов и политиков, как новые, так и старые геополитические идеи непредсказуемо влияют на характер их военно-стратегического мышления. Так, в этой связи О.П. Иванов и А.В. Копылов отмечали, например, «путаницу среди военных руководителей США в прочтении угроз американской национальной безопасности, которая проявилась во время слушаний в Конгрессе США летом 2015 года» [6: 45]. И этот пример – далеко не единственный.

Сложности тут добавляет и тот факт, что относительно современные геополитические идеи, естественно, богаче и разнообразнее рассмотренных «классических». Обратимся лишь к одному примеру.

Еще в 1990 году французский генерал Пьер Галлуа издал книгу «Геополитика. Истоки могущества» [15]. В ней он не только представляет свое теоретическое видение геополитики и основных периодов ее истории, но убедительно доказывает, что геополитика вовсе не тождественна географическому детерминизму и политической географии. Галлуа отмечает, что потенциал государства определяется его территорией, географическим расположением, населением, протяженностью и конфигурацией границ, состоянием недр, экономическими, культурно-образовательными и прочими факторами. При определении потенциала государства непременно и особо должно приниматься в расчет также наличие или отсутствие новейших средств массового уничтожения противника.

Таким образом, если обобщать, то приходим к выводу: отличия современных концепций геополитики от ее классических интерпретаций

определяется тем, что в современную эпоху провозглашается ведущая значимость материальных, социальных и моральных ресурсов государства, взятых в их совокупности. Эта совокупность факторов часто именуется «геополитическим потенциалом». Не только активное использование этого потенциала, но порой само его наличие достаточно для успешного осуществления тех или иных внешнеполитических приоритетов.

Ушедший XX век в геополитическом плане был столетием борьбы за мировое господство, которую вели между собой государства или союзы государств, движимые различными идеологическими устремлениями в не меньшей мере, чем сугубо материальными интересами. Идеологии придавался статус науки, как это было с марксистской философией в СССР. Собственно, мир в первой половине XX века стал ареной противостояния (в том числе и военного) трех основных субъектов, ориентированных на победу в глобальном, мировом масштабе. Эти три субъекта – национал-социалистическая Германия, ее союзники и вассалы; Советский Союз и созданный им позднее, после разгрома гитлеровской Германии, так называемый мировой лагерь социализма; англо-американский стратегический альянс, оформившийся после Второй мировой войны в НАТО – широкий блок ведущих (и «ведомых») западных государств.

Нацистская Германия, потерпевшая сокрушительное военное поражение, в геополитическом плане стремилась к мировому господству, расширению «жизненного пространства», обеспечению процветания и весьма своеобразно понимаемого «счастья» лишь для одной нации. Идеологи Третьего рейха все 12 лет его существования пыгались сортировать нации и народы, ориентируясь на степень приближенности к арийскому эталону. Причем это стремление к расовой чистоте и изуверски понимаемому совершенству сочеталось с идеями ликвидации «недоразвитых» и «вредных» этносов и полного ущемления прав остальных народов.

Социалистический Советский Союз на протяжении семи десятков лет был ведом догмой об особом мессианском пути и избранности одного общественного слоя – пролетариата, союзником которого выступает беднейшее крестьянство. Ленин не скрывал, что конечная цель Октябрьской революции – осуществление мировой революции, которую можно трактовать и как особого рода геополитическую экспансию. Только Ленин изначально отводил самой России лишь роль экспериментальной площадки для реализации теории и практики мировой революции, а Сталин в интересах правящей партийной бюрократии соединил традиционный русский патриотизм с задачами практической реализации идеи построения великой империи социализма, в которой проблеме военной безопасности уделялось, конечно же, самое пристальное внимание.

Эти идеи не могли не раздражать западный мир, который в 1930-е годы колебался в выборе наименьшего зла между Гитлером и Сталиным, боялся и ненавидел их равным образом.

И все же противоречивая коалиция, в самую возможность которой верили немногие, трагически поздно, когда нацистами уже была захвачена практически вся Европа, но сложилась. Национал-социалистический Третий рейх был повергнут совместными усилиями социалистического СССР и англосаксонского

мира. После Второй мировой войны цели последнего явственнее всего сформулировал Уинстон Черчилль в своей речи в Фултоне 5 марта 1946 года. В ней Черчилль констатировал, что Соединенные Штаты находятся на вершине всемирной мощи. Это состояние он определил как торжественный момент для американской демократии, ибо вместе со своим превосходством в силе она приняла на себя и огромную ответственность перед будущим. Черчилль призвал к созданию коалиции народов, прежде всего – говорящих на английском языке, направленной на борьбу против складывающегося мирового социалистического лагеря.

В основу нового западного стратегического альянса легла теория и практика ранжирования стран мира по степени приобщенности к ценностям и идеалам «открытого общества» под планетарной эгидой США, которая, впрочем, открыто и явно не провозглашалась. Крах нацистской Германии, а к концу века и СССР, сделал наглядным и очевидным стремление США ускорить процесс американизации всего мира. Это стремление стало особо рельефным на рубеже третьего тысячелетия и, слившись воедино с объективным процессом всемирной экономической, политической и культурной интеграции, получило название «глобализация».

Глобализация серьезно влияет на современную мировую политику, включая отношения Запада и России. Вместе с тем, никто в мире не отрицает тот факт, что между Западом, который, за исключением отдельных оговорок, по-прежнему нельзя себе представить без экспансионистских планов, и Россией издавна существует значительная напряженность. Эту напряженность можно уже назвать исторически традиционной, что само по себе диктует необходимость крепить обороноспособность государства и не забывать о военной безопасности как важнейшей составной части национальной безопасности в целом.

Библиографический список

1. *Аникин В., Сурма И.* Международные аспекты экономической безопасности в условиях геополитической нестабильности // Современный мир и геополитика / Отв. ред. М.А. Неймарк. М.: Изд-во «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2015.
2. *Аникин В., Анненков В., Сурма И.* Энергетическая безопасность как основа национальной безопасности России // Там же.
3. *Неймарк М.А.* Культура как ресурс национальной безопасности России // Там же.
4. Он же. Культура и национальная безопасность России: бремя перемен // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2014. № 2.
5. *Копылов А.В.* О генезисе и сущности понятия «национальная безопасность» // Там же. 2015. № 2 (4).
6. *Иванов О.П., Копылов А.В.* Современные военно-политические концепции США: вперед в прошлое // Там же. № 4 (6).

7. Ковалев А.А. Властные механизмы обеспечения военной безопасности Российской Федерации: Дисс. на соиск. уч. ст. канд. полит. наук по спец. 23.00.02 / Ковалев Андрей Андреевич. СПб., 2015.

8. Радиков И.В. Военная безопасность общества и государства: Политологический анализ: Дисс. на соиск. уч. ст. докт. полит. наук по спец. 23.00.01 / Радиков Иван Владимирович. СПб., 2000.

9. Российская газета. Федеральн. вып. № 4912. 2009. 19 мая.

10. Золотарев В.А. Военная безопасность Государства Российского. М., 2001.

11. Mackinder H.J. Democratic Ideals and Reality. New York, Washington, DC: National Defence University Press, 1996. (Первое изд.: Mackinder H. Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction. London: Constable and Company, 1919.)

12. Haushofer, Karl Ernst. Geopolitische Grundlagen. Industrieverlag Spaeth & Linde. Berlin; Wien, 1939.

13. Mahan, Alfred Thayer. The Influence of Sea Power Upon the French Revolution, 1793–1812. London, 1967.

14. Kjellén, Johan Rudolf. Der Staat als Lebensform. Hirzel, Leipzig, 1917.

15. Gallois, Pierre Marie. Géopolitique, les voies de la puissance. Plon, 1990.

Вопросы военной безопасности в программах парламентских партий на выборах в Государственную Думу VII созыва*

Военная безопасность ранее ассоциировалась с такими категориями, как «защита социалистического Отечества», «обороноспособность», «военная мощь государства». Впервые на законодательном уровне определение военной безопасности дается в третьей редакции Военной доктрины России в 2010 г., которая рассматривает ее как «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних военных угроз, связанных с применением военной силы или угрозой ее применения, характеризующее отсутствием военной угрозы либо способностью ей противостоять»²⁸.

Решение задачи по обеспечению военной безопасности предполагает необходимость учета множества параметров, соблюдения специфических норм и принципов. Одним из элементов механизма обеспечения военной безопасности государства выступает нормативно-правовая база деятельности в данной сфере. И именно от того, каким законодательством будет регулироваться система обеспечения военной безопасности, зависит многое, в том числе и судьба страны.

* Ковалев А.А. Вопросы военной безопасности в программах парламентских партий на выборах в Государственную Думу VII созыва // Управленческое консультирование. – 2016. – №11. – С.39-49.

²⁸ Военная доктрина Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 05.02.2010 № 146.

В России завершилась очередная кампания по выборам депутатов Государственной Думы. Каждая из «старых» парламентских партий представляла на суд избирателей обновленные программы, в которых старалась отразить свои позиции по всем актуальным вопросам современной жизни России, в том числе и касательно вопросов темы военной безопасности.

Парламентское участие в вопросах обеспечения военной безопасности выражается в различных формах: в виде разработки, обсуждения и принятия соответствующих законов, утверждения федерального бюджета, в том числе оборонных его статей, ратификации международных договоров, проведения парламентских расследований, связанных с военными инцидентами, и т. д.

Непосредственно вопросы, связанные с обеспечением военной безопасности, находятся в ведении двух комитетов Госдумы – Комитета по безопасности и противодействию коррупции и Комитета по обороне. Комитет по безопасности осуществляет подготовку законопроектов о правовом регулировании деятельности силовых структур – ФСБ, ФСО, СВР, ФСВНГ; о расходах федерального бюджета, направленных на обеспечение национальной безопасности, о социальной защите и пенсионном обеспечении лиц, проходящих службу в системе безопасности Российской Федерации; разрабатывает модельные законодательные акты для государств-участников СНГ и ОДКБ в сфере коллективной безопасности; осуществляет ратификацию международных договоров в области национальной безопасности, участвует в разработке правовых основ, связанных с геополитическими интересами Российской Федерации. В свою очередь, Комитет по обороне рассматривает и подготавливает законопроекты по вопросам обороны, полномочий органов государственной власти в данной сфере, рассматривает вопросы войны и мира, порядка введения и правового режима военного положения, финансирования расходов на оборону и т. д.²⁹

В информационной системе Государственной Думы происходит фиксация уровня законодательной активности каждого депутата. И анализ этого уровня свидетельствует о том, что с законодательными инициативами активно выступают далеко не все парламентарии. Возможно, это объясняется тем, что не все депутаты имеют образование и опыт практической деятельности, связанные с обороной и безопасностью. На данный аспект следует обязательно обращать и акцентировать внимание, так как плоскость безопасности всегда являлась и продолжает являться краеугольным камнем существования государства на всех этапах его формирования и развития. В какой-то степени этот пробел призван восполнить институт помощников и аппарат профильных комитетов и экспертных советов, где, как правило, работают профессионалы данной сферы. Однако необходима дальнейшая, более глубокая и предметная разработка методологии и инструментария изучения, анализа, формирования и контроля механизмов сферы безопасности.

²⁹ Официальный сайт комитета Государственной Думы по обороне [Электронный ресурс]. URL: <http://www.komitet2-15.km.duma.gov.ru/site.xp/049056.html>.

Правовая основа деятельности Государственной Думы в области обеспечения военной безопасности закреплена в ряде нормативных актов, таких, как «О военном положении»³⁰, «О чрезвычайном положении»³¹, «Об обороне»³², «О безопасности»³³. Рассмотрим подробнее их законодательные и правовые основы.

В сравнительно свежем законе «О безопасности» определяются принципы и содержание деятельности по обеспечению безопасности государства, полномочия и функции органов государственной власти в области безопасности. Согласно данному закону, государственная политика в области обеспечения безопасности является частью внутренней и внешней политики России. Государственная Дума в соответствии со ст. 9 закона принимает федеральные законы в области обеспечения безопасности³⁴.

Теперь непосредственно обратимся к обновленным программам парламентских партий, представленным ими в нынешней избирательной кампании. В том, что касается интересующего нас вопроса о военной безопасности, партийные программы во многом основываются на тезисах Послания Президента Федеральному собранию от 3 декабря 2015 г. В нем В. В. Путин акцентировал роль Российской Федерации в борьбе с международным терроризмом³⁵. Как мы знаем, Военная доктрина России относит международный терроризм к внешним военным опасностям для нашей страны. Президент делает акцент на то, что одному обособленному государству невозможно справиться с этой проблемой, особенно в условиях, когда границы в мире фактически открыты. Выходом из этой ситуации может стать создание мощного, единого антитеррористического фронта, который будет действовать на основе международного права и под эгидой Организации Объединенных Наций. Также Президент напомнил об общей ответственности власти, политических партий, гражданского общества, СМИ. Обращаясь к лидерам партий и участникам будущего избирательного процесса, ко всем общественно-политическим силам, Президент сказал, что они «должны сохранить нашу сплоченность, помнить, что главное для нас – Россия».

В программе Всероссийской политической партии «Единая Россия» имеется отдельная глава, посвященная справедливости и безопасности для мира и для России³⁶. Партия рассматривает вопросы обеспечения военной безопасности в контексте внешней политики государства. Принципы и подходы в международных отношениях основаны на верховенстве международного права, укреплении коллективных начал и центральной координирующей роли ООН. Говорится в программе и о наличии эффективных, мобильных, хорошо

³⁰ О военном положении: федер. конст. закон Российской Федерации от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ.

³¹ О чрезвычайном положении: федер. конст. закон Российской Федерации от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ.

³² Об обороне: федер. закон Российской Федерации от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ.

³³ О безопасности: федер. закон Российской Федерации от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ.

³⁴ О безопасности: федер. закон Российской Федерации от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ.

³⁵ Послание Президента Федеральному собранию [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50864>

³⁶ Предвыборная программа Всероссийской политической партии «Единая Россия» на выборах депутатов Государственной Думы ФС РФ VII созыва [Электронный ресурс]. URL: <http://er.ru/program/> 33

оснащенных Вооруженных Сил, являющихся гарантией безопасности государства.

Согласно Конституции страны, вопросы внешней политики отнесены к компетенции главы государства. И в этих вопросах партия намерена помогать Президенту на своем, парламентском уровне, в процессе международного сотрудничества, выработки законопроектов и ратификации международных договоров.

В международных отношениях ЕР выбрала вектор активизации деятельности, направленной на нормализацию отношений с Европейским союзом, но только в том случае, если европейские страны проявят к этому встречную активность и политическую волю, т. е. на паритетных началах. Уделено внимание и развитию интеграционных связей в рамках Союзного государства, с евразийской «пятеркой», СНГ. В этой связи хотелось бы уточнить важность и своевременную актуальность данного вопроса, так как «узкое понятие «политическая интеграция» трактуется, как «политический процесс, ведущий к объединению различных государств и других политических сил, к координации и сближению их деятельности» [1, с. 187]. И ударение здесь ставится именно на сближении, что особенно важно в сегодняшней непростой геополитической ситуации. Как видим, Россия всегда готова к конструктивному диалогу не только со своими союзниками или потенциальными геополитическими партнерами, но и со своими оппонентами, и даже с теми акторами, которые открыто называют Российской Федерацию врагом (или потенциальным врагом) № 1.

Важным вектором развития в программе партии названо укрепление безопасности. Здесь ЕР опирается на положения Стратегии национальной безопасности³⁷ и Военной доктрины России³⁸, в которой обозначены приоритеты в развитии военной организации государства. Это поддержание высокой боеготовности и гибкости Вооруженных Сил, укрепление систем стратегического сдерживания, дальнейшая модернизация неядерных вооружений. На последовательность данной политики указывает тот факт, что 5 декабря 2016 г. Указом Президента № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» была принята новая программа обеспечения государственной безопасности в ее информационном секторе. И связано это, прежде всего, с «увеличением масштабов применения отдельными государствами и организациями информационных технологий в военно-политических целях, в том числе для осуществления действий, противоречащих международному праву, направленных на подрыв суверенитета, политической и социальной стабильности, территориальной целостности Российской Федерации

³⁷ О стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации № 683 от 31 декабря 2015 г.

³⁸ Военная доктрина Российской Федерации: утв. Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г. № Пр-2976.

и ее союзников и представляющих угрозу международному миру, глобальной и региональной безопасности» (п. 15 Указа)³⁹.

Данный пункт Указа интересен еще тем, что отражает формирующийся в последнее время тренд политической и государственной деволюции, когда полномочия частично передаются от общенациональных и наднациональных структур в пользу преобладания первостепенности и важности региональности. Касательно применимости данного аспекта к сфере парламентаризма и функционирования современных партий, можно отметить, что наметилась тенденция к необходимости перераспределения внимания партийной активности в сторону низового уровня, накладывая дополнительную, более конкретизированную и личностную ответственность на решение законодательных и управленческих задач. При этом эффективность или неэффективность решения таких задач на региональном уровне проявляется намного оперативнее и более показательнее, что, в свою очередь, так же динамично формирует общественное мнение о заявленных партиями приоритетах и позициях, и их фактической и результативной (или не результативной) деятельности.

В области внешней политики по вопросам военной безопасности партия выступает за недопущение эскалации конфликтов, гонки вооружений и конфронтации России с кем бы то ни было, за выстраивание конструктивных партнерских отношений со всеми центрами силы современного мира.

Можно сделать вывод об адекватности современной международной и внутри-политической обстановки предложенной программы партии «Единая Россия», ее нацеленности на единую с Президентом страны политику в сфере военной и национальной безопасности. Являясь правящей партией и традиционно получая на выборах большинство в парламенте, ЕР имеет все возможности для реализации своей стратегической программы. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что государственная политика современной России становится все более планомерно последовательной, и доказывает свою эффективность, получая стабильно высокую избирательную оценку от российского электората (общества). А в плане свидетельства преемственности российского парламентаризма можно повторить слова Президента РФ В. В. Путина, процитировавшего слова П. А. Столыпина, произнесенные также в свое время депутатам Думы России век назад: «Мы все должны соединить усилия, свои обязанности и права для поддержания исторического, высшего права России – быть сильной».

Также партия «Единая Россия» в своей программе настаивает на немедленном и безусловном снятии антигуманных и незаконных во всех смыслах односторонних санкций ЕС с жителей Крыма⁴⁰. Там же предложена концепция договорной дипломатии и «мягкой силы», обозначенной использованием

³⁹ Указ Президента от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71456224/>

⁴⁰ Программа партии «Единая Россия» [Электронный ресурс]. URL: <http://er.ru/program/userdata/files/2016/07/28/predvyibornaya-programma.pdf>

«инклюзивной системы региональной безопасности, включающей как США и их союзников, так и Китай, и Россию. При этом нашей стране важно занимать нейтральную позицию»⁴¹. Поэтому так же оговорена позиция в отношении готовности идти на диалог и выстраивание паритетных отношений с Украиной, с целью стабилизации внутренней деструктивной ситуации в этом государстве и геополитическом партнере.

Если в целом взглянуть на программу «Единой России», то она сводится к предложению и готовности вести переговоры и политический диалог даже со своими геополитическими оппонентами и критиками, включая, в том числе, и стратегических потенциальных соперников. Другими словами, данная программа направлена на попытку достижения консенсуса в вопросе стабилизации сегодняшней геополитической обстановки и звучит призывом к формированию новой, прозрачной и справедливой системы международной безопасности.

Коммунистическая партия Российской Федерации представила «Программу возрождения»⁴², основная цель которой заключена в экономическом и духовном возрождении России. Программа КПРФ состоит из десяти разделов. Отметим те позиции, которые связаны с обеспечением военной безопасности. Первый раздел программы компартии назван «Страна в руках народа». Для обеспечения военной безопасности КПРФ предложено проведение национализации, в том числе предприятий ВПК, что снизит зависимость России от иностранного капитала в оборонной сфере. В разделе программы, посвященном развитию села, выделена важность аспекта сложившейся нынешней ситуации с продовольствием, что сформировало опасность дополнительной угрозы национальной безопасности страны. В разделе «Сильная страна – безопасность жизни» КПРФ напоминает, что в предвыборной программе 2011 г. партия настаивала на проведении новой внешней политики, в связи с тем, что кольцо военных баз НАТО вокруг России все крепче, все жестче уровень санкций и преследований наших соотечественников. Сегодня КПРФ считает необходимым сформировать авторитетное профессиональное правительство народного доверия, которое было бы способно укрепить национальную безопасность, упрочить позиции страны на мировой арене. Также партия призывает существенно повысить боеготовность Вооруженных Сил и авторитет воинской службы. Особое внимание, согласно данной программы, должно быть уделено информационно-технологической безопасности.

Учитывая, что Компартия РФ является оппозиционной партией, необходимо заметить, что реализация ряда выдвинутых ею предложений проблематична, так как они вступают в явное противоречие с политикой действующей власти (например, в вопросе о национализации). Тем не менее, к позиции второй по величине партии России власть не может не прислушиваться, ведь в этой программе содержится много рациональных предложений, которые

⁴¹ Программа партии «Единая Россия» [Электронный ресурс]. URL: <http://er.ru/program/userdata/files/2016/07/28/predvyibornaya-programma.pdf>

⁴² Коммунистическая партия Российской Федерации. Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://kprf.ru/party/program>

можно использовать для формирования эффективной сферы безопасности нашей страны в частности, и укрепления государственности в целом.

Программа Либерально-демократической партии России содержит 21 раздел, построенный на 70 тезисах В. В. Жириновского⁴³. В преамбуле к программе говорится, что ЛДПР стремится к улучшению жизни граждан России, укреплению ее позиций в мире.

Первая программа партии была подготовлена в 1989 г., но большинство положений – таких, как сильное государство, сильная армия и патриотическое общество, – остаются актуальными и сегодня. В ЛДПР считают, что ядерное оружие России на сегодня остается наиболее сильным аргументом и фактором, который сдерживает США и их союзников от потенциально возможного военно-силового передела мира.

Вопросы внешней политики и вопросы военной безопасности отражены в двух тезисах – «Братская Украина» и «Полыхающий Ближний Восток». Позиция ЛДПР по ситуации в Украине следующая: всем юго-восточным регионам Украины должен быть направлен «посыл» о готовности России рассматривать вопрос о союзничестве или их вступлении в состав Российской Федерации в случае такого своего волеизъявления и по результатам итогов референдумов. При этом Россия со своей стороны должна получить гарантии невступления Украины в НАТО, в противном случае – начать подготовку к восстановлению своих военных баз за рубежом, как необходимого компонента обеспечения своей государственной и национальной безопасности.

По ближневосточному вопросу говорится, что уже в 1993 г. лидером ЛДПР были подробно описаны все возможные сценарии развития кризисов на Ближнем Востоке. Партия отмечает, что нахождение наших войск в Сирии оправдано, и сожалеет о том, что в связи с выводом войск из Вьетнама, Кореи, Мозамбика, Анголы, Афганистана, Кубы и Восточной Европы Россия утратила свое геополитическое влияние в этих регионах мира и, как следствие, геополитический вес на мировой политической арене.

По мнению ЛДПР, внешняя политика нашего государства должна быть направлена на то, чтобы Россия стала центром интеграции государств, заинтересованных в политическом равноправии Востока и Запада. Для этого необходимы: интеграция бывших республик СССР в единое унитарное государство, четко обозначенная и донесенная геополитическим оппонентам внешнеполитическая линия, готовность отстаивать интересы России всеми возможными средствами, планомерное создание военных союзов и военных баз между странами ШОС и БРИКС, как обоснованный противовес динамическому расширению блока НАТО.

Программа ЛДПР традиционно носит довольно радикальный характер, граничащий с агрессивностью. Однако значение ее состоит скорее в том, чтобы оттенять выверенную и взвешенную политику государства, выступая «глашатаем» активно настроенной части российского сообщества. Вместе с тем необходимо заметить, что активизация только тех усилий, которые направлены

⁴³ Программа ЛДПР [Электронный ресурс]. URL: http://ldpr.ru/party/Program_LDPR/

на формирование военно-оборонительного потенциала, не сможет в достаточной степени компенсировать слабости прочих синергитических факторов силы, способных обеспечить России статус великой и суверенной державы. Существует острая необходимость модернизации и диверсификации экономической сферы, планомерного наращивания гуманитарных и иных факторов «мягкой силы», которые смогут обеспечить формирование базового фундамента обеспечения национальной безопасности нашего государства [1, с. 46–55].

В программу партии «Справедливая Россия»⁴⁴ был включен раздел «Россия в глобальном мире» и отдельный подраздел – «Национальная безопасность», который гласит, что надежную безопасность России могут обеспечить только высокоэффективные Вооруженные силы, гарантирующие сохранение суверенитета и территориальной целостности страны. По мнению партии, для успешного решения оборонных задач Вооруженные силы должны иметь высококвалифицированные кадры, рациональную структуру, сбалансированный боевой состав, надежную систему управления, современное вооружение и военную технику. В части, посвященной социальному обеспечению военнослужащих и членов их семей, «Справедливая Россия» предлагает: увеличение денежного довольствия, решение жилищных проблем и вопросов пенсионного обеспечения, улучшение системы медицинского обеспечения и социальной адаптации военнослужащих.

Согласно программе партии СР, необходимо поставить механизм распределения жилья под контроль ветеранских и общественных организаций военнослужащих запаса. Еще одна инициатива предусматривает налоговые льготы для малых и средних предприятий инновационного бизнеса, в которых работает не менее 50% военных пенсионеров. Уделено внимание обновлению материально-технической базы военно-медицинских учреждений, а также недопущению сокращений или реорганизаций лечебных заведений для военнослужащих. Все это естественным образом должно положительно сказаться на повышении имиджа и статуса армии, что станет дополняющим синергитическим звеном и эффектом в построении конструкции сильной и действенной обороноспособности нашей страны.

В подразделе «Военная инфраструктура и престиж Вооруженных сил» «Справедливая Россия» декларирует положения, аналогичные тем, что изложены в Стратегии национальной безопасности и Военной доктрине Российской Федерации. В частности, это касается вопросов строительства Вооруженных сил, внедрения современных методов и способов ведения вооруженной борьбы, совершенствования системы технического оснащения войск.

Единственная из парламентских партий, «Справедливая Россия», концептуально подошла к вопросу формирования базового потенциала национальной и государственной безопасности, предлагая развивать систему кадетских, суворовских и нахимовских училищ, как надежного источника будущих военных кадров. В свое время лидер партии С. М. Миронов, будучи

⁴⁴ Программа партии «Справедливая Россия» [Электронный ресурс]. URL: http://www.spravedlivo.ru/1_83.html

председателем Совета Федерации, по просьбе общероссийской общественной организации «Российское кадетское братство» взял на себя функции шефа-попечителя кадетских корпусов и училищ России. И в этом направлении было сделано немало. В структурах силовых органов власти имеются сегодня кадетские образовательные учреждения: в Минобороны их 27⁴⁵, в МВД – 7⁴⁶, в ФСБ – 1⁴⁷, в ФСВНГ – 1⁴⁸. Кадетские училища существуют и в системе Министерства образования и науки, а также в субъектах Федерации. Так, совсем недавно был заложен первый камень в строительство Тульского суворовского военного училища, инициатором которого выступил губернатор Тульской области Герой России генерал А. Г. Дюмин⁴⁹. Это стало символичным действием, направленным на формирование фундамента возрождения воинской славы российского государства.

Хотелось бы остановиться на предложенной партией «Справедливая Россия» инициативе относительно создания системы частных военных компаний, способных защитить национальные интересы России (в том числе за ее пределами) без прямого участия государства, а также обеспечить дополнительную возможность сохранения боевых навыков и трудоустройства бывших военнослужащих с высоким уровнем профессиональной подготовки. Данная инициатива вызывает ряд вопросов и требует общественного обсуждения. Особенную значимость данное предложение приобретает с учетом актуализации проблематики вопроса «гибридных войн» и таких явлений, как «теории управляемого хаоса», и эскалации использования такого геополитического инструмента, как «цветные революции».

Предложенный партией «Справедливая Россия» законопроект относительно частных армий, довольно неоднозначная дилемма в контексте вопроса национальной и государственной безопасности. С одной стороны, это позволяет использовать такую современную, и сложную пока в понимании, но уже активно применяемую на практике модель ведения вооруженного и геополитического противостояния, как «гибридная война». Такой способ отстаивания своих интересов во многом позволяет решать вопросы точно и ситуационно на внешнеполитическом уровне. Но с другой стороны, мы должны оценивать степень угроз и опасностей, возникающих вследствие того, что данные военные формирования частично выходят из-под контроля государства, тем самым возникает опасность угрозы уже внутренней. Следует четко понимать, что раздробление функционала, обязанностей и возможностей государства и армии может спровоцировать ряд непредсказуемых и конфликтных ситуаций, от

⁴⁵ Интернет-портал Минобороны России. Среднее образование [Электронный ресурс]. URL: <http://ens.mil.ru/education/secondary.htm>

⁴⁶ Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/edu>

⁴⁷ Официальный сайт Федеральной службы безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fsb.ru/fsb/structure.htm>

⁴⁸ Московское президентское кадетское училище им. М. А. Шолохова [Электронный ресурс]. URL: <http://mpku-vv.ru>

⁴⁹ Гаврилов Ю. Сергей Шойгу заложил камень в строительство Тульского СВУ [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2016/05/06/reg-cfo/sergej-shojgu-zalozhil-kamen-v-stroitelstvotulskogo-svu.html>

сепаратизма до манипулятивного использования данных инструментов со стороны внешних акторов в своих геополитических, стратегических и тактических целях.

Еще одно направление программы партии СР посвящено оборонно-промышленному комплексу. Здесь представлены 5 тезисов относительно повышения качественных параметров Вооруженных сил за счет ускоренного развертывания серийных поставок новейших образцов вооружений и военной техники, последовательного наращивания поступления современной военной техники в войска. Важность и своевременность необходимости формирования и развития подобной тенденции особо актуальна в связи с фактическим нахождением геополитического пространства в исторической точке бифуркации политической и социальной мировых систем.

В качестве приложения к предвыборной программе партии «Справедливая Россия» разработана программа «25 справедливых законов»⁵⁰, однако среди них нет конкретизированных законодательных инициатив в сфере обороны и безопасности государства. Единственная, реально обозначенная инициатива связана с государственным пенсионным обеспечением военнослужащих в Российской Федерации. В ней предложено применение льготной нормы исчисления стажа: для участников боевых действий – год за три; для служащих в армии – год за два.

Таким образом, в программе каждой из парламентских партий можно найти рациональное зерно, выделить предложения и инициативы, которые могут быть использованы государством в деле обеспечения обороны и национальной безопасности. Так как, по меткому выражению Ч. Мака, «подобные партии действуют «на краях» сложившейся системы, по сути предлагая альтернативные существующим «левую» и «правую» повестки дня» [6, с. 23]. Очевидно, что и Администрацией Президента, и Правительством РФ все представленные в прошедшей избирательной кампании партийные программы будут внимательно изучены, проанализированы и учтены при выработке совместных Госдумой планов законодательной деятельности. В то же время нам представляется, что партии все еще уделяют вопросам безопасности недостаточно внимания, не считают их первостепенными в сегодняшних условиях, в то время как международная обстановка, складывающаяся вокруг России, становится все более напряженной и непредсказуемой.

Потенциал для решения вышеперечисленных задач у России есть, и здесь мы согласны со многими политическими и экономическими отечественными исследователями, что он «коренится в дальнейшем наращивании «веса» России на евразийском геополитическом, экономическом и культурном пространстве, повышении роли Российской Федерации в формирующемся полицентричном мире» [4, с. 22].

Если сравнивать программы партий созывов, предшествующих VII, то просматривается явный переход от формы гибридных классических и разносторонних тезисов и целей к выстраиванию синтезированной обобщающей

⁵⁰ 25 справедливых законов [Электронный ресурс]. URL: http://www.spravedlivo.ru/5_77509.html

и взаимодополняющей идеологии, направленной на формирование общего концепта национальной и государственной безопасности, уделяя значительное внимание и таким глубоким сферам российского сообщества, как духовность, образование и информационно-психологическая защита населения. Вопросы безопасности партии в своих программах стали более значительно уделять внимание, и это стало для них объединяющим началом.

Период становления России в 1991–1993 гг. существенно дискредитировал идею парламентаризма, так как сначала была идеологически разрушена сама мысль о целесообразности существования СССР, а затем, точно так же, была нивелирована сама логика идеи социального и внутри- и геополитического баланса с помощью инструментария парламентаризма.

Партии, являясь выразителями определенных групп и классов населения страны, с одной стороны, отражают мнение общества, а с другой, в результате усредненности этого мнения в Парламенте, оказывают формирующее воздействие на это самое общество. Кризис парламентаризма в начале 90-х, и сейчас, уже в 2000-х годах, ярко показывает, что в условиях бифуркации и турбулентности возникает острая и логично мотивированная потребность в «ручном управлении» государством, пребывающем в кризисной ситуации, и окруженному внешними угрозами и опасностями. Это несколько напоминает ситуативное принятие решений при управлении самолетом – когда все вокруг спокойно, обстановка позволяет отпустить управление на автоматический выверенный режим, и таким образом происходит передача некоторых функций на механизмы и инструменты, согласованные и предусмотренные самой архитектурой и конструкцией самолета. Но когда самолет входит в область турбулентности или появляется незапланированная (непредвиденная) опасность, летчик просто обязан взять штурвал в свои руки. И в политическом аспекте данное сравнение не может выступать аналогией с авторитаризмом, потому что является лишь инструментом обеспечения национальной и государственной безопасности.

Таким образом, деятельность современных политических партий в современных условиях бифуркации и геополитической конфронтации должна быть направлена на сознательную, четко обозначенную многовекторную и многоэтапную адаптацию государственной системы к существующим объективным социальным и политическим реалиям с учетом структурных и институциональных изменений социума, и ростом и разнообразием геополитических внешних угроз. При этом следует учитывать специфику современного этапа развития общества, в котором происходит постоянное сверхдинамичное формирование социальных, политических и военных вызовов, развивающихся в предельно кратких исторических сроках.

Современный структурный кризис мирового сообщества вызвал многовекторную диверсификацию институциональной архитектуры социума, государства и геополитического пространства, в свою очередь вызванных таким же эволюционными структурными сдвигами в понимании и формировании политических практик и систем.

Поэтому, исходя из вышеперечисленного, можно считать, что учитывая важность переходного и в известной доле конфронтационного периода, в котором сейчас находится Россия, необходимо объективно прислушиваться ко всем конструктивным идеям и конкретизированным позициям абсолютно всех парламентских групп и направлений политикума Российской Федерации, направленных на взвешенное и адекватное геополитической обстановке усиление обороноспособности, национальной и государственной безопасности, но при этом с позиции реалистичности обстановки и возможностей. А также, учитывая объективность и субъективность аргументации и обоснованности этих взглядов, позиций и предложений, следует четко понимать, осознавать и принимать к сведению то обстоятельство, что только объективный поиск компромиссов и комплексных решений в поисках разумного консенсуса при удовлетворении запросов социума, но с прагматично обоснованной под реалии сегодняшней геополитической ситуации программой государственного развития, Россия сможет выстроить эффективную систему баланса исполнительной и законодательной власти.

Библиографический список

1. *Балашов А.И.* Военный потенциал и экономические ограничения российской армии // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. № 34 (319). С. 46–55.
2. *Косов Ю.В., Фокина В.В.* Политическая регионалистика. СПб.: Питер. 2009. С. 187.
3. *Шамахов В.А., Балашов А.И.* Новая геополитическая реальность и ее влияние на стратегию экономического и социального развития России // Управленческое консультирование. 2016. № 1 (85). С. 22–30.
4. *Dynamics.* Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
5. *Linz J.* The Perils of Presidentialism // *Journal of Democracy.* 1990. Vol. 1. N 1. P. 55.
6. *Mack C.* When Political Parties Die. Westport: Praeger, 2010. P. 23.

Вопросы информационной безопасности в национальных стратегиях России и Казахстана*

В современную эпоху, наполненную межгосударственными конфликтами и цивилизационными противоречиями, неизмеримо возросла значимость проводимой тем или иным государством информационной политики, от эффективности которой зависит не только политическое спокойствие внутри страны, но и ее международный статус. Действенная и разумная информационная политика напрямую влияет на информационную безопасность страны. Видимо, в

* Ковалев А.А., Павлов В.В. Вопросы информационной безопасности в национальных стратегиях России и Казахстана // Управленческое консультирование. – 2017. – №12. – С.95-103.

настоящее время вполне оправданно говорить о настоящей идеологической и информационной войне, развязанной странами Запада против Российской Федерации и ее геополитических союзников, одним из которых выступает Казахстан. Отсюда вполне правомерно и актуально выглядит цель настоящей статьи – рассмотреть некоторые аспекты проблемы информационной безопасности применительно к национальным стратегиям России и Казахстана, странам, являвшимися некогда частями великих государственных общностей – Российской империи и СССР – и потому тесно связанных общностью исторических судеб и логикой цивилизационного развития.

После предательского уничтожения СССР, Россия за годы правления Б.Н. Ельцина была превращена в периферию западной цивилизации с сервисной и сырьевой экономикой. Такого рода трансформация проходила под знаменем идеологии неоллиберализма и постколониальности. Схожие трудности испытывал и Казахстан, который интересовал западные демократии исключительно как источник сырья и возможный плацдарм для размещения военных баз. Но в этой стране после распада СССР у руля государства оказался выходец из советского партийного ареопага Н. А. Назарбаев, который и по сей день не выпускает из своих рук штурвал государственной власти (уже без малого три десятка лет). Это обстоятельство способствовало неизменности и специфической традиционности внутренней и внешней политики страны, в том числе и стратегии информационной безопасности Казахстана. Эта стратегия несет на себе неизгладимый отпечаток, который наложил на нее президент страны.

Действительно, Назарбаев был назначен на пост первого секретаря ЦК КП Казахстана 22 июня 1989 г. и до сих пор остается на вершине политического Олимпа. Изменялись лишь названия его должностей, но не само первое лицо. С 2010 г. Назарбаев получил официальный титул «Елбасы», что означает «Лидер Нации». Следует отметить, что в 1991 г. Назарбаев выступал за сохранение СССР и не подписал предательское Беловежское соглашение об уничтожении великой страны. В России перемены во внутренней и внешней политике за годы, прошедшие после распада СССР, были более существенными – как на политическом Олимпе, так и в самой стране, которая отвернулась от стратегии бездумного преклонения перед Западом и взяла курс на государственную и социокультурную независимость, а национальной идеей объявила патриотизм.

Информационная безопасность любой страны зависит от той информационной политики, которая в ней проводится и главенствует. В своих предшествующих работах мы неоднократно обращались к проблемам информационной политики и ее влияния на военную безопасность [3]. Информационная политика может быть как государственной, так и негосударственной. Британец Рональд Р. Пауэр отмечает главенствующую роль именно государственной информационной политики в нашей стране: «Информационная политика в современной России выражается лишь в форме государственной информационной политики, выражающей интересы правящей в стране бюрократии, преследующей лишь цели личного обогащения. Интересам гражданского общества в такой политике места нет. Негосударственной информационной политики в России, по сути дела, не было никогда» [8, р. 342].

Объектом любой информационной политики является информационная сфера жизни общества, от здорового состояния которого напрямую зависит его безопасность. Информационная среда включает саму информацию, информационную инфраструктуру, разнообразные проводники и субъекты информационной политики [7, р. 71]. В политической науке объектом информационной политики являются массовое сознание социума, система средств массовой информации, информационные процессы, отражающие и выражающие политику государства и социальные интенции граждан [7, р. 78].

Сущность информационной политики теснейшим образом связана с понятием информационной власти. Информационная безопасность страны во многом зависит от той меры доверия, которое испытывает гражданское общество к государственной власти, в том числе и к первому лицу. Доверие зависит от той информации, которую власть ретранслирует обществу. И связано это, прежде всего, с тем обстоятельством, что информационная политика является порождением внутренней идеологической работы государства и внешнего цивилизационного и мировоззренческого противостояния.

Роль средств массовой информации как главного проводника информационной политики государства в современную эпоху трудно переоценить. В России, по данным Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций на середину 2017 г., в реестре Роскомнадзора зарегистрировано всего 78 293 средств массовой информации, из которых 790 в первом квартале нынешнего года впервые получили лицензию. Годом ранее, в первом квартале 2016 г. их было 626, а в первом квартале 2015-го – 666⁵¹. В первом квартале 2017 г. было зарегистрировано 402 сетевых издания. Сравним: в первой четверти 2015-го этот показатель составлял 201, а в первом квартале 2016-го – 191.

В то же время, число печатных изданий уменьшилось с 377 в начале 2016 г. до 270 в первой четверти 2017 г. Количество зарегистрированных сетевых СМИ, таким образом, превысило число печатных изданий. Подчеркнем, что россияне все чаще получают новости именно через интернет, который в 2017 г. используют для поиска новостных материалов 32% жителей нашей страны против 22% в 2015. Более того, интернет является главным источником новостей для 65% россиян в возрасте от 18 до 24 лет и для 50% наших сограждан в возрасте 25–34 лет⁵².

Подавляющее большинство изданий в Российской Федерации принадлежит органам власти. Поэтому можно заключить, что на сегодняшний день отечественные СМИ, по большей части, не являются средством выражения гражданской позиции общества. Эту задачу приняли на себя интернет, социальные сети, блогосфера, от которых также не приходится ждать ни объективности, ни осознания ответственности за информацию.

⁵¹ Перечень наименований зарегистрированных СМИ. Официальный сайт Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://rkn.gov.ru/mass-communications/reestr/media>

⁵² Официальный сайт Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций [Электронный ресурс]. URL: <http://rkn.gov.ru/news/rsoc/news45306.htm>

Немногие оставшиеся негосударственные СМИ в России, как правило, занимают критическую и чаще всего предвзятую по отношению к государственной власти позицию. Это пагубно влияет на информационную безопасность страны. Более того, степень патриотизма негосударственных СМИ мизерна, ибо финансируются они чаще всего из-за рубежа. Это недопустимо во времена происходящего цивилизационного противостояния. Например, небезызвестная госпожа Е. Альбац уже давно мечтает о скорейшем распаде Российской Федерации на составные части. В обожаемых ею США, на деньги которых финансируется ее деятельность, эта «business woman», по мнению автора, за подобные призывы уже давно получила бы приличный срок тюремного заключения.

Как и в России, в Казахстане фактически нет негосударственной информационной политики. Причем, если в России стали сокращать количество негосударственных СМИ лишь после обострения цивилизационного противостояния, то в Казахстане жесткая политика ограничения свободы слова проводилась начиная с начала 1990-х годов. Это объясняется необходимостью информационной безопасности. Хотя по Конституции и действующему законодательству Казахстана цензура запрещена. Ныне в Казахстане издаются 8 ежедневных газет, распространяющихся по всей стране. Самыми известными из них являются газеты, исключительно лояльные к режиму Назарбаева: «Казахстанская правда», «Егемен Казакстан» (первый номер вышел 17 декабря 1919 г. в Оренбурге, а ныне тираж достигает 83 600 экземпляров) и формально независимое «Время». На английском языке выходят The Kazakhstan Monitor и The Almaty Herald, а на немецком языке – die Deutsche Allgemeine Zeitung. В 2016 г. 55,8% населения страны пользовались или лишь слышали об интернете, при этом с июля 2009 г. президентом Назарбаевым введена жесткая интернет-цензура⁵³.

Исходя из этих фактов становится ясно, что демократии по европейскому образцу в Казахстане никогда не было, нет на сегодняшний день, и не будет в обозримом будущем. И паниковать по этому поводу не следует, ибо прав был Р. Киплинг: «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут, пока не предстанет Небо с Землей на Страшный господень суд». Следует понимать, что демократия ничем не хуже, но и не лучше других режимов и форм правления, исторически сформировавшихся в различных регионах мира. Национальные интересы могут выражаться, соблюдаться и защищаться различными формами – не только путем демократии и свойственных ей институтов. Каждая цивилизация и нация выбирает свой собственный путь развития. Политическая истина всегда является относительной, как и мораль в политике. Трудно говорить о демократии европейского образца в современном Казахстане, вся социокультурная и политическая жизнь которого наполнена следами даже не феодальной, а первобытнообщинной формации. Такова уж история этой страны, подавляющее

⁵³ Internet Users by Country – Internet Live Stats [Электронный ресурс]. URL: <http://www.internetlivestats.com/internet-users/kazakhstan/>

большинство жителей которой происходит от кочевых племен, и прошлое номадов в Казахстане до сих пор дает о себе знать.

Демократия – исторический продукт западной цивилизации, не вполне или совсем не приложимый к другим цивилизационным образованиям. В Казахстане до сих пор огромную роль в социальном статусе играет фактор рождения. Судьба и общественное положение человека зависят, по большей степени, от того, в каком он родился жузе, т. е. первобытном, по сути дела, союзе кочевых племен. По сей день представители Старшего Жуза живут, как правило, на юге Казахстана, выходцы из Среднего – на севере и востоке, а потомки Младшего населяют западные территории страны. Сам Назарбаев – выходец из рода шапрашты Старшего жуза [4, р. 83].

В советское время казеннокоштные философы обосновывали возможность перехода из первобытнообщинной формации в социализм, минуя рабовладение, феодализм и капитализм. Примерами для успешной реновации марксистских тезисов служили обычно якуты, эвены, чукчи, казахи, киргизы. Два последних народа очень часто смешивались в европейской ментальности, причем до такой степени, что южноуральский город Оренбург считался то столицей Казахской Автономной Советской Социалистической Республики, то столицей Киргизской Республики. Даже ученые мужи не были едины в этнологических определениях, поэтому жившие в степях этнические группы южносибирской расы именовались даже казаками (всадниками) или киргиз-казаками (с 1925 г.), а Киргизская АССР была переименована в Казакскую АССР. Даже современная форма этнонима «казах» была принята лишь в феврале 1936 г. Именно русские ученые дали кочевым племенам современную письменность и впервые занялись собиранием фольклора, сыгравшего ключевую роль в становлении национального самосознания современных казахов.

Начиная с 1940 г., в современном казахском языке используется кириллическая графическая система, адаптированная советскими лингвистами под фонетические особенности тюркского произношения. Казахский алфавит содержит 42 буквы и основан на кириллице. В 2012 г. Назарбаев, заигрывая с США, решил поэтапно переходить на латинский алфавит. Начало процесса перевода казахского языка на латиницу намечено на 2025 г.

Западные ученые отмечают царящий в Казахстане культ личности Назарбаева и его семьи, которым и определяется вся национальная стратегия страны, в том числе и ее информационная политика [5; 9]. Это объясняется неистребимыми особенностями восточного менталитета и повторяет черты, свойственные политическим режимам, в которых безраздельно главенствуют семейные кланы, например, в Азербайджане и Северной Корее. Состояние семейного клана Назарбаевых оценивается в 7 млрд долл. [9, р. 4]. Официальными государственными праздниками являются:

- 1) 6 июля – день рождения Президента, совпадающий с Днем Столицы;
- 2) 7 мая – день рождения его первой дочери;
- 3) 1 декабря – День первого Президента. Оппозиция в Казахстане находится под жестким контролем, да ее и нет, по сути дела, а за средствами массовой информации осуществляется неустанный и перманентный надзор. По версии

газеты New York Times, Нурсултан Назарбаев входит в список худших диктаторов Азии 2013 г. [9, p. 5].

Даже Коммунистическая партия Казахстана, главой которой некогда был Назарбаев, не представлена в парламенте страны. В стране главенствует партия Нур Отан (здесь «нур» – первый слог имени самого Назарбаева), получившая на выборах в августе 2007 г. 88% голосов, лидером которой ныне является Назарбаев. Ни одна из шести оппозиционных партий не смогла преодолеть 7% барьер, поэтому партия Нур Отан получила 98 мест в парламенте, а оппозиция – лишь одно. ОБСЕ заявила, что выборы не соответствовали международным стандартам⁵⁴, а оппозиционные партии отметили, что в ходе выборов были допущены массовые манипуляции⁵⁵. Но казахстанская оппозиция не имеет абсолютно никакого влияния в стране. К тому же цели устрашения оппозиционных политиков в значительной степени послужило убийство Алтынбека Сарсенбаева в феврале 2006 г. Уже с этого момента была выстроена современная вертикаль власти, и культ личности казахского Президента окончательно сформировался.

К Казахстану в полной мере можно отнести слова немецкого политолога Ж. П. Энгельке, высказанные им о России: «Информационная политика любого государства именно в той мере должна стоять на страже интересов государства как аппарата принуждения и самой власти, в какой мере это государство реализует и защищает интересы гражданского общества, каждой личности. Этот базовый принцип осуществления государственной информационной политики, к сожалению, не реализуется в современной России, где государство привыкло монополизировать проведение любой политики, в том числе и информационной. Интересы гражданского общества при этом в расчет совершенно не принимаются» [6, p. 173].

С учетом интересов гражданского общества или же без учета оных, современные государства выстраивают свои собственные стратегии национального развития и безопасности. Общность евразийской судьбы и невозможность следования чужеродным идеалам европейской демократии сближает Россию и Казахстан в основных векторах их информационной политики. Республикой Казахстан была принята в 2012 г. «Стратегия «Казахстан-2050»⁵⁶. Обратимся к рассмотрению основных аспектов, касающихся понимания современной сферы безопасности, в том числе и информационной безопасности, в данном документе.

Республикой Казахстан было инициировано создание международной диалоговой площадки по вопросам безопасности в форме созыва «Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии», участие в котором принимают больше двух десятков государств с населением более 3 млрд человек. Активное участие Республика Казахстан принимает в Организации по безопасности и

⁵⁴ Demokratie auf Kasachisch, Die Presse Online, 17. August 2007.

⁵⁵ Wahlen in Kasachstan – Präsidentenpartei künftig allein im Parlament. (Memento vom 20. Dezember 2008 im Internet Archive) In: Tagesschau (ARD). Online, 19. August 2007.

⁵⁶ Военная доктрина Республики Казахстан. Утверждена Указом Президента Республики Казахстан от 11.11.2011 № 161.

сотрудничеству в Европе, Шанхайской организации сотрудничества, Организации исламского сотрудничества и Организации Договора о коллективной безопасности. Для объединения усилий государств с целью формирования новой архитектуры справедливого и безопасного миропорядка на V Астанинском экономическом форуме 23 мая 2012 г. было внесено предложение о новом формате международного диалога – G-GLOBAL. Прежде всего, это предложение было связано с резким обострением нерешенных вопросов глобальной энергетической и продовольственной безопасности, а также демографическим и ресурсным (включая продовольственный и водный) дисбалансом.

В стратегии отдельно выделены такие современные проблемы, как нарастающая социальная нестабильность, возникающая вследствие планомерного выстраивания в Казахстане системы социального неравенства за последние четверть века. А также был сфокусирован взгляд на проблематике угрозы новой мировой дестабилизации и преодолении возможных грядущих рисков через выстраивание последовательной внешней политики, путем продвижения и отстаивания своих национальных интересов и укрепления региональной и глобальной безопасности с помощью ООН, ОБСЕ, НАТО, ШОС, ОДКБ, СВМДА.

Через постоянный диалог с вышеуказанными мировыми и региональными структурами Республика Казахстан с помощью инструментария внешней политики всемерно укрепляет региональную и национальную безопасность на сугубо прагматических принципах, но при этом внося свой значительный вклад в стабилизацию Центральной Азии. Лучшим способом для стабилизации геополитической ситуации в Центральной Азии, согласно «Стратегии-2050», считается внутрорегиональная интеграция, которая даст возможность уменьшить напряжение конфликтогенного потенциала региона, решив существующие социально-экономические проблемы и иные противоречия. Ориентация на укрепление евразийских связей явственно просматривается в этом документе, что не может не способствовать сближению Казахстана с Россией в эпоху цивилизационного противостояния.

Отдельно «Стратегией-2050» выделены вопросы укрепления обороноспособности и повышения эффективности военной доктрины Казахстана, в том числе и через участие в различных структурах оборонительного сдерживания, через разработку национальной оборонительной модели и с помощью сотрудничества с региональными и мировыми государствами и организациями. При этом приоритет отдается тесной работе со странами-союзниками по ОДКБ и увеличению потенциала и боеспособности Коллективных сил оперативного реагирования. В эту же сферу безопасности включен вопрос по формированию государственной программы по борьбе с религиозным экстремизмом и терроризмом. Однако в этой области недостаточно представлены мероприятия по борьбе с опасностями и угрозами, которые несет в себе преступность в сфере высоких технологий.

6 октября 2016 г. Указом Н. Назарбаева было создано Министерство оборонной и аэрокосмической промышленности Республики Казахстан, одним из основных направлений деятельности которого была заявлена реализация

государственной политики в области информационной безопасности в сфере информатизации и связи. Президент Назарбаев распорядился также создать Комитет по информационной безопасности, который призван выполнять функции регулирующей структуры по разработке государственной политики в сфере национальной информационной безопасности.

Представление России о вопросах государственной и национальной безопасности было изложено в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» – базовом документе планирования развития системы обеспечения национальной безопасности государства. Действующий вариант Стратегии был введен в действие Указом Президента Российской Федерации № 683 от 31 декабря 2015 г.⁵⁷ В Стратегии было подчеркнуто, что стратегические национальные приоритеты на данном этапе охватывают сферы национальной обороны, государственной и общественной безопасности.

Характерной отличительной чертой в Стратегиях Российской Федерации и Республики Казахстан является, например, вопрос сохранения потенциала стратегических ядерных сил. Республика Казахстан в большей мере апеллирует к сокращению ядерных программ как на региональном, так и общемировом уровне, возлагая ответственность на международные механизмы безопасности в случае возникновения ядерного конфликта. Российская Федерация же, со своей стороны, считает, что ядерный потенциал страны, в сложившейся современной геополитической кризисной ситуации, однозначно необходим именно как баланс внешним угрозам и залог паритетности на международной политической и военной арене. При этом в Стратегии Российской Федерации указано, что Россия по-прежнему сохраняет приверженность выполнению действующих договоров по ограничению и сокращению вооружений, в том числе ядерных, но, естественно, на паритетной основе с внешнеполитическими партнерами, обладающими подобным потенциалом.

Еще одним отличием между Стратегиями является вектор использования природного ресурсного потенциала. Если вариант Стратегии Российской Федерации считает сохранение экспортно-сырьевой модели развития национальной экономики прямой угрозой для экономической безопасности государства, то в Стратегии Республики Казахстан прямо заявлено, что «нефтегазовый комплекс Казахстана является локомотивом для всей экономики»⁵⁸. Также в этой сфере есть еще один введенный в Стратегию Российской Федерации аспект, допускающий использование Россией ее энергетических ресурсов в качестве орудия политического влияния.

Что касается области информационных технологий, то тут позиции Стратегий тоже несколько отличаются векторами направленности предполагаемых и планируемых действий. Если Стратегия Республики Казахстан говорит об активном «стимулировании развития транзитного потенциала в сфере информационных технологий», то в Стратегии Российской Федерации больший

⁵⁷ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683.

⁵⁸ Назарбаев Н.А. Стратегия «Казахстан-2050» Новый политический курс состоявшегося государства [Электронный ресурс]. URL: <https://strategy2050.kz/ru>

упор сделан на потенциальные и существующие угрозы, вызванные, например, противоправной деятельностью в кибернетической сфере.

Фактически в Стратегии-2050 Казахстана отсутствует четко обозначенная концепция информационной безопасности государства. Связано это, прежде всего, с тем фактом, что Казахстан вынужден имплементировать современные технологии, встраиваясь в международную экономику и политику. Поэтому в Республике Казахстан, несмотря на принятие ряда законов, призванных контролировать информационную сферу, на сегодня даже не существует такой отрасли, как информационное право. Попыткой сконцентрировать вопросы информационной безопасности была разработка «Концепции информационной безопасности». Однако она по факту просто объединила законы, принятые еще до 2006 г. А наиболее слабым местом Концепции стала ее концентрированность на узком вопросе технической стороны защиты информации и данных. К тому же в 2016 г. Концепция уже утратила свою юридическую силу.

Точно так же фрагментарно и узко проблематика информационной безопасности рассматривается в таких документах, как Закон Республики Казахстан «О национальной безопасности Республики Казахстан» от 6 января 2012 г. № 527-IV⁵⁹ и «Военная доктрина Республики Казахстан», утвержденная Указом Президента Республики Казахстан № 161 от 11 ноября 2011 г.⁶⁰ В основном там освещены вопросы регулирования деятельности государственных органов и специальных силовых структур.

В отличие от «Стратегии-2050» Республики Казахстан, Стратегией России рассмотрен достаточно широкий спектр вопросов и угроз в сфере информационной безопасности⁶¹. Так, например, в ст. 12 прямо указывается на опасность реализуемой США политики информационного давления. Также отдельно затронут вопрос опасности усиливающегося противоборства в глобальном пространстве с помощью инструментария информационных, коммуникационных и высоких технологий (ст. 21, 22). В ст. 43 среди основных угроз государственной и общественной деятельности указана такая угроза для сферы национальной безопасности, как использование информационных и коммуникационных технологий с целью распространения и пропаганды идеологии фашизма, экстремизма, терроризма и сепаратизма, что в целом напрямую наносит ущерб гражданскому миру, политической и социальной стабильности в обществе.

В качестве еще одной существующей угрозы для национальной безопасности в документе указан низкий уровень технологической безопасности, в том числе в информационной сфере (ст. 69). С целью противодействия этим процессам ст. 44 и 47 предусмотрено совершенствование системы правового регулирования предупреждения преступности и ее выявления, а также

⁵⁹ О национальной безопасности Республики Казахстан. Закон Республики Казахстан от 06.01.2012 № 527-IV.

⁶⁰ Военная доктрина Республики Казахстан. Утверждена Указом Президента Республики Казахстан от 11.11.2011 № 161.

⁶¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683.

противодействия угрозам в информационной сфере путем принятия мер для повышения защищенности граждан и общества от деструктивного информационного воздействия со стороны экстремистских и террористических организаций, иностранных специальных служб и пропагандистских структур.

Еще одним важным аспектом, характерным для Стратегии Российской Федерации, является указание потенциальной опасности фактора негативного воздействия на состояние безопасности из-за усиления попыток пересмотра взглядов на истинную историю России, ее реальную роль и закономерное место в мировой истории. Поэтому Стратегией предусмотрено принятие мер по защите российского общества от внешней идейно-ценностной экспансии и деструктивного информационно-психологического воздействия, путем осуществления контроля в информационной сфере (ст. 79, 82).

На наш взгляд, в эпоху противостояния цивилизаций либеральный этап развития Российской Федерации, который наша страна прошла в ельцинские годы, должен уступить место цивилизационному евразийскому проекту в условиях конкуренции с неолиберальным европейским проектом глобализации под эгидой США. Именно евразийский ответ Российской Федерации на однополярную систему глобализации мирового сообщества, выразившийся в создании и дальнейшей деятельности ЕАС, является тем асимметричным ответом России, который превратится в важный стимул цивилизационного развития России и укрепления ее международного значения. Недаром еще в 1992 г., незадолго до смерти, Л.Н. Гумилев сказал: «Если Россия будет спасена, то только как евразийская держава и только через евразийство» [2, с. 31]. И Казахстан, как ближайший сосед и партнер России, если он хочет сохранить свою независимость и быть застрахованным от цивилизационной агрессии западной демократии, логикой исторической судьбы должен будет присоединиться к европейской цивилизационной парадигме.

Наличие России и Казахстана в составе Евразии будет означать реализацию цивилизационного проекта, который можно обозначить как нелиберальный, консервативный интернационализм. Именно к этому подталкивает нас вся история российской государственности. Н.А. Баранов хорошо пишет об этом: «Российское государство явилось продуктом уникальной евроазиатской цивилизации, что наложило отпечаток на весь ход его исторического развития и продолжает действовать до сих пор. Консервативный тренд, начавшийся в российском политическом дискурсе в начале 2000-х годов, продолжает свое победоносное шествие благодаря сопутствующим факторам, как иницируемым властью, так и существующим объективно: пышное празднование 400-летия Дома Романовых, работа над единым учебником истории, конструктивное сотрудничество с Русской православной церковью, успешное проведение зимних Олимпийских игр в Сочи и других крупных международных состязаний, противостояние политике западных стран, связанной с распространением радикальных свобод, всплеск патриотических настроений в связи с событиями на Украине. В данный контекст органично вписывается патриотизм, консолидирующий базу государственной политики» [1, с. 111–112].

Сейчас в мире обостряются межгосударственные и межнациональные конфликты, которые могут разрастись до размеров нового мирового пожара. Информационная война играет важную роль в современной геополитической реальности, когда важнейшие цивилизационные конгломераты стремятся подчинить противника своей политической воле не только на поле битвы. Положение осложняется всеобщим мировым структурным кризисом, напрямую отражающимся на социальной и политической сфере. И стратегически, конечно же, следует решать вызванные кризисом проблемы глобально и структурно.

Но на данном этапе исторического развития тактически будет более приемлемо и действенно решать возникающие проблемы пошагово, планомерно и методично, через создание региональных объединений, которые, в свою очередь, должны быть стратегически встроены в будущую (действительную и действенную, а не просто продекларированную) мировую систему безопасности. Для России и Казахстана таким объединением может стать утвержденный 1 января 2015 г. Евразийский экономический союз, в котором страны могут выстраивать свои национальные стратегии с учетом экономической, политической и информационной безопасности.

Видимо на сегодняшний день назрела острая необходимость новой, работоспособной версии ООН. Должен быть осуществлен не просто upgrade данной организации, а необходима именно новая общемировая институциональная структура, отвечающая за вопросы общей безопасности, включая и информационную ее сферу. Например, Российской Федерацией было озвучено предложение о превращении Организации Договора о коллективной безопасности в универсальную международную организацию, способную противостоять региональным угрозам в военно-политической и информационной сфере (ст. 90). Но, задумываясь над созданием подобной структуры, мы должны принимать во внимание то, что она должна в себе воплотить всю разносторонность, неоднородность и конфликтность современной геополитики и сообщества, а не просто создавать новые гегемонии и векторные альянсы.

Итак, подведем некоторые итоги. Россия и Казахстан, связанные общностью исторической судьбы и отрицанием базовых основ европейской демократии, логикой геополитических процессов в эпоху цивилизационного противостояния, должны объединиться в единую евразийскую общность. Проблемы информационной безопасности наших стран органично входят в их национальные стратегии и зависят от эффективности информационной политики, которая является, по большей мере, зависимой от аппарата государственной власти. Без умелой и действенной информационной политики эффективность евразийского конгломерата будет незначительной.

Библиографический список

1. *Баранов Н.А.* Ценностные императивы евразийского вектора России // Новые горизонты глобального мира: сб. науч. трудов. СПб., 2015. С. 108–117.

2. *Гумилев Л.Н.* Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации / Предисловие С. Б. Лаврова. М.:Экопрос, 1993.
3. *Ковалев А.А.* Информационная политика и военная безопасность России в эпоху противостояния цивилизаций: теоретико-методологические аспекты проблемы. СПб.: Коновалов А. М., 2016.
4. *Aitken J.* Kazakhstan: Surprises and Stereotypes After 20 Years of Independence. London: Continuum Intl., 2012.
5. *Cummings S.N.* Kazakhstan: power and the elite. London, New York : Tauris, 2005.
6. *Engelke J.Ph.* Die Transformation der Russischen Föderation: eine Analyse historisch-kultureller Einflüsse. Baden-Baden : Nomos, 2012.
7. *Politikwissenschaft: Begriffe. Analysen. Theorien: Ein Grundkurs / Fetscher I., Münkler H. (Hg.).* Reinbek bei Hamburg: Rowohlt's Enzykl., 2012.
8. *Powell R.R.* Information policy in the modern Russia // Information policy in the modern age. London: Bowker-Saur, 2014.
9. *Schiek S.* Widersprüchliche Staatsbildung. Kasachstans konservative Modernisierung. Baden-Baden: Nomos, 2014.

Геополитический имидж военного статуса России*

Геополитика, сделав ряд удачных и неудачных попыток в стремлении решить извечную проблему войны и мира, вновь вернулась к постулату, что величие державы определяется прежде всего ее военной мощью. Трансформационные процессы, происходящие сегодня на геополитическом поле международных отношений, оказали свое влияние и на саму сущность войны, в связи с чем эти процессы следует рассматривать в двух плоскостях.

С одной стороны, мировое сообщество через значительную эскалацию внутригосударственных и международных противостояний осуществило возврат к форме силового разрешения конфликтов и противоречий, а с другой – построило еще одно измерение для выяснения отношений на международном поле – глобальное информационное пространство.

Информационные войны не только становятся массовым явлением современной цивилизации, но и приобретают качественно новый уровень. Сегодня противоборство идет не столько на техническо-ресурсном направлении, сколько на политическом, идеологическом и даже цивилизационном уровне. Все в большей степени на этом поле противостояния ключевую роль играет имидж страны, т.к. именно он задает вектор и модели развития как общества в отдельно взятом государстве, так и мирового сообщества в целом.

Однако нельзя говорить, что произошла трансформация войны из одной формы в другую. На самом деле произошло расширение спектра сущности войны: в чем-то она осуществляется классическими методами, а в чем-то

* Ковалев А.А., Мрочко В.Л. Геополитический имидж военного статуса России // Власть. – 2017. – № 2. – С. 64-68.

получила радикальные дополнения, изменившие не только механизмы и инструменты войны, но и саму ее концепцию. Так, в современном конфликте «цели связаны с намерениями людей и их лидеров, а не с территориями и силами» [Smith 2007: 308]. Согласимся и с мнением профессора И.В. Радикова, что для эффективного обеспечения национальной безопасности «Россия вынуждена учитывать напряженность межгосударственных взаимодействий, соперничество ценностных ориентиров и моделей развития» [Радиков 2015: 150].

Современные войны имеют разнообразные формы – от бесконтактных, в виде информационно-психологической войны или других асимметричных видов противостояния, до региональных террористических и сепаратистских действий. Последние, к сожалению, становятся стандартом и чуть ли не повседневной реальностью.

Но все типы и виды подобных противостояний имеют одно общее свойство – современная война не подчиняется никаким правилам. Это уже даже не гибридная форма войны, когда смешиваются просто различные механизмы и инструменты ее ведения, а именно вид самостоятельного формулирования правил войны с перемещением права на принятие подобных решений с государственного уровня до уровня частных организаций и группировок, которые на сегодня зачастую обладают военным потенциалом более мощным, чем многие государства.

Поэтому существует острая необходимость в тщательном научном изучении современной внешней и внутренней политики всех без исключения стран и регионов с целью превентивного определения существующих и намечающихся тенденций, угрожающих военной и национальной безопасности России.

Для решения этой задачи была сформирована система официального государственного взгляда на политику страны в сфере военной безопасности – Военная доктрина Российской Федерации⁶². В современной военной доктрине России не просто прописаны декларируемые формы размышлений о необходимости укрепления безопасности, а предусмотрены практически все существующие и потенциально возможные угрозы и опасности, которые могут нанести урон государству и населению страны на военном и национальном уровнях. Таким образом, современная Военная доктрина РФ стала своеобразным концептом всеохватывающей безопасности нации и общества.

В Военной доктрине РФ сделан эффективный и многозначительный посыл к международной общественности о том, что Россия, выступая прежде всего за формирование и поддержание общемировой архитектуры и региональных механизмов поддержания безопасности в соответствии с существующими принципами международного права и договорными обязательствами, в случае исчерпания возможностей иных невоенного характера мер все же оставляет за собой право на применение любых форм и инструментов защиты государственной безопасности или безопасности ее союзников вплоть до ответного применения ядерного оружия.

⁶² Военная доктрина Российской Федерации. Утв. Президентом РФ 25.12.2014 N Пр-2976). Доступ: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=172989&rnd=22447>

Акцент в доктрине поставлен именно на ответное применение силового противодействия, что формирует имидж России как геополитического актора, который конкретными действиями и договоренностями выступает против любой эскалации конфликтов и противостояний, грозящих перейти в военное столкновение. Но при этом Россия заявила о твердости своих намерений по жесткому пресечению любой опасности, исходящей от внешних геополитических оппонентов в свой адрес.

Важность формирования позитивного и сильного имиджа для современных геополитических акторов стоит на первом месте, т.к. имидж – это синергетически нечто большее, чем просто мощный военный потенциал, как у США, или мощный политический ресурс, как у Ватикана. Современная геополитика фактически и представляет на сегодня не политическое или военное противостояние, а постоянную борьбу имиджей.

Возьмем, к примеру, статус ядерной державы. Только одно это позволяло США в 1945 г. строить тактические планы по военному нападению на СССР, и это при том условии, что Вторая мировая война, в которой сверхдержавы выступали союзниками, еще только завершилась, да и ядерного потенциала на полномасштабную войну третьего поколения у США еще не было. Потенциала не было, а вот статус (имидж) и планы уже были.

Это один из показателей того, что войны XX–XXI вв. можно назвать бесформатными. Они преобразуют свою форму ежеминутно, подчиняясь логике достижения конечной стратегической цели, а сами стратегические цели современных конфликтов противостояний меняются с такой же скоростью, как в былые времена цели тактические. Мир геополитических взаимоотношений принял форму полной обтекаемости, неоднозначности и двойственности стандартов. На сегодня сложился девиз: «лучшая стратегия – это постоянная тактика».

Следует учитывать тот аспект, что имидж, выступая публичным портретом объекта, существует независимо от предмета, который он материализует, потому как он представляет собой не факт реального мира, а всего лишь сформировавшееся представление об этом факте. Так, например, под имиджем страны часто понимается «комплекс объективных взаимосвязанных между собой характеристик государственной системы (экономических, политических, географических, национальных, культурных и других имиджевых образов), сформированных в сознании широких масс общественности в процессе развития государственности конкретной страны как сложной динамической подсистемы мирового устройства» [Галумов 2004: 17].

Государственный имидж формируется как на международном, так и на внутреннем уровне – как представление и восприятие облика государства жителями самой страны. В идеале эти два имиджа должны быть максимально приближенными друг к другу и соответствовать реальности, т.к. в противном случае может сформироваться двойственность восприятия, вызывающая недоверие на международном уровне и нивелирование – на внутригосударственном.

В этом плане некоторые государства ведут политику двойных стандартов. Так, например, нагнетание конфликтной эскалации в международных отношениях XX и XXI столетий путем наращивания США своей военной мощи и военного присутствия во всех регионах мира со стороны мировой общественности называется почти уважительно – «миротворческая деятельность главного мирового полицейского». В это же время забота России о своей национальной безопасности преподносится как имидж агрессивной страны, провоцирующей мировых геополитических акторов на коалиционное объединение с целью всеобщего и всестороннего международного воздействия на самостоятельность внешней и внутренней политики РФ.

Такая же двойственность наблюдается и по вопросу полярности современной архитектуры международной безопасности. С одной стороны, большинство участников международных отношений спокойно относятся к концепции моно-полярного мира в форме абсолютной геополитической гегемонии США, с другой – сама идея возникновения биполярного мира в виде геополитической оси с полюсами США и Россия вызывает если не политическую истерию, то полную всеподдерживающую холодную агрессию против такого развития сценария в международной системе отношений.

То есть, для США сформирован имидж априори справедливого и объективного геополитического актора. Администрация США постоянно заявляет о приоритете своих национальных интересов по отношению к интересам других наций или государств и даже к общемировым интересам (и демонстрирует это на практике). В то же время для России усилиями широкой геополитической общественности сформирован и продолжает формироваться имидж «империи зла». И это при том, что до эскалации агрессивно-наступательного продвижения блока НАТО к границам РФ и целенаправленной эскалации конфликтов по ее периметру в виде «цветных революций» Россия не проводила никаких наступательных или провоцирующих геополитических действий. Любое действие, которое сейчас рассматривают как агрессию России, носит сугубо оборонительный характер уже по факту постоянного первого хода со стороны обвняющего Запада.

Политика двойных стандартов диктует необходимость разработки концепции целенаправленного формирования имиджа России на внешнем и внутреннем уровнях как достойного, объективного и взвешенного мирового актора, способного действительно стать не осью геополитики, как это целенаправленно делают США, а балансирующим полюсом этой оси. И все это с обязательным декларированием на законодательном и государственном программном уровне как во внутригосударственной плоскости, так и на внешнеполитическом поле. При этом следует четко обозначить базовые принципы и критерии, отражающие и формирующие образ России, раскрывающие ее ценностные и целевые установки.

Сегодня мировому сообществу уже пора признать, что Россия является абсолютно самодостаточным геополитическим актором, способным не только следовать самостоятельным геополитическим курсом, но интегрировать на этом курсе чаяния, интересы и совпадающие по ментальности курсы других акторов,

ценностные взгляды которых являются близкими для достаточно значительного геополитического сегмента.

Ответ на вопрос, зачем России имидж именно сильной военной державы, крайне прост. Концепция демократизации мирового общества не просто изжила себя, а окончательно дискредитировала свою суть в большей степени именно через инструмент военного вмешательства во внутренние дела независимых государств. То есть, помимо политики двойных стандартов, проводимой Западом во всех сферах современных международных отношений (от геополитики до геоэкономики), последним «доводом» в геополитическом диалоге практически всегда выступает либо угроза, либо практическое применение силового потенциала.

Вот такой геополитический монолог демократии. И именно силовой способ навязывания дружбы и демократизации – путем разжигания революционных, гражданских или военных противостояний – окончательно отрезвил многих акторов международных отношений, которые ранее следовали путем тотальной демократизации по оси монополярности мирового уклада (кто добровольно, а кто, попав в разные геополитические и геоэкономические ловушки).

Именно в таких обстоятельствах России практически не остается ничего иного, как взять на себя ответственность не только за собственную безопасность, но и за формирование механизмов безопасности региональной. И даже, судя по неумной агрессивности многих геополитических акторов, принять на себя роль балансирующего звена в общемировой архитектуре безопасности.

Именно для того, чтобы многие участники международных отношений смогли разобраться, где есть планомерно сформированный имидж страны-агрессора, а где объективный статус реального государства и геополитического актора и регионального лидера, и необходима разработка общей концепции, стратегии, механизмов и инструментов продвижения этого имиджевого концепта на международном и внутригосударственном уровнях.

Все попытки убрать с исторической сцены российский (русский) фактор, осуществляемые по разным сценариям, в разные периоды и под разными предложениями, заканчивались с одним и тем же результатом – Россия ставила последнюю точку в возникающих конфликтах и противостояниях и, в очередной раз сбалансировав систему мировой безопасности, по праву становилась мощным уравновешивающим полюсом этой системы.

Библиографический список

1. *Галумов Э.А.* 2004. Международный имидж современной России: политологический анализ: автореф. дис. ... д.полит.н. М. 52 с.
2. *Радиков И.В.* 2015. Война в XXI веке и новая семантика военной доктрины России. – Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 5. Ч. 1. С. 150-153.
3. *Smith R.* 2007. The Utility of Force: The Art of War in the Modern World. N.Y.: Alfred A. Knopf. 448 p.

Гражданское общество России и укрепление военной безопасности в эпоху противостояния цивилизаций*

Сегодня в России вновь обострились дискуссии по поводу роли гражданского общества в жизни страны, в особенности – является ли эта роль благой или же деструктивной для укрепления военной мощи государства. В этой статье мы обратимся к некоторым аспектам проблемы влияния гражданского общества на укрепление военной безопасности в эпоху противостояния цивилизаций, которая пришла на смену либеральной эйфории по поводу «конца истории» и создания однополярного мира с доминированием в нем США. В современном мире возникают новые центры силы, носящие по большей части ярко выраженный цивилизационный характер. Прежде всего в этой работе нас будет интересовать ответ на вопрос: является деятельность гражданского общества в современной России позитивной и продуктивной для укрепления военной безопасности, без которой русской цивилизации и всему русскому миру немисливо достойно отражать идеологический, культурный, информационный, да и военный натиск противостоящих цивилизационных конгломератов.

Мы рассматривали ранее некоторые важнейшие черты основных цивилизационных общностей, равно как и основные противоречия между ними [6]. Здесь лишь отметим, что в течение последних десяти лет цивилизационное пространство, вступившее в противостояние с западной и иными цивилизациями современного мира, все чаще именуют понятием «Русский мир» [1; 9]. Русский мир является единым цивилизационным пространством на территории исторической Руси, т. е. бывшего Советского Союза, оказывая духовное воздействие на соотечественников по всему миру. Это пространство покоится на трех столпах: православие; великая русская культура и богатейший русский язык; общая историческая память о тяжелой и славной судьбе. Даже ныне покойный ненавистник России Збигнев Бжезинский был вынужден признать в интервью газете «Сегодня»: «Советский Союз был исторической Россией, называемой Советским Союзом»⁶³.

Мы не будем здесь касаться незавидной роли в деле уничтожения СССР некоторой части бывшей советской интеллигенции, которая считала себя столпом не только гражданского общества, но и державы в целом, а порой и всего миропорядка вообще, уподобляясь в этом небезызвестному Васисуалию Лоханкину из бессмертного романа «Золотой теленок». Роль эта однозначно деструктивна, и о ней хорошо в свое время сказал бывший диссидент и талантливый мыслитель А. А. Зиновьев: «Целили в коммунизм, а попали в Россию» [10]. Одновременно с осознанием гибельности и пагубности выбранного в начале 1990-х годов разрушения Русского мира начался процесс осознания ошибок и попыток их исправления, в чем активно приняли участие как многие

* Ковалев А.А. Гражданское общество России и укрепление военной безопасности в эпоху противостояния цивилизаций // Управленческое консультирование. – 2017. – №9. – С.18-28.

⁶³ Сегодня. 1994. № 157 [Электронный ресурс]. URL: <http://russway.narod.ru/articles/bjezin.htm>

патриотически ориентированные политологи (С. Г. Кара-Мурза, А. Дугин, А. М. Трайнин), так и высшие должностные лица государства.

Именно Президент В. Путин еще в конце 2006 г. дал стимул для современного оживления дискуссий о Русском мире. Выступая на встрече с творческой интеллигенцией в Доме Державина в Санкт-Петербурге, в канун Года русского языка, Президент в качестве важнейших составляющих «Русского мира» выделил «русское слово» и «русскую культуру». В. В. Путин тогда отметил: «Русский мир может и должен объединить всех, кому дорого русское слово и русская культура, где бы они ни жили, в России или за ее пределами. Почаще употребляйте это словосочетание – „Русский мир“»⁶⁴. Это пожелание Президента начало воплощаться в политическую реальность обществоведами и политологами. Поэтому дискуссии о Русском мире как о некоей общности приняли оживленный характер в российском гражданском обществе.

Представляется необходимым сказать несколько слов о гражданском обществе в целом. Само это понятие относится к группе социально-философских и политико-правовых концептов, и вследствие своей существенной значимости приобретает порой категориальный характер. В черновиках И. Канта есть любопытный фрагмент, озаглавленный «Характер человеческого рода». Философ ставит вопросы и отвечает на них: «Каково природное назначение человека? Высшая культура. Какое состояние делает это возможным? Гражданское общество» [4]. Следовательно, гражданское общество понимается как состояние, без которого невозможно достижение подлинной культурной стадии в человеческой истории.

Г. В. Ф. Гегель, для которого государство, как известно, обладало высшей ценностью («Государство – это шествие Бога в мире») [2, с. 284], отмечал в «Философии права»: «В гражданском обществе каждый для себя – цель, все остальное для него ничто» [2, с. 228].

В целом за всю двухсотлетнюю историю активного употребления термина «гражданское общество» чаще всего он соотносился с такими формами организации общественной жизни, как государство и семья. Часто при его употреблении явно или скрыто подразумевались различные формы общественного сознания и сферы и уровни регуляции жизни общества: экономика, право, политика, мораль. Это соотношение рассматривалось по объему и по функциям гражданского общества, а также по его роли в жизни страны.

По своему объему гражданское общество или включает в себя все, кроме государства, понимаемого как аппарат управления (по Марксу), или даже не включает в себя семью (по Гегелю). Спектр мнений и точек зрения довольно широк и порой противоречив. Гражданское общество захватывает тот уровень политических и экономических отношений, который напрямую не регулируется государством. Чаще всего в современную эпоху гражданское общество противопоставляется властному государственному аппарату.

⁶⁴ РФ сегодня. 2007. № 4.

Считается, что уровень самостоятельности и независимости гражданского общества напрямую связан с уровнем благосостояния в стране: чем богаче в стране большинство граждан, тем более они, как часть гражданского общества, независимы от государства. Уже здесь отметим существенное для нашей темы обстоятельство: опыт истории показывает, что богатые люди чаще всего в часы опасности для Отечества думают лишь о спасении собственных «кошелька и жизни». Тому можно найти массу примеров хотя бы в художественной литературе. У капиталистов нет Отечества, если перефразировать известные слова В. И. Ленина.

К. Маркс отмечал: «Выражение «гражданское общество» возникло в XVIII в., когда отношения собственности уже освободились из античной и средневековой общности. Гражданское общество как таковое развивается только вместе с буржуазией; однако тем же именем всегда обозначалась развивающаяся непосредственно из производства и общения общественная организация, которая во все времена образует базис государства и прочей идеалистической надстройки» [8, с. 71].

Отметим, что в России сами ее грандиозные размеры не способствовали развитию и процветанию как демократических тенденций в управлении страной, так и гражданского общества. Гражданское общество в Европе сложилось в общих чертах еще в XVII в. Но процесс его формирования в России был сопряжен с определенными трудностями. Несхожесть форм гражданского общества в Западной Европе и в России определялась коренным различием их социальных основ. В Европе социальной основой гражданского общества выступало третье сословие, а в России таковой основой было дворянство, близкое к высшей власти.

Некоторые историки и философы замечают, что в дореволюционной России сложилась трехступенчатая социальная иерархия: государственный аппарат управления, дворянское гражданское общество и народ. Народ был, по сути дела, вытеснен из политической жизни в сферу «естественного состояния», каковым идеологами русского Просвещения признавались для него отношения личной зависимости. Даже просвещеннейшие люди, наподобие Н. М. Карамзина, видели в крепостном праве благо, ибо народ российский просто обречен на гибель без мудрой и доброй власти. Поэтому в дворянских идеологических концепциях гражданского общества доминировал этатический позитивизм.

Этатический позитивизм возводит воображаемую границу между государством и собственно гражданским обществом, интересы которого государство отстаивает лишь тогда, когда они превращаются в государственные интересы. Но эта граница из виртуальной чаще всего превращается в реальную. История показывает, что чаще всего интересы гражданского общества и государственного аппарата совпадают лишь во время войн и глобальных бедствий.

На наш взгляд, идеологи либеральных реформ 1990-х годов забыли о том (или же просто не читали Канта, Гегеля и Маркса), что гражданское общество и правовое государство отнюдь не бесконфликтны. Напротив, они наполнены неразрешимыми противоречиями, ибо многие протекающие в них процессы

протекают в свободном режиме без какой-либо подстраховки со стороны государственной власти. Но в привыкшей к правовому и этическому этатизму России это часто воспринимается как трагедия. Именно в гражданском обществе как ни в каком другом, видимо, создаются предпосылки для того, чтобы бедные становились еще беднее, а богатые – чрезмерно богатыми людьми.

Гражданское общество ассоциируется чаще всего с рыночной экономикой, которая в начале горбачевских реформ казалась панацеей от всех социальных бед, а потом наступило горькое разочарование. Ибо «не знали тогда наши наивные сограждане и образованные, но лишённые практического жизненного опыта интеллигенты, что в рыночной экономике наверх поднимается не тот, кто умнее или лучше работает, а тот, кто способен безжалостно топтать своих ближних, родных и друзей, и по их телам подниматься наверх» [3, с. 52]. Поэтому в нашей стране в последние годы наблюдается как разочарование в либеральной парадигме, так одновременно и сильная тоска по канувшей в Лету могучей цивилизационной и духовной общности, выраженной Советским Союзом.

Реальным физическим центром для возрождения такой цивилизационной и духовной общности, выходящей за пределы одной страны, становится современная Россия. К идее Русского мира как плацдарма для противостояния цивилизаций шли на протяжении двух десятков лет после гибели Советского Союза как исторической России. После трагических событий 1991 г. явственно зримо стали черты кризиса цивилизационного сознания российского народа, оказавшегося правопреемником СССР и всего культурно-исторического наследия, выработанного за века российской истории. Лишь в современную эпоху начинается возрождение цивилизационного сознания, и связано это возрождение с растущей военной опасностью для нашей страны.

Военная опасность для России будет существовать всегда. Гигантские богатства и просторы нашей страны всегда были, есть и будут привлекательными для самых разнообразных агрессоров. Капитализм первоначального накопления, в который Россия оказалась ввергнутой реформами Ельцина, отбросил страну на обочину социального прогресса. Забыли верные мысли основоположников марксизма о том, что пока будет существовать капитализм, войны неизбежны. Вспомним хотя бы эти слова Ленина: «Война – не случайность, не «грех», как думают христианские попы (проповедующие патриотизм, гуманность и мир не хуже оппортунистов), а неизбежная ступень капитализма, столь же законная форма капиталистической жизни, как и мир» [7, с. 41].

Гражданское общество в современной России противоречиво, аморфно и не обладает внутренней целостностью. Но политические симпатии и антипатии, равно как и царящие в гражданском обществе настроения, не должны губить национальную идеологию, т. е. патриотизм. В деле патриотического воспитания именно готовность обеспечить военную безопасность Родины является ключевой составляющей. Военная безопасность, с одной стороны, должна быть доверена профессионалам, а с другой, она должна быть делом всего народа.

Для гражданского общества в широком понимании важно участие в разумном контроле над действиями власти. Главной целью гражданского контроля выступает совершенствование системы политического управления. В

этом равным образом заинтересованы как сама власть, так и гражданское общество. Если вывести за скобки деструктивно настроенную часть гражданского общества (некоторых представителей интеллектуальной богемы наподобие работников и адептов радиостанции «Эхо Москвы»), то патриотически ориентированные граждане должны быть кровно заинтересованы в деле обеспечения военной безопасности своей Родины, ибо Россия – их земля и родная страна. У космополитов деструктивного толка слово «Родина» вызывает презрительные усмешки, а потому ни о каком допуске одиозных личностей наподобие Н.Сванидзе, Е.Альбаца или Ю.Латыниной к контролю над действиями в деле укрепления безопасности страны не может быть и речи. Россию такие деятели называют не иначе как «эта страна».

Власть при этом должна была бы предоставлять гражданскому обществу возможности и условия для осуществления такого контроля, прежде всего, через информирование его о своей военной политике и реформах в военных и силовых ведомствах. Это сложно сделать в эпоху обострения международных отношений и цивилизационного противостояния, но к этому нужно стремиться. В свою очередь гражданское общество должно не просто интересоваться конкретной информацией о политике обеспечения военной безопасности, но и активно и широко обсуждать соответствующие проблемы. Гражданское общество в идеале должно выработать консолидированную общественную позицию по тем или иным вопросам, осознавая то обстоятельство, что гражданский контроль – это не просто формальность, не удовлетворение праздного любопытства или предотвращение возможных нарушений и злоупотреблений, но и забота о повышении эффективности работы контролируемых организаций.

Гражданское общество можно классифицировать по различным составляющим его сегментам. В целом, классовый подход к структуре бывшего советского общества работает сегодня не в полной мере. Изменились социальные условия, деформировался сам социум, нормы права и морали. Как, например, классифицировать доцента, в советское время относившегося к «прослойке», т. е. «трудовой интеллигенции», но ныне живущего плодами трудов своих на дачном участке? Или куда отнести врача, вынужденного подрабатывать таксистом? Современная социальная реальность поставит в тупик даже самого опытного классификатора и науковеда.

Как бы то ни было гражданское общество современной России можно подразделить, на наш взгляд, на следующие сегменты: квалифицированные рабочие промышленности; низко квалифицированные рабочие промышленности и поденщики; трудящиеся в сельской местности или живущие сельскохозяйственным трудом; в полном смысле этого слова трудовая интеллигенция (врачи, учителя, преподаватели вузов). Мы не относим к гражданскому обществу чиновников, представителей армии и спецслужб, ибо они относятся непосредственно к государству, т. е. аппарату управления, насилия и принуждения, и напрямую зависят от власти и выполняют ее волю. Да и вопросы военной безопасности страны, как правило, входят в круг профессиональных интересов армии и некоторых спецслужб, вне зависимости от степени патриотизма их конкретных представителей. Трудно также отнести к

гражданскому обществу люмпенов, представителей творческой богемы, сексуальных меньшинств, разнообразные криминальные элементы, ибо перечисленные группы, как правило, лишены патриотической и гражданской составляющей в своем мировоззрении, а потому вопросы военной безопасности страны, да и сама страна в целом их волнуют мало.

Исторически сложилось так, что российская модель гражданского контроля над органами военного управления имеет этатический характер. Это выражается в жестком контроле со стороны государства за процессами создания и функционирования структур гражданского общества. Стремление «держать и не пущать» даже в самых невинных сферах ведет к оппозиционным настроениям в гражданском обществе. В целом, эффективность гражданского контроля над органами военного управления довольно низка. Это усугубляется и наличием Закона о государственной тайне⁶⁵, который устанавливает запрет на распространение информации, отнесенной к государственной тайне. Аналогичные правовые акты есть практически в любом государстве мира, но вирусы шпиономании до сих пор пребывают в латентном состоянии у многих государственных чиновников в нашей стране и часто активизируются. Тридцатые годы XX в. давно стали историей, но чрезмерная бдительность влезла в плоть и кровь отечественного чиновничества на генетическом уровне.

С другой стороны, разведки стран, цивилизационно противостоящих России, именно в последнее время проявляют повышенную активность. Но, к сожалению, законом о государственной тайне широко пользуются руководители некоторых министерств и ведомств, наделенных правом отнесения сведений к категории «государственная тайна», и включают в соответствующие перечни и ту информацию, распространение которой им не выгодно. Таким способом покрываются прежде всего коррупционные преступления.

К предмету гражданского контроля в области обеспечения военной безопасности можно отнести: правовую обоснованность решений органов военного управления с точки зрения соответствия нормам российского и международного законодательства; ход выполнения программ реформирования силовых министерств и ведомств, социальную обеспеченность военнослужащих, сотрудничество с другими государственными и международными организациями в сфере обороны и безопасности; соблюдение требований Конституции и законов в отношении прав и свобод граждан, проходящих службу в органах обеспечения военной безопасности и членов их семей; соблюдение бюджетных расходов на нужды обороны и безопасности; соблюдение законности при рассмотрении органами военного управления обращений и жалоб военнослужащих и членов их семей.

На наш взгляд, гражданский контроль в сфере обеспечения военной безопасности состоит из трех этапов: систематический мониторинг решений и действий должностных лиц, в полномочия которых входит ответственность за обеспечение военной безопасности; проведение общественной экспертизы по

⁶⁵ О государственной тайне: Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 года № 5485-1; Об утверждении перечня сведений, отнесенных к государственной тайне: Указ Президента Российской Федерации от 30 ноября 1995 года № 1203.

конкретным решениям и действиям органов военного управления; публичное представление результатов. Самые разные общественные организации, включая правозащитные, профсоюзные, ветеранские, женские, претендуют на особую роль в гражданском контроле над силовой составляющей государства и системой обеспечения военной безопасности. В России наибольшей степенью активности в этой связи отличаются следующие организации: «Комиссия по делам ветеранов при Президенте России», «Координационный совет по социальной защите военнослужащих при Председателе Совета Федерации», «Комиссия по проблемам национальной безопасности и социально-экономическим условиям жизни военнослужащих Общественной палаты Российской Федерации», «Комитет солдатских матерей России», Всероссийское общественное движение «Боевое братство» и другие.

Это, безусловно, свидетельствует о росте гражданской активности в нашем обществе, наличии в нем неудовлетворенности тем, как функционируют и управляются со стороны государственных органов соответствующие военные структуры. К «гласу народа» властные структуры прислушиваются с разной степенью внимательности, но интенсивнее и чаще всего это происходит во время разнообразных выборов. В то же время понятно, что никакая общественная организация не может монополизировать право на гражданский контроль в военных вопросах, ибо это быстро приведет к ее превращению в закрытую корпоративную структуру. Напротив – самый широкий и открытый общественный контроль может стать залогом позитивных изменений в этой сфере. Хотя подчеркнем еще раз, что в тяжелые времена цивилизационного противостояния такой контроль испытывает весьма и весьма существенные трудности и ограничивается – порой без должных на то оснований.

Роль средств массовой информации как главного проводника информационной политики государства в современную эпоху трудно переоценить. В работе механизма гражданского контроля именно средства массовой информации призваны выступать в качестве посредника между гражданским обществом и органами власти. Но здесь многое зависит от уровня патристической позиции, который обнаруживает то или иное издание. Согласно докладу Общественной палаты Российской Федерации⁶⁶, в стране издается около 10 тыс. газет и около 7 тыс. журналов. Подавляющее большинство изданий принадлежат органам власти, поэтому на сегодняшний день отечественные СМИ не являются средством выражения гражданской позиции всего общества. Эту роль активно играют интернет, социальные сети, блогосфера, от которых порой трудно ожидать объективности и должного уровня ответственности за сообщаемую информацию.

Разумеется, чтобы СМИ могли выполнять функцию реального механизма гражданского контроля, необходимо значительное количество негосударственных СМИ, в том числе сетевых, способных предоставить

⁶⁶ Доклад председателя Комиссии Общественной палаты Российской Федерации по коммуникациям, информационной политике и свободе слова в СМИ на пленарном заседании Общественной палаты «Проблемы СМИ: ожидания общества и реальность» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oprf.ru/files/dokument2011/dokladguseva02112011.doc>

возможности для выражения в обществе мнений. Но негосударственные СМИ чаще всего занимают не только критическую по отношению к государственной власти позицию, но и обнаруживают крайне низкий уровень патриотизма. Это недопустимо во времена цивилизационного противостояния. По меньшей мере странным, если не сказать более, звучит в этой связи неоднократно высказанная мечта упоминавшейся нами госпожи Е. Альбац о скорейшем распаде Российской Федерации на составные части.

Отсюда так важна четко выраженная патриотическая позиция известных и почитаемых в российском обществе деятелей культуры, активно противостоящих космополитическим и антипатриотическим воззрениям и пропаганде. Здесь достаточно вспомнить режиссеров и актеров Н. Михалкова, В. Меньшова, Н. Губенко, неоднократно обоснованно, взвешенно и логично критиковавших позицию либералов, настроенных враждебно против российской цивилизации.

В настоящее время в нашей стране реализуется комплекс мероприятий, направленных на повышение эффективности гражданского контроля над органами, обеспечивающими военную безопасность России. Граждане Российской Федерации имеют возможность участвовать в осуществлении гражданского контроля над органами военного управления через общественные организации, через парламентариев Федерального собрания, либо в иной форме, в порядке, предусмотренном законом «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»⁶⁷, а также согласно ведомственным нормативным актам.

Заслуживает упоминание деятельность общественных советов, которые устраивают слушания по актуальным вопросам в области обороны, приглашают представителей руководящего состава Министерства обороны и направляют запросы в органы военного управления. Важным направлением деятельности общественных советов является проведение открытых мероприятий, призванных содействовать максимально широкому подключению институтов гражданского общества к решению острых проблем в сфере обеспечения военной безопасности.

С другой стороны, общественные советы в большинстве своем играют лишь декоративную роль. Входящие в них представители политической и культурной элиты в большинстве своем не обладают необходимыми теоретическими, да порой и практическими, знаниями в обсуждаемых вопросах, не имеют опыта решения проблем, стоящих перед организациями, в советах при которых они состоят. К тому же решения, принимаемые общественными советами, носят сугубо рекомендательный характер и потому руководители соответствующих органов государственного управления не всегда принимают их во внимание, а иногда эти решения до них просто не доходят.

Значительной проблемой представляется и разобщенность самого гражданского общества, ситуация в котором порой напоминает знаменитую басню И. А. Крылова «Лебедь, рак и щука». Чтобы граждане не начали гражданскую войну, они должны быть заняты мирным взаимодействием внутри

⁶⁷ О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 2 мая 2006 года № 59-ФЗ.

гражданского общества. Граждане должны иметь навыки решения конфликтов и отстаивания своих интересов мирным путем. Главным инструментом для этого выступает парламентаризм в широком понимании: представление интересов на государственном уровне, выборы в органы власти в целом. Важно общение и отстаивание своих интересов через СМИ. Ведь основной единицей социального процесса является не отдельный человек, а структура, организация. Если граждане взаимодействуют между собой мирным образом, то перспектив соблазна массового насилия у них не будет. Если у них нет этого навыка, они, сталкиваясь с тем, что их интересы нарушаются, будут прибегать к насилию.

Нельзя не признать, что сегодня постепенно развивается и процесс институционализации контроля гражданского общества над обеспечением военной безопасности в России. Делается ряд попыток сформировать нормативно-правовую базу, закрепляющую механизмы этого контроля. Но, по нашему мнению, чтобы система гражданского контроля над органами военного управления функционировала эффективно, необходимо выполнять еще ряд условий. Назовем важнейшие из них: обучение представителей «гражданских» органов власти и представителей силовых институтов основам военно-гражданских взаимоотношений, теоретическим аспектам регулируемого процесса, способам и методам выработки и достижения социально значимых целей; привлечение к обсуждению вопросов обеспечения военной безопасности компетентных экспертов, в первую очередь, из числа научных работников, специализирующихся на данной проблематике; отказ от чрезмерной секретности; более широкое использование современных информационных технологий для обсуждения вопросов теории и практики обеспечения военной безопасности, проектов нормативных правовых актов в этой сфере.

Видимо, целесообразно создать специализированную электронную площадку и выступить в качестве модератора обсуждения всего круга вопросов, связанных с военной безопасностью. Причем, это нужно сделать не по принципу форума, как это, например, уже реализовано на сайте Совета Федерации⁶⁸, где эффективность функционирования данной площадки фактически равна нулю. Необходимо учитывать последние достижения политологии, философии, экономики. К сожалению, голос ученых в современной России не все хотят слышать, предпочитая внимать эпатажным высказываниям некоторых СМИ и оппозиционных политиков, лишь играющих на эмоциях. Это вполне объяснимо: для восприятия эпатажа нужны лишь чувства, а для понимания доводов и выводов обществоведов нужен ум и интеллект, напряженная творческая работа.

Хотя и некоторые ученые также разрабатывают порой чрезмерно утопичные проекты, трудно реализуемые в современную сложную эпоху. Предлагают, например, строить систему гражданского контроля на принципах «всеохватности, всеобщности, гласности, обязательности, многообразия форм и признания органов гражданского контроля законными представителями определенного круга лиц, выступающих в защиту общественных интересов» [5]. Но если

⁶⁸ Официальный сайт Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://council.gov.ru/press-center/discussions/38324>

безоговорочно и сразу внедрить в практику перечисленные принципы, то сам гражданский контроль в России окажется недостижимой задачей, ибо институты гражданского общества в России еще недостаточно развиты, а взаимоуважение между властью и обществом представляется скорее потенциальным, нежели актуальным явлением.

Эта незритость имеет как объективные, так и субъективные причины. Если первые трудно преодолеть в силу реальных внутри- и внешнеполитических условий, то вторые вполне преодолимы и зависят от конкретных деловых и морально-этических черт представителей государственной власти. Разумеется, власть – это отнюдь не вся страна, а государственный аппарат управления – не все государство в целом. В идеале, интересы гражданского общества и государственного аппарата должны совпадать – особенно в таких важных и судьбоносных для страны вопросах, как обеспечение военной безопасности государства.

Федеральный закон «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»⁶⁹ устанавливает правовые основы осуществления общественного контроля за деятельностью органов государственной власти. При анонсировании проекта данного закона в СМИ⁷⁰ отмечалось, что законодательным инициатором был непосредственно Президент России В. В. Путин. Таким образом, это – в полном смысле этого слова «президентский закон».

Данный правовой акт определяет, что общественный контроль может проводиться в форме общественного мониторинга, общественной проверки, общественной экспертизы. Но п. 2 ст. 2 этого закона фиксирует, что общественный контроль над деятельностью в области обеспечения обороны страны и безопасности государства регулируется иными федеральными законами. То есть, в том числе и законом «О государственной тайне»⁷¹ и Указом Президента «Об утверждении перечня сведений, отнесенных к государственной тайне»⁷². Таким образом, у органов государственной власти есть правовые основания серьезно ограничивать деятельность представителей гражданского общества в сфере общественного контроля. По мнению автора, возможно необоснованное отнесение любых сведений к категории «государственная тайна». Это не вызывает особого оптимизма у некоторых общественных и правозащитных организаций.

К сожалению, правовых основ гражданского контроля за сферой деятельности самих органов обеспечения военной безопасности практически нет. Те законы, которые позволяют это осуществить в настоящее время, в большей части противоречат закону о государственной тайне. А это в свою очередь

⁶⁹ Об основах общественного контроля в Российской Федерации: Федеральный закон от 21 июля 2014 года № 212-ФЗ.

⁷⁰ Чиновников – под общественный контроль [Электронный ресурс] // Expert Online. URL: <http://expert.ru/2014/03/13/chinovnikov---pod-obschestvennyj-kontrol/?ny>

⁷¹ О государственной тайне: Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 года № 5485-1.

⁷² Об утверждении перечня сведений, отнесенных к государственной тайне: Указ Президента Российской Федерации от 30 ноября 1995 года № 1203.

создает серьезную правовую коллизию, которая не устраивает многих представителей гражданского общества.

Подведем некоторые итоги. Для того чтобы деятельность гражданского общества в деле укрепления военной безопасности страны была положительной, большинству его представителей, в особенности научной и творческой интеллигенции, необходимо проплыть между Сциллой желания потворствовать исключительно реализации собственных амбиций и стремлений и Харибдой требования следовать в своем творчестве духу патриотизма. Патриотизм в современную эпоху противостояния цивилизаций приобретает статус национальной идеи, ибо лишь он может объединить разновекторные порой устремления государственной власти и гражданского общества.

Сегодня государственный аппарат стремится сдерживать инициативы гражданского общества, делая это порой необдуманно и незаслуженно жестко. Деятельность самого гражданского общества в области обеспечения военной безопасности и укрепления патриотизма пока остается малопродуктивной вследствие его разобщенности и социальной аморфности. Для действенного симбиоза усилий гражданского общества и государственной власти в деле укрепления военной безопасности страны необходимы взвешенные и разумные шаги с обеих сторон.

Библиографический список

1. *Батанова О.Н.* Русский мир и проблемы его формирования: дис. ... канд. полит. наук. М., 2009.
2. *Гегель Г.В.Ф.* Философия права. М.: Мысль, 1990.
3. *Горохов П.А., Батеженко В.В.* Феномен перестройки четверть века спустя: опыт социально-философского осмысления // Вестник Оренбургского государственного университета. 2010. № 7. С. 51–56.
4. *Гулыга А.В.* Немецкая классическая философия. М.: Рольф, 2001.
5. *Давтян Д.В.* Гражданский контроль как механизм обратной связи в процессе взаимодействия власти и общества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 7–2. С. 52–54.
6. *Ковалев А.А.* Информационная политика и военная безопасность России в эпоху противостояния цивилизаций: теоретико-методологические аспекты проблемы. СПб.: Коновалов А. М., 2016.
7. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений (5-е изд.). Т. 26. М.: Политиздат, 1969.
8. *Маркс К., Энгельс Ф.* Избранные произведения. Т. 1. М.: Политиздат, 1980.
9. *Пивовар Е.И.* Русский язык и русский мир как факторы социокультурного диалога на постсоветском пространстве // Материалы международной конференции «Диалог культур и партнерство цивилизаций: становление

глобальной культуры». СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, 2010. С. 167–170.

10. *Фокин П.Е.* Александр Зиновьев: Прометей отвергнутый. М.: Молодая гвардия, 2016.

Дискуссия на тему противоборства и сотрудничества в современной политике: от «гибридных войн» к «гибридному миру»*

Введение

На сегодняшнем этапе развития цивилизации система поддержания мира и обеспечения безопасности, существовавшая до сих пор, исчерпала себя. Современная архитектура системы мировой безопасности находится в точке бифуркации и системного кризиса, который вызван трансформацией самого общества, активизацией (часто принудительной) процессов глобализации и интернационализации, ослаблением вследствие этого суверенитета и роли национального государства, попыткой полной монополизации экономической сферы и установлении тотальной политической гегемонии избранных государств над остальным геополитическим сообществом.

Следует помнить, что гегемония, в отличие от лидерства, предполагает приоритет двух базовых принципов – влияния и главенства, с постепенным переходом к диктату и подавлению несогласных, или любой альтернативной версии развития геополитических событий. При этом заняв позицию гегемона позволяют как объективные факторы (превосходство в экономико-политической и военной сферах), так субъективные – самостоятельное назначение государством (элитой) себя на эту роль, через определение гегемонии как базовой государственной стратегии⁷³.

Как результат, мировое сообщество практически планомерно и целенаправленно было приведено на порог такого феномена как тотальная война «всех против всех». И способствует этому применение такого модернизированного варианта современной войны, как «гибридные войны». При этом сам феномен «гибридных войн» заключается в его двойственности. С одной стороны, с помощью этого военно-политического механизма осуществляется преднамеренная эскалация и дестабилизация геополитической обстановки, с другой – именно использование этого инструмента позволяет на сегодняшнем этапе не допустить вхождения современного мирового сообщества в глобальную войну, которая будет отличаться своей масштабностью не только по количеству

* Ковалев А.А. Дискуссия на тему противоборства и сотрудничества в современной политике: от «гибридных войн» к «гибридному миру» // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность.* – 2017. – Т. 13. – № 5. – С. 975-986.

⁷³ Шаклеина Т.А. В чем «призвание» Америки? // *Международные процессы: журнал теории международных отношений и мировой политики.* 2006. № 3. URL: <http://intertrends.ru/five/003.htm#note1>

жертв, но и по уровню задействованных участников. Связано это с тем, что в такой потенциальной войне будут принимать участие не только государства, утратившие свою монополию на власть и насилие, но и негосударственные структуры и сообщества, использующие свой иррегулярный организационный и военный потенциал.

Так как данные процессы и изменения носят институциональный характер и происходят в так называемый «переходный период» между окончанием постиндустриального и формированием нового, информационного общества, то происходит и формирование нового политического порядка, чем пользуются некоторые участники международных отношений, навязывающие свое видение и сценарии формирования архитектуры и развития мирового сообщества путем установления новых глобальных правил.

Современный мировой порядок заиклен на парадигме тотальной войны как единственном способе решения геополитических и общественно-социальных вопросов (конфликтов). При том этот порядок базируется сразу на двух концепциях, помогающих осуществлять эту стратегию, – на концепции гибридных (тайных) войн и концепции тотальной «справедливой войны», когда понятие войны как преступления трансформируется в понятие войны как формы наведения «мирового порядка». Иными словами, война вводится в ранг естественного правового и политического инструмента, а по сути, формируются и используются масштабные и практически ничем не регламентируемые полицейские международные функции, поскольку международные институты и структуры, отвечающие за вопросы безопасности, показали свою слабость и безрезультатность перед вызовами и угрозами современности. Таким образом, современная война постепенно приобретает черты, более присущие по форме войне гражданской, с ориентацией на приоритетность силы, как основного инструмента установления порядка.

Ситуация, когда война принимает характер гибридной, связана прежде всего с тем, что в современной геополитической системе все страны зависят друг от друга, и появилась легитимизация возможности принуждения к миру, навязыванию фетиша демократии, чужеродных ценностей не только прямым военным воздействием, но и с помощью значительного современного арсенала экономических, политических и прочих механизмов и инструментов. Чаще всего применяется комплекс таких средств. В связи с этим войны современности получили название «гибридных», что характеризует их как соединение многих вариантов и видов военных и невоенных действий.

«Гибридные войны» – принципы и особенности

Под гибридной войной следует понимать комплекс разных форм и видов политической, военной и социально-экономической деятельности, направленный на планомерную и целенаправленную дестабилизацию всех сфер жизнедеятельности и государственного функционирования оппонента в рамках межгосударственного противоборства. При этом сам термин «гибридная война» целесообразнее толковать как стадию конфликтной эскалации, на которой дипломатические договоренности возможны, а полномасштабную войну еще можно предотвратить.

Наиболее популярной формой гибридной войны является оставление страны воздействия (цели нападения) наедине с самой собой. При этом страну-цель разрывает внутренняя неуравновешенность, поскольку международная или самоизоляция ведут к нарастанию внутреннего напряжения (например, в виде революционных движений или проявления массового недовольства).

В конце XX в. американский исследователь Д. Гранж определил асимметричное политическое насилие как противостояние с отклонением от нормы или косвенную конфронтацию, участники которой пытаются избежать преимуществ противника и одновременно стремятся использовать свои преимущества относительно слабостей оппонента⁷⁴. Использование преимуществ асимметричного подхода в процессе насильственной борьбы не является абсолютно новым подходом в политической истории человечества. Еще в 1969 г. Г. Киссинджер, анализируя войну во Вьетнаме, отметил изменчивый характер принципов политического насилия. По его мнению, в этой войне США, используя военные методы, стремились достичь физического истощения, а их противник направил свою стратегию на истощение психологическое. Это предполагало перевод противостояния в асимметричную плоскость, в рамках которой предусматривалось применение насилия для истощения сильного противника и формирование у него синдрома «усталости от войны» [1]. В дальнейшем научным сообществом в качестве синонимов асимметричного насилия начали использоваться такие понятия, как «малая война», «нерегулярные военные действия», «неконвенциональные войны», «антиповстанческие операции» и собственно «гибридная война». Все они так или иначе отражали специфику трансформации современного политического противостояния между силовыми структурами государства и негосударственными субъектами насилия. Однако чаще всего концепцию асимметричного насилия связывают с феноменом «четвертого поколения военных действий», в рамках которого один из участников насильственного противостояния имеет негосударственное происхождение, а государство теряет монополию на легитимное применение силы.

Сама проблематика возникновения такого явления как «гибридные войны» обусловлена многоплановостью и многоуровневым характером концепции гибридности, что позволяет использовать этот инструмент достаточно широко и активно на геополитическом поле, избегая обвинений в двойных стандартах и легализуя агрессивные возможности и оправдывая любые деструктивные действия более сильного оппонента по отношению к более слабому [2].

Некоторыми исследователями проблематики «гибридных войн» освещаются лишь узкие вопросы, отражающие один из инструментов или явление данного феномена. Так, например, Ж. Бодрийяр акцентирует внимание на том, что из-за масштабной повсеместной информатизации всех сфер жизни современного общества появилась такая угроза безопасности, как установление дистанционной власти над информационным полем [3]. То есть, информационное

⁷⁴ Grange D.L. Asymmetric Warfare: Old method, new concern // National Strategy Forum Review. 2000. P. 1–5.

пространство любого участника геополитических отношений подвержено риску внешнего воздействия не только в целях его нивелирования или установления контроля над информационными потоками, но и для формирования самого этого пространства.

Отдельного внимания заслуживает фундаментальная монография «Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI века» [4]. Данное исследование было проведено коллективом авторов факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова под руководством профессора П.А. Цыганкова и охватило широкий круг вопросов современной мировой политики с проведением предметного анализа тенденций и перспектив политического обустройства современной геополитики, выделением роли в этом процессе проекта глобализации и таких аспектов, как формирование информационного общества, сетцентрические и кибервойны.

Однако в большинстве случаев при анализе современных форм асимметричного насилия исследователи чаще всего опираются на количественные показатели, что не позволяет полностью выявить и описать влияние асимметричной стратегии на характер трансформации данной формы политического насилия. Этим обуславливается необходимость полноценного анализа данного феномена, что дает возможность анализа нелинейного развития событий на локальном, региональном, национальном и глобальном уровнях политических отношений.

Теория гибридной войны способна удачно описать эволюцию вооруженных конфликтов, разрушить традиционные рамки дискуссий по поводу военного насилия, повысить уровень осведомленности о потенциальных рисках и угрозах политической безопасности государств и детализировать широкий спектр возможных форм и проявлений конфликтов. Лучше всего специфику гибридной войны описывает термин «конвергенция» (слияние), что действительно отражает слияние в единое целое вооруженных сил и гражданского населения, военной силы и информационно-психологической пропаганды, государственных и негосударственных субъектов насилия. Это указывает на способность современных конфликтов сочетать в себе сложные, военные, информационные, сепаратистские, партизанские и террористические угрозы.

Так, современный терроризм из несистемной, разрозненной формы трансформируется в деструктивную составляющую современной архитектуры международных отношений и выступает уже вполне сформировавшимся, самодостаточным, полномасштабным и значимым глобальным участником существующей системы общемировой безопасности. Но при всем понимании опасности мирового терроризма и необходимости формирования системы, механизмов и адекватных инструментов противодействия данной угрозе возникает еще одна проблема. Ведь в эпоху всеобщей войны, носящей асимметричный сетевой характер, возникает еще один парадокс (по М. Хардту) «в мире, где насилие не будет считаться легитимным, в принципе допустимо называть всякое насилие терроризмом» [5]. К тому же в связи с активизацией процессов глобализации и усилением экспансионистской политики западной цивилизации стирается тонкая грань между понятием террористической

структуры и силами, ведущими освободительную или оборонительную партизанскую войну. При этом если возникает ситуация, сформулированная К. Шмиттом, когда много заинтересованных третьих лиц конкурируют друг с другом, то партизан обладает свободным пространством для собственной политики. И при этом у него появляются все шансы и возникают необходимые условия для своей легитимизации. Следовательно, возникает необходимость «трансформировать свое сопротивление в какую-то форму конституирующей силы, создающей общественные взаимоотношения и институты нового социума» [6].

Таким образом, в связи с актуализацией такого феномена, как «гибридная война» требуется разработка концептуального подхода к переосмыслению самого явления войны и ее законов.

Гибридный вариант ведения боевых действий применяется в том случае, когда существует потенциальная опасность масштабной ответной военной реакции со стороны атакуемого государства. Более успешно и безопасно в таком случае применение механизмов и инструментов информационно-психологического воздействия (деструктивные акции и операции по подрыву политической, экономической, социальной, общественной стабильности страны), а также целенаправленное разрушение национальной и личностной духовной ориентации, ценностей и устоев населения.

Показательным элементом «гибридной войны» выступает фактор задействования иррегулярных вооруженных формирований в виде оперативных точечных действий подразделений специального назначения или с привлечением частных военных компаний. Одновременно с этими оперативными действиями проводится планомерная целенаправленная поддержка деструктивных, повстанческих и сепаратистски настроенных движений государства-цели в виде технического, финансового и консультативного сопровождения.

«Гибридный мир» как альтернатива «гибридной войны»

В свою очередь, «гибридный мир» выступает как результат комбинации и генерализации геополитических линий, направленных на осмысление, разработку и внедрение в практическое использование концепции мира – противоположной современной концепции насилия и противоборства. Актуальность проблематики вопроса реформирования архитектуры системы международных отношений и мировой безопасности связана с эскалацией как цивилизационного противостояния Востока и Запада в целом, так и с геополитической конфронтацией России и стран Запада в частности.

Также следует учитывать, что современное общество переходит от политики «обороны» к концепции «безопасности», и при этом зарождается следующая дилемма: при установлении всеобщего мирового порядка и достижении стабильности резонно должен быть поставлен вопрос о дальнейшей необходимости существования самой силы, которая сможет обеспечить достижение этого порядка. В противном случае подобная сила может трансформироваться из формы объективного не ангажированного «судьи» в форму глобальной контролирующей структуры или геополитического участника,

использующего в качестве подтверждения своих прав и полномочий и с целью продвижения собственной идеологии угрозу тотального насилия [5].

Исходя из изложенного, нельзя не согласиться с И.В. Радиковым, утверждающим: «...чтобы выжить, человечество сегодня должно устранить главную угрозу своему существованию – политику господства над народами, ведущую, как свидетельствует история, к мировой войне. Иначе его ожидает апокалипсис» [7].

Еще одной необходимостью конструирования архитектуры «гибридного мира» для создания полноценной и эффективной системы мировой безопасности является то, что фактически происходящая сегодня тотальная война несет важную концептуальную опасность. Она носит неофициальный, закамуфлированный характер, а значит, ввиду своей многоликости, «гибридности», правовой и структурной неформальности не может быть завершена классически – путем заключения мирного договора.

Для проведения эффективной гибридной военной операции необходима оптимизация и интеграция абсолютно всех современных методов и средств: военных (модернизация военной техники и повышение эффективности высокоточного оружия включая ядерное, космическое и электронное), информационных (информационно-психологические средства воздействия и противодействия, киберпространство), невоенных форм противостояния (дипломатия, финансовое и ресурсное противоборство).

Такой синергетический симбиоз необходим как для наступательных операций, так и в качестве полноценного паритетного оборонного «щита» государства, а также как балансирующая превентивная мера для сохранения стабилизации в рамках современной системы международной безопасности.

Обязательно во всех предпосылках к развязавшейся гибридной войне необходимо искать не только политический и социально-общественный следы, которые всегда и так выносятся на поверхность, но в большей степени – фактор экономический. Здесь мы согласны с С.Ю. Глазьевым, так как если исследовать государственную стратегию, к примеру, Соединенных Штатов, то «сталкиваясь с перенакоплением капитала в финансовых пирамидах и устаревших производствах, а также с утратой рынков сбыта своей продукции и падением доли доллара в международных транзакциях, США стремятся удержать лидерство за счет разворачивания мировой войны с целью ослабления, как конкурентов, так и партнеров»⁷⁵. Не секрет, что на сегодняшний день именно США пытаются всеми силами и средствами удерживать свой статус экономического и политического гегемона, задавая векторный тон всей геополитической деятельности современного международного сообщества. Именно стратегия данного государства оказывает основополагающую роль в деятельности стран евроатлантического сообщества относительно дестабилизации прочих геополитических участников международных отношений путем целенаправленного использования тактики «гибридных войн» для

⁷⁵ Глазьев С.Ю. Об эскалации международной военно-политической напряженности и необходимых действиях России // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания РФ. – 2015. – № 16. – С. 30-45.

свержения правительств других стран и изменения их политических режимов и геополитических и геоэкономических позиций. В продолжение этой мысли можно согласиться с А.И. Фурсовым, считающим, что «конечной целью североатлантических элит всегда была ликвидация России с последующим присоединением русских ресурсов и пространства» [8].

Современные высокотехнологичные войны, включая новейшие виды и формы высокоточного и информационного оружия, стали возможными благодаря ряду факторов. Во-первых, это снижение степени вероятности крупномасштабной глобальной войны с одновременной эскалацией войн региональных и локальных. Во-вторых, современные военные и вооруженные противостояния стали все более скоротечными, и при значительной динамике изменений ведения боевых действий одновременно могут резко и неожиданно охватывать крупные регионы даже на значительных расстояниях от противостоящих сторон. Классические формы военных действий переходят в фазу объемных сетцентрических операций, в которых основным фактором выступает не количественный состав вооруженных сил, а высокотехнологическая ресурсная и квалифицированная человеческая база, потенциал информационного контроля и интеллектуального противоборства [9].

«Цветные революции» как инструмент «гибридной войны»

Особое место в ведении гибридных войн занимает комплекс методов и способов информационного воздействия на государственные и социально-гражданские системы в целях формирования или подчинения своему контролю процессов управления социальным поведением сообществ, политической активности населения страны, ее руководства или целенаправленной деятельности направленной на свержение легитимной власти и изменение геополитических систем стран. Так, например, в основе феномена «цветных революций» лежит создание протестного движения, превращение его в политическую толпу и направление ее агрессии на действующую власть с целью заставить ее добровольно уйти с государственных постов и отказаться от управления страной⁷⁶.

Такие возможности достигаются благодаря тому, что информация выступает одновременно и объектом и средством воздействия. Именно поэтому инструментарий информационных войн активно используется современными мировыми центрами силы для стимулирования необходимых геополитических и геоэкономических процессов полностью невоенными методами, путем информационно-психологического воздействия на государственные и общественные системы в целях их изменения, контроля и подчинения. Яркими примерами таких геополитических ходов на информационном поле являются события в Ливии, Тунисе, Египте, Сирии, Украине.

Предотвращением трагических событий украинского переворота 2013–2014 гг. должен был заниматься легитимный президент, законно выбранный народом этой страны, с применением всех процедур и регламентов, притом без каких-либо несогласий со стороны внешних основных геополитических участников (включая

⁷⁶ Манойло А.В. Украина – генеральная репетиция // Стратегия России. – 2015. – № 4(136). – С. 27.

ЕС, США и РФ). Вместо этого проведенная операция в стиле «гибридной войны» помогла осуществить государственный переворот по всем классическим правилам. Россия дипломатично не вмешивалась в сам внутривнутриполитический конфликт на Украине и не предпринимала активных попыток эскалации зародившегося внутреннего политического и социально-гражданского противостояния, до тех пор пока сформированную и сложившуюся ситуацию активно не начали использовать в своих геополитических целях ЕС и США.

Обозначенные участники международных отношений целенаправленно и деструктивно вели дестабилизацию обстановки в этом регионе с одновременными планомерными действиями в виде экономических и политических санкций в отношении России и проведением агрессивного информационно-психологического воздействия на Российскую Федерацию и мировое сообщество. Именно поэтому ответным шагом России на начало информационной войны Запада и «гибридной войны» в форме АТО (антитеррористической операции) Украины на территории Донецкой и Луганской народных республик стало использование инструментов миротворческой поддержки в Крыму и гуманитарного содействия ДНР и ЛНР. При этом, согласно формальным признакам международного права, данные действия никак нельзя назвать ни вооруженным конфликтом, ни предъявить претензии относительно эскалации и дестабилизации политической и социальной обстановки на Украине, так как по факту Российская Федерация выполняет гуманитарную миссию в государстве, где ведется междоусобная война и был произведен государственный переворот, силовыми и политическими методами свергнута легитимная власть⁷⁷ [10].

Кроме того, если разбирать конкретный пример проведения гибридных военно-политических действий в Украине, то мы наблюдаем очередной парадокс. Очевидным фактом является то, что при обострении противостояния между государственной властью и оппозицией по сценарию «цветных революций» главной задачей силы, осуществляющей попытку захвата власти, является деятельность по недопущению эффективного использования законной властью силы для пресечения деструктивной деятельности протестного движения с одновременным силовым давлением со стороны самой оппозиции. При этом фактически идет «игра в одни ворота».

Продолжим свою мысль относительно странностей и нелогичности украинского переворота. Если в 2014 г. массовые выступления населения были преподнесены как «революция достоинства», и международным сообществом поддерживалась мысль о легитимности вооруженного свержения законной власти, то спустя три года уже власть, пришедшая «на штыках» к руководству страной, осуществляет беспрецедентные масштабные меры по подавлению протестов и инакомыслия с помощью полицейских, судебных и военных мер. Подтверждается тезис, что режим, проявивший решимость и рискнувший «пустить кровь», имеет шансы сохранить свою власть [11].

⁷⁷ Дьяков С.Г. Так кто же ведет на Украине «гибридную войну»? Сайт РИСИ. 28.12.2015. URL: <http://riss.ru/analytics/25075>

Хотелось бы в связи с этим обратить внимание на тезис С. Хантингтона: «...когда бывшие оппозиционные группы приходят к власти, конфликт нередко вступает в новую фазу: в новом правительстве различные группы борются между собой из-за характера режима, который они должны установить» [12]. Из этого следует, что приверженцы демократии, согласно Хантингтону, представляют собой достаточно разрозненную по политическим взглядам группу, для которой демократия выступает не целью устройства государственных и общественных отношений, а является лишь формой прикрытия деятельности по свержению легитимной власти.

И действительно, украинскую «революцию достоинства» можно по факту считать именно переворотом, так как ни один из декларируемых тезисов, которыми обосновывалась необходимость проведения такой акции, за три года не был осуществлен. Произошло банальное смещение одних элит другими при одновременном уходе в режим внешнего подчинения, притом абсолютно во всех сферах – экономической, политической, военной – до полного диктата даже в социально-гражданской (подчинение стандартам и требованиям внешней стороны) и духовной сферах (имеется в виду целенаправленное и преднамеренное наступление на институт Русской Православной Церкви на территории Украины). Другими словами, налицо полный набор по-прежнему ведущейся «гибридной войны».

Можно с достаточной степенью уверенности считать высокую результативность проведения таких внешнеполитических операций, как мирное обеспечение прохождения референдума в Крыму в 2014 г. и гуманитарная и политическая поддержка ДНР и ЛНР – без прямого военного вмешательства прямым доказательством перехода международных отношений из фазы «гибридной войны» на этап формирования «гибридного мира». Также данные стратегические операции нивелировали попытки США и НАТО усилить деструктивную ситуацию и эскалацию геополитической обстановки в регионе СНГ и укрепить позицию в зоне своих жизненных интересов. Таким образом, мы видим два разных подхода к решению конфликта: если Российская Федерация проводит явно выраженную миротворческую миссию в целях ослабления напряжения и стабилизации обстановки в ДНР и ЛНР для недопущения гуманитарной социальной катастрофы, то Киев пытается постоянно усиливать эскалацию данного конфликта, заявляя о готовности перейти от боевых действий в форме АТО к полномасштабной войне.

Показательным примером осознания необходимости и эффективности применения гибридных форм проведения тактических операций можно считать и действия РФ в Сирии. В этой стране результативно проявил себя метод урегулирования вооруженного конфликта путем использования механизмов сетцентрических военных действий с применением видов высокоточного оружия нового поколения.

Практические результаты, достигнутые Россией в улаживании конфликтов и противостояния в Крыму и Сирии с помощью созидательного применения инструментария «гибридных войн» позволяют дать положительную оценку этой форме воздействия при проведении миротворческих операций, что вносит

значительный практический вклад в формирование новой архитектуры современной системы международной безопасности. Однако вместе с этим также необходимо учитывать аспект ограниченности использования концепции гибридной формы проведения операций. Связано это с тем, что в современных конфликтах все сильнее развивается динамика применения гибридных способов ведения военных действий в случае вооруженного конфликта, например, в виде партизанского или террористического противостояния.

Следовательно, актуальность данной проблемы, наработки и опыт «гибридных» войн уже сейчас могут пригодиться не только для отстаивания государствами своих интересов и безопасности, но и для преодоления такой опасности, как усиление геополитического влияния и притязаний ТНК и мирового терроризма. Эти участники мировых политических отношений начинают оказывать все более существенное влияние на геополитическую обстановку, включая вопросы развязывания и прекращения войн, смещения легитимной власти в государствах и прочих значимых для общества политических и геоэкономических актов.

Несмотря на постоянное декларирование в геополитике парадигмы борьбы за мир, новый виток гонки вооружений современности превратил в гибридное оружие абсолютно все ресурсы жизнеобеспечения, превратив практически всю планету (и даже космическое пространство) в тотальный театр боевых действий [13].

Возникновение такого феномена, как «гибридные войны» сместило и смешало угрозы национальным государствам, поскольку своей структурой и синергетичностью затрагивают одновременно как внешние, так и внутренние уровни жизнеобеспечения и функционирования, включая абсолютно все сферы жизни – от политической и экономической до социально-общественной и духовной.

Таким образом, «гибридная война», ставшая порождением геополитического и социального структурного и институционального кризиса общества, находящегося в точке бифуркации, и нивелированием системы международных отношений и международного права, является альтернативным способом разрешения политических и социальных конфликтов и одновременно инструментом участников международных и межгосударственных отношений.

Именно поэтому под «гибридным миром» следует понимать не только противостояние «гибридной войне», но и модернизацию системы международной безопасности и установление новых «правил игры» на геополитическом поле.

Несмотря на всю конфликтогенность условий современного геополитического противостояния стран западной коалиции и Российской Федерации, необходимо уделять больше внимания и усилий не только развитию механизмов и инструментов ведения войн четвертого поколения в их гибридной форме, но и выстраиванию четкой концепции «гибридного мира», в котором новая архитектура геополитики будет основана на идее разумных противовесов, созданных на базе превентивной дипломатии и парадигмы миростроительства. Это позволит построить новую систему глобальной и региональной

безопасности, соответствующую новым вызовам, и предотвратить повторение подобных кризисов в будущем.

Деятельность по совместному формированию системы мировой безопасности является исключительно важным аспектом для урегулирования отношений западной коалиции с Российской Федерацией, изменения целенаправленной конфликтной и шантажирующей парадигмы внешней политики на цивилизованную парадигму терпимости и взаимовыгодного сотрудничества.

В целом же за последние десятилетия выработано понимание системы мировой безопасности как концепции разноуровневой системной деятельности в течение длительного периода времени в целях устранения глубинных причин конфликтов и создания структур, способных обеспечить культуру диалога и мирного урегулирования споров. Такая деятельность может включать в себя самые разнообразные мероприятия – от уроков примирения и взаимопонимания – к справедливому распределению или доступу к ресурсам, реформы конституционного строя, борьбы с коррупцией в правоохранительных органах или обеспечения честных и справедливых выборов, введения гендерного равенства, устранения различных форм дискриминации и т.п.

Новая система мировой безопасности должна способствовать утверждению так называемого «позитивного» или «устойчивого» мира, то есть не просто остановке насилия или боевых действий, а устранению глубинных причин конфликта, урегулированию проблем, которые могут вызвать его восстановление, так как около половины конфликтов в течение 20 лет после завершения их «горячей» фазы в той или иной форме повторяются. То есть конечной целью деятельности по урегулированию конфликта является не достижение перемирия или даже формального мира, а именно состояния устойчивого мира и устранения причин конфликта.

До сегодняшнего момента поддержание мира обеспечивалось присутствием ООН в конкретном регионе по согласованию со всеми заинтересованными сторонами и было направлено на развертывание военных сил и полицейских подразделений международного миротворческого контингента. Использование такого политического инструмента, как Совет Безопасности ООН, является существенным аспектом сегодняшнего обеспечения эффективности системы глобальной безопасности. Однако раньше операции, осуществляемые для поддержания мира (ОПМ) под эгидой ООН, базировались на трех принципах: согласии участвующих в конфликте сторон, беспристрастности и применении силовых методов воздействия исключительно в целях самообороны и защиты мандата. Сегодня же геополитическое поле и «правила игры» претерпели значительные изменения, и поэтому эффективное миротворчество требует построения новой архитектуры европейской и мировой безопасности, особенно с учетом наметившихся трендов регионализации [14].

Происходящие в современной геополитике события показали, что для достижения своих целей в так называемых зонах «исключительных интересов» любое государство готово применить весь имеющийся военный, политический, ресурсный и информационный потенциал для проведения экспансионистских,

агрессивных действий. Но в конечном итоге следует учитывать тот факт, что целью урегулирования конфликта является не его ликвидация, что зачастую невозможно (а иногда и нежелательно), а трансформация в мирный процесс социальных и политических изменений, которые устранят причины конфликта.

Необходимость созидания архитектуры «гибридного мира» обусловлена рядом факторов, среди которых – уже фактическое принятие за норму возможности изменять границы и политический облик существующих государств.

Необходимо понимать, что «гибридный мир» отличается от обычного изменениями, не предусмотренными изначальным замыслом. Именно поэтому, естественно, потребуются большой объем ресурсов и принципиальных реформ, способных кардинально реструктуризировать систему глобальной мировой безопасности [15]. Такая созидательная и реформаторская деятельность, направленная на укрепление структур ООН и повышение эффективности ее миротворческих инструментов, обеспечит гарантированное выполнение ими своих функциональных обязанностей [16].

Следует четко осознавать необходимость осторожного применения в современной геополитике такого мощного инструмента, как «гибридная война» ввиду неоднозначности и непредсказуемости получаемых результатов. Ведь на практике, к примеру, полемика относительно возврата Крыма Украине вызовет еще больший дисбаланс и эскалацию напряженности обстановки не только на самой Украине, но и на региональном уровне в СНГ и Восточной Европе. Ведь по факту появляется право насильственным способом принуждать прекращать свой суверенитет одних государств в интересах и при агрессивных действиях других, что сразу же нивелирует само понятие и понимание суверенитета как это было в ситуации с Югославией. А подобные действия уже создадут политическую и социально-общественную напряженность не только в регионе Западной Европы, но и угрозу призыва к ответственности таких надгосударственных структур как НАТО или ООН. Это в свою очередь приведет к цепной реакции по вопросам правовой и политической оценки деятельности данных структур на территории Ирака, Ирана, Сирии, Афганистана и т.д.

Выводы

Все изложенное ясно свидетельствует о том, что общество уже вступило в фазу «гибридного мира». Мир фактически стал другим. Безвозвратно отжила свое и полностью нивелирована старая система международной безопасности, базировавшаяся на классическом видении роли государства на международной арене. Кардинально изменилась социальная система и ментальность современного общества. Это свидетельствует о том, что пора от теоретических рассуждений и допущений переходить к практическому формированию новой архитектуры международной безопасности, разрабатывая ее парадигму с учетом уже де-факто существующих концепций «гибридных войн» и «гибридного мира». Данные процессы уже невозможно повернуть вспять или пренебрегать ими. Их необходимо постепенно и планомерно вводить в правовые рамки международного существования государств и мирового сообщества.

Однако в связи со сказанным хотелось бы остановиться на таком постоянно умалчиваемом или вскользь обходимом моменте. Вариант европейской интеграции России в так называемую форму «расширенного Запада» либо теоретически озвучивает сам Запад, либо эту линию транслируют прозападные российские политики. Сразу возникает закономерный вопрос, а почему Российская Федерация не может выступать полноценным полюсом современной геополитики, уже имея свой собственный контингент союзников, представляя таким альянсам, как НАТО и ЕС, разумную альтернативу в форме ОДКБ, ЕврАзЭС, ШОС и БРИКС? Ведь Россия представляет собой самодостаточную державу, исторически выполняющую функцию регионального балансирующего центра между Востоком и Западом. Например, США имеют на порядок меньший исторический опыт как государства, как нации в разрешении геополитических вопросов. Кроме того, Россия, как правило, участвует в решении региональных геополитических вопросов, действительно входящих в круг ее ближайших интересов или непосредственно затрагивающих национальные или государственные интересы.

В то же время как политика гегемонии США распространяется абсолютно на любой регион мира, если преследуются какие-то национальные интересы этой страны. Следовательно, существовавшая до сих пор архитектура международной системы безопасности требует существенных уточнений не только на геополитическом и дипломатическом уровнях. Связано это прежде всего с тем, что произошли не только значительные сдвиги в сфере международных отношений, но и значительное столкновение цивилизационных интересов Запада и Востока, и с этим уже невозможно не считаться. Кроме того, цивилизационное противостояние явно вышло из-под контроля Запада, ранее считавшего, что процессы взаимоотношения мировых центров формируются и контролируются именно западной частью мирового сообщества. Существующие на сегодня региональные и локальные конфликты явно указывают именно на системную составляющую. Другими словами, манипулируемый Западом Восток был долгое время направляем или контролируем политическими или экономическими механизмами. Однако на сегодняшний момент Восток уже не согласен, а Запад уже не может осуществлять подобный контроль, не прикрываясь при этом откровенно насильственными (Ирак, Ливия), или манипуляционными (Украина, Турция, Сирия) действиями.

Таким образом, в результате проведенного исследования сформулирована и обоснована идея создания новой архитектуры международных отношений – через применение концепции «гибридного мира», которая заключается в идее недопущения дальнейшей эскалации геополитической обстановки путем приведения к единым и распространяющимся на всех существующих участников международных отношений, правовым и политическим нормам, по которым и будет в дальнейшем функционировать система мировой и общественной безопасности.

Библиографический список

1. *Mack A.* Why big nations lose small wars: the politics of asymmetric conflict // World Politics. 1974. Vol. 27. Iss. 2. P. 175–200. doi: <https://doi.org/10.2307/2009880>
2. *Магда Е.В.* Гибридная война: выжить и победить. Харьков: Виват, 2015. 320 с.
3. *Бодрийяр Ж.* Дух терроризма. Войны в Заливе не было. М.: РИПОЛ классик, 2016. 224 с.
4. «Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI века: колл. монография / под ред. П.А. Цыганкова. М.: Изд-во Московского ун-та, 2015. 381 с.
5. *Хардт М., Негри А.* Множество: Война и демократия в эпоху империи. М.: Культурная революция, 2006. С. 43.
6. *Шмитт К.* Теория партизана. М.: Праксис, 2007. 301 с.
7. *Радиков И.В.* Нарастание военно-политической напряженности в условиях глобальной слабости международных институтов и «вырождение» войны // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2015 . № 3. С. 35.
8. *Фурсов А.И.* Холодный восточный ветер русской весны. М.: Книжный мир, 2015. С. 230.
9. *Горбачёв Ю.Е.* Сетцентрическая война: миф или реальность? // Военная мысль. 2006. № 1. С. 66–76.
10. *Белозеров В.К., Соловьев А.В.* Гибридная война в отечественном политическом и научном дискурсе // Власть. 2015. № 9. С. 8–11.
11. *Гатич А.Э., Луишиков Д.А.* Технологии цветных революций. М.: РИОР; ИНФРА-М, 2014. С. 56.
12. *Хантингтон С.* Третья волна. Демократизация в конце XX в. М.: Российская политическая энциклопедия, 2003. С. 156.
13. *Сидоров П.И.* Ментальная экология террористической гражданской войны // Экология человека. 2014. № 7. С. 15–23.
14. *Осинов Ю.М.* Евразийская (постсоветская) международная интеграция как насущная актуальность // Философия хозяйства. 2014. № 1. С. 17–22.
15. *Барановский В.Г., Иванова Н.И.* Глобальное управление: возможности и риски. М.: ИМЭМО РАН, 2015. 315 с.
16. *Дынкин А.А., Иванова Н.И.* Глобальная перестройка. М.: Весь мир, 2014. 528 с.

Изменение географии глобальной безопасности в эпоху цивилизационного противостояния*

Происходящий во всем мире рост популистского национализма заставил многих исследователей утверждать, что мир вступает в период

* Шамахов В.А., Ковалев А.А. Изменение географии глобальной безопасности в эпоху цивилизационного противостояния // Мировая политика. – 2018. – № 4. – С.43-55.

«постглобализации». Порой можно даже услышать прогнозы о распаде Европейского Союза в ближайшем будущем. Политологи все чаще ссылаются на то знаковое интервью, которое президент США Дональд Трамп дал влиятельной лондонской газете «Times» [28]. В этом интервью Трамп без обиняков утверждает, что вслед за Великобританией предвидит выход из Евросоюза и некоторых других стран. Крушение еврозоны в недалеком будущем пророчит не только такой импульсивный и эмоциональный политик, как Трамп, но и нобелевский лауреат по экономике Джозеф Стиглиц в интервью газете «Die Welt», считая Италию почти готовой на exit (выход) [26]. Не исключен исход из Европейского Союза и Греции, граждане которой крайне недовольны вступлением страны в это сообщество.

Как бы то ни было, некоторые уже произошедшие политические события, такие как «Брексит», указывают на сохраняющуюся актуальность национального государства с присущими ему уникальной культурой и исторически сложившимися границами как ключевого актора международной безопасности. Более того, после распада СССР на смену противостояния общественно-политических систем пришло противостояние цивилизаций, характеризующееся обострением межгосударственных и цивилизационных противоречий и нежеланием самобытных и уникальных мировых цивилизаций (Китай, Россия, Япония) покорно следовать геополитической и социокультурной парадигме Соединенных Штатов Америки, взявшей на себя неоднозначную и весьма спорную миссию флагамена, транслятора и защитника интересов западной цивилизации в целом. Но последняя ни в коей мере не может быть признана единым организмом по целому ряду критериев – прежде всего, в социокультурном и политическом аспектах. Более того, само понятие «западная цивилизация», на наш взгляд, является абстракцией или же некоей идеальной моделью наподобие модели идеального газа в физике.

Мы обращались ранее к проблеме противостояния цивилизаций и влиянию такого противостояния на военную и комплексную безопасность нашей страны, поэтому данная работа развивает и конкретизирует некоторые высказанные ранее взгляды и обоснованные нами теоретические положения. Здесь отметим лишь, что в отличие от концепции С. Хантингтона о столкновении цивилизаций, мы рассматриваем противостояние цивилизаций как следствие глобализации, навязанной США – в том числе и силовыми методами – всему миру после распада Советского Союза. Мы полагаем, что «процесс противостояния цивилизаций может носить как относительно бесконфликтный (латентный), так и ярко выраженный конфликтный характер. Человечество сегодня приблизилось к той стадии цивилизационного противостояния, которая характеризуется ярко выраженным конфликтным характером» [4].

Разумеется, глобализация, как всякий феномен истории и политики, имеет не только отрицательные, но и положительные аспекты. Наряду с насильственным включением государств мира в орбиту американского образа жизни, осуществляется массовое внедрение средств массовой коммуникации и происходит невиданный ранее технический прогресс. Другое дело, что этот прогресс напрочь лишен духовной составляющей (или же эта составляющая

чрезвычайно примитивна) и часто приводит к состоянию политического и социального зомбирования граждан тех государств, которые оказались не в силах противостоять американской экспансии.

Однако многие из наиболее сложных и насущных современных проблем в области безопасности, такие, как терроризм, изменение климата, массовая миграция и потоки беженцев, кибервойна и транснациональное политическое насилие, выходят за пределы территориальных границ государства и не всегда вписываются в традиционные модели национальной безопасности. Эти проблемы стали поистине глобальными, то есть всемирными. Их невозможно решить силами одного или нескольких, пусть даже экономически самых развитых государств или государственных союзов – потребуется приложение сил всего цивилизованного человечества и сотрудничество цивилизаций, что, увы, становится в нашу эпоху все более и более проблематичным.

Отметим, что подъем популистского национализма во многих отношениях может быть истолкован как реакция на изменения в основополагающем «ландшафте» глобальной безопасности. Благодаря сочетанию технологических, экономических и политических изменений идея «государства-контейнера», в котором территориальные границы государства мыслятся для обеспечения защиты от внешних угроз безопасности, становится все более устаревшей и не актуальной.

Цель нашей статьи – рассмотреть меняющуюся географию международной безопасности в современную эпоху цивилизационного противостояния и возможные последствия таких политических и социокультурных метаморфоз для будущего человечества. Для достижения этой цели мы полагаем необходимым решить ряд задач: 1) рассмотреть понимание территории национального государства в современных исследованиях; 2) изучить проблему размывания зон войны и мира; 3) рассмотреть новую географию власти за пределами государства; 4) проанализировать методы и подходы к изучению нового геополитического ландшафта современности в эпоху цивилизационного противостояния.

Методология настоящего исследования закономерно включает историко-логический и конкретно-политологические методы (ивент-анализ, ситуационный анализ, метод экспертной оценки). В работе нами также применяются методы общенаучного, сравнительного и сопоставительного анализа. Автором были использованы труды отечественных и зарубежных авторов, изучающих как общую проблематику международной безопасности, так и составляющие её элементы.

Исходная предпосылка самого понятия «география международной безопасности» состоит в том, что методы безопасности встроены и включены в определенные типы пространственных конфигураций, то есть исторически сложившиеся территории государственных образований. Пространственная конфигурация, которая доминировала ранее в большинстве исследований среды безопасности, функционировала в соответствии с определенной территориальной логикой [20]. Новые информационно-коммуникационные технологии трансформировали человеческие отношения наряду с пространством и расстоянием, в то время как на глобальных рынках были созданы силы, которые

бросают вызов территориальным формам суверенитета и демократии [21],[27]. В результате, многочисленные «не государственные» пространства становятся все более важными для понимания динамики глобальной безопасности. К ним можно отнести города, киберпространство, открытое море, приграничные районы, диаспоры, лагеря беженцев, тюрьмы и центры содержания под стражей. В то же время сама практика обеспечения безопасности государства трансформируется таким образом, что стираются различия между внутренней и внешней безопасностью. Все эти события указывают на необходимость изучения дискурса, политики и практики в области обеспечения безопасности за пределами пространственных границ государства.

Понимание национального государства традиционно связывается с его суверенной территорией, что, в свою очередь, закономерно выводит на проблему обеспечения безопасности этой государственной территории. Исходя из исторического опыта двух мировых войн, «холодной войны», основные подходы к международной безопасности во времена цивилизационного противостояния традиционно сосредоточены на вопросах национальной безопасности и источниках конфликтов и сотрудничества между государствами. Эти проблемы чрезвычайно актуальны и болезненны, и любой неверный шаг в этом направлении может в современных условиях привести к ядерному апокалипсису.

Доминирующие теории и подходы в данной области отражают этот ориентированный подход на государство как важнейший структурный элемент геополитической реальности. Способность относиться к территориальному государству как к «единице» или «участнику международных отношений» позволяет создать единый государственно-ориентированный подход в исследованиях по теме безопасности на основе стратегического взаимодействия, рациональных предположений выбора, ведения переговоров [24],[6].

В результате государство в теоретических исследованиях проблемы безопасности стало рассматриваться во многих отношениях как естественная социально-политическая единица – несмотря на то, что это всего лишь один из многих возможных пространственных режимов контроля и управления [22]. Например, кочевые общества, империи и городские государства – все это примеры альтернативных форм правления и управления, которые не соответствуют территориальной логике национальных государств [9],[18].

С.Н. Бабурин отмечает: «С точки зрения гуманитарного и естественнонаучного знания понятия «пространство» и «территория» – не синонимы. Пространство включает в себя как собственно физическое пространство (территорию), так и его географическое поле (географические взаимосвязи). Если физическое пространство может характеризоваться дискретностью (прерывистостью), то географическому полю свойственна континуальность (прерывность). Территория выступает не только как государственная территория, т.е. как общественная, юридическая категория, но и как естественная географическая среда, в которой существует данное человеческое общество» [1].

Ведущая роль исторически сложившейся территории и национальных государств в современном понимании безопасности представляется очевидной

для любого беспристрастного исследователя. Война исторически была связана с защитой определенной территории или нападением на нее, желанием расширить жизненное пространство, аннексией и оккупацией. Стратегия вооруженного конфликта традиционно сосредоточена на том, как взаимодействовать с конкретной местностью или географическими координатами. Внутренние конфликты и гражданские войны считаются менее разрешимыми в том случае, рассматривается ли территория как делимая или неделимая [11]. По сути, территориальная организация национальных государств структурировала современные представления о взаимосвязи между территорией, войной и безопасностью.

Физические границы государства часто идеализируются исследователями как «защитная оболочка» от внешних угроз и опасностей [19]. Однако даже для развитых индустриальных государств этот образ не отражал реальности в XX столетии. Роль территории в войне существенно изменилась с увеличением количества ядерного оружия. Возникла реальная возможность осуществления той грозной опасности, что война может привести к уничтожению планеты, а не только к аннексии или оккупации территории. Хотя «твердая оболочка» защиты территории государства и ранее разрушалась с появлением воздушной войны, «ядерная революция» в вооружении коренным образом изменила сам характер войны, создав импульс для создания системы коллективной безопасности для территориальных государств.

Одним из негативных важнейших последствий продолжающегося изменения характера войны во времена противостояния цивилизаций стало размывание геополитических зон войны и мира. Примеры этого можно найти во всемирной истории, но именно ушедшее XX столетие не только дало этому явлению массу печальных примеров, но и оставило после себя много нерешенных проблем. Зыбка была зона между войной и миром в ушедшей реальности ГДР и ФРГ, Большого и Западного Берлина, Северного и Южного Вьетнама, Тайваня и Китайской Народной Республики. До сих пор зыбка эта граница в геополитической реальности Кубы и США, Северной и Южной Кореи, Украины и непризнанных мировым сообществом маргинальных политических образований ДНР и ЛНР. По сути, современная политическая реальность до сих пор представляет собой отражение нерешенных проблем и реализацию основных тенденций прошлого века.

Глобальная война с терроризмом, последовавшая после террористических событий 11 сентября 2001 года, привела к дальнейшим изменениям в отношениях между территорией конкретного государства и международной безопасностью, включая размывание того, что представляет собой «зоны войны» и «зоны мира» [12]. Транснациональные сети негосударственных субъектов, использующих политическое насилие и террор, не новые, но масштабы терактов 11 сентября изменили представления и поставили под сомнение осознанные различия между внутренними и внешними подходами к безопасности государства. Это отразилось на практиках и инструментах, которые определили глобальную борьбу с терроризмом, включая технологии наблюдения, беспилотную войну, скрытые действия и глобальную сеть внесудебных пространств. В контексте событий

после 11 сентября центральной стратегической проблемой было отсутствие четких географических границ для определения «врага». Такие термины, как «убежища», «безопасные места», «оперативные условия», «сложность местности», использовались в качестве способа разграничения соответствующих географических пространств в вооруженном конфликте [13].

Философ и культуролог Славой Жижек пишет: «Взрыв и крушение обеих башен Всемирного торгового центра в сентябре 2001 года был последним призрачным криком войны XX века, а не провозвестником войны XXI столетия. Нас ожидает нечто гораздо более страшное, призрак «имматериальной» войны – вирусы, яды, которые могут быть везде и нигде. Мы вступили в эру паранойальной войны, в которой главной задачей будет идентификация врага и его оружия» [3].

Использование беспилотных летательных аппаратов еще больше бросило вызов традиционным пространственным представлениям о конфликте, физически отделив военных руководителей и принимающих судьбоносные решения политиков от поля боя. Пространства войны размываются пространствами обычной гражданской жизни, когда например операторы беспилотных летательных аппаратов могут спокойно вернуться в свои дома и семьи в конце дня борьбы, ведущейся на значительной дистанции от самого противника [29]. В более общем плане, война перешла от территорий к отдельным человеческим телам – будь то путем точного нацеливания беспилотников или использования террористов-самоубийц негосударственными субъектами, которые используют человеческое тело в качестве оружия.

Размывание зон войны и мира означает, что общие пространства имеют различное значение для различных групп населения. Например, Средиземное море стало во многих отношениях продолжением зон военных действий: беженцы пытаются избежать насильственных конфликтов, организованные преступные сети занимаются незаконным ввозом людей, государственные субъекты направляют военные патрули, а неправительственные организации и частные субъекты используют корабли для спасения беженцев и мигрантов. В то же время, Средиземноморье также продолжает функционировать как пространство туризма, торговли и транспорта – несмотря на то, что опасное путешествие через Средиземное море ежегодно приводит к гораздо большему количеству смертей.

Характерен в этом отношении остров Кипр с древней и сложной историей, простирающейся далеко в античность. Выгодное географическое положение этого «земного рая» привело к тому, что он становился последовательно объектом геополитического вождения Александра Македонского, Ричарда Львиное Сердце, Венецианской республики, Османской империи, Британской империи. Именно интриги последней во время Русско-Турецкой войны во второй половине XIX века резонансом отозвались через сто лет и привели к тому, что Турция оккупировала в 1974 году северную территорию острова. Так возникла республика Северный Кипр, фактически являющаяся частью Турции, и не признанная до сих пор мировым сообществом. Пути политического решения проблемы воссоединения Кипра весьма туманны и осложняются наличием на

территории православного Южного Кипра британской военной базы. На этой прекрасной и щедрой земле, обильно политой кровью за века истории, до сих пор нет твердых границ между войной и миром.

Выгодное географическое положение той или иной страны может сделать ее пешкой в сложной игре сверхдержав, реализующих свои интересы и привести к страшным последствиям. Вспомним, что Афганистан до того момента, когда эта небольшая страна стала объектом геополитических интересов сверхдержав, то есть до начала 70-х годов и апрельской революции 1978 года, когда в стране установился выгодный для СССР режим, был одной из самых толерантных мусульманских государств с давней и крепкой светской традицией. В самом Кабуле проходила довольно яркая культурная и политическая жизнь. И движение «Талибан» возникло не как выражение интересов фундаменталистского ислама, а именно как реакция на то, что страна попала в водоворот геополитических игр. Большую и крайне негативную роль сыграла деятельность США, Пакистана, Саудовской Аравии. А лидеры СССР не захотели вспомнить печальный опыт Британской империи, которая дважды терпела неудачу в этой маленькой, но свободолобивой стране и начали печально известную авантюру, закамуфлированную как «выполнение интернационального долга». Сегодня в истерзанном теперь уже американским нашествием Афганистане, как и во многих странах Востока, нет четких границ между состоянием войны и мира.

Это стирание четких границ между пространствами войны и мира также проявляется в растущем значении городов в новых условиях глобальной безопасности. Города и их транспортные системы, инфраструктура и общественные места стали центрами более масштабной глобальной политической борьбы. Продолжающиеся террористические нападения в таких крупных городах, как Париж, Лондон, Брюссель, Багдад, Манчестер, Кабул, Нью-Йорк, Мадрид, Барселона, Санкт-Петербург, Берлин, Стамбул, Анкара, Бейрут, Тунис, Мумбаи, обеспечивают ошеломляющие заголовки газет во всем мире и являются стимулом для более серьезных исследований глобального терроризма. Действительно, за последние несколько десятилетий 75 процентов случаев политического насилия, официально объявленного терроризмом, произошли именно в городах [16]. Специалисты по вопросам безопасности ныне идентифицируют города как новые поля битвы в асимметричных конфликтах, тем самым предлагая будущее размывание военной, контрповстанческой и полицейской деятельности [14]. Кроме того, обеспечение безопасности и охрана порядка в городах стали прибыльным бизнесом для частных и коммерческих охранных компаний.

Как и города, виртуальное пространство также все больше секьюритизируется. Деятельность в киберпространстве подвергается обширному наблюдению и мониторингу со стороны государственных органов управления или многонациональных корпораций. Оно также стало ареной конфликта между различными сочетаниями государственных и негосударственных субъектов, посредством кибервойны, кибератак. Механизмы безопасности, такие как сдерживание, принуждение и коллективная оборона, зависят от четко очерченных и идентифицируемых рациональных унитарных субъектов, но киберпространство

– это арена, которая стирает границы между мирной и враждебной деятельностью и которая облегчает диффузную идентичность и сетевые структуры.

Сетевая структура Интернета бросает вызов национальным границам и территориально определенным разделениям между «инсайдерами» и «аутсайдерами», способствуя появлению новых субтранснациональных идентичностей. В контексте продвинутой глобализации воображаемые сообщества могут простирается далеко за пределы государства и в совершенно новые пространства. Это увеличивает глобальную связь и ведет к появлению глобальной общественности и глобальной публичной сферы, но может одновременно привести к новым формам соперничества и политической конкуренции, основанной на идентичности, которые не соответствуют конкретным территориальным местоположениям. Все это актуализирует проблему новой географии власти, возникающей часто за пределами конкретного государства или сообщества государств.

Появление новых пространств глобальной безопасности, стирающих грань между войной и миром, свидетельствует о смещении географии власти. Традиционным способом измерения сдвигов власти было изучение баланса сил между территориальными государствами. Тем не менее, акцент на изменениях в балансе сил между государствами игнорирует более глубокие изменения в общем распределении власти, которые выходят за пределы любого конкретного государства.

Пространственные отношения часто отражают более широкие властные отношения. Например, пространственные отношения в гуманитарных кризисных ситуациях зачастую являются микроскопом более крупных глобальных неравенств. Изучение того, как гуманитарная помощь физически и пространственно организована, помогает осветить аспекты отношений идентичности и власти, которые влияют на безопасность человека и которые не сводятся к государствам и их интересам. Глобализованные гуманитарные кризисы включают в себя участие различных типов субъектов – таких, как работники по оказанию помощи, представители международных организаций или иностранные боевики, – которые разделяют одно и то же физическое пространство, но связаны с очень разными типами сетей и сил. Международные и местные субъекты часто будут иметь конкурирующие рамки и понимание одного и того же конфликта [5]. Они существуют бок о бок, но могут населять разные миры социального бытия и иметь диаметрально противоположные цели.

Равным образом, Интернет может воспроизводить или даже увековечивать существующие глобальные неравенства и импортировать их в новые контексты. Всемирная паутина стала нетерриториальным пространством для принятия политики идентичности, сопровождаемой новыми формами символической политики. Однако, хотя такая деятельность и выходит за пределы территориальных границ государств, она, тем не менее, может затрагиваться геополитикой межгосударственной системы и отражать ее. Во многих случаях территориальность продолжает играть важную символическую роль в онлайн-политике.

Изменения расширяют возможности новых участников и создают новые концентрации власти, которые становятся объектами политического сопротивления и противостояния. Например, появление глобальных сетей расширяет возможности более мелких и слабых негосударственных субъектов, позволяя им координировать свою деятельность с аналогично мыслящими субъектами во всем мире. Это повышает значимость асимметричных форм войны и конфликтов, что делает неэффективной традиционную «национальную» политику в области безопасности. Различные местные субъекты оказываются втянутыми в более крупные глобальные сети, поскольку локальные настройки становятся «микросредами на глобальных цепях» [23]. Таким образом, один субъект или небольшая сеть, действующая в Манчестере или Париже, может быть связана с аналогичными небольшими сетями в Ливии, Сирии или в других местах, что означает важнейший факт современной реальности: разные типы политических пространств становятся частью связанных глобальных цепей экстремистского насилия. Такие тактические новшества бросают вызов природе обычных войн и «постмодернистских» конфликтов, поэтому они становятся войнами сердец и умов, которые частично ведутся через мультимедийные коммуникационные сети.

Развитие технологий создало стимулы для роста сетевых структур, а также существенно расширило полномочия таких субъектов, как диаспоры, которые выходят за рамки территориальных границ государств, оставаясь привязанными к их политике. Существование таких транснациональных диаспор имеет более широкий структурный эффект, поскольку оно ставит под сомнение соответствие между «государством» как территорией или бюрократической структурой и «нацией» или идентичностью государства. Диаспорные политические предприниматели могут воспользоваться политическими возможностями структур, которые появляются в интегрированной глобальной экономике, чтобы мобилизовать транснациональные силы для участия в политике за пределами государства. Возникновение политики транснациональной диаспоры не всегда соотносится с ростом космополитизма, но часто вместо этого предполагает глобализацию локальных конфликтов и идентичностей [17].

Политика диаспоры по-разному влияет на глобальную безопасность. Во-первых, насильственный конфликт может породить диаспоры, когда население вынуждено уйти, чтобы избежать преследования или насилия, как в случае тамильской, курдской и сирийской диаспор. Во-вторых, диаспоры могут играть определенную роль в динамике внутренних конфликтов и гражданских войн путем смещения местного баланса сил посредством передачи ресурсов или участия в протестной, лоббистской или иной политической деятельности. В-третьих, диаспоры могут глобализовать и транснационализировать гражданские войны посредством деятельности, которая создает побочные эффекты в их странах проживания. Наконец, политика диаспоры также может быть силой для разрешения конфликтов, развития и правосудия переходного периода [15].

Роль транснациональных диаспор в условиях глобальной безопасности также указывает на то, как транснациональные силы и внешние факторы формируют властные отношения в условиях внутригосударственных конфликтов.

Транснациональные этнические группы, диаспоры, беженцы, иностранные боевики, международные организации, многонациональные корпорации и другие субъекты могут влиять на динамику «внутренних» конфликтов, что означает следующий факт: то, что порой кажется «локальными» конфликтами, часто целесообразно понимать как проявления более крупных структурных и системных факторов.

Сдвиг в глобальных отношениях власти, вызванный информационно-коммуникативными технологиями, также помогает объяснить важность, которую глобальные города играют в новых условиях безопасности. Города могут быть желательными целями в потенциальной войне из-за плотности их инфраструктуры и населения, но также из-за символической роли, которую они играют в качестве хранилищ глобальной власти, финансов и культуры. Города сразу же включаются в конкретные национальные пространства и контексты, подпадающие под юрисдикцию национальных правительств. Но они также выходят за пределы этих национальных пространств, выступая в качестве узлов в глобальных сетях и схемах финансов, знаний и обмена.

Действительно, города можно рассматривать как квазиавтономные центры глобальной власти, которые выходят за рамки национальных государств и сосуществуют с ними: они развивают независимые отношения с другими городами, конкурируют друг с другом за ресурсы и статус, формируют альянсы и присоединяются к своим собственным глобальным институтам. Они также разрабатывают свою собственную городскую идентичность и автономную политику безопасности. Парадоксальные и многогранные измерения глобальных городов – как пространства космополитизма и капитализма, а также пространства, отмеченные интенсивным неравенством, растущим всеохватывающим наблюдением, политикой и секьюритизацией – делают их ключевыми пространствами для теоретизации современной безопасности. Все это стимулирует возникновение новых трактовок самого ландшафта безопасности как в настоящем, так и в будущем.

Понимание будущего ландшафта международной безопасности требует методов и инструментов, которые выходят за рамки «территориальной ловушки» методологического национализма и которые позволяют нам изучать отношения, возникающие в самых разных типах пространств и субъектов. Такие дисциплины, как география, социология, антропология и геополитика, предоставляют ряд полезных ресурсов для взаимодействия с меняющейся географией международной безопасности. Использование таких подходов означает не отказ от традиционных представлений о власти, идентичности и интересах, а скорее размышление о том, как они действуют в определенных политических контекстах за пределами государства.

Понятия масштабных и скалярных процессов могут быть полезны для понимания динамики и конфигураций, определяющих новый ландшафт безопасности. В то время как исследователи в своих различных подходах к анализу уровней международной безопасности стремились различать национальные (или внутренние) и международные уровни, скалярные подходы помогают показать, как эти разные уровни связаны друг с другом или

взаимосвязаны [25]. Например, глобальные города – это не только физические пространства, но и места множественных и взаимосвязанных отношений власти, которые действуют на многих уровнях, от микроуровня физического тела до локального, национального и глобального. Идея «локального» традиционно ассоциируется с физической или географической близостью, встроенной во вложенную иерархию, которая включает в себя национальную и глобальную. Но новые технологии нарушают эти иерархии, позволяя «многоязыковые транзакции и одновременную взаимосвязь». Это означает, что проблемы и конфликты в одном языковом стандарте могут легко распространяться на другие пространства, в процессе превращения в транснационализированный и глобализованный образец.

Понятие изменения масштаба, в частности, помогает пролить свет на то, как некоторые формы политического насилия «становятся глобальными» и включаются в новые контексты. «Изменение масштаба» применяется к социальным движениям для понимания того, как и когда субъекты перемещают вопросы на различные географические уровни, например, когда «национальная» проблема становится глобальной проблемой или когда глобальный дискурс переносится на местную арену. Аналогичная динамика наблюдается и в применении политического насилия негосударственными субъектами. Террористические нападения в глобальных городах являются примером использования скалярных стратегий и процессов относительно слабыми, насильственными негосударственными субъектами: использование насилия создает сдвиг в «восходящем» масштабе, провоцируя глобальное освещение в средствах массовой информации «локального» события таким образом, что это помогает формировать и строить глобальные нарративы безопасности. Если средства массовой информации играют в чем-то главенствующую роль, то это, к сожалению, эффективный способ глобализации страха. С другой стороны, «нисходящий» сдвиг масштаба можно увидеть, когда транснациональные или междугородние конфликты становятся частью новых местных условий.

Наличие таких транснациональных соединений и каналов привело к повышению интереса к использованию сетевого анализа в исследованиях по вопросам безопасности. Сетевые подходы хорошо сочетаются как с качественными методами, так и с этнографией, а также с формальными методами, которые используют большие данные для визуализации сложных отношений, выходящих за пределы какой-либо конкретной территории. Другие формы онтологического теоретизирования предоставляют полезные шаблоны для проведения эмпирических исследований различных пространственных конфигураций за пределами государства.

Например, рассмотрение пиратства как «сообщества практиков» является полезным средством концептуализации и анализа нетерриториальной характеристики среды безопасности, не сводя ее к «единице» или «субъекту» [8]. Аналогичным образом, теория социального пространства Пьера Бурдьё обеспечивает полезный способ понимания того, как силы и средства по обеспечению безопасности любого государства все больше связаны друг с другом за пределами государственных границ, разделяя общие идентификации и наборы

отношений через нарративы и дискурсы вокруг глобальной преступности, которые производят транснациональное поле профессионалов в области безопасности [7]. Такие подходы указывают на плодотворность использования индуктивного и этнографического подхода к новой среде безопасности, в которой предположения о соответствующих пространствах для понимания динамики международной безопасности не принимаются априори, а становятся объектами исследования.

Подведем итоги нашей работы. В то время как исследования в области безопасности в непропорционально большой степени сосредоточены на вопросах межгосударственных конфликтов, понимание будущего международной безопасности требует перехода от узких национальных рамок и оказания большего внимания пространствам и объектам за пределами государства. Такие пространства включают лагеря беженцев, глобальные города, киберпространство, диаспоры и другие места и пространственные конфигурации, которые выходят за пределы или сосуществуют с территориальными государствами. Появление таких пространств приводит нас к изучению реконфигурации глобальных силовых отношений таким образом, чтобы они пересекали территориальные государства. Это бросает вызов классическим представлениям о балансе сил, направляя наше внимание на такие нетерриториальные конфигурации и проявления власти, как асимметричные формы войны и конфликты с негосударственными субъектами и сетями.

Концепции и подходы, заимствованные из таких дисциплин, как география, социология, антропология и геополитика, служат полезной отправной точкой для анализа и понимания социальных и властных отношений, характеризующих вызовы и ответные меры в области нетерриториальной безопасности.

К сожалению, в современную эпоху, как мы отмечали ранее, «количество негативных политических факторов, характерных для противостояния, может перерасти в новое качество цивилизационного конфликта» [4]. Разумеется, если бы не распад Советского Союза, само противостояние цивилизаций, ставшее следствием глобализации, было бы невозможным в современном виде. Неслучайно патриотически ориентированные исследователи крайне негативно оценивают политику глобализации, явившейся осуществлением давно задуманного геополитического проекта. Вот что пишут П.А. Горохов и В.В. Батеженко: «Именно по заданию элитарных клубов еще в начале 80-х годов XX века был проведен анализ ситуации и дан прогноз на обозримое будущее человечества. Суть этого прогноза состояла в том, что при имеющихся темпах прироста населения человечество будет обречено на глобальный кризис к 2030 – 2050 годам. Именно этот прогноз привел к тому, что правящие «элиты», озабоченные своим собственным спасением в условиях грядущего неминуемого кризиса, инициировали процессы, объединяемые ныне под названием «глобализация». Эти правящие «элиты» поняли, что смогут выжить только при условии физического уничтожения большей части населения планеты. Но первым шагом на этом пути стало уничтожение СССР, инициированное его собственным лидером и воспитанной за 60-70-е годы «пятой колонной» из предателей-демократов» [2].

Но глобализация с ее стремлением к унификации породила ответную реакцию – стремление к возрождению национальной, политической и социокультурной идентичности, что выражается, в том числе, и в стремлении к защите и охране собственных географических границ. Ведь большинство граждан европейских стран недовольно тем потоком полудикой массы беженцев из Азии и Африки, который хлынул к ним по воле Европарламента. Если следовать самым пессимистичным прогнозам, это может привести к гибели как всей европейской цивилизации в целом, так и национальных культур в отдельности.

С другой стороны, несмотря на последние тенденции, свидетельствующие о восстановлении национализма и сохраняющейся актуальности национальных границ, более крупные структурные изменения в мировой политике в эпоху противостояния цивилизаций по-прежнему указывают на необходимость решения проблем безопасности, учитывая ситуацию за пределами пространственных границ государства, то есть сложные реалии глоболизирующегося мира. Расширение связи, обеспечиваемое информационно-коммуникационными технологиями и другими положительными элементами глобализации, потребует от государственных органов и других субъектов продолжать заниматься вопросами безопасности в «не национальных» пространствах, которые пересекают территориальные границы. Размывание границ между зонами войны и зонами мира будет означать снижение эффективности политики – такой, как сдерживание или стратегические переговоры, которая основывается на признании государств в качестве унитарных субъектов. Главной задачей на ближайшее будущее будет поиск путей совместной работы по укреплению глобальной безопасности и стабильности в этой изменившейся среде без ущерба для других важных коллективных благ, таких как гражданские свободы, неприкосновенность частной жизни и свобода передвижения.

Библиографический список

1. *Бабурин С.Н.* Территория государства. Правовые и геополитические проблемы. М.: Изд-во МГУ, 1997. С. 8.
2. *Горохов П.А., Батеженко В.В.* Феномен перестройки четверть века спустя: опыт социально-философского осмысления // Вестник Оренбургского государственного университета, 2010. № 7. С. 53.
3. *Жижек Славой.* 13 опытов о Ленине. М.: Ad Marginem, 2003. С. 201-202.
4. *Шамахов В.А., Ковалев А.А.* Военная безопасность России и информационная политика страны в эпоху конфликтного противостояния цивилизаций. М.:РИОР, 2019. 184 с.
5. *Autesserre S.* Peaceland: Conflict Resolution and the Everyday Politics of International Intervention. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.
6. *Axelrod R., Keohane R.* Achieving Cooperation under Anarchy: Strategies and Institutions. World Politics, 1985. 1, P. 226–254.
7. *Bigo D.* Pierre Bourdieu and International Relations: Power of Practices, Practices of Power. International Political Sociology, 2011. 3, P. 225–258.

8. *Bueger C.* Practice, Pirates and Coast Guards: The Grand Narrative of Somali Piracy. *Third World Quarterly*, 2013. 10, P. 1811–1827.
9. *Doyle M.W.* Empires. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1986.
10. *Elden S.* The Birth of Territory. Chicago: University of Chicago Press, 2013.
11. *Goddard S.E.* Uncommon Ground: Indivisible Territory and the Politics of Legitimacy. *International Organization*, 2006. 1, P. 35–68.
12. *Gros F.* States of Violence: An Essay on the End of War. Chicago: University of Chicago Press, 2010.
13. *Innes M.A.* Protected Status, Sacred Sites, Black Holes and Human Agents: System, Sanctuary and Terrain Complexity. *Civil Wars*, 2008. 1, P. 1–5.
14. *Kilcullen D.* Out of the Mountains: The Coming Age of the Urban Guerrilla. Oxford: Oxford University Press, 2015.
15. *Koinova M., Karabegović D.* Diasporas and Transitional Justice: Transnational Activism from Local to Global Levels of Engagement. *Global Networks—A Journal of Transnational Affairs*, 2017. 2, P. 212–33.
16. *Ljungkvist K.* The Global City 2.0: From Strategic Site to Global Actor. Abingdon: Routledge, 2015.
17. *Lyons T., Mandaville P.* Think Locally, Act Globally: Toward a Transnational Comparative Politics. *International Political Sociology*, 2010. 2, P. 124–141.
18. *MacKay J., Levin J., Cavoukian K., Cuthbert R.* Before and After Borders: The Nomadic Challenge to Sovereign Territoriality. *International Political Science Review*, 2014. 1, P. 101–123.
19. *Maier C.S.* Once Within Borders. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2016.
20. *Mann M.* The Autonomous Power of the State: Its Origins, Mechanisms and Results. *Archives europeennes de sociologie. European Journal of Sociology. Europaisches Archiv fur Soziologie*, 1984. 2, P. 185–213.
21. *Rosenau J.N.* Distant Proximities: Dynamics Beyond Globalization. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2003.
22. *Ruggie J.G.* Territoriality and Beyond: Problematizing Modernity in International Relations. *International Organization*, 1993. 1, P. 139–174.
23. *Sassen S.* Interactions of the Technical and the Social: Digital Formations of the Powerful and the Powerless. *Information, Communication and Society*, 2012. 4, P. 455–478.
24. *Schelling T.C.* The Strategy of Conflict. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1980.
25. *Sjoberg L.* Scaling IR Theory: Geography's Contribution to Where IR Takes Place. *International Studies Review*, 2008. 3, P. 472–500.
26. Solidarität gibt es, aber sie hört an der Grenze auf // *Die Welt*, 05.10. 2016.
27. *Stein A.A.* The Great Trilemma: Are Globalization, Democracy, and Sovereignty Compatible? *International Theory*, 2016. 2, P. 297–340.
28. *The Times*, 15.01.2017
29. *Wilcox L.B.* Bodies of Violence: Theorizing Embodied Subjects in International Relations. Oxford: Oxford University Press, 2015.

Исследование проблем безопасности в Санкт-Петербургском государственном университете: итоги и перспективы*

В России на протяжении всей ее сложной истории проблема комплексной безопасности относилась к разряду тех важнейших вопросов, от правильного решения которых зависела социально-экономическая и политическая судьба страны. При всей практической важности обеспечения безопасности, в этой проблеме, как ни в какой другой, важна солидная теоретическая база, должностная включать исследования в самых различных областях гуманитарных наук. Изучением проблемы безопасности традиционно занимаются философы, политологи, социологи, юристы.

Одну из ведущих позиций в рейтинге исследований проблемы безопасности занимают ученые Санкт-Петербурга – города со славной историей, который несколько раз на протяжении своего трехвекового существования подвергался разнообразным внешним опасностям. За последние годы Россия столкнулась с целым комплексом внутри- и внешнеполитических проблем, которые в переживаемую человечеством эпоху противостояния цивилизаций актуализировали проблему комплексной безопасности. Образование однополярного мира после гибели Советского Союза уже привело к геополитическим катаклизмам, которые могут привести к уничтожению всего человечества.

В настоящей работе освещены важнейшие достижения в теоретическом изучении проблемы безопасности, достигнутые учеными Санкт-Петербургского университета и учеными, защищавшими в СПбГУ свои кандидатские и докторские диссертации за четверть века существования современной России.

За период 1993–2016 гг. в Санкт-Петербургском государственном университете было подготовлено большое количество монографических и диссертационных исследований по вопросам безопасности. Их анализ позволит нам выявить общие тенденции во взглядах исследователей на формирование и развитие отечественных и зарубежных политических течений в области обеспечения национальной безопасности, а также обозначить перспективные направления дальнейших исследований.

Исследования проблем безопасности ведутся с привлечением богатого исторического материала. Сама комплексность проблемы обуславливает необходимость изучения отдельных тематических узлов в русле политологических теорий различных авторов, позиция каждого из которых в ретроспективе представляется значимой для решения насущных вопросов.

Изучение проблемы безопасности условно можно разделить на 2 направления. Для первого характерно исследование международных конфликтов, терроризма, их причин, классификации и попытки формулирования моделей разрешения на основе анализа отечественной и зарубежной практики. В СПбГУ

* Ковалев А.А. Исследование проблем безопасности в Санкт-Петербургском государственном университете: итоги и перспективы // ЛОКУС: Люди, общество, культура, смыслы. – 2018. – №3. – С.82-96.

ведутся глубокие исследования проблемы военной безопасности отдельных стран и регионов. Для второго направления характерно повышенное внимание к современному развитию мира в условиях глобализации. Ученые затрагивают вопросы безопасности экологической, энергетической, космической, информационной как составных частей проблемы комплексной безопасности.

В период 2000-2007 гг. произошло обострение кризиса систем как национальной, так и международной безопасности. После глобального структурного кризиса 2008 г. еще более очевидной стала неадекватность данных систем появившимся угрозам и вызовам нового столетия. Такая ситуация обострила потребность переосмысления концептуальных и методологических основ безопасности. Она продиктовала острую необходимость в переоценке механизмов и ресурсов обеспечения безопасности, выявления государственных интересов, тщательной расстановки и анализа приоритетов внешней и внутренней политики.

Ученые переходят к активной разработке новых методик и технологий управления конфликтными ситуациями, формулированию новых понятий и объяснению новых феноменов в соответствии с современными реалиями. Здесь большую роль играют разработки в сфере теоретической и практической конфликтологии, возникшей на стыке политологии, философии управления и психологии.

В 1980-1990-х гг. началось формирование новой парадигмы национальной безопасности, которая охватила, в первую очередь, безопасность личности, государства и всего общества. В ельцинские годы проблемам безопасности страны не уделялось должного внимания. Хотя и велись интенсивные теоретические разработки, но к голосу ученых-обществоведов не прислушивались. За последнее десятилетие серьезную силу набрали новые явления, не проявлявшиеся так очевидно в 1990-х гг.: развитие по нарастающей глобализационных процессов и сопротивление насильственной глобализации; тенденции кризиса национальной идентичности в таких странах, как Россия, Франция, Германия; зарождение и активизация транснационального терроризма; ослабление роли и даже деградация ООН и иных международных организаций; активизация агрессивных направлений в исламе.

Весь этот комплекс негативных и опасных явлений обострил проблему международной и национальной безопасности и потребовал ее глубокого осознания. Само исследование проблемы национальной безопасности порождает необходимость создания и использования соответствующего понятийно-категориального аппарата, разработкой которого занимаются представители различных отраслей общественности. Соответственно, рассмотрение системы обеспечения национальной безопасности необходимо начинать с определения смыслового содержания ведущих понятий в данной области.

Несомненно, безопасность – крайне сложное многомерное понятие со своей структурой и системой взаимосвязей. Безопасность – это ключевая составляющая для безопасности национальной. Существует многочисленные и разнообразные определения как видов безопасности вообще, так и национальной, в частности. Это объясняется целым рядом причин.

В первую очередь, в законодательстве не имеется строгого оформления классификации безопасности. Законом «О безопасности» поставлено равенство между понятиями «национальная безопасность» и «безопасность». В нем лишь перечисляются ее отдельные виды: государственная, общественная, экологическая и др. Во-вторых, не имеется единых оснований классификации. Некоторые исследователи разделяют виды безопасности в зависимости от носителей: общества, государства, личности. Другие – по национальным угрозам, где каждый вид связан с обеспечением противостояния конкретной угрозе. Третьи классифицируют их с позиции имеющихся в стране ценностей и ресурсов. Существует также и определенная зависимость между периодом становления государства и видами его безопасности. В различные десятилетия постсоветского времени на первый план выдвигались разные направления ее обеспечения. В свою очередь, специфика внутренней и международной обстановки вызывает возникновение и новых видов безопасности.

Наличие четкой классификации играет важную методологическую роль в построении всей системы безопасности и ее правовом регулировании. Возможной основой для разработки классификации являются различные факторы политической и социокультурной реальности: объективные потребности России и мирового сообщества; увеличение количества вызовов и угроз; понимание уязвимости социума и индивида в современную эпоху противостояния цивилизаций, когда любой локальный конфликт может перерасти в глобальный ядерный апокалипсис.

Высказав эти первоначальные соображения, перейдем к рассмотрению конкретного вклада петербургских ученых в изучение различных аспектов проблемы комплексной безопасности.

И.В. Радиков рассматривал безопасность как состояние жизнедеятельности социума, его структур и институтов, гарантирующее их качественную определенность в количественных параметрах надежности существования и устойчивости развития [29]. По его мнению, модель обеспечения национальной безопасности России на протяжении всей истории страны игнорировала значимость индивида и общества. Такая же ситуация сохраняется и сегодня. Если Запад развивался по схеме «от безопасности личности к безопасности государства», то России всегда присуще доминирование принципа безопасности государства. В XXI в., по мнению ученого, «возникает потребность в новой парадигме безопасности и осуществляющей ее на практике системы безопасности» [31, с. 5]. При этом национальную безопасность он предлагает рассматривать как «триаду, включающую национальное выживание, национальное благополучие или национальное процветание и национальное развитие» [30, с. 64].

В.В. Кириллов провел социально-политический анализ опыта СССР и России в вопросах оптимизации оборонного строительства [11]. В своей работе он наглядно продемонстрировал, что оборонное строительство является частью государственного строительства.

В исследовании по геополитической обусловленности военной политики России В.В. Пыж на основе комплексного анализа геополитики выработал

конкретные теоретические положения и практические рекомендации по разработке и реализации военной политики страны, строительству и реформированию армии и флота на начало XXI в. [28]. Автор провел структурно-методологический анализ геополитики как мировидения и социального явления, а также исследовал понятие геополитики, ее источники, основные идеи и принципы.

Генерал-майор Р.Ш. Нехай разработал модель оптимальной системы обеспечения военной безопасности отдельно взятого региона Российской Федерации [22]. В его работе подробно проанализированы этапы эволюции взглядов на проблемы безопасности, что позволило автору прийти к современному пониманию военной безопасности. Автор делает акцент на различии категорий «система военной безопасности» и «система обеспечения военной безопасности». Система военной безопасности – это функциональная система, отражающая процессы взаимодействия интересов страны и военных опасностей и угроз. А система обеспечения военной безопасности – это уже организация системы органов, сил, средств, различных организаций, призванных решать задачи по ее обеспечению.

Ю.Н. Крючков исследовал особенности формирования военной политики России на разных этапах ее развития, дал полный всесторонний анализ войн и военных конфликтов России и авторскую трактовку классификации войн России [14]. В частности, автором выделены несколько теорий и политических подходов к оценке военно-политической активности России на протяжении веков. Им дана подробная характеристика всех войн нашей страны с внешними врагами и анализ войн в целом в работах зарубежных и отечественных авторов. Войны систематизированы автором по наиболее важным признакам: по принадлежности к историческим эпохам; по противоречиям, лежащим в их основах; по социальному характеру и значению; по средствам и способам ведения; по социальным результатам.

А.В. Набока в труде, посвященном проблемам сотрудничества России и государств-участников СНГ в сфере военной безопасности, в теоретической части показывает политическую составляющую безопасности и военной безопасности, анализирует связанные с ними понятия «вызов», «опасность» и «военная опасность», «угроза» и «военная угроза», дает им авторские трактовки [21]. Автор сделал прогноз относительно перспектив сотрудничества России и стран СНГ в сфере военной безопасности, а также предложил решения по преодолению выявленных проблем.

В последнее время исследователи также обращаются к проблеме ядерной безопасности. Так, А.А. Малыгина в своей диссертации изучает феномен ядерного оружия в современном мире и перспективы режима его нераспространения [19]. В теоретической части работы подробно рассмотрены подходы к осмыслению феномена ядерного оружия. Автор в отдельности проанализировал технократический, социологический, этический, глобалистский подходы. Ядерное оружие – это символ военной и политической мощи государства, поэтому отдельным вопросом в исследовании обозначена эволюция представлений о назначении ядерного оружия. Проблемам ядерной безопасности

в Северной Европе посвящено исследование А.В. Лобова, который рассмотрел эволюцию понятия ядерной безопасности. По мнению автора, для улучшения ядерной безопасности в гражданской и военной сферах необходимо международное сотрудничество, которое выражается в наличии международно-правовой базы. Особое внимание ученый уделил новой составляющей проблемы ядерной безопасности – «ядерной терпимости», под которой он понимает отсутствие у населения страха перед атомной войной или его невысокий уровень. Автор детально рассматривает угрозы ядерной безопасности на Северо-Западе России и сотрудничество по обеспечению ядерной безопасности в регионе Баренцева моря, а также взаимоотношения России и стран Северной Европы по вопросам хищения и контрабанды ядерных материалов [18].

А.А. Ковалев в своей диссертации на основе анализа властных механизмов обеспечения российской военной безопасности разработал и дал обоснование конкретных способов повышения их эффективности в отношении структурной реорганизации [12].

Большая часть трудов ученых Санкт-Петербурга, наравне с исследованиями военной безопасности и военной политики, посвящена темам политических и этнополитических конфликтов, созданию и укреплению политической безопасности. М.Р. Харлампьев посвятил свое исследование определению конфликтной среды этнополитических разногласий, их сущности и природе. При этом он придерживается точки зрения, что большинство отечественных технологий управления этнополитическими ситуациями заимствуются из зарубежного опыта. Питающей средой этнополитических конфликтов автор называет власть [37]. Н.В. Филатова посвятила свое исследование мирным стратегиям управления политическими конфликтами. Ею был проведен комплексный анализ подходов к природе политических конфликтов. Автор определяет не только роль мирных стратегий в управлении политическими конфликтами, но и раскрывает их функции и возможности [36]. Раскрытию конфликтного характера становления и развития федерализма в России посвящена диссертация В.А. Верховской, которая уделила особое внимание типологизации политических и социально-экономических причин этнополитических конфликтов. Исследователь раскрыла современные политико-правовые технологии, применяемые в регулировании этой конфликтности [4]. В.А. Ачкасова в своей диссертации исследовала взаимоотношения между властными структурами, произошедшие в ходе становления в России новой формы федерализма. Она рассмотрела воздействие этнополитических и социально-экономических факторов на региональные политические процессы. Изучив отечественный и зарубежный опыт, автор выявила общие и индивидуальные черты протекания региональных конфликтов в Российской Федерации и зарубежных странах, проанализировав стратегии их разрешения [1].

Проблема региональных конфликтов тесно связано с явлением политического терроризма. Н.Н. Кудрина провела анализ феномена «политический терроризм». Ее диссертация посвящена определению терроризма и его сущности, классификации его видов и форм. Особого внимания заслуживает оценка состояния политического терроризма и выявление тенденций

его распространения на международной арене. Автору удалось определить его специфику в различных странах – в Латинской Америке, на Ближнем Востоке, в Западной Европе и в России. На основе проведенного исследования Н.Н. Кудрина разработала собственные рекомендации по борьбе с международным терроризмом и, в частности, по совершенствованию механизмов противодействия его существования в политической сфере [15].

К.В. Гуляев выявил тенденции эволюции международного терроризма в период перехода к глобализации. На разных исторических этапах развития международных отношений он проанализировал взаимодействие права и политики по данной проблематике. Автор выделил объективные и субъективные сложности политического сотрудничества в противодействии международному терроризму на современном этапе. Он проанализировал международно-правовые основы борьбы с терроризмом в условиях глобализации [7]. Аналогичного взгляда придерживается В.А. Рукинов, который раскрыл концептуальные основы конфликта и политической безопасности, а в 2010 г. в своей докторской диссертации [32] провел политологический анализ процесса социализации политической безопасности в современной России.

Проблемы экологической безопасности затронуты Г.О. Ярыгиным и М.И. Крыжовой. Г.О. Ярыгин выявил взаимодействие России по решению данной проблемы с США, Канадой и Евросоюзом, анализируя развитие их экологической политики. Автор отметил существенные различия, обусловленные различиями государственными приоритетами и применяемыми подходами [40]. М.И. Крыжова посвятила свое исследование перспективам развития институционализации экологической безопасности в мировых масштабах. Ею выделены различные подходы к пониманию феномена «экологическая безопасность» и определены формы становления этого явления [13].

В последнее время исследования национальной и международной безопасности стали затрагивать ее энергетическое направление [8; 27]. Исследованиям военно-политических факторов в освоении космического пространства посвящены диссертации А.И. Павловского и Е.А. Манжула. А.И. Павловский выявил космический аспект политики безопасности современных государств [24], а Е.А. Манжула исследовала категорию космической безопасности в политической науке и осуществила анализ подходов к ее обеспечению [20].

Одной из наиболее современных и актуальных проблем является модернизация национальной безопасности России в современных условиях глобализации под влиянием информационных факторов. Такое исследование проведено генерал-лейтенантом М.М. Кучерявым. В своей докторской диссертации он обосновывает необходимые меры по модернизации российской национальной безопасности в контексте увеличения роли информативности. Автор показал и оценил воздействие политики информационной безопасности на национальную безопасность России, а также раскрыл специфику обеспечения российской информационной безопасности в региональном контексте. Были определены особенности глобального информационного противоборства в условиях новейшей трансформации геополитического пространства [16].

Р.В. Болгов исследовал политическую роль информационных технологий в военных стратегиях ведущих мировых держав и их союзов, а также в современных вооруженных конфликтах. Автор решил ряд терминологических проблем, связанных с понятиями «конфликт», «война» и «политика» и, параллельно с этим, проанализировал основные концепции конфликтов информационной эпохи [3]. К.А. Панцеров проанализировал информационную политику стран Тропической Африки и выявил типологические отличия их модели информационного общества [26].

Профессор кафедры конфликтологии Института философии СПбГУ Г.Г. Газимагомедов в докторской диссертации рассматривает конфликт рынка и государства, раскрывая характер формирования социальной безопасности в России и роль социальной политики в укреплении безопасности российского общества, снижении его конфликтного потенциала [5].

В своем диссертационном исследовании А.В. Яшина проанализировала концепции и системы национальной безопасности в различных демократических странах. Она провела сравнение устоявшихся демократий с молодыми посткоммунистическими государствами, выявив возможные угрозы национальной безопасности и инструменты ее обеспечения [41].

Значительная часть диссертаций ученых, защищавшихся в Санкт-Петербургском университете, написана по проблемам международной безопасности (Н.В. Серебrenникова, Ф.И. Усмонов, К.В. Гуляев, Я.В. Лексютина). Ими были исследованы международные военно-политические отношения и их влияние на российскую военную политику, место Военно-морского флота России в военной национальной политике, направления строительства российских Вооруженных сил. В данном контексте проведено и диссертационное исследование Я.В. Лексютиной на тему американо-китайских отношений, посвященное их наиболее острым проблемам и противоречиям. На основе анализа динамики взаимоотношений США с Китаем автор определила потенциал их соперничества и партнерства [17].

Проблеме борьбы с международным терроризмом в современных условиях глобализации посвящена диссертация К.В. Гуляева, который проанализировал направления совершенствования международно-правовых основ по данной проблематике [7].

Ученые Санкт-Петербурга выполнили ряд плодотворных исследований политики в области обеспечения безопасности Европейского Союза (ЕС), НАТО и ООН. И.А. Новиков определил перспективные направления в развитии стратегического сотрудничества РФ с ЕС. Автор проанализировал феномен стратегического сотрудничества в международном масштабе, разработал собственную методологию анализа его понятия, выявил общие интересы ЕС и России, проанализировал правовую основу их сотрудничества и определил факторы, влияющие на развитие стратегического партнерства [23]. В целях формирования оптимальной модели взаимодействия региональных и универсальной систем безопасности в условиях современной глобализации Е.В. Голованов исследовал возможные варианты реформирования Совета Безопасности ООН на основе оценки эффективности его работы [6]. Ю.А.

Богуславская исследовала содержание американских концепций по трансформации НАТО, а также особенности их появления и развития. Посредством сопоставления их содержания с актами Североатлантического союза она выявила их практические различия и сходства [2]. Ю.А. Рябов провел сравнительный анализ принципов, механизмов и тенденций формирования внешнеполитического измерения пространства свободы, безопасности и правосудия как самостоятельного направления внешней политики ЕС [33].

Петербургскими учеными продуктивно исследуется опыт взаимоотношений различных регионов по вопросам международного сотрудничества, интеграции и обеспечения безопасности: США, Европы, Центральной и Средней Азии, Закавказья и их взаимодействия с Россией. Например, комплексному политологическому анализу военно-политической программы США Европейская противоракетная оборона (ЕвроПРО), а также ее воздействию на международную безопасность посвящен труд В.И. Шацкой. Автор выработала методику оценки международной безопасности в случае реализации ЕвроПРО и исследовала возможные российские ответные действия в политической и военно-технической сферах [38].

Отдельные труды посвящены проблемам безопасности, истории и перспективам особо проблемных российских регионов (Кавказа, Дальнего Востока). Е.Л. Сокирянская рассмотрела методы и техники, которые применялись в разрешении этнополитических противоречий в российско-чеченских отношениях. Автор выявила детерминанты произошедшего конфликта и дальнейшей эскалации боевой деятельности. Ею был проведен анализ российско-чеченского переговорного процесса [35]. Вопросам развития Дальневосточного региона РФ и его возможностей во время интеграции России в новое информационное, технологическое и экономическое международное пространство посвящено исследование В.В. Ершова, который выявил соотношение различных потенциалов для развития данного региона: военно-стратегического, геополитического, природно-ресурсного. В его исследование включен анализ причин, препятствующих успешному развитию Дальнего Востока [9].

Значительная часть исследований ученых Санкт-Петербургского университета была направлена на изучение глобализации как реальности современной эпохи. К числу диссертаций по данной тематике относятся работы А.А. Яхно, С.Г. Еремеева, И.Ю. Киселева. Авторы уделили особое внимание основным подходам к феномену глобализации и роли государства в современную эпоху. Они рассмотрели перспективы и особенности выстраивания российского национального государства на современном этапе, а также общий образ государства и его национальную концепцию на мировой арене.

Становление глобализации неразрывно связано с процессами интеграции, оказывающими определенное влияние на государственную и международную безопасность. Поэтому в исследованиях проблемы безопасности в Санкт-Петербургском университете прослеживается тема интеграционной политики. Н.М. Сланевская проанализировала интеграционную политику австралийского союза в Азиатско-Тихоокеанском регионе в 1990-е гг., выявила ее периодизацию,

интеграционные факторы, механизмы осуществления [34]. Трансграничной интеграции в Европе посвящена работа Г.О. Ярового, который проанализировал политическую природу Еврозоны, определил идеологию трансграничной интеграции ЕС и России, а также исследовал факторы, воздействующие на развитие европейских регионов при участии субъектов РФ [39].

Две работы посвящены политическим процессам и международным отношениям на постсоветском пространстве. О.В. Золотокрылин комплексно исследовал конфликты, сопутствующие международным интеграционным процессам на постсоветском пространстве. Исследовав природу политических противоречий и факторы, оказавшие влияние на их формы и протекание, автор разработал типологию конфликтных противостояний на постсоветском пространстве и проанализировал основные технологии урегулирования политических конфликтов [10]. Пак Сан Ву проанализировал особенности построения международных отношений на территории бывшего СССР. Автором изучены причины конфликтов, дана их классификация и выявлены оптимальные пути разрешения. На основе проведенного исследования он спрогнозировал развитие взаимоотношений России с другими постсоветскими странами в ближайшей перспективе [25].

Сделанный нами обзор позволяет констатировать, что главные исследования проблемы комплексной безопасности в Санкт-Петербургском университете обуславливают решение теоретических и практических задач в области национальной и международной безопасности. Первостепенными среди них явились следующие направления: исследование исторического и логического оснований политической мысли по проблематике безопасности; разработка и систематизация теоретических и методологических аспектов анализа безопасности; изучение генетической взаимосвязи и взаимозависимости безопасности государства и общества с военной безопасностью и политической системой; исследование механизмов обеспечения национальной безопасности в различных политических режимах, в т.ч. в переходный период конструирования властных отношений; разработка главных направлений улучшения военно-политического механизма по обеспечению национальной безопасности.

Диссертационные исследования, защищенные в Санкт-Петербургском университете за последние четверть века, целостно и объемно раскрывают теоретические и методологические проблемы формирования политики национальной безопасности. В них обосновываются основные условия, оказывающие влияние на современное состояние безопасности, определяются интересы и цели России в начале XXI в., а также ее геополитическое и геостратегическое положение.

Теоретические исследования последних лет по проблемам безопасности свидетельствуют о том, что комплексная безопасность представляет собой предельно широкое явление. В современных условиях безопасность характеризуется как:

- отсутствие опасностей, которые угрожают личности, обществу, стране;
- обеспечение условий достойной жизни гражданского общества;

- свойство общества сохранять собственную целостность, устойчивость и самостоятельность, способность к постоянному развитию;
- стабильность общественного состояния, его качественная определенность, прогрессивное и устойчивое развитие в международных отношениях;
- система мер, которые направлены на предотвращение угрозы, опасности, вид специализированной деятельности.

Жизнь не стоит на месте, поэтому возникают все новые политические коллизии, которые должны быть подвергнуты теоретическому осмыслению. Функция теоретического осмысления политики неразрывно связана с практическим преобразованием социального бытия. С развитием социума объективно осуществляется расширение понимания и знаний в области безопасности, поскольку растет количество опасностей и угроз, а также усложняются их качественные черты. Исследователи, связанные с СПбГУ как с крупнейшим центром изучения проблем комплексной безопасности в нашей стране, рассматривают феномен безопасности с разных сторон. Исследуются различные виды безопасности, вырабатываются новые методологии, модели и стратегии по их обеспечению.

В отношении тематических направлений исследований первенство занимают проблемы военной и политической безопасности. В последнее время, в связи с процессами глобализации, технологическим развитием мира и переходом к информационному обществу, особую актуальность приобретают различные аспекты таких видов безопасности, как экологическая, энергетическая, космическая и информационная. Думается, что и в будущем исследование самых разнообразных аспектов проблем комплексной безопасности в СПбГУ будет интенсивным и конструктивным.

Библиографический список

1. *Ачкасова В.А.* Региональные политические конфликты: российский контекст: Дис. ... д-ра полит. наук. СПб., 2002.
2. *Богуславская Ю.К.* НАТО в глобальной политике США: американские концепции трансформации: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2013.
3. *Болгов Р.В.* Информационные технологии в современных вооруженных конфликтах и военных стратегиях: политические аспекты: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2011.
4. *Верховская В.А.* Конфликтные формы взаимодействия в этнополитической суверенизации: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2005.
5. *Газимагомедов Г.Г.* Конфликт рынка и государства в становлении системы социальной безопасности современной России: Дис. ... д-ра полит. наук. СПб., 2005.
6. *Голованов Е.В.* Проблема соотношения универсальной и региональных систем безопасности и реформа Совета Безопасности ООН: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2013.

7. *Гуляев К.В.* Проблема противодействия международному терроризму современных условиях: политические и правовые аспекты: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2008.

8. *Емелин К.Н.* Особенности внешнеполитической стратегии Польши в обеспечении энергетической безопасности: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2014.

9. *Еришов В.В.* Социально-политическое развитие российского Дальнего Востока: соотношение геополитической и глобализационной стратегий: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2004.

10. *Золотокрылин О.В.* Интеграционные процессы на постсоветском пространстве: противоречия и конфликты. Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2008.

11. *Кириллов В.В.* Оптимизация оборонного строительства (социально-политический анализ опыта СССР и России): Автореф. дис. ... канд. философ. наук. СПб., 1993.

12. *Ковалев А.А.* Властные механизмы обеспечения военной безопасности Российской Федерации: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2015.

13. *Крыжова М.И.* Экологическая безопасность и ее институционализация на глобальном уровне: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2010.

14. *Крючков Ю.Н.* Эволюция военной политики России: историко-политологический анализ: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2008.

15. *Кудрина Н.Н.* Политический терроризм: сущность, формы проявления, методы противодействия: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2000.

16. *Кучерявый М.М.* Информационное измерение политики национальной безопасности России в условиях современного глобального мира: Дис. ... д-ра полит. наук. СПб., 2014.

17. *Лексютина Я.В.* Америко-китайские отношения в условиях трансформирующейся международной системы в начале XXI в.: Дис. ... д-ра полит. наук. СПб., 2012.

18. *Лобов А.В.* Политические аспекты проблемы ядерной безопасности в странах Северной Европы: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2009.

19. *Малыгина А.А.* Феномен ядерного оружия в современном мире и перспективы режима нераспространения ядерного оружия: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2007.

20. *Манжула Е.А.* Фактор космической безопасности в современных мирополитических процессах: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2013.

21. *Набока А.В.* Проблемы сотрудничества России и государств-участников Содружества Независимых Государств в сфере военной безопасности: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2013.

22. *Нехай Р.Ш.* Система обеспечения военной безопасности региона Российской Федерации: проблема функционирования и совершенствования: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2006.

23. *Новиков И.А.* Отношения России и Европейского союза: проблемы и факторы развития стратегического партнерства. Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2011.

24. *Павловский А.И.* Мирополитические аспекты освоения космического пространства. Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2011.

25. *Пак Сан Ву*. Теория международных отношений и политические процессы на территории бывшего СССР: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2002.
26. *Панцеров К.А.* Информационная политика стран Тропической Африки в условиях глобализации мирового порядка: Дис. ... д-ра полит. наук. СПб., 2011.
27. *Пацек М.* Энергетическая безопасность Словацкой Республики в контексте отношений Российской Федерации и Европейского Союза: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2011.
28. *Пыж В.В.* Геополитическая обусловленность военной политики России: Дис. ... д-ра полит. наук. СПб., 2004.
29. *Радиков И.В.* Военная безопасность общества и государства: Политологический анализ: Дис. ... д-ра полит. наук. СПб., 2000.
30. *Радиков И.В.* Национальная безопасность как главный национальный проект России: типичные проблемы реализации // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2007. Т. 3. № 1. С. 64–82.
31. *Радиков И.В.* Безопасность человека: реальность или фикция? // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2010. № 4. С. 5–11.
32. *Рукинов В.А.* Социализация безопасности и политической безопасности в современной России: Дис. ... д-ра полит. наук. СПб., 2010.
33. *Рябов Ю.А.* Формирование внешнеполитического измерения пространства свободы, безопасности и правосудия Европейского союза: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2014.
34. *Сланевская Н.М.* Интеграционная политика австралийского союза в Азиатско-Тихоокеанском регионе, 90-е годы XX века: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2000.
35. *Сокирянская Е.Л.* Методология и техники разрешения этнополитических конфликтов: на примере российско-чеченского конфликта 1991–1994 гг.: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2002.
36. *Филатова Н.В.* Мирные стратегии управления политическими конфликтами: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2004.
37. *Харлампьев М.Р.* Сущность и природа этнополитического конфликта: источники противостояния и пути урегулирования: Дис. ... канд. социол. наук. СПб., 2001.
38. *Шацкая В.И.* Формирование программы США ЕвроПРО и ее влияние на международную безопасность: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2014.
39. *Яровой Г.О.* Трансграничная региональная интеграция в Европе. Проблемы и перспективы развития «внешних» еврорегионов на примере еврорегиона «Карелия»: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2006.
40. *Ярыгин Г.О.* Проблемы экологической безопасности в политике США, Канады и Европейского союза: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2007.
41. *Яшина А.В.* Концепции обеспечения национальной безопасности в демократических государствах: сравнительный анализ: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2013.

Международно-правовые аспекты политики кибербезопасности некоторых европейских стран бывшего советского блока*

Безопасность в современных условиях становится категорией, которой оперируют ученые многих гуманитарных и общественных дисциплин, в том числе социальной философии и политологии, философской антропологии и социологии, социальной психологии и международного права. Безопасность имеет огромное значение в глобальной политике и международных отношениях, ее различные аспекты регулируются на международно-правовом уровне. На рубеже столетий появились новые угрозы как социальной, так и индивидуальной безопасности, возникшие вследствие бурного технического прогресса. Привычная человеку реальность впервые за всемирную историю дополнена реальностью виртуальной, или киберреальностью, ныне уже не являющейся исключительно метафизическим термином. Это не просто абстракция, введенная У. Гибсоном в рассказе 1982 г. «Сожжение Хром» и постоянно используемая в философии и компьютерных технологиях, а подлинное знамение нашего времени. Не случайно в США полным ходом идет процесс создания AFCYBER – специального военного формирования, цель которого станет ведение боевых оборонительных и наступательных действий в киберпространстве. Аналогичные шаги предпринимают многие европейские страны, а также Россия, оказавшаяся после распада СССР в кольце стран, некогда входивших в организацию Варшавского договора, а сегодня настроенных исключительно враждебно против бывшей метрополии. На заседании международного конгресса по кибербезопасности 6 июля 2018 г. Президент России В.В. Путин отметил, что «нейтрализация угроз и в целом обеспечение кибербезопасности – это государственная задача, и в ее решении необходимо объединение усилий правоохранительных органов, деловых кругов, общественных организаций и самих граждан» [1].

Некоторые государства рассматривают обеспечение кибербезопасности как гражданскую или экономическую задачу, но многие привлекают спецслужбы для создания или осуществления политики обеспечения кибербезопасности. Киберугрозы произвели революцию в представлении людей о безопасности, правилах и методах обеспечения национальной безопасности. Хотя всеобъемлющее определение киберугрозы представляется проблематичным, почти все государства согласны с тем, что угрозы и риски в киберпространстве должны быть учтены в их политике национальной безопасности. Проблематика эта исследуется довольно активно как в России [2–4], так и за рубежом [5; 6], но ее актуальность не ослабевает, ибо технологии развиваются настолько быстрыми темпами, что политики и юристы часто не успевают за меняющейся реальностью.

Применение основ теории безопасности позволит рассмотреть в данной публикации как гражданские, так и силовые подходы к вопросам обеспечения

* Ковалев А.А., Балашов А.И. Международно-правовые аспекты политики кибербезопасности некоторых европейских стран бывшего советского блока // Вестник Поволжского института управления. – 2018. – Т.18. – №5. – С.105-114.

кибербезопасности и восприятию возможных угроз и их источников. Попытаемся исследовать политику кибербезопасности некоторых стран Восточной Европы и Балтии, которые ныне занимают в цивилизационном противостоянии ярко выраженную антироссийскую позицию. Существуют разнообразные доктрины, рассматривающие вопросы кибербезопасности. Парадигма национальной безопасности отражает традиционную роль государства в обеспечении безопасности границ страны и соблюдении верховенства права [7]. Кибербезопасность ныне признается основополагающей для государственной военной и экономической безопасности, ее необходимость оправдывается традиционными аргументами национальной безопасности, основанными на защите государства [8].

В отличие от военного подхода к проблеме кибербезопасности, гражданский подход может быть проанализирован сквозь призму экономических императивов. Экономическая парадигма отражает растущее влияние созданной и привнесенной Интернетом реальности на экономическое благосостояние государств [7], с позиции которого существует два необходимых условия для осуществления национальной стратегии кибербезопасности: 1) поставщики услуг Интернета должны нести ответственность за ликвидацию зараженных вирусами компьютеров в своих системах; 2) организации и другие учреждения обязаны раскрывать данные об угрозах вторжения [9]. Экономическая парадигма относится к децентрализованному подходу между группой учреждений (организаций) и субъектов, отвечающих за управление кибербезопасностью. При таком подходе ответственность за принятие мер по защите систем в целом разделяют отдельные лица, поставщики услуг и государственные органы.

По словам Президента РФ В.В. Путина, в России реализуются конкретные меры, направленные на обеспечение безопасности в киберпространстве. Во-первых, вырабатываются новые комплексные решения по предупреждению и пресечению правонарушений против граждан в цифровой среде. Во-вторых, реализуются конкретные инициативы бизнес-сообщества по формированию системы автоматизированного обмена информацией об угрозах в цифровом пространстве. В-третьих, Российская Федерация стремится к тому, чтобы программное обеспечение и инфраструктура связи основывались на отечественных технологиях и решениях, прошедших соответствующую проверку и сертификацию. В-четвертых, при подготовке российских специалистов по противодействию киберпреступности целесообразно использовать передовой зарубежный опыт. Следует также развивать и совершенствовать систему международного обмена информацией о киберугрозах [1].

В ряду европейских стран, занимающихся реализацией политики кибербезопасности, интересен опыт Эстонии. Государством разработаны и приняты стратегические документы в этой сфере, созданы соответствующие институциональные структуры. Стратегическое планирование обеспечивает сплоченность всей архитектуры кибербезопасности. В 2008 г. Эстонская Республика одна из первых в мире приняла Национальную стратегию кибербезопасности [10], вписанную в рамки международного права. Эстония приступила к созданию условий, облегчающих использование информационно-

коммуникационных технологий и разработку «умных решений» [11]. Министр иностранных дел Эстонии М. Кальюранд, выступая в 2016 г. в Брюсселе на конференции по управлению Интернетом в Европе «EuroDIG (European Dialogue on Internet Governance)», заявила о том, что «развитие ИКТ и кибербезопасность должны стать частью повседневной жизни людей, а не «люксовым товаром» [12]. С 2011 г. ответственность за координацию политики в области кибербезопасности Эстонии в целом перешла от Министерства обороны к Министерству по экономическим вопросам и коммуникациям. Совет по кибербезопасности Эстонии, являясь межведомственным органом, оказывает поддержку межведомственному сотрудничеству на стратегическом уровне и надзору за реализацией целей стратегии кибербезопасности страны. Министерство обороны является координационным органом для кибернетической обороны в области национальной обороны. С 2008 г. в составе сил обороны Эстонии находится Центр передового опыта НАТО по киберобороне – Международная военная организация, которая сосредоточивает свои усилия на расширении возможностей кибернетической обороны НАТО и стран-партнеров. НАТО официально признало киберпространство операционной средой и таким образом приравняло существующие в нем угрозы к военным угрозам.

В 2017 г. в Таллине был создан Объединенный центр передовых технологий по киберобороне НАТО (NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence) – флагман европейской кибербезопасности. Центр получил аккредитацию НАТО, насчитывает 20 участников – 17 членов НАТО и три государства-партнера. В нем трудятся и военнослужащие, и гражданские лица, и представители Правительства Эстонской Республики. Работа Центра сфокусирована на трех основных направлениях: исследования, тренировки, обучение. Основная задача Центра – тренировка специалистов из разных стран, обеспечивающих безопасность в национальном киберпространстве. По словам директора Центра М. Майгре, «самыми опасными киберугрозами являются те, которые поддерживаются на государственном уровне» [13]. Центр ежегодно проводит крупнейшие в мире киберучения «Locked Shields» для экспертов в области киберзащиты. В 2017 г. в Таллине прошли учения киберцентра НАТО под названием «Сомкнутые щиты» (Locked Shields 2017), в которых приняли участие около восьмисот специалистов из 25 стран в сферах информационных технологий, международного права, специальных служб, науки и СМИ. Сотрудниками Центра разрабатывается доктрина по киберзащите, то есть единый алгоритм действий в случае киберугроз. Планируется, что новая доктрина будет одобрена НАТО в 2019 г. Все это свидетельствует об активизации работы по виртуализации безопасности, включая военную.

В Латвийской Республике принята Стратегия кибербезопасности на период 2014–2018 гг. [14], в которой рассматриваются угрозы, связанные с безопасностью информационно-коммуникационных технологий в киберпространстве и дается прогноз по рискам киберопасности на будущее. В соответствии с Законом Латвии о безопасности информационных технологий [15] определяются основные требования по безопасности для государственных и муниципальных учреждений, поставщиков общедоступных электронных

коммуникаций. Два документа отражают комплексный подход к защите безопасности в киберпространстве и национальной безопасности Латвии в целом. В рамках этой политики определены следующие направления деятельности: управление кибербезопасностью, правопорядок в киберпространстве и снижение уровня киберпреступности, образование общества и исследовательская работа в этой сфере, международное сотрудничество.

При открытии в Риге в 2015 г. офиса Центра стратегических коммуникаций НАТО (Stratcom) Президент Латвии Р. Вейонис отметил, что «стратегические коммуникации играют ключевую роль в информационную эпоху» [16]. Президент Литвы Д. Грибаускайте подчеркнула, что латвийский офис является третьим центром в странах Балтии. В Эстонии функционирует центр НАТО по вопросам кибербезопасности, а в Литве – центр НАТО по вопросам энергетики. Министерство обороны Республики координирует участие Латвии в формировании международной политики в сфере кибербезопасности в соответствии с общим документом – «Обязательством по киберзащите» (Cyber Defence Pledge) [17]. Глава Ассоциации информационных и коммуникационных технологий Латвии С. Баляня высказывается о возможности привлечения латвийских хакеров к защите государства от кибератак: «Нам нужно собрать людей, которые имеют нужные навыки. Если появится необходимость, мы сможем мобилизовать людей» [18].

В Литовской Республике управление угрозами кибербезопасности прошло длительную эволюцию от создания учреждений, занимающихся вопросами кибербезопасности, до принятия закона о кибербезопасности [19]. По Глобальному индексу кибербезопасности, составленному Международным союзом электросвязи, Литва занимает 57-е место. В целом этот индекс отражает уровень киберзащищенности государств и усилия, которые прилагает конкретная страна для улучшения этого показателя. К слабым сторонам в литовской кибербезопасности можно отнести следующее: низкие стандарты в организациях, недостаточный уровень общественной осведомленности, отсутствие мер стимулирования и межгосударственных договоренностей [20].

В целях обеспечения безопасности киберпространства государства Правительство Литвы одобрило Программу развития электронной информационной безопасности на 2011-2019 г. [21], целями которой заявлены: укрепление безопасности государственных информационных ресурсов; обеспечение эффективного функционирования критической информационной инфраструктуры; обеспечение кибербезопасности граждан Литвы и лиц, временно находящихся на территории страны. Эти цели были разработаны в соответствии с законодательством Литовской Республики по кибербезопасности, утвержденным в 2014 г. [19]. В соответствии с ним Министерству обороны предоставлено право координировать национальную политику по кибербезопасности, предполагается учреждение Национального центра кибербезопасности, создание Консультативного совета по кибербезопасности при Министерстве обороны.

Власти Литвы не раз изъявляли желание о взятии на себя роли лидера в вопросах кибербезопасности как в Европейском союзе, так и в сотрудничестве с

США. В июне 2018 г. Сейм Литвы принял изменения к закону о кибербезопасности. В соответствии с поправками, подготовленными Минобороны Литвы, Правительство страны обязано принять Национальную стратегию защиты от киберугроз в контексте развития международного сотрудничества и управления рисками на уровне Европейского союза. В 2018 г. в Люксембурге Литва, Эстония, Хорватия, Румыния, Нидерланды, Испания подписали меморандум о создании кибернетических сил быстрого реагирования ЕС. Бельгия, Германия, Греция и Словения приняли решение присоединиться к проекту в качестве наблюдателей. Главная задача проекта состоит в том, чтобы создать в каждой стране команды быстрого реагирования из специалистов по вопросам кибербезопасности [22]. Это еще один шаг в рамках сотрудничества по вопросам кибербезопасности стран, которые некогда входили в зону Совета экономической взаимопомощи и Варшавского договора.

Кибербезопасность является частью системы национальной безопасности Польши. Впервые вопрос о кибербезопасности страны был поднят в 2007 г. в Стратегии национальной безопасности [23], где отмечалась прямая связь между кибербезопасностью и способностью государства функционировать должным образом. В 2014 г. Стратегия была обновлена, в ней подробно освещались вопросы, связанные с защитой киберпространства в Польше. В 2013 г. принят документ «Политика защиты киберпространства в Польше» [24]. В 2015 г. Бюро национальной безопасности Польши опубликовало Доктрину кибербезопасности [25], где намечены цели по повышению национальной безопасности в области киберпространства.

В Чешской Республике Национальная стратегия информационной безопасности, в которой поднимались вопросы регулирования безопасности в киберпространстве, впервые опубликована в 2005 г. В 2011 г. кибербезопасность была определена как одна из главных приоритетных задач Чешского правительства, а киберугрозы были приравнены к важнейшим угрозам безопасности, аналогичным региональным конфликтам, терроризму, оружию массового поражения. В 2015 г. утверждена Стратегия кибербезопасности Чешской Республики на период до 2020 г. [26], направленная на защиту систем информационно-коммуникационных технологий и минимизацию ущерба, вызванного киберпреступлениями. В 2015 г. Правительство Чехии утвердило обновленную Стратегию национальной безопасности [27], где подчеркиваются нарастающие проблемы Чешской Республики и других членов НАТО и Европейского союза, порожденные изменениями в обстановке безопасности, ухудшением ситуации на европейской периферии. Речь идет об угрозах и рисках ослабления европейской безопасности, новых аспектах терроризма и насущных проблемах кибербезопасности.

В 2017 г. в Чешской Республике создан Национальный офис по кибербезопасности и информации (NUKIB) – структура, в функции которой входит решение проблем кибербезопасности, поддержка государственных учреждений и предприятий в случае кибератак, профилактика преступлений в киберпространстве, обеспечение безопасности информационной инфраструктуры. С 2017 г. в Чехии функционирует Центр борьбы с терроризмом

и гибридными угрозами. Решение о его создании было принято после аудита национальной безопасности. Центр подчинен Министерству внутренних дел Чехии, его основные задачи – наблюдение за подозрительными публикациями в Интернете, разоблачение «фейковых новостей» с целью воспрепятствования их широкому распространению, борьба против «пропаганды внешних сил».

Словацкая Республика впервые разработала концептуальную основу своей кибербезопасности в 2008 г., приняв Национальную стратегию информационной безопасности Словацкой Республики на 2009-2013 гг. [28]. В 2015 г. приняты два документа: Концепция кибербезопасности Словацкой Республики на 2015-2020 гг.» [29] и План действий по Концепции кибербезопасности Словацкой Республики на 2015-2020 гг. [30]. Служба национальной безопасности Словакии занимается вопросами управления секретной информацией; Министерство обороны непосредственной роли в управлении национальной кибербезопасностью не играет.

В Национальной стратегии кибербезопасности Венгрии, принятой в 2013 г., четко прописано, что защита суверенитета страны в киберпространстве является национальным интересом [31]. Осознавая тот факт, что угрозы и нападения, возникающие в киберпространстве, могут перейти грань, требующую сотрудничества со странами НАТО, Венгрия считает крайне важным, чтобы кибербезопасность стала вопросом коллективной обороны в соответствии со ст. 5 основополагающего договора НАТО. Это важный шаг на пути международно-правового обеспечения кибербезопасности. Следует отметить, что киберугрозы также являются приоритетными в Стратегии национальной безопасности Венгрии, принятой в 2012 г. [32].

Итак, обзор национальных стратегий кибербезопасности в семи европейских странах бывшего советского блока показал, что их стратегии кибербезопасности становятся комплексными и всеобъемлющими. Эти стратегии охватывают экономические, социальные, международно-правовые, правоохранительные, военные аспекты кибербезопасности. В рамках сотрудничества по линии ОБСЕ рассмотренные государства работают над мерами укрепления доверия с целью снижения рисков возникновения конфликтов вследствие пользования информационно-коммуникационными технологиями. Все семь государств признают взаимосвязь между сферой кибер- и национальной безопасностью и осознают, что проблемы кибербезопасности, такие как разрушение системы информационно-коммуникационных технологий или критической инфраструктуры, могут нанести ущерб национальной безопасности и действительному функционированию экономики государства. Страны, стремящиеся к секьюритизации своего киберпространства, с большей вероятностью будут уделять первоочередное внимание защите критической инфраструктуры как ключевого условия национальной безопасности.

Существующая архитектура киберпространства в европейских государствах облегчает анонимность и препятствует возможности отслеживать источники кибератак, что является дополнительным фактором отсутствия безопасности. Страны, активно защищающие свое киберпространство, подчеркивают политическую мотивацию кибератак и внешних киберугроз. Такое отношение

диктует силовой подход к управлению кибербезопасностью как наиболее эффективный. Сосредоточение внимания главным образом на внутренних угрозах кибербезопасности означает, что основным объектом безопасности выступает экономическая сфера.

Восприятие киберугроз тесно связано с источниками воспринимаемых угроз. Чем больше секьюритизируется взгляд на киберугрозы, тем точнее выявляется источник угрозы. Эстония, Польша, Литва и Латвия проводят различие между внешними и внутренними субъектами киберпространства. Примечательно, что почти все проанализированные страны проводят различие между внутренними и внешними источниками киберугроз в своих стратегических документах. Однако страны, ориентированные на гражданский подход, не стремятся к дальнейшей проработке этого различия и сосредотачивают свое внимание главным образом на внутренних источниках угрозы как наиболее распространенных и вероятных в условиях их безопасности.

Каждая из рассмотренных стран имеет свою стратегию кибербезопасности и соответствующие законы для решения проблем кибербезопасности. Польша, Эстония, Литва и в некоторой степени Латвия милитаризируют вопросы кибербезопасности. Эта тенденция поднимает кибербезопасность до уровня национальной безопасности и фокусируется на защите государственных ресурсов информационно-коммуникационных технологий. Польша, Эстония и Литва склонны идентифицировать проблемы кибербезопасности как угрозы нормальному функционированию государства и выявлять нападения со стороны иностранных государств как наиболее опасные источники таких угроз. В этих государствах ответственность за нейтрализацию киберугроз передается силовым учреждениям.

Вторая категория секьюритизационной сферы относится к решению угроз, связанных с возможной криминализацией кибербезопасности. Чехия, Словакия и Венгрия полагаются на гражданский подход к обеспечению своей кибербезопасности. Их объекты безопасности разрознены и в основном связаны с надлежащим функционированием экономической системы государства и частной собственности. В результате страны с преобладающим гражданским подходом в основном заняты борьбой с преступной деятельностью, проводимой в киберпространстве, и описывают вопросы кибербезопасности как «риски». Потенциальные источники таких рисков также фрагментированы и включают не только внешних международных субъектов, но и внутренних субъектов, таких как хакеры, хактивисты, преступные организации. Гражданским учреждениям в Чехии, Словакии и Венгрии поручено следить за рисками кибербезопасности и координировать реакцию государства на киберинциденты.

Проведенная классификация подходов к кибербезопасности может послужить лучшим пониманию кибербезопасности как явления, что, в свою очередь, способствует снятию ряда проблем на пути сотрудничества между государствами, занимающимися вопросами кибербезопасности на международном уровне. Более того, идентификация различных подходов к кибербезопасности способствует объяснению действий конкретного государства в киберпространстве. Понимание различий государств в существующем

восприятии киберугроз, объектов безопасности и потенциальных противников представляет собой предпосылки для обсуждения так называемых киберидентичностей государств и негосударственных субъектов – полезного теоретического инструмента для анализа потенциальных киберконфликтов и моделей сотрудничества в дальнейших научных исследованиях.

Библиографический список

1. Пленарное заседание Международного конгресса по кибербезопасности // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <https://kremlin.ru/events/president/news/57957>
2. От информационной безопасности к кибербезопасности: опыт научно-исследовательских работ и подготовки кадров в Санкт-Петербургском политехническом университете Петра Великого. СПб., 2017.
3. Проблемы кибербезопасности информационного общества / под ред. Д.С. Черешкина. М., 2006.
4. Словарь-справочник терминов в области кибербезопасности. М., 2014.
5. Cyber warfare and cyber terrorism / L.J. Janczewski, A.M. Colarik. N.Y., 2008.
6. Cyberterrorism / ed. by Alan O'Day. Burlington: Aldershot Hants, 2004.
7. *Newmeyer K.P.* Elements of national cybersecurity strategy for developing nations // National Cybersecurity Institute Journal. 2015. № 1(3). P. 9–19.
8. *Бородакий Ю.В., Добродеев А.Ю., Бутусов И.В.* Кибербезопасность как основной фактор национальной и международной безопасности XXI века (ч. 1) // Вопросы безопасности. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/kiberbezopasnost-kak-osnovnoy-faktor-natsionalnoy-i-mezhdunarodnoy-bezopasnosti-hh-veka-chast-1>
9. *Moore T.* Introducing the economics of cybersecurity: Principles and policy options. URL: <https://www.nap.edu/read/12997/chapter/3>
10. Стратегия кибербезопасности Эстонской Республики. URL: https://www.mkm.ee/sites/default/files/kuberjulgeoleku_strateegia_2014-2017.pdf
11. Основы политики безопасности Эстонской Республики. URL: http://www.kaitseministeerium.ee/sites/default/files/elfinder/article_files/julgeolekupoliitika_alused_2010.pdf
12. Закон Литовской Республики о кибербезопасности. URL: https://ccdcoe.org/sites/default/files/strategy/LTU_CSAct_lt.pdf
13. Юри Ратас в Центре киберзащиты НАТО: наши идеалы нужно оберегать // Новостное агентство Sputnik. URL: <https://ru.sputnik-news.ee/news/20180627/11360194/ratas-tallinn-tsentrkiberzashita-nato-idealy-nuzhno-oberegatj.html>
14. О руководящих принципах Стратегии кибербезопасности Латвийской Республики на 2014–2018 гг. URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=263912>
15. Law On the Security of Information Technologies. URL: <http://www.dvi.gov.lv/en/legal-acts/law-on-the-security-of-information-technologies/>

16. В Латвии открылся новый офис Центра стратегических коммуникаций НАТО // Информационное телеграфное агентство России. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2198715>

17. Обязательство по киберзащите // Официальный сайт НАТО. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133177.htm

18. Киберземессардзе хочет мобилизовать латвийских хакеров // Новостное агентство Sputnik. URL: <https://ru.sputniknews.com/Latvia/20170207/3841202/kiber-opolchenie-haker-latvija-zemessardze-ataka.html>

19. Закон Литовской Республики о кибербезопасности. URL: https://ccdcoe.org/sites/default/files/strategy/LTU_CSAct_lt.pdf

20. Основы политики безопасности Эстонской Республики. URL: http://www.kaitseministeerium.ee/sites/default/files/elfinder/article_files/julgeolekupoliitika_alused_2010.pdf

21. Об утверждении программы развития электронной информационной безопасности Литовской Республики на 2011–2019 гг. URL: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/TAIS.403385>

22. ЕС создаст европейские силы быстрого реагирования // Новостное агентство Sputnik. URL: <https://sputniknews.com/europe/201806251065747571-eu-cyber-rapid-reaction-forces/>

23. Стратегия национальной безопасности Республики Польша (в ред. от 2014 г.). URL: <https://www.files.ethz.ch/isn/156796/Poland-2007-eng.pdf>

24. Политика защиты киберпространства в Республике Польша. URL: <http://www.cert.gov.pl/download/3/162/PolitykaOchronyCyberprzestrzeniRP148x210wersjaang.pdf>

25. Доктрина кибербезопасности Республики Польша. URL: <http://en.bbn.gov.pl/ftp/dok/01/DCB.pdf>

26. Стратегия кибербезопасности Чешской Республики на период с 2015 по 2020 г. URL: https://ccdcoe.org/sites/default/files/strategy/CZE_NCSSL_cz.pdf

27. Стратегия безопасности Чешской Республики. URL: https://www.mzv.cz/file/1386521/Bezpecnostni_strategie_2015.pdf

28. Стратегия национальной безопасности Словацкой Республики. URL: https://www.enisa.europa.eu/topics/national-cyber-securitystrategies/ncssmap/Slovakia_National_Strategy_for_ISEC.pdf

29. Концепция кибербезопасности Словацкой Республики на 2015–2020 гг. URL: https://ccdcoe.org/sites/default/files/strategy/SVK_NCSSL.pdf

30. План действий по реализации Концепции кибербезопасности Словацкой Республики на 2015–2020 гг. URL: https://lt.justice.gov.sk/Attachment/vlastny_material_rtf.pdf

31. Национальная стратегия кибербезопасности Венгрии. URL: <https://iccwbo.org/content/uploads/sites/3/2016/11/Hungary-National-Cyber-Security-Strategy-1.pdf>

Некоторые вопросы обеспечения безопасности при проведении в жизнь реформы силовых институтов власти*

В средствах массовой информации и в научном сообществе не первый год обсуждаются различные варианты реформы институтов власти. Эти вопросы не раз поднимались и на страницах «Управленческого консультирования». Достаточно упомянуть работы Л.Т. Станкевича, Н.В. Горбатовой, посвященные административной реформе России [6], Л.Г. Ивашова о состоянии и перспективах военной реформы в современной России [3], И.Н. Барцица о международных методиках – оценки эффективности государственного управления [1], К.Б. Дорогого о реформе государственного управления в России в критериях системности [2] и мн. др.

В самом общем плане под реформой понимается изменение в какой-либо сфере жизни, ее преобразование. Английское слово *reform* буквально означает: изменение (*re*) формы (*form*). Но употребление данного термина оправдано и тогда, когда речь идет о коренном изменении содержания. Конечная цель любой реформы – это существенные изменения в механизме функционирования объекта. Важно отметить, что понятие «реформа» не является синонимом таких родственных категорий, как «оптимизация», «усовершенствование», «модернизация». Термин «модернизация» происходит от английского слова *modern*, что означает современный, обновленный. Обычно под модернизацией понимают обновление объекта и приведение его в соответствие с современными требованиями и нормами. Также это может быть процесс полной или частичной реконструкции общественной системы с целью ускорения экономического и социокультурного развития. В новейшей истории модернизации подвергались – с большей или меньшей степенью успеха – общества с различным общественно-политическим укладом. Социалистический Китай, например, с 1989 г. весьма успешно осуществлял модернизацию экономики, которая привела к изменению геополитического статуса КНР и ее окончательному превращению в великую державу.

У истоков самого понятия «модернизация» стоят философские идеи эпохи Просвещения. Идеология просветителей питала собой не только европейский рационализм, но и веру в неодолимую силу исторического процесса как прогресса свободы. Воле наделенного разумом реформатора приписывались порой сакральные качества. Именно философия Просвещения лежала в основе большинства красивых социальных утопий, всеобъемлющих экономических доктрин, технико-технологических и социокультурных проектов XIX и XX вв. Эта философия до сих пор отчетливо проявляется и во многих современных теориях модернизации, хотя от эпохи Просвещения нас отделяет уже более трех веков. Но при любой модернизации существует опасность разрушения государствообразующего каркаса и основ экономического строя. Так произошло в СССР во время перестройки 1985–1991 гг., которая осуществлялась без

* Ковалев А.А. Некоторые вопросы обеспечения безопасности при проведении в жизнь реформы силовых институтов власти // Управленческое консультирование. – 2016. – №10. – С.126-134.

должного социально-экономического обоснования и привела к распаду Советского Союза.

Понятие «оптимизация» означает, в свою очередь, процесс максимизации выгодных характеристик, соотношений, и минимизации расходов. Оптимизация предполагает достижения оптимума, то есть наилучшего состояния системы. Процесс оптимизации более мягок по сравнению с модернизацией и предполагает не коренную перестройку устаревшего социально-экономического механизма, а лишь замену некоторых его износившихся частей.

История России знала немало реформ – от Петра I, Александра II, Петра Столыпина до А. Косыгина, М. Горбачева, Е. Гайдара, от отмены крепостного права до приватизации в 90-е годы XX в. Новый этап реформ в России начался в 2000 г. Непоследовательность и непродуманность проводимых в это время преобразований, «серьезные просчеты при проведении экономических и социальных реформ, опасная дезинтеграция государственных институтов, системный экономический кризис, издержки приватизации в сочетании с политическими спекуляциями на естественном стремлении людей к демократии» [5, с. 67] порождали реальные угрозы национальной безопасности.

В конце 2015 г. на страницах одного федерального издания вышла статья⁷⁸, посвященная вопросам проведения административной реформы. Мы не будем подробно анализировать содержание указанной статьи, но выделим для себя некоторые моменты. В статье говорится, что для экономии бюджетных расходов следует отказаться от федеральных органов исполнительной власти с объективно малой численностью сотрудников, предусмотрев укрупнение действующих министерств путем создания так называемых «больших» ведомств. В представленной структуре исполнительных органов власти наше внимание привлекло так называемое «Министерство безопасности Российской Федерации». Сразу оговоримся, что цель нашей статьи – проанализировать некоторые теоретические вопросы обеспечения национальной безопасности, и мы ни в коей мере не претендуем на всеобъемлющий подход к проблеме. Решение этой задачи – прерогатива законодательного и исполнительного корпуса власти в теснейшем взаимодействии с научным сообществом.

В апреле 2016 г. дан старт очередным реформам в силовых институтах власти. Президент России своим решением на базе Внутренних войск МВД России создал Федеральную службу войск Национальной гвардии Российской Федерации⁷⁹, а также упразднил Федеральную службу по контролю за оборотом наркотиков и Федеральную миграционную службу, функции и полномочия которых до 1 января 2017 г. должны быть переданы в систему Министерства внутренних дел Российской Федерации⁸⁰.

⁷⁸ Путину предложат сократить правительство [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rbc.ru/economics/15/10/2015/561fdf359a794761d7a9ec5d>

⁷⁹ Вопросы Федеральной службы войск Национальной гвардии Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации № 157 от 5 апреля 2016 г.

⁸⁰ О совершенствовании государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции: Указ Президента Российской Федерации от 5 апреля 2016 г. № 156.

По мнению профессора И.В. Радикова, «удовлетворение потребности в безопасности в различные исторические эпохи определялось уровнем общего развития не только государства (общества), его экономической и культурной составляющих, но и самого человека, живущего в данной среде и воспринимающего ее в силу особенностей своего характера и окружения» [4, с. 7]. В процессе осуществления реформ институтов власти необходимо учитывать процесс развития самого общества и взаимовлияние силовых органов власти и общества.

Существует несколько аспектов указанной взаимосвязи, в том числе политический, экономический, социальный. В России всегда была необходима мощная и разветвленная структура силовой компоненты государственного механизма. Это было связано прежде всего с обширностью территории страны и невозможностью осуществлять всеобъемлющую безопасность государства небольшими силами. Стоит предположить, что целью предлагаемой реформы силовых министерств и ведомств и создания Министерства безопасности России является реализация оптимального варианта поддержания и укрепления национальной безопасности страны.

Профессор И. В. Радиков считает, что «с появлением новых опасностей и угроз, новых факторов развития возникает потребность в новой парадигме безопасности и осуществляющей ее на практике системы безопасности» [4, с. 8]. Условиями такой реформы могут выступать: политика государства в этой сфере, основанная на Стратегии национальной безопасности и других концептуальных документах; экономически обоснованный уровень, достаточность сил и средств для обеспечения безопасности.

Предпосылки реформирования министерств и ведомств, идея создания объединенного органа по обеспечению безопасности находят свое косвенное отражение в Стратегии национальной безопасности России⁸¹. Как мы знаем, это – базовый документ, определяющий цели, задачи и меры, направленные на укрепление национальной безопасности России. Указанный документ включает в понятие национальной безопасности оборону страны и все виды безопасности, предусмотренные российским законодательством, в том числе государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую и т. д. Обеспечивается национальная безопасность путем реализации политических, военных, организационных, информационных, правовых и иных мер, направленных на противодействие возникшим угрозам.

Стратегия национальной безопасности использует также термин «национальный интерес», под которым понимается потребность личности, общества и государства в обеспечении их защищенности. К национальным интересам на долгосрочную перспективу относится укрепление обороны страны, обеспечение неизблемости конституционного строя, суверенитета, государственной и территориальной целостности Российской Федерации.

⁸¹ О стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации № 683 от 31 декабря 2015 г.

Обеспечивается же национальный интерес эффективностью функционирования систем обороны страны, государственной и общественной безопасности.

Реформа силовых министерств и ведомств в сфере обороны осуществляется в рамках совершенствования военной организации государства на основе сбалансированного развития компонентов военной организации, наращивания оборонного потенциала, оснащения военных формирований и органов современным вооружением, специальной техникой и т. д. В области государственной и общественной безопасности реформа силовых институтов власти направлена на повышение эффективности деятельности правоохранительных органов и специальных служб, совершенствование системы профилактики преступности, разработки и использования специальных мер, направленных на снижение криминализации.

Основной упор делается на то, что усиливается роль государства в качестве гаранта безопасности личности, повышается доверие граждан к правоохранительной системе. Все это достигается в случае совершенствования структуры и деятельности федеральных органов исполнительной власти, комплексного развития правоохранительных органов и специальных служб, повышения социальной ответственности органов обеспечения безопасности.

В указанной нами статье⁸² представлена структура нового силового министерства. Сказано, что ведомство создается на базе существующей Федеральной службы безопасности России путем добавления функций в сфере связи и фельдъегерской деятельности, государственной охраны, внешней разведки, обустройства границы и специального строительства. В структуре объединенного Министерства безопасности России предполагается три агентства: Федеральное агентство связи и фельдъегерской деятельности, Федеральное агентство внешней разведки, Федеральное агентство охраны. Нам неизвестно, каким образом планируются возможные будущие изменения – объединением или поглощением структур.

В структуру федеральных органов исполнительной власти входят министерства, службы и агентства⁸³. Между ними имеется ряд отличий как в правовом, так и в организационном плане. Одни министерства и ведомства находятся в прямой подчиненности Президенту России (к примеру, ФСБ, СВР, ФСО, Минобороны), другие подчиняются председателю правительства Российской Федерации (экономические, социальные министерства, в частности, Минздрав, Минобрнауки, Минсельхоз и др.).

Федеральное министерство осуществляет функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в своей сфере деятельности; Федеральная служба осуществляет функции по контролю и надзору в установленной сфере деятельности; Федеральное агентство осуществляет функции по оказанию государственных услуг, правоприменительные функции.

⁸² Путину предложат сократить правительство [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rbc.ru/economics/15/10/2015/561fdf359a794761d7a9ec5d>

⁸³ О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти: указ Президента Российской Федерации от 9 марта 2004 г. № 314.

Аббревиатура МБ (Министерство безопасности России) ассоциируется с КГБ (Комитет государственной безопасности СССР, существовавший с 1954 по 1991 гг.). Основными функциями КГБ были как раз те, что планируются нынче в новом министерстве. А именно: внешняя разведка, контрразведка, охрана государственной границы СССР, охрана руководителей государства, организация и обеспечение правительственной связи. Одной из задач КГБ было также обеспечение высших органов государственной власти информацией, затрагивающей государственную безопасность и оборону страны.

В советское время в структуре органов государственного управления были министерства, комитеты, агентства. В основу деятельности министерств СССР был положен отраслевой принцип управления, государственный комитет СССР осуществлял межотраслевое управление, а государственное агентство было органом специального назначения. Существующие ныне силовые организации в той или иной мере берут свое начало именно в КГБ СССР. К примеру, Первое главное управление КГБ передало свои функции СВР России, Второе главное управление КГБ отвечало за нынешние функции ФСБ России в области контрразведки, Восьмое главное управление КГБ передало свои функции Службе специальной связи и информации ФСО России, Главное управление пограничных войск КГБ – явный аналог Пограничной службы ФСБ России, Девятое управление КГБ трансформировалось по функциям в ФСО России, функции Пятнадцатого главного управления КГБ перешли к Спецстрою России.

Проведем ретроспективный анализ истории создания ныне действующих институтов власти в современной России. Вспомним, как были образованы ФСБ, ФСО, СВР, ГФС, Росграница.

Начнем с Федеральной службы безопасности России. 19 декабря 1991 г. на базе упраздняемых на тот момент Министерства внутренних дел СССР, Министерства внутренних дел РСФСР, Межреспубликанской службы безопасности и Агентства федеральной безопасности создается Министерство безопасности и внутренних дел РСФСР. Но уже в 1992 г. из структуры этого ведомства отдельно выводится Министерство безопасности России, которое в 1993 г. стало именоваться Федеральной службой контрразведки. Через два года, в апреле 1995 г. она стала называться Федеральной службой безопасности. В 2004 г. в ходе административной реформы ФСБ России придан статус федеральной службы.

Федеральная служба охраны Российской Федерации была создана путем объединения Главного управления охраны Российской Федерации со Службой безопасности Президента Российской Федерации в 1996 г. В 2004 г. в состав ФСО России включена Спецсвязь России, являющаяся правопреемником Федерального агентства правительственной связи и информации РСФСР.

Служба внешней разведки России ведет свою историю с 1992 г. Изначально она именовалась Федеральной службой внешней разведки России (в 1996 г. в течение непродолжительного времени также называлась Федеральной службой внешней разведки). В 2004 г. наряду с ФСБ ФСО также придан статус федеральной службы.

Государственная фельдъегерская служба Российской Федерации образована на базе Минсвязи России. С 1992 по 1995 г. именовалась Федеральным управлением фельдъегерской связи при Минсвязи России, затем реорганизована в Государственную фельдъегерскую службу Российской Федерации. В 1996 г. была упразднена, однако через три недели решение было отменено и была образована Государственная фельдъегерская служба Российской Федерации Министерства связи Российской Федерации. В 1997 г. в результате реформы фельдъегерская служба стала называться Государственной фельдъегерской службой при правительстве России. Последний раз изменения коснулись службы в 2000 г., когда она была преобразована в Государственную фельдъегерскую службу Российской Федерации.

Интересно проследить историю реформирования Спецстроя России. Так, в 1997 г. были ликвидированы Федеральное управление специального строительства при правительстве России, Федеральное специализированное управление по строительству в восточных районах России при Государственном комитете Российской Федерации по жилищной и строительной политике, Главное военное эксплуатационно-восстановительное управление Государственного комитета Российской Федерации по связи и информатизации, Центральное управление военно-строительных частей при Министерстве Российской Федерации по атомной энергии и была образована Федеральная служба специального строительства России. Однако, менее чем через год, в 1998 г., созданное ведомство было упразднено. В 1999 г. было образовано Федеральное управление специального строительства при Государственном комитете Российской Федерации по строительной, архитектурной и жилищной политике, которое спустя полгода оказалось в подчинении у правительства России, а после этого преобразовано в Федеральную службу специального строительства при Правительстве России. В 2000 г. – новая реформа и новое преобразование – в Федеральную службу специального строительства, которая в 2004 г. переименована в Федеральное агентство специального строительства.

Федеральное агентство по обустройству государственной границы Российской Федерации просуществовало 9 лет, с 2007 по 2016 гг. В соответствии с указом Президента Российской Федерации, 2 февраля 2016 г. Росграница как федеральное ведомство было упразднено⁸⁴, а его функции переданы Министерству транспорта России.

Для того чтобы понять, какие задачи будут стоять перед новым министерством, стоит ознакомиться с действующими задачами, стоящими перед ФСБ, ФСО, СВР, ГФС, Спецстроем России. Эти задачи сформированы в базовых правовых актах. Так, перед ФСБ в сфере обеспечения безопасности поставлены 15 задач⁸⁵. Мы не будем их подробно разбирать. Если кратко: управление органами безопасности, организация их деятельности; информирование Президента России, органов власти об угрозах безопасности Российской

⁸⁴ Об упразднении Федерального агентства по обустройству государственной границы Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 2 февраля 2016 г. № 40.

⁸⁵ Вопросы Федеральной службы безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 11 августа 2003 г. № 960.

Федерации, организация выявления, предупреждения и пресечения деятельности иностранных спецслужб, террористической деятельности, организованной преступности, ведение уголовных дел, защита информации и др.

У ФСО значительно меньше задач, их 8⁸⁶. Это связано с тем, что в зоне ответственности ФСО находится определенное количество «специальных лиц», именуемых объектами государственной охраны. И именно деятельность органов государственной охраны направлена на обеспечение безопасности Президента России, председателя правительства, глав палат Федерального собрания, руководителей высших судебных органов государства. Также в задачу ФСО входит обеспечение организации и функционирования федеральных информационных систем, правительственной связи, обеспечение информационной безопасности, участие в борьбе с терроризмом. СВР имеет в своем арсенале 3 основных задачи⁸⁷, главная из которых – обеспечение Президента, правительства и Федерального собрания разведывательной информацией, необходимой для принятия решений, в том числе в политической, экономической, оборонной областях.

Росграница до своего упразднения осуществляла функции по выработке и реализации государственной политики в сфере обустройства государственной границы, создания, развития, обеспечения деятельности пунктов пропуска через границу Российской Федерации⁸⁸.

Спецстрой находится в структуре Министерства обороны России и решает 7 задач⁸⁹. Это в основном деятельность, связанная со строительством и реконструкцией объектов обеспечения обороны и безопасности государства, строительство и восстановление автомобильных дорог оборонного и общего пользования.

Таким образом, проанализировав задачи силовых органов власти, закрепленных в правовых актах, можно выделить ряд управленческих и обеспечивающих функций. К управленческим функциям относятся: управление ресурсами и средствами; информирование органов власти; выявление, предупреждение и предотвращение угроз безопасности. К обеспечивающим функциям: строительство спецобъектов; организация правительственной связи и доставка специальной корреспонденции. Помимо прочего, существуют также идентичные задачи, но у каждого в своей, сугубо специфической сфере деятельности. Это борьба с терроризмом, обеспечение информационной безопасности, разведывательная деятельность, защита сведений, составляющих государственную тайну.

Анализируя идею создания Министерства безопасности России, выделим здесь ключевую категорию – «безопасность». Итак, основной целью создания

⁸⁶ Вопросы Федеральной службы охраны Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 11 августа 2004 г. № 1013.

⁸⁷ О внешней разведке: Федеральный закон от 10 января 1996 г. № 5-ФЗ.

⁸⁸ О Федеральном агентстве по обустройству государственной границы Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 11 октября 2007 г. № 1359.

⁸⁹ Вопросы Федерального агентства специального строительства: указ Президента Российской Федерации от 16 августа 2004 г. № 1084.

объединенного силового ведомства является обеспечение безопасности. Однако действующее российское законодательство не содержит четкого определения понятия «безопасность». В Конституции России имеется 11 установок по различным вопросам безопасности⁹⁰: это безопасность государства⁹¹, государственная безопасность⁹², общественная безопасность⁹³, оборона и безопасность⁹⁴, экологическая безопасность⁹⁵, безопасность граждан⁹⁶, безопасность людей⁹⁷, а также безопасность труда⁹⁸.

Базовый закон «О безопасности» состоит из 20 статей⁹⁹ и вообще не содержит никаких определений данного понятия. Его с полным основанием можно назвать «Законом о Совете безопасности», потому что Совету безопасности, вернее, его статусу, посвящена одна, самая большая из четырех имеющихся глав закона, в которой достаточно подробно расписаны задачи, функции, состав, организация деятельности Совета безопасности. Есть даже статья, специально посвященная секретарю Совета безопасности, его статусу, порядку назначения и наделения полномочиями. В этом законе указаны принципы, содержание, правовые основы, полномочия органов власти в области безопасности и т. д.

Несмотря на то, что данный федеральный закон является «рамочным», самым большим методологическим упущением является то, что в нем отсутствует юридическое определение категории «безопасность». Таким образом, говоря о безопасности с правовой точки зрения, мы не имеем официальной трактовки этого понятия.

Это может вызвать правовые коллизии. Этим же федеральным актом законодатель ликвидировал базовое определение безопасности, которое было в Законе Российской Федерации «О безопасности» и определялось «как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз»¹⁰⁰.

В свою очередь, стратегия национальной безопасности¹⁰¹ трактует, что национальная безопасность включает в себя оборону страны и все виды безопасности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации и законодательством Российской Федерации – прежде всего государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую, транспортную, энергетическую безопасность, безопасность личности.

⁹⁰ Конституция Российской Федерации: офиц. текст.

⁹¹ Там же, ч. 5 ст. 13; ч. 3, ст. 55; ч. 1 ст. 82.

⁹² Там же, п. «д» ч. 1 ст. 114.

⁹³ Там же, п. «б» ч. 1 ст. 72.

⁹⁴ Там же, п. «м» ст. 71.

⁹⁵ Там же, п. «д» ч. 1 ст. 72.

⁹⁶ Там же, ч. 1 ст. 56.

⁹⁷ Там же, ч. 3 ст. 37.м же, ч. 2 ст. 74; ч. 1 ст. 98.

⁹⁸ Там же, ч. 3 ст. 37.

⁹⁹ О безопасности: Федеральный закон Российской Федерации от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ.

¹⁰⁰ О безопасности: Закон Российской Федерации от 5 марта 1992 г. (утратил силу).

¹⁰¹ О стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации № 683 от 31 декабря 2015 г.

Согласимся с профессором Санкт-Петербургского университета, доктором политических наук И. В. Радиковым, который подчеркивает: «Мы должны исходить из того, что потребности безопасности России существуют объективно. На каждом этапе ее исторического развития они не должны выходить за пределы неких границ при любой внутривнутриполитической структуре. Но высшим критерием этих потребностей, национальных интересов в демократическом обществе должны быть потребности каждого человека, ибо только их гарантия способна дать государству и обществу подлинную стабильность и безопасность... Защита конституционного строя, суверенитета и территориальной целостности, установление политической, экономической и социальной стабильности, безусловное исполнение законов и поддержание правопорядка, развитие международного сотрудничества в сущности своей являются с позиции конкретного человека способами обеспечения главного, жизненно важного, значимого интереса государства – всестороннего развития личности» [5, с. 75].

По нашему мнению, целью реформы силовых органов власти в сфере безопасности является обеспечение значительного повышения эффективности и надежности безопасности государства при минимальных затратах с учетом требований обновленной стратегии национальной безопасности России и других концептуальных документов в сфере обороны и безопасности государства. В ходе проведения реформы необходимо также провести глубинные преобразования в правовой, экономической, технической, научной сферах системы обеспечения безопасности России. Это в свою очередь приведет к изменению всех структур управления в сфере безопасности государства и принципов их деятельности, к совершенствованию организационно-кадровой структуры, а также к уточнению военно-технической политики обеспечения безопасности государства.

На наш взгляд, реформы силовых структур назрели давно и являются весьма своевременными. Прежде всего, это связано с изменившейся внешнеполитической обстановкой, когда России приходится отвечать на недружественные и агрессивные действия как внутри страны, так и за рубежом. Концентрация силовых структур и их интеграция в одно целое может привести к положительным результатам в деле обеспечения всеобъемлющей безопасности страны. Однако такое укрупнение должно быть проведено с максимальной степенью эффективности, дабы не породить очередную громадную и нежизнеспособную бюрократическую структуру, которую через какое-то время придется снова расчлнять на более мелкие структурные единицы. Опыт государственного строительства в нашей стране показывает, что такая опасность есть.

Библиографический список

1. *Барциц И.Н.* Международные методики оценки эффективности государственного управления // *Управленческое консультирование*. 2009. № 4 (36). С. 10–26.
2. *Дорогой К.Б.* Реформа государственного управления в России в критериях системности // *Управленческое консультирование*. 2016. № 2 (86). С. 145–152.

3. *Ивашов Л.Г.* Военная реформа в современной России: состояние и перспективы // Управленческое консультирование. 2006. № 2 (22). С. 42–51.

4. *Радилов И.В.* Безопасность человека: реальность или фикция? // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. 2010. № 4. С. 5–11.

5. *Радилов И.В.* Национальная безопасность как главный национальный проект России: типичные проблемы реализации // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2007. Т. 3. № 1. С. 64–82.

6. *Станкевич Л.Т., Горбатова Н.В.* Административная реформа России как процесс формирования диалога государственной власти и общества // Управленческое консультирование. 2005. № 3 (19). С. 197–211.

О роли и месте полномочных представителей Президента Российской Федерации во властном механизме обеспечения военной безопасности страны*

По мнению многих специалистов, в настоящее время вероятность развязывания против России крупномасштабной агрессии весьма мала [2]. Тем не менее, это не означает, что не нужно принимать мер по обеспечению военной безопасности страны и укреплению ее обороноспособности. Мир не стал более безопасным, скорее, наоборот: по всему миру пылают вооруженные конфликты, некоторые из них – в непосредственной близости от границ России. Поэтому усилия по обеспечению военной безопасности государства не только не могут быть снижены, но и должны быть значительно увеличены.

В своих работах мы неоднократно показывали, что одно только укрепление обороноспособности не может решить проблему обеспечения военной безопасности, так как вопреки конституированному в Российской Федерации подходу, безопасность не только и не столько состояние защищенности, сколько ситуация, при которой объекту безопасности не может быть причинен существенный вред в виде деструкции, дисфункции, ухудшения условий существования [1]. Таким образом, безопасность объекта обеспечивается, в первую очередь, принятием превентивных мер по недопущению нападения на него, ослаблением источника опасности, упрочением самого объекта и созданием условий для оперативного устранения последствий нападения, в случае его осуществления.

Вследствие этого военная безопасность государства должна обеспечиваться путем исключения (существенного снижения вероятности) возникновения войны, противодействия вовлечению в войну, а в случае ее возникновения – сведением к минимуму разрушительных последствий и ущерба для населения страны. Требуемый уровень военной безопасности может быть обеспечен только целенаправленными и скоординированными действиями государственных

* Ковалев А.А. О роли и месте полномочных представителей Президента Российской Федерации во властном механизме обеспечения военной безопасности страны // Управленческое консультирование. – 2018. – №2. – С. 24-31.

институтов и гражданского общества [3; 4]. Поэтому для обеспечения военной безопасности государство должно осуществлять комплекс мер во всех важнейших областях функционирования общества – политической, экономической, информационной и других, оказывающих существенное влияние на задачу обеспечения военной безопасности.

Как известно, военная безопасность имеет два аспекта: внутренний и внешний. Внутренний аспект военной безопасности связан, прежде всего, с проблемами взаимодействия власти с гражданским обществом и взаимоотношений центра с регионами. Именно поэтому вопрос обеспечения военной безопасности страны должен стать одним из основных в повестке дня органов власти всех уровней – от федерального до местного, в том числе и такого института власти, как полномочные представители Президента Российской Федерации в федеральных округах. Первые полпреды Президента России появились еще в сентябре 1991 г., спустя месяц после произошедшего в августе государственного переворота и смены режима власти в стране. Тогда они назывались «полномочными представителями в республиках, краях, областях, автономных областях и автономных округах, городах Москва и Ленинград». Это были выходцы из демократического движения на местах, как правило, не имевшие никакого опыта государственной службы и выполнявшие функцию идеологического контроля на этапе тотальной смены советского аппарата власти на демократический. На том этапе не было никакой унификации этого нового для России института. Достаточно сказать, что в 1991–1992 гг. полпреды повсеместно назначались в края и областях, а в республики президентская власть не решалась назначать своих «наместников» вплоть до 1997 г. Для четырех республик Северного Кавказа был назначен один полпред. А в таких республиках, как Татарстан, Башкортостан и Якутия полпреды вообще не были назначены.

В 1993 г., после принятия новой российской Конституции, куда было внесено понятие о субъектах федерации, полпреды стали называться «полномочными представителями президента в субъектах федерации». А начиная с 1997 г. их стали именовать полпредами в регионах. При этом назначались на эту должность уже не демократы первой волны, а все чаще люди, имевшие опыт управления. Это диктовалось необходимостью контроля за проведением экономических реформ. Но и тут все еще не было общих правил игры. Так, в Нижнем Новгороде функции губернатора и функции полпреда президента совмещал один человек – Б.Е. Немцов. То же самое было и в Москве, где мэром и одновременно полпредом был Г.Х. Попов. В этих случаях говорить о каком бы то ни было контроле не приходилось. Политическая и экономическая ситуация в регионах была разная. Так, в Чеченской республике, находившейся в те годы в состоянии вооруженного конфликта с федеральным центром, невозможно было обойтись без фигуры полномочного представителя президента, притом – человека именно из федерального центра и облеченного достаточно большими полномочиями. В 1994–1999 гг. функции полпреда в Чечне последовательно выполняли люди, одновременно занимавшие высокие посты в федеральных органах власти: министр по делам национальностей Н.Д. Егоров, вице-премьер

правления О.Н. Сосковец, секретари Совета безопасности РФ О.И. Лобов, А.И. Лебедь, И.П. Рыбкин.

В годы президентства Б.Н. Ельцина его наместники в регионах часто менялись, конфликтовали с губернаторами, чьи функции им приходилось фактически дублировать, не имея для этого реальных рычагов влияния. К концу 1990-х стало очевидно, что этот институт надо или серьезно реформировать, или упразднить как избыточную структуру в пирамиде власти.

Принципиально иной подход был предложен новым Президентом России В. В. Путиным. Указом от 13 мая 2000 г. в стране были созданы семь федеральных округов: Центральный, Северо-Западный, Приволжский, Южный, Уральский, Сибирский и Дальневосточный. Соответственно вместо 87 полпредов стало 7. Позже, во время президентства Д.А. Медведева, из Южного был выделен Северо-Кавказский округ, куда вошли республики Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Северная Осетия-Алания, Чеченская республика и Ставропольский край. В 2014 г. был образован Крымский федеральный округ. Однако уже в 2016 г. Республика Крым и город федерального значения Севастополь были присоединены к Южному федеральному округу. Таким образом, на сегодняшний день в России восемь федеральных округов.

Однако существование данного института до сих пор вызывает дискуссии в обществе. Зачем он нужен? Какие задачи и функции выполняет? Не изжил ли он себя за четверть века своей истории в новой России? Во-первых, сам институт федеральных округов не предусмотрен российской конституцией, существует в рамках президентского указного права, что в определенной степени ограничивает его легитимность, и, как видно из ретроспективного анализа, создавался он как инструмент антикризисного управления. Во-вторых, данный институт в своем развитии пережил несколько трансформаций, каждый раз принципиально менявших характер и смысл его деятельности. В-третьих, это наиболее закрытая, непрозрачная структура, что заставляет общество сомневаться в ее эффективности. Тем более что вопрос об упразднении данного института уже поднимался на довольно высоком уровне. Так, нынешний председатель Совета Федерации В. И. Матвиенко, сама в прошлом полномочный представитель президента в Северо-Западном федеральном округе (март – октябрь 2003 г.), выступая на заседании Госсовета в декабре 2011 г., заявила о том, что институт полномочных представителей президента «изжил себя» и может быть упразднен¹⁰². Этого, однако, не произошло.

Почему В. В. Путин не упразднил, а только реформировал институт полпредов президента? Можно задать и другие вопросы, например: почему большинство первых назначенцев В. В. Путина на должность полномочного представителя были выходцами из силовых структур: бывшие сотрудники КГБ/ФСБ Г.С. Полтавченко, В.В. Черкесов, армейские генералы А.В. Квашнин, В.Г. Казанцев и К.Б. Пуликовский, имевшие опыт руководства боевыми действиями в Чечне? Ответ очевиден: после «смуты» 1990-х необходимо было в

¹⁰² Валентина Матвиенко предложила упразднить полпредства // Газета Коммерсант. <https://www.kommersant.ru/doc/1846319>

определенном смысле выровнять положение дел в регионах, которые в те годы принимали местные законы, часто вступавшие в противоречие с Конституцией, не подчинялись федеральному центру и т. д. Для наведения единого порядка, унификации законов, выстраивания вертикали власти в роли полномочных представителей Президента нужны были люди не из местной обоймы, порой сидевшие в тех же зданиях, что и губернаторы, делившие с ними одну приемную и морально зависимые от них. Вот почему отдельным Указом Президента от 28 июля 2000 г. были определены не только города их пребывания: полпредство Южного федерального округа в Ростове-на-Дону, Приволжского – в Нижнем Новгороде, Сибирского – в Новосибирске и т. д., но и здания, предоставляемые для размещения полномочных представителей и сотрудников их аппаратов.

Нужны были известные в стране, авторитетные и влиятельные люди, имевшие серьезный опыт работы в кризисных условиях. А практика работы в силовых ведомствах позволяла более эффективно, порой жестко контролировать деятельность местных властей. Теперь полпреды считались сотрудниками Администрации президента, вошли в состав Совета безопасности РФ. И надо признать, что на этапе выстраивания жесткой вертикали власти институт полномочных представителей Президента в федеральных округах в основном справился со своей задачей. Сегодня это авторитетные представители высшей государственной власти на местах, без согласования с которыми не решаются ни кадровые, ни какие-то иные вопросы. Давно не слышно о конфликтах между полпредами Президента и губернаторами, случаях игнорирования их мнения.

Пройдя путь от противостояния к взаимодействию, от жесткого надзора к согласованному сотрудничеству, федеральная власть укрепила свое влияние на местах, что благотворно сказалось на стабильности государства в целом. В этом есть определенная заслуга института полпредства. Тем не менее, и сегодня не всем понятно, чем же конкретно занимаются в своих округах полпреды Президента. Согласно официальным документам их основными задачами являются:

- организация в соответствующем федеральном округе работы по реализации органами государственной власти основных направлений внутренней и внешней политики государства, определяемых Президентом Российской Федерации;
- организация контроля за исполнением в федеральном округе решений федеральных органов государственной власти;
- обеспечение реализации в федеральном округе кадровой политики Президента Российской Федерации;
- представление Президенту Российской Федерации регулярных докладов об обеспечении национальной безопасности в федеральном округе, а также о политическом, социальном и экономическом положении в федеральном округе, внесение Президенту Российской Федерации соответствующих предложений.

Главная же функция полпреда – обеспечение координации деятельности федеральных органов исполнительной власти в соответствующем федеральном округе. Для ее реализации у полномочного представителя Президента есть право беспрепятственного доступа в любые организации, находящиеся в пределах

вверенного ему федерального округа. Они взаимодействуют в этом плане с территориальными управлениями МВД и ФСБ, прокуратурой. Полпреды задействованы в коррупционных расследованиях в своих округах. Громкие коррупционные дела последних лет, фигурантами которых стал целый ряд губернаторов, были реализованы не без участия полномочных представителей Президента. Можно сказать, что сегодня они занимаются наблюдением за всем, что происходит во вверенных им регионах, анализом всех происходящих в них процессов. Очень важна роль полпредов в контроле за проведением выборов разного уровня.

Непосредственное обеспечение деятельности полпредов осуществляют подчиненные им федеральные инспекторы в краевых и областных центрах, столицах республик, крупных городах. Так, представительство президента в Северо-Западном федеральном округе находится в Санкт-Петербурге, а федеральные инспекторы этого округа есть в Архангельске, Вологде, Калининграде, Петрозаводске, Сыктывкаре, Мурманске, Пскове и других городах, образуя, таким образом, разветвленную сеть президентского представительства на местах. Федеральными инспекторами в границах округа руководит аппарат полномочного представителя, в состав которого входят, например, департамент по вопросам внутренней политики, департамент по реализации общественных проектов, департамент по вопросам государственной службы, кадров и государственных наград и т. д. Координацию деятельности самих полпредов осуществляет глава Администрации Президента Российской Федерации.

При всем этом институт полномочных представителей Президента в федеральных округах не является самостоятельным органом власти, а лишь ответвлением власти президентской. Выполняя контрольные, координационные, аналитические функции, согласовывая кадровые назначения, перестановки и отставки, участвуя в разработке экономических программ региона, полпреды сами не могут принимать решений, но могут рекомендовать решения, с одной стороны, – губернаторам, с другой – Президенту страны.

Нас особенно интересует взаимодействие полпредов Президента с силовыми ведомствами в регионах. Надо не забывать, что сами эти ведомства являются, по сути, полномочными представителями соответствующих федеральных органов. Так, Федеральная служба безопасности имеет свои управления в регионах, которые так и называются: Управление ФСБ по Краснодарскому краю... по Санкт-Петербургу... по республике Дагестан и т. д. То же и с другими силовыми федеральными службами (ФСО, ФСВНГ), которые, дислоцируясь в регионах, подчиняются не региональным властям, а Москве. Нам представляется, что это затрудняет взаимодействие полпредов в федеральных округах с соответствующими федеральными службами в регионах, хотя они и имеют право согласования кандидатур при назначении руководителей этих подразделений.

Что касается взаимодействия, то здесь прослеживается тенденция к созданию на региональном уровне координационных структур (коллегий) с участием территориальных подразделений федеральных силовых органов.

Сегодня в структуре аппаратов полномочных представителей Президента в большинстве федеральных округов функционируют координационные и совещательные органы, в том числе – по вопросам борьбы с терроризмом, обеспечения обороны и национальной безопасности.

Так, в Северо-Западном федеральном округе эти проблемы рассматриваются в Совете по вопросам безопасности, противодействию коррупции и экстремизму, основными задачами которого являются: оценка общественно-политической и социально-экономической ситуации в федеральном округе; выработка предложений и рекомендаций по устранению угроз национальной безопасности, повышению эффективности деятельности территориальных силовых органов и их взаимодействию с органами государственной власти. Там же действует Межведомственный совет по защите информации, который является консультационно-совещательным органом, также координирующим деятельность территориальных органов МВД, ФСБ и других, их взаимодействие с региональной властью, органами местного самоуправления в части реализации государственной политики по защите информации.

В Центральном федеральном округе действуют комиссия по информационной безопасности и коллегия по вопросам правоохранительной деятельности, обороны и безопасности. В Приволжском федеральном округе – координационный совет по защите информации и коллегия по вопросам безопасности. В Северо-Кавказском федеральном округе – межведомственная рабочая группа по защите информации и подготовке специалистов в области информационной безопасности, а также координационное совещание по вопросам безопасности, противодействия коррупции и обеспечения правопорядка. В Дальневосточном федеральном округе работают межведомственные комиссии по пограничной политике, информационной и общественной безопасности, укреплению законности и правопорядка.

А вот в структуре аппарата полномочного представителя Президента в Сибирском федеральном округе коллегияльных органов, связанных с проблемами безопасности, судя по всему, не существует¹⁰³. Отсутствует подобная информация и на официальных сайтах полномочных представителей Президента в Южном¹⁰⁴ и Уральском¹⁰⁵ федеральных округах.

Проанализировав положения о совещательно-коллегияльных органах по вопросам безопасности при аппаратах полномочных представителей Президента в федеральных округах, можно констатировать, что основными их задачами являются:

– анализ системности и комплексности применения политических, организационных, информационных, правовых и иных мер по обеспечению безопасности;

¹⁰³ Полномочный представитель Президента Российской Федерации в Сибирском федеральном округе [Электронный ресурс] // URL: <http://sfo.gov.ru/polpred/orgs>

¹⁰⁴ Полномочный представитель Президента Российской Федерации в Южном федеральном округе [Электронный ресурс] // URL: <http://ufo.gov.ru>

¹⁰⁵ Полномочный представитель Президента Российской Федерации в Уральском федеральном округе [Электронный ресурс] // URL: <http://uralfgo.gov.ru/polpred/orgs>

– анализ эффективности деятельности в федеральном округе правоохранительных и иных государственных органов, ведающих вопросами обороны и безопасности;

– мониторинг состояния военной безопасности, гражданской обороны и мобилизационной готовности, безопасности пограничного пространства;

– выработка рекомендаций и предложений по предотвращению угроз национальной безопасности на территории округа, укреплению законности и правопорядка, обеспечению защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства, противодействию преступности, охране общественного порядка и собственности.

Таким образом, институт полпредов взял на себя миссию анализа деятельности силовиков разных ведомств и организации коллективного обсуждения актуальных вопросов безопасности, выработки предложений и рекомендаций на этот счет.

Насколько это эффективно, если учесть, что при губернаторах действуют свои советы безопасности, также являющиеся, по сути, межведомственными коллегиями? Ведь получается, что советы и совещания при аппаратах полномочных представителей Президента, практически, дублируют их работу. А если учесть, что в них участвуют, скорее всего, не первые лица силовых ведомств, как в советах безопасности при губернаторах, а подчиненные им сотрудники, и сами эти советы и совещания никак не вписаны в структуру властных механизмов обеспечения безопасности государства, деятельность их превращается в пустую формальность, что не способствует ни работе самих силовых ведомств, ни советов при губернаторах.

Однако других более-менее легитимных механизмов и возможностей влияния чиновников полпредств и самих полпредов на решение вопросов обеспечения безопасности регионов, а тем более страны в целом, на данный момент просто не существует. И, видимо, именно поэтому некоторые исследователи даже не включают полпредов в состав субъектов обеспечения военной безопасности Российской Федерации [5]. Тем не менее, институт полпредов продолжает функционировать и по-своему реагировать на вызовы времени. И сегодня, когда идет ротация в губернаторском корпусе, и на должности руководителей регионов приходят новые люди, опытные полпреды могли бы сыграть роль не надзирателей, но наставников, помочь в анализе ситуации в регионе, поиске оптимальных решений возникающих проблем, в том числе в сфере обеспечения спокойствия и стабильности в регионах, особенно по периметру границ России, где сегодня особенно много угроз национальной безопасности нашей страны.

Кроме того, целесообразно было бы перенести акцент в проведении мероприятий по усилению антитеррористической защищенности, информационной, экологической и даже экономической безопасности с глав субъектов Российской Федерации на полномочных представителей Президента в федеральных округах. Такой шаг мог бы освободить глав регионов от несвойственных им задач, для решения которых в составе создаваемых при них советов, как правило, нет соответствующих специалистов. Тем более что

структуры Вооруженных сил, Федеральной службы по техническому и экспортному контролю, в какой-то степени Федеральной службы безопасности и других силовых ведомств «привязаны» именно к округам, а не к субъектам.

В любом случае, очевидно, что институт полномочных представителей должен быть очень серьезно реформирован и интегрирован в прописанный в Конституции механизм управления государством и легитимизирован, в первую очередь, в качестве одного из субъектов властного механизма обеспечения военной безопасности государства.

Библиографический список

1. *Атаманов Г.А.* Методология безопасности [Электронный ресурс] // Фонд содействия научным исследованиям проблем безопасности «Наука-XXI», 2011. URL: <http://naukaxxi.ru/materials/302/>

2. *Волошко В.С.* Военная политика и проблемы обеспечения военной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://flot.com/publications/books/shelf/safety/9.htm>

3. *Ковалев А.А.* Властные механизмы обеспечения военной безопасности Российской Федерации: дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2015.

4. *Ковалев А.А.* Информационная политика и военная безопасность России в эпоху противостояния цивилизаций: теоретико-методологические аспекты проблемы: монография. СПб.: Коновалов А. М., 2016.

5. *Фатеев К.В.* Обеспечение военной безопасности Российской Федерации: теория и практика правового регулирования. М.: За права военнослужащих, 2005.

Оппозиция «Мир - Война» как явление гибридной политической реальности*

Издавна мир и война по своей сути являются противоположными категориями. Над сущностью войны, которая в человеческой истории выступает предельной формой социального и индивидуально насилия, размышлял еще Гомер в «Илиаде». Греки хватались за оружие не только при штурме городов и на поле битвы, но выхватывали мечи на пирах, в народных собраниях и, не особо задумываясь, убивали не только врагов, но и друзей и родственников. Впрочем, все это можно увидеть на страницах исторических эпосов всех цивилизованных народов. Жизнь людей всегда была полна насилия, крови, ненависти и слез. Как впоследствии будет с грустью говорить Ницше, все это – «человеческое, слишком человеческое».

* Шамахов В.А., Ковалев А.А. Оппозиция «Мир - Война» как явление гибридной политической реальности // Политика и Общество. – 2018. – № 7. – С.25-39.

Мир в самой простой дефиниции можно определить как свободу от организованного коллективного насилия или как «отсутствие войны». И наоборот, война, как правило, понимается либо «как организованное насилие для достижения политических целей», либо как «моральное или юридическое условие, определяющее допустимые пределы организованного насилия» [20]. Первое определение красной нитью проходит через труды Клаузевица, а второе в своих модифицированных формах кочует в современную эпоху из одного научного или справочного издания в другое.

И все же, одним из основополагающих принципов современных исследований состояния мира и вооруженных конфликтов состоит в том, чтобы отвергнуть эту дуальную «негативную» концепцию мира как просто «отсутствие войны», утверждая при этом позитивную концепцию мира, которая относится к консенсуальным ценностям и отражает состояние «интеграции человеческого общества» [14]. Как и состояние свободы, состояние мира можно определить не только негативно, от противного, но и позитивно, когда состояние мира необходимо для выживания и прогресса человечества.

Постоянное стремление к достижению мира можно подкрепить фразой «мир мирными средствами». Хотя по-прежнему существует концептуальная база, направленная на сохранение запрета на применение насилия, однако не вызывающий никаких возражений тезис «мир мирными средствами» сталкивается с вопросами о том, как, сколько и каким образом следует применять военную силу в современных вызовах истории, таких как гуманитарная интервенция, сложные чрезвычайные ситуации, стабилизация постконфликтного общества [18]. Идеологи горбачевской перестройки и вслед за ними журналисты подвергали осмеянию фразу Л.И. Брежнева, проходящую красной нитью через многие его выступления – «Лишь бы не было войны». Сейчас мы понимаем, что эта фраза была квинтэссенцией мировоззрения людей, прошедших через ужасы мировой бойни и стремившихся сделать все от них зависящее, дабы избежать возможного повторения страшного прошлого.

Сегодня у штурвалов государств и современных цивилизационных и политических союзов стоят люди, которые сами, как правило, не были свидетелями трагедии войны, а потому рассуждающие порой о возможном «ограниченном применении ядерного оружия», совершенно забывая о том, что любое такое применение неизбежно приведет к гибели всего человечества. А потому такие политики – чаще всего с диктаторскими наклонностями – грозят потенциальным противникам «зеркальными ответами» и новым всеильным оружием (порой существующим лишь в их воспаленном воображении). И это – самое страшное, на наш взгляд, явление в современной международной политике.

Современная война может возникнуть именно вследствие неразрешенных противоречий эпохи противостояния цивилизаций, о чем мы последовательно писали в ряде опубликованных нами ранее работ [5],[6]. Это будет глобальный цивилизационный конфликт, избежать которого нужно стремиться всеми доступными средствами международной политики. Опасность такого конфликта актуализировала проведение исследований проблем безопасности и самых разнообразных аспектов, связанных с этими проблемами, в том числе

гибридности войны и мира. Предлагаемая нами концепция противостояния цивилизаций может, в некотором роде, послужить заменой марксистской теории классовой борьбы именно потому, что человек как на индивидуальном, так и на социальном уровне привык иметь врага, с которым нужно вступить в схватку и которого нужно побеждать. Вся человеческая история свидетельствует об этом. И этот факт отнюдь не противоречит основным мировым религиям. Недаром Карл Шмитт в работе «Понятие политического» [7] отмечает, что часто цитируемая евангельская максима «любите врагов ваших», видимо, рассматривает потенциального соперника на сугубо частном уровне. Но в социальной плоскости враг есть «борющаяся совокупность людей, противостоящая точно такой же совокупности» [7].

В этой статье мы рассмотрим проблему гибридности на примере оппозиции «мир-война» и ее двойственной природы, преломляющейся в трудах выдающихся исследователей прошлого и современности. Данная цель поддается достижению последовательным решением следующих задач: 1) определить гибридность в ее политическом аспекте и ее связи с властью и цивилизационной идентичностью; 2) рассмотреть гибридные концепции войны в основополагающих для социальной философии и политологии текстах; 3) рассмотреть гибридные концепции мира в классических и современных трудах военных теоретиков; 4) изучить проблему динамики военных конфликтов и их возобновления.

Методология данной работы базируется на использовании историко-логического и конкретно-политологических методов (ситуационный анализ, инвент-анализ, метод экспертной оценки). Автор использовал методы общенаучного, сравнительного и сопоставительного анализа. В исследовании были использованы труды отечественных и зарубежных авторов, изучающих проблемы войны и мира и их дуальной природы.

Применительно к войне само англоязычное сочетание *hybrid warfare* чаще всего обозначает такие направленные на достижения решающей победы действия противника, которые связаны не с угрозой прямых военных действий, а с применением инструментария информационной войны. Гибридная или комбинированная война отражает сложную диалектику войны и мира в современную эпоху цивилизационного противостояния, когда грань между войной и состоянием мира очень зыбка и порой трудноопределима.

В рамках стратегических исследований по вопросам безопасности также ведется работа по расширению вопросов, стоящих на повестке дня в области международной безопасности, что открывает поле для дополнительной дискуссии о необходимости применения силы для реагирования на так называемые «нетрадиционные» угрозы в отношении деятельности негосударственных субъектов. Рассмотрение концепции гибридности помогает понять размытые границы между миром, войной и целым рядом проблем в современной мировой политике.

Пытаясь сформулировать различные понятия гибридности, мы проводим различие между описательным, предписывающим, аналитическим, нормативным и инструментальным пониманием гибридности [23]. В широком смысле, гибридность чаще всего характеризуют следующим образом: «возникающая из

процесса смешивания», или «интеграция двух или более систем, где целое больше, чем сумма его частей». Этимология самого термина коренится в латыни, где *hybris* – нарушение природы, с латинского причастие *hybrida* – смешанный, помесь. Например, говорят, что гибрид жеребца и ослицы – лошак, а лигр – результат скрещивания льва и тигрицы. Примечательно, что в современном обиходе этот термин приобрел более положительные оттенки (например, экологически чистый «гибридный автомобиль»). Положительное применение термина также имело многолетнее использование в ботанике или животноводстве.

Гибридность открывает пространство для распознавания того, как взаимодействия между категориями «война» и «мир» сами связаны с «динамикой власти, свободы воли и идентичности». Именно в феномене власти теснейшим образом сплетаются воля к войне и стремление к миру, ибо порой именно война становится средством решения внутренних проблем. Со времен античности удачными военными действиями политики укрепляют пошатнувшийся авторитет внутри страны. Сама практика гибридного взаимодействия постоянно пересматривается, и нам важно понять, какое место в этом процессе отводится деятельности человека, которая находится в предметно-объектных отношениях и проявляется через «кризисы идентичности или изменения отношений». Насилие и насильственная практика присуща всему процессу установления мирных отношений, и по нашему мнению, вопросы, касающиеся размытых границ между войной и миром, требуют дальнейшего рассмотрения. Поэтому обратимся к анализу гибридных концепций войны в трудах известных мыслителей, исследовавших диалектическую связь войны и мира и не являвшихся военными теоретиками: Аристотеля, Августина Блаженного и Иммануила Канта.

Еще великий Аристотель писал о войнах справедливых и несправедливых, причем в этой оценке все зависит именно от позиции оценивающего субъекта и его взглядов. Великий грек, ученик Платона и учитель великого полководца и создателя первой всемирной империи Александра Македонского, усматривал справедливость войны в обороне от врагов и в создании наилучшего правления над варварскими народами, которым цивилизованные греки несли культуру и свет знания.

Как и его учитель Платон, Стагирит различал строгие этические нормы войны по отношению к соседям-грекам (в случае гражданских войн наподобие Троянской или Пелопонесской) и более слабые нормы по отношению к варварам, в отношении которых можно переступить многие этические максимы. Такую смешанную политику можно назвать гибридной или же политикой двойных стандартов – суть дела от этого не изменится. По сути, любой политик, будучи человеком, гибриден, будучи неразрывным соединением добра и зла. Главное, что такая двойственная политика оправдывается относительностью самой истины (у каждого участника конфликта – своя правда), и имеет очень давнюю историю в социокультурной и политической практике человечества. Поэтому проблема войны и военной безопасности нередко решалась в зависимости от господствовавшей в ту или иную эпоху формы идеологии, а та, в свою очередь, зависела от совокупности конкретных этических воззрений. Неоднозначное

понимание добра и зла, блага и вреда не могло отразиться на трактовках проблем войны и мира. Эти концепции были порой совершенно противоположными у различных мыслителей.

В христианскую эпоху Августин Блаженный считается основоположником теории справедливой войны, он также внес существенный вклад в концепцию «*jus post bellum*» (право после войны) и был сторонником всеобщего мира, понимаемого как «гармоническое взаимодействие людей друг с другом». Заслуживает в этой связи недавнее исследование «Августин о войне и мире», написанное Андреем Цвиттером и Михаэлем Хельцлем [35]. Центральным направлением работы Августина было понимание условий, в которых христиане могли выдержать свое существование в Граде Земном (Человеческом) таким образом, чтобы подготовить их к восхождению в Град Небесный (Божий). Это означало стремление к жизни, которая была моральной и справедливой, даже когда они участвовали в вооруженной борьбе. С его теологической точки зрения мир был полон раздоров и разочарований. Даже в условиях относительного мира Августин предупреждал об опасности греха и политического маневрирования: «каждый человек стремится к миру, ведя войну, но никто не стремится к войне, заключая мир». Также Августин утверждал: «даже те, кто намеренно прерывают мир, в котором они живут, не имеют ненависти к миру, а только хотят, чтобы он превратился в мир, который подходит им лучше» [8].

Понимание того обстоятельства, что война ведется ради мира, иллюстрирует вид концептуальной гибридности, но замечания Августина о свободе воли и интереса в мире, это – политический экскурс, демонстрирующий тот факт, как он может быть понят в контексте современного гибридного анализа конфликтов.

Современные теоретики справедливой войны, такие как Майкл Уолцер, вспомнили и пересмотрели «*jus post bellum*» Августина, чтобы напомнить военным руководителям о тех моральных обязательствах, которые приходят с переходным периодом от войны к миру [34]. Джон Ролз в своем «Законе народов» также настаивает на том, что в конце войны «вражескому обществу должен быть предоставлен автономный хорошо упорядоченный режим» [26]. Более того, он признал, что государственные деятели должны принимать во внимание то, как согласие и недовольство войной могут вызвать негодование в принимающем сообществе: то, как ведется война, и то, что делается для ее прекращения, живет в исторической памяти общества и способно или же не способно создать почву для будущей войны.

Обратимся к Иммануилу Канту, величайшему мыслителю, размышлявшему о возможности всеобщего мира, и посмотрим, что он думал о войне. Кант наиболее известен в современных исследованиях по вопросам мира, ибо этот основоположник немецкого идеализма утверждал, что мир следует понимать не просто как «отсутствие войны», а как позитивную концептуальную категорию. В трактате «К вечному миру» он развивал философское обоснование демократического мира и космополитического миропорядка. Хотя сам Кант полагал, что причины всех войн лежат в изначальной порочности, присущей человечеству в целом, но в этой работе немецкий философ весьма радушно и с

надеждой на лучшее будущее отстаивал идею международного соглашения, иначе человечеству суждено погибнуть. Кант начинает свой трактат риторическим вопросом: «К кому обращена эта сатирическая надпись на вывеске одного голландского трактира рядом с изображенным на вывеске кладбищем? Вообще ли к людям или, в частности, к главам государств, которые никогда не могут пресытиться войной, или, быть может, только к философам, которым снится этот сладкий сон?» [2]. И в современную эпоху цивилизационного противостояния и возможных цивилизационных конфликтов, действительно, возможны лишь два пути, предсказанные еще Кантом: или справедливый международный договор, призванный устранить причины войн в будущем, или гигантское всемирное кладбище.

Кант считал, что практическая работа по установлению мира на земле возможна, необходима и отнюдь не утопична. Именно поэтому своему трактату он придал форму договора, не без иронии подражая стилю дипломатических документов. Отсюда в его трактате мы видим сначала прелиминарные статьи, затем окончательные, а завершает трактат тайная статья. Такая структура договоров неоднократно использовалась в практике международных отношений.

Кант предусматривал отмену постоянных армий. Даже в такой глубоко «категоричной» работе, как нам кажется, есть признаки гибридности. В «Первой предварительной статье» его гипотетического договора говорится о том, что «никакой мирный договор не действителен, если он был составлен с ментальными оговорками, которые могут привести к будущей войне» [2].

П.А. Горохов и Е.Р. Южанинова пишут: «Время, в которое был написан трактат, – эпоха Великой французской революции, в ходе которой было загублено огромное количество человеческих жизней. Война стала актуальной, а не только потенциальной темой размышлений философов. Происходящие в Европе события имели для Канта особое значение, он все чаще задумывался о политике и возможности для человечества длительного мира. Именно на Базельский мир, положивший конец войне между Пруссией и Францией, философ отреагировал знаменитым трактатом, в котором довольно органично сплелись теоретическая основательность и политическая злободневность» [1].

Если вдуматься в «ментальные оговорки» Канта, то они показывают исследователям, как формальный процесс установления мира сам по себе может стать потенциальной причиной будущей войны. В современную эпоху нужно только вспомнить о геополитических разрывах и обидах, закодированных в знаменитом Версальском (1918), Арушском (1993) или Дейтонском (1995) мирных договорах, чтобы увидеть, как формальные договорные структуры, призванные служить разрешению конфликтов, могут, по крайней мере, частично быть использованы для начала следующей волны насилия. Большинство историков единогласны в том, что именно грабительский для Германии Версальский мирный договор и нерешенные в нем проблемы привели через 20 лет ко Второй мировой войне.

П.А. Горохов и Е.Р. Южанинова отмечают: «Сегодня, в начале III тысячелетия, ясно, что многие мысли в трактате Канта актуальны и трудно опровержимы до сих пор. Война является прямым нарушением нравственной

оценки человека как самоцели. Но к исчезновению войн не приведут ни пресловутое «равновесие» вооружений, ни создание некоего «всемирного государства». Поэтому в нашу эпоху стоит прислушаться к совету Канта, который видел путь к действительно прочному миру между народами на Земле именно в создании таких «легальных» условий, которые объективно привели бы к организации «федерации» всех народов Земли, сохраняющих внутри нее свою свободу и политическую самостоятельность. Кант размышлял о союзе народов, который, однако, не должен быть государством народов» [1].

Брайан Оренд недавно применил космополитическую структуру Канта к вопросу о возможности воссоздания справедливости после завершения конфликта и пришел к ряду выводов, которые, по его мнению, должны быть мирно направлены на переход от войны к миру [21]. Эти выводы он сформулировал в виде принципов, коими являются: пропорциональность и гласность; защита прав людей; дискриминация вражеской идеологии; наказание лидеров противника и солдат враждебной армии; компенсация; реабилитация.

Роджер Скрутон в работе «Иммануил Кант и война в Ираке» утверждал, что «кантианские условия подходят» для «цивилизованного мира», чтобы «принять превентивные меры» в войне в Ираке [29]. Скрутон заявил, что Ирак был «списанием со счетов», потому что либеральные принципы там не могли и, возможно, никогда не укрепятся. Он утверждал, что иракская война 2003 года потерпела неудачу, потому что она была инициирована с опорой на два фундаментально наивных предположения: во-первых, что демократия является позицией по умолчанию в политике, и, во-вторых, что вы можете достичь демократии даже там, где нет подлинного национального государства [30].

Динамика власти, легитимности и идентичности раскрывается в этом гибридном прочтении нравственной философии Канта. Неспособность применить моральную философию в официальных мирных переговорах может стать причиной будущей войны и организованного насилия. Стоит подчеркнуть, что зачастую отношения между государствами в период перехода от войны к миру являются наиболее сложными и неустойчивыми. Космополитизм философии Канта можно обвинить в навязывании этноцентристских «цивилизованных» либеральных идей, к коим, например, относится пересмотр культурной идентичности в период трансформации конфликтов.

Приведенный выше анализ привел нас к любопытному выводу. После мирного урегулирования условия войны по умолчанию на космополитическом «международном» уровне заключаются в игнорировании или невыполнении основных либеральных принципов. Но различные «ментальные оговорки», как нам представляется, несут наибольшую ответственность за вечный конфликт. Неспособность сформировать национальную идентичность лежит в основе наивных, но от этого не менее кровопролитных либеральных интервенций, когда Запад пытается установить демократию – феномен европейской цивилизации – даже там, где она противопоказана. Навязывание извне либеральных принудительных проектов «национального строительства» являются главным объектом критики в различной литературе по воссозданию мира после военных конфликтов.

Обратимся к рассмотрению проблемы мира и войны в трудах выдающихся военных теоретиков. Обозревая основополагающие важнейшие тексты, посвященные рассмотрению феномена войны, мы можем начать с труда «Левиафан» Томаса Гоббса. Гоббс должен рассматриваться как выдающийся теоретик состояния природы, являющегося условием войны всех против всех. Эта идея философии Гоббса состоит в том, что состояние человека определяется беспокойным желанием власти, присутствующим во всех людях, и одновременно состоянием страха, которое это желание создает в других. По мнению Гоббса, цель Содружества, то есть создания государства, состоит в том, чтобы успокоить эти страхи среди своих граждан. Люди отдают часть своих исконных свобод создаваемому государству, дабы оно заботилось о них и препятствовало врожденной человеческой агрессии и склонности к самоуничтожению.

Несмотря на то, что Гоббс писал на фоне затяжной гражданской войны, его понятие «войны всех против всех», то есть каждого человека против другого человека было гипотетическим и, что наиболее интригующе, понималось как извечное состояние души. На Содружество людей возложена ответственность за обеспечение нормальных условий мира во все другие времена, и, как представляется, Гоббс также понимал, что процесс восстановления Содружества требует сложных переговоров о власти, законности и самобытности. Центральное место в этой задаче занимала способность государства управлять историческим преданием о владении и принадлежности. В этой связи его размышления, относящиеся к распаду общих богатств, необычайно прозорливы и актуальны для современного постконфликтного анализа.

Приведенное выше изложение видения Гоббсом окружающего мира может показаться для некоторых очевидным (хотя эта очевидность лишь подтверждает то, насколько мысли Гоббса вошли в плоть и кровь европейской культуры). Возникающее порой пренебрежение его теорией, посвященной рассмотрению мирного состояния нормальной политической жизни, означает лишь, что исследователи также склонны игнорировать другие нюансы в его философии, которые привлекли значительное заинтересованное внимание в новых теориях, посвященных международной политике.

Уильям Бейн в «Импери безопасности» [9] напомнил своим читателям, что Гоббс создал одну из самых кратких и уместных концепций безопасности, когда он заявил о том, что «безопасность народа является высшим законом» [16]. Бейн объяснил, что термин «безопасность» имеет критическое и современное значение и должен быть отличен от более грубых понятий простого выживания. Более интересно для поиска гибридной безопасности то, что Гоббс воспринимает «людей» как «не одного гражданского человека, а именно Город, которым он управляет, но и множество предметов, которые управляются» [16]. Отчасти Гоббс отличает граждан от своего представления о Левиафане как воплощенном политическом акторе. Но вышеупомянутое утверждение может также относиться к более широкому смыслу «людей», который включает всех тех, кто проживает под эгидой Содружества.

Еще одна крупная работа, посвященная переосмыслению наследия Гоббса, утверждает, что постоянное искажение взглядов Гоббса привело к значительному

искажению понимания международных отношений. Переоценка Гоббса является необходимым шагом для того, чтобы помочь международным отношениям преодолеть грубые представления о государственном центризме. Международную теорию можно понимать как поле политики, а не просто как исследование межгосударственного столкновения национальных интересов в балансе сил. Гоббс осознанно подчеркивает тесную связь между суверенитетом и тем, что мы сейчас называем политикой. Он устанавливает свою концепцию суверенитета – величайшее достижение человеческой мысли – именно как решение политических проблем [24].

Недавние переосмысления наследия Гоббса дают возможность по-новому взглянуть на эту чрезвычайно влиятельную работу. Один из аспектов, который должен быть подтвержден при рассмотрении Гоббса как теоретика, выступающего за «безопасность людей», заключается в том, что он писал в условиях перманентного политического насилия. Гоббс, проживший почти 92 года, был свидетелем бурных событий в европейской истории, а жизнь его была полна взлетов и падений, связанных с реалиями европейской политики. Он пережил казнь Карла Первого, протекторат Кромвеля и реставрацию монархии, которая навсегда потеряла шансы на увеличение самовласти.

События Английской буржуазной революции многие старались забыть, так же как и в наши дни не очень любят вспоминать тоталитарные ужасы XX века. Это, возможно, является основным симптомом западной либеральной философии, согласно которой «современный либерализм начинается с забвения английской революции» [13]. Стремление Гоббса найти решение проблемы человеческой природы, как он ее видел, было судьбоносным именно для понимания динамики власти, принадлежности и идентичности в бурный период гражданской войны и трансформации постконфликтного периода.

На первый взгляд может показаться амбициозным или, по меньшей мере странным, поиск теории мира в оригинальной работе Карла фон Клаузевица «О войне» [3]. Ведь вся современная теория войны берёт свое начало в этой знаменитой книге, созданной в 1832–1837 годах. В этой ставшей классической работе автор размышляет над событиями наполеоновских войн, порожденных кровавой Великой Французской революцией. По Клаузевицу, война является рационально организованным инструментом национальной политики. Клаузевиц генетически связал войну и политику: «...Война есть не что иное, как продолжение политических отношений с применением иных средств» [3].

Логика Клаузевица неопровержима: именно конкретная политика определенных стран или государственных союзов порождает войну, а не наоборот. В наши дни, на наш взгляд, можно говорить о цивилизациях и цивилизационных образованиях. Ведь то правительство, которое довело дело до объявления войны, осуществляло определенную политику до начала военных действий. Эта политика служила удовлетворению собственных эгоистических интересов, и в том случае, если она не принесла желаемых результатов, то тогда власть закономерно переходит к другой форме политики, то есть войне. И главной целью войны является сокрушение вражеской политики военными средствами, что часто приводит к гибели вражеской государственности со всеми

вытекающими отсюда последствиями. Отсюда «война есть акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю» [3].

В дополнение к самым известным афоризмам Клаузевица, можно добавить следующее: «Обеспечение мира – это подготовка к войне». Б.Г. Лиддел Гарт, английский военный историк и теоретик, обвинил Клаузевица в том, что он сделал политику рабом стратегии и при этом «смотрел только на конец войны, а не за войну на последующий мир» [4].

Совсем недавно Гидеон Роуз высказал иное мнение, возможно, не о самом Клаузевице, а о том, что его классическая работа может сообщить нам о сути переходных периодов во всемирной истории. В труде «Когда заканчиваются войны», Роуз, анализируя документы, подтвердил неспособность всех последовательно сменявших друг друга администраций Соединенных Штатов удовлетворительно и без дальнейших последствий завершить шесть войн, происходивших в двадцатом столетии и в начале XXI века [28]. Центральным местом в его понимании является фактор, который он называет «клаузевианским вызовом»: у войн действительно есть два одинаково важных аспекта. Один из них носит отрицательный или принудительный характер; это – военная борьба и кровопролитие. Другой аспект – позитивный, и это – политика.

Обычно отмечается, что стратегические неудачи часто объясняются тем, что командиры все еще пытаются «вести последнюю войну». Гидеон Роуз продемонстрировал, что последовательно сменявшие друг друга руководители США не смогли добиться последнего мира. Клаузевиц продолжает оказывать огромное влияние на современные военные исследования. Современные теоретики войны признают, что, хотя характер войны всегда будет восприимчив к возможным изменениям со всеми политическими, экономическими, социальными и технологическими сдвигами, существенный характер войны как насильственного, инструментального и политического феномена исторической трагедии остается неизменным [31]. Даже в этом традиционалистском способе военных исследований мы можем различать глубоко конститутивные, динамичные и гибридные договоренности о взаимосвязи между войной и политической легитимностью. Например, постколониальные теоретики Тарак Баркави и Шейн Брайтон призывают к достойной войне, описывая ее следующим образом: меняющийся характер войны касается отношений между трансформацией политик и обществ через войну и последствиями этих преобразований на самой войне ... война нарушает знания (и тем самым порождает потребность в новых знаниях) и как этот процесс разрушения и дальнейшей генерации имеет непосредственное влияние на политическую власть [10].

Более радикальные ученые также вернулись к военным исследованиям, чтобы вернуться на твердую почву классической традиционной науки, особенно преуспев в использовании укорененного в традициях и глубоко социального опыта. Кристин Сильвестр, тем не менее, настаивает на том, что войну следует рассматривать с критической точки зрения, потому что «война не может быть полностью воспринята, если она не изучена из физического, эмоционального и социального опыта людей, а не только по сравнению с «высокой политикой» [32].

Используя неизменное понятие войны Клаузевица как «продолжение политики», мы считаем, что известный военный теоретик обеспечил одно из самых прочных представлений о возможностях мира. Карл Клаузевиц писал, что война «представляет собой странную троицу, составленную из насилия (как первоначального своего элемента), ненависти и вражды, которые следует рассматривать как слепой природный инстинкт; из игры вероятностей и случая, что делает ее свободной душевной деятельностью; из подчиненности ее в качестве орудия политике, благодаря чему она подчиняется простому рассудку» [3].

Клаузевиц напоминает нам о том, что неспособность политиков размышлять о последствиях восстановления политических сообществ на основе плюрализма может привести к повторному конфликту. Современные военные исследования распространяют это понятие политики другими способами на эпистемологические и социальные трактовки войны и мира. «Экспериментальный поворот» в международных отношениях обосновал свои взгляды на традиционный интеллектуальный ландшафт военных исследований именно потому, что он стремится выявить эмоциональный и воплощенный опыт людей, особенно тех, кто наиболее серьезно затронут практикой современной войны.

Обратимся к проблеме динамики конфликтов и возможности их возобновления. Вышеизложенные размышления о философских аргументах свидетельствуют о том, что категории «война» и «мир» всегда были оцениваемы критически и что понятия «гибридизма» достаточно заметны в известных формулировках, таких как предостережение Августина о «вторжении в мир» или «молчаливых условиях» войны Канта. Гибридность поощряет обращение к динамике власти, легитимности и идентичности в обществах, затронутых конфликтами. В то время как Клаузевиц утверждал, что война является продолжением политики другими способами, гибридные подходы к миру перестраиваются таким образом, что его афоризм показывает, как пространство между войной и миром также неотъемлемо привязано к «политическому».

Текущие эмпирические исследования тенденций вооруженного конфликта также свидетельствуют о том, что преобладающей тенденцией за последнее десятилетие являлся, прежде всего, высокий уровень повторения вооруженных конфликтов. По информации Упсальской программы (проект о сбору данных об организованном насилии, размещенный в университете Упсалы в Швеции), доминирующая тенденция за последние несколько десятилетий заключалась в том, что большинство конфликтов не новы, а повторяются [15]. Иными словами, эмпирические свидетельства повторения конфликта показывают, что войны являются не только продолжением политики другими способами, но и имеют тенденцию возникать именно потому, что мирные процессы регулярно заходят в тупик, приостанавливаются и часто обращаются в свою противоположность.

Анализ этих данных с помощью объективации гибридации побуждает нас более скептически относиться к современным политическим возможностям разрешения конфликтов и управлению ими.

Теория трансформации конфликта рассматривала идею негативных преобразований, понимаемых как потенциально насильственные результаты мирного урегулирования, военного урегулирования или процессов управления [25]. Понятия о критическом реализме или то, что мы могли бы назвать стратегическим пониманием мира, также оспаривали жесткую категориальную двойственность между войной и миром [22]. Ученые в области теории мирного сосуществования и восстановления мира также изучили понятия негативной и позитивной гибридности и показали, как они порождают значительные дилеммы [27]. Эмпирически это интеллектуальное движение в гибридном мире поощряет больше исследований с точки зрения локализованных людей, оказавшихся втянутыми в повседневные проблемы трансформации.

Мак Гинти и Оливер Ричмонд отмечают, что принятые международные мирные соглашения терпят неудачу, поскольку они не связаны с «местными» реалиями: попытки заключить мирные соглашения по всему миру обычно обсуждаются в цивилизационных зонах Запада (географически на Западе или в «зеленой зоне» в самой среде конфликта), в соответствии с рациональными предпочтениями Североатлантического блока. Правда, порой привлекаются несколько представителей местных элит, которые выдвигают весьма спорное требование представлять местных избирателей, то есть стремятся быть «гласом народа» [19].

Для того чтобы понять эмоциональную и социальную динамику повторения конфликтов, проводятся качественные исследования. Они задокументировали чувства глубокого разочарования и обиды, что позволило глубже понять дилеммы произошедшей трансформации [12]. В результате этого анализа возникают концептуально новые аргументы. Одним из примеров является работа Мэри Калдор «Безопасность человека: Новая стратегическая концепция для Европы», которая зафиксировала «рябь дискомфорта в установленных институтах, бросая вызов доминирующим формам мышления и тревожным нормальным предположениям о том, как делается политика». Недавний комментарий Мэри Калдор о личности и войне также привел к резкому выводу о «сектантской» идентичности. Сектантская идентичность – результат войны, а не глубоко укоренившееся наследие прошлого, которое может привести к войне, хотя такая идентичность основывается на выборочной памяти и особой культуре. Смысл этого вывода заключается в том, что войну следует толковать не как внешнее противостояние воли двух сторон, а как одностороннюю и/или параллельную попытку создать одномерную политическую идентичность в качестве основы для власти. Власть, производная от такой идентичности, скорее всего, будет авторитарной и репрессивной [17].

Эмпирические исследования развертывания понятия гибридного мира часто сильно сосредоточены на оперативном и ведомственном уровне. Как выразился Оливер Ричмонд, гибридный мир относится к «политике миротворчества, динамике власти и самобытности» [27]. Это привело к важным исследованиям, которые бросили вызов эффективности миротворческих операций. Эти работы стремились к пониманию трансформации конфликтов с нуля. Исследования такого рода преследовали цель, ориентированную на будущее, и стремились

решать проблемы, связанные с легитимностью переговоров в стрессовых условиях реформирования политического сообщества. Как отметили Анна Браун и Алекс Гусмао, установление мира работает в направлении восстановления или воссоздания политического сообщества в самом фундаментальном и инклюзивном смысле перед лицом исторического наследия или текущей реальности насильственного конфликта [12].

Попытка осмыслить взаимосвязь между международными идеями, повестками дня и практикой и различными формами местного реагирования, сопротивления и переосмысления является важной эмпирической задачей для аналитиков гибридности в постконфликтных обществах. Нормативные предположения о «восстановлении» нуждаются в тщательном изучении, поскольку они могут обеспечить политическую поддержку условий, вызвавших более ранние конфликты. Поскольку проблема повторения конфликтов по-прежнему приводит к выработке политики на глобальном уровне, более тщательное рассмотрение и диалог с более широким кругом местных политических субъектов должны быть более успешными [11]. Действительно, как показали Калдор и другие исследователи и теоретики, международное сообщество должно все в большей степени беспокоиться о местной практике сопротивления, особенно тех, которые, как считается, представляют собой серьезную угрозу глобальной безопасности. И все же большая опасность возникновения новых военных конфликтов состоит именно в наличии целого комплекса нерешенных проблем и неразрешенных противоречий, которые сохранились и устранить которые оказались не в силах прежние мирные соглашения, оказавшиеся несовершенными или зачастую недееспособными.

Подведем основные итоги этой статьи. Категории «мир» и «война» являются тесно связанными, переходящими друг в друга явлениями политической реальности, обладающей гибридной природой, несущей в себе, как и любое явление социальной реальности, черты добра и зла, созидания и деструкции. Мыслители прошлого и современности размышляли и пришли к весомым и не потерявшим значимость выводам о природе войны, равно как военные теоретики оставили после себя немало ценных наблюдений о природе мирного существования. В эпоху цивилизационного противостояния и возможных цивилизационных конфликтов граница между состояниями мира и войны становится зыбкой, в том числе и вследствие обострения нерешенных в прошлом геополитических и социокультурных проблем.

Проекты установления мира не просто связаны с урегулированием или восстановлением прежних отношений власти. Они также крайне важны для более динамичной созидательной практики, такой как воссоздание разрушенного социального и политического бытия и многое другое. Для того чтобы «нормальная» политическая жизнь вернулась, необходимо принимать решения для поддержки повседневной жизни. Постконфликтные общества в этом смысле сложны. Политические решения должны также затрагивать вопросы возможностей и равенства. В политическом пространстве необходимо управлять воспринимаемыми или реальными предрассудками, обидами и правами. Многие

из этих решений происходят отнюдь не на уровне правительства, но на уровне индивидуального бытия.

Исследователи постконфликтных обществ искали новый терминологический лексикон, чтобы понять эти сложные переходные формы политической и общественной жизни. Гибридный анализ проводится в отношении этих альтернативных историй управления и, вероятно, будет критически отходить от нисходящих, статических, линейных структур, часто приписываемых «международным» институтам или «государственной» точке зрения.

Вопросы легитимности становятся все более важными и острыми в постконфликтных обществах, потому что политическая жизнь трансформируется. Постконфликтный сценарий является бурным не только потому, что эта деятельность охватывает государственное строительство, но и, самое главное, национальное строительство. Конфликт может возродиться, поскольку вопросы власти, свободы воли и самобытности остаются нерешенными.

В качестве концептуального или эвристического инструмента гибридизация позволяет аналитикам переписывать категории «мир» и «война», чтобы выявить нюансы и совпадающие понимания. Мир и войну как состояния политической реальности порой трудно определить во времена цивилизационного противостояния, но они не статичны и, возможно, их не следует понимать как чисто категорические противоположности. Даже краткий обзор существующих концепций показывает, что категории «мир» и «война» существуют в континууме, который концептуально привязан к политической и социокультурной реальности.

Библиографический список

1. *Горохов П.А., Южанинова Е.Р.* Трактат Иммануила Канта «К вечному миру»: возможность реализации проекта // Теория и практика общественного развития. 2015. № 11. С. 188-190.
2. *Кант И.* Собрание сочинений в 8 томах. Том 7. М., 1994. 495 с.
3. *Клаузевиц К.* О войне. Т. 1. М.: Terra Fantastica, АСТ, 2002. 560 с.
4. *Лиддел Гарт Б.Г.* Энциклопедия военного искусства. М, СПб: АСТ, Терра Фантастика, 1999. 649 с.
5. *Шамахов В.А., Ковалев А.А.* Властные механизмы обеспечения военной безопасности Российской Федерации в эпоху противостояния цивилизаций. М.:РИОР, 2018. 256 с.
6. *Шамахов В.А., Ковалев А.А.* Военная безопасность России и информационная политика страны в эпоху конфликтного противостояния цивилизаций. М.:РИОР, 2019. 184 с.
7. *Шмитт К.* Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 37-67.
8. Augustine of Hippo. City of God: De Civitate Dei contra Paganos. limovia.net, 2013. 808 p.

9. *Bain W.* The Empire of Security and the Safety of the People. Routledge, 2006. 236 p.
10. *Barkawi T., Brighton S.* Conclusion: Absent war studies? War, knowledge and critique // The changing character of war. Oxford University Press, Oxford, 2011. pp. 524-542.
11. *Boege V.* Vying for legitimacy in post-conflict situations: the Bougainville case// [Электронный ресурс] URL: https://www.researchgate.net/publication/271673808_Vying_for_legitimacy_in_post-conflict_situations_the_Bougainville_case
12. *Brown.A., Gusmao A.* Peacebuilding and Political Hybridity in East Timor // Peace Review. 2009. Vol. 21, No.1. pp. 61-69.
13. *Feltham O.* Anatomy of Failure. Bloomsbury Academic, 2013. 304 p.
14. *Galtung J.* A Synthetic Approach to Peace Thinking // [Электронный ресурс] URL: https://www.transcend.org/files/Galtung_Book_unpub_Theories_of_Peace_-_A_Synthetic_Approach_to_Peace_Thinking_1967.pdf
15. *Gates S., Mokleiv H., Trappeniers E.* Conflict Recurrence // [Электронный ресурс] URL: <https://www.prio.org/utility/DownloadFile.aspx?id=9&type=publicationfile>
16. *Hobbes T.* On the Citizen. Cambridge University Press, 1998. 266 p.
17. *Kaldor M., Martin M., Selchow S.* Human Security: A New Strategic Narrative for Europe // International Affairs. 2007. Vol. 83, No. 2. pp. 273-288.
18. *Lawler P.* Peace Research, War, and the Problem of Focus // Peace Review. 2002. Vol. 14, No.1. pp. 7-14.
19. *Mac Ginty R., Richmond O.* The local turn in peace building: a critical agenda for peace // Third World Quarterly. 2013. Vol. 34, No.5. pp. 763–783.
20. *Metz S., Cuccia P.* Defining War for the 21st Century / 2010 SSI Annual Strategy Conference Report // [Электронный ресурс] URL: https://www.globalsecurity.org/military/library/report/2011/ssi_metz-cuccia.p
21. *Orend B.* Justice after war // Ethics and International Affairs. 2002. Vol. 16, No. 1. 43–56
22. *Piiparinen T.* The Transformation of UN Conflict Management. Routledge, 2010. 227 p.
23. *Prabhu A.* Hybridity: Limits, Transformations, Prospects. The State University of New York Press, 2012. 204 p.
24. *Prokhovnik R., Slomp G.* International Political Theory after Hobbes. Palgrave Macmillan UK, 2011. 216 p.
25. *Ramsbotham O., Miall H., Woodhouse T.* Contemporary Conflict Resolution. Polity press, 2011. 507
26. *Rawls J.* The Law of Peoples. Harvard University Press, 2000. 207 p.
27. *Richmond O.P.* The Dilemmas of a Hybrid Peace // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.e-ir.info/2012/12/23/the-dilemmas-of-a-hybrid-peace>
28. *Rose G.* How Wars End. NY. Simon & Schuster, 2010. 432 p.
29. *Scruton R.* Immanuel Kant and the Iraq war // [Электронный ресурс] URL: https://www.opendemocracy.net/faith-iraqwarphilosophy/article_1749.jsp

30. Scruton R. Why Iraq is a Write-Off // [Электронный ресурс] URL: <https://www.forbes.com/sites/rogerscruton/2014/06/23/why-iraq-is-a-write-off/#4257e1744c1d>

31. *Strachan H., Scheipers S.* The Changing Character of War. Oxford University Press, 2014. 576 p.

32. *Sylvester C.* War as Experience: Contributions from International Relations and Feminist Analysis. Routledge, 2013. 150 p.

33. *Wallis J.* A liberal-local hybrid peace project in action? The increasing engagement between the local and liberal in Timor-Leste // Review of International Studies. 2012. Vol. 38, pp. 735-761.

34. *Walzer M.* Arguing about War. Yale University Press, 2005. 208 p.

35. *Zwitter A., Hoelzl M.* Augustine on War and Peace // Peace Review. 2014. Vol. 26, No. 3. pp. 317-324

Политика двойных стандартов как угроза национальной безопасности Российской Федерации*

В современной международной политике часто принято выдвигать взаимные обвинения в применении двойных стандартов. Следует отметить, что само это выражение несколько грешит алогичностью. Любая страна проводит внешнюю политику, которая призвана, прежде всего, служить ее интересам. Но в современную эпоху невозможны международные отношения и система всемирной безопасности, которые были бы построены на соблюдении интересов лишь одного государства или цивилизационного конгломерата.

Порой абсурдность обвинений в применении двойных стандартов состоит в том, что международная политика призвана защищать интересы каждой из сторон, поэтому она априори не может быть односторонней и базироваться на одном-единственном стандарте. Времена лорда Палмерстона давно канули в лету. Этот политик еще мог в середине XIX века сказать, что «Great Britain has no constant friends or enemies but rather constant interests» (У Британии нет ни постоянных врагов, ни постоянных друзей, а есть только постоянные интересы) [6]. США после распада СССР и возникновения однополярного мира пытались в своей международной политике за последние четверть века реанимировать формулу Генри Джона Палмерстона, но вызвали этим лишь обострение международной ситуации и качественно новый виток противостояния цивилизаций.

Реальную политику необходимо рассматривать и с позиции философии (через применение критерия истинности), и как конечный результат – деятельность, направленную на поиск истины. Одновременно необходимо понимать, что политика является инструментом, а не конечным результатом

* Ковалев А.А. Политика двойных стандартов как угроза национальной безопасности Российской Федерации // Вопросы безопасности. – 2017. – № 5. – С.12-24.

поиска истины. И её функциональной обязанностью является поиск консенсуса и выстраивание паритетных отношений между акторами в сфере международных взаимоотношений и во внутригосударственных процессах. Реальная политика всегда многовекторна, и каждое государство считает именно свои политические стандарты для внутренней и внешней политики истиной в последней инстанции, а подходы другой стороны считает враждебными, нелепыми и провокационными. Как отмечает П.А. Горохов, «восемь столетий назад цивилизованные ныне англичане называли своих французских соседей не иначе, как “французские собаки”, уже тогда не считая за людей своих соседей, отделенных от них Ла-Маншем» [8, с. 67]. Такое сформированное веками ксенофобское отношение к соседям и партнерам – питательная почва для теории и практики политики двойных стандартов.

Многие события всемирной истории могут быть оценены неоднозначно. Скажем, вступление советских войск в Польшу 17 сентября 1939 года – объективная реальность, имевшая место в действительности. Но трактовать его можно по-разному. Отечественная историческая наука, ориентированная патристически, оценивает ввод советских войск в Польшу как освободительный поход Красной Армии, восстановление исторической справедливости и возвращение Западной Украины и Западной Белоруссии как исконных территорий Российской империи [13, с. 7]. Польская же современная историческая традиция, ориентирующаяся на оценки либеральных западных историков, оценивает это событие как оккупацию и очередной раздел Польши, предпринятый двумя сговорившимися тоталитарными государствами: СССР и Третьим рейхом [21]. После этого события Польша исчезла с политической карты, превратившись в Ostmark. Впрочем, во всемирной истории Польша часто играла роль «государства-призрака», и даже сама необходимость ее существования то признавалась, то отрицалась ее сильными соседями: Германией и Россией, – в зависимости от политической конъюнктуры. Видимо, такова печальная геополитическая судьба всех небольших государств.

Но все же в международной политике и во всемирной истории есть события, которые этически и аксиологически не могут трактоваться неоднозначно. История есть политика, опрокинутая в прошлое – гласит меткий и всем известный афоризм М.Н. Покровского. Скажем, бомбардировка Хиросимы и Нагасаки в августе 1945 года не диктовалась никакой военной необходимостью, а была обусловлена лишь необходимостью демонстрации силы со стороны получивших ядерное оружие США. Это страшное событие однозначно должно быть оценено как преступление против человечества и дичайшее варварство. Разумеется, в американской историографии это событие оправдывается военной необходимостью сокрушения Японской империи. Это – ярчайший пример применения политики двойных стандартов, которая выступает отнюдь не паритетным, а вполне актуальным явлением.

Сам термин «политика двойных стандартов» довольно широко используется в современной политической практике. Цель предлагаемой работы – попытка ответить на вопрос, в какой мере современная политика двойных стандартов представляет угрозу для национальной безопасности Российской Федерации. Эта

цель конкретизируется в следующих исследовательских задачах: 1) выяснить возможность четкого методологического обозначения понятия «политика двойных стандартов»; 2) предложить свое определение этого понятия; 3) оценить роль политики двойных стандартов в цивилизационном противостоянии; 4) выявить роль институтов международного права в реализации такой политики.

Различные аспекты понятия «двойные стандарты» исследовались в работах таких авторов, как А.В. Ахматов [1], Е.В. Булипопова [2, с.3], О.В. Кузьмина [11], В.Ю. Лукьянов [11], Л.В. Распутная [17], А.В. Олейник [14], О.Г. Шульц [19].

Е.В. Булипопова справедливо отмечает, что «термин «двойные стандарты» появился в XIX веке и сегодня употребляется в политехнологических целях, при этом ни одна из известных дефиниций не поясняет генезис и особенности практического использования понятия» [3, с. 115].

Русское понятие «двойные стандарты», равно как и немецкое выражение *Doppelstandards* и французское *double standard* – прямая калька с английского словосочетания *double standards*, которое первоначально использовалось в гендерной психологии и философии по отношению к различным требованиям к мужчинам и женщинам. Так, о «двойных стандартах» любили рассуждать феминистки.

Глобализация, инспирированная США и ставшая социокультурной и геополитической реальностью за последние четверть века, вызвала значительное противодействие со стороны

Российской Федерации, Китая, Индии, мусульманских стран. Это противодействие агрессивной американской политике вылилось в состояние цивилизационного противостояния, которым определяется, на наш взгляд, современная эпоха [10]. И сегодня, как никогда прежде во всей новейшей истории, теория и практика применения двойных стандартов находят широчайшее применение, ибо цивилизационные конгломераты ведут масштабные информационные войны, призванные идеологически разоружить и духовно уничтожить противника.

На практике политика двойных стандартов часто нивелировала право любого государства на самоидентификацию и отстаивание своих национальных интересов, порой прикрываясь уже ставшим немного абстрактным институтом международного права. Последние события на Украине показывают опасность применения практики двойных стандартов в идеологических и мировоззренческих баталиях. Политики США любят рассуждать о свободе и о неотъемлемом праве народов на самоопределение, но забывают об этом, когда ситуация развивается в невыгодном для Запада ключе. Террористов и бандитов в Чечне и Сирии в США именуют «повстанцами», а вооруженные формирования ДНР и ЛНР – бандами. Над этим иронизировал еще в 1975 году англичанин Джеральд Сеймур в романе «Игра Гарри»: «Для одного – террорист, а для другого – борец за свободу» [23, р. 17].

Впрочем, в процессе противостояния Русского мира и Западной цивилизации национальные элиты бывших советских республик настолько одержимы стремлением влиться в ряды противников России и заслужить награду от заокеанских друзей в виде персональных преференций, что готовы на любые

шаги ради достижения этой желанной цели. Дихотомия «хороший свой – плохой чужой» примитивна и подходит, скорее для ментальности младших школьников, играющих в войну, но она работает и в головах маститых политиков, отвечающих за судьбы вверившихся им народов. Да и «своих» разведчиков никогда не именуют «шпионами», ибо этот мало почетный термин используется лишь как жуупел для именованния агентов противной стороны.

Политика двойных стандартов имеет долгую историю в геополитике и социокультурной практике. Из наиболее ярких примеров использования принципов двойных стандартов в геополитической практике XX столетия можно назвать Мюнхенское соглашение 1938 года, пакт о ненападении между Германией и СССР в августе 1939 года и Договор дружбе между СССР и Рейхом в сентябре 1939 года. Можно вспомнить политическое участие Запада в организации распада СССР, оккупацию Югославии, Ирака, Афганистана, активное вмешательство внешних сил во внутригосударственную политику государств региона СНГ и бывших стран социалистического лагеря.

Так, развязав военные действия блока НАТО в 1999 году в Югославии, США и их союзники оправдывали свои действия проведением миротворческой деятельности с целью предотвращения межэтнического противостояния сербов и косовских албанцев. Но когда возникла схожая ситуация в этническом конфликте в Южной Абхазии в 2008 году, где осуществлялись репрессии по отношению к абхазцам и осетинам со стороны грузинской армии, западные политики тут же объявили о нарушении всех международных прав со стороны Российской Федерации. Проводилась достаточно жесткая агрессивная информационная и геополитическая деятельность, с целенаправленным намерением дискредитировать внешнеполитические действия российской дипломатии и её вооруженных сил, с одновременным нивелированием миротворческих действий России и объявлении прямой российской агрессии против Грузии [11]. Такого рода применение политики двойных стандартов – составная часть информационной войны, представляющая существенную опасность для национальной безопасности России.

Из примеров более ранних исторических событий, до сих пор оказывающих влияние на существующую геополитическую действительность, можно назвать вооруженный конфликт в Афганистане. Ввод военного контингента СССР в 1979 году с целью поддержки демократии в стране и недопущения эскалации вооруженного конфликта на границе государства, был встречен и прокомментирован западным сообществом как акт открытой агрессии. В то же время в 2001 году военные подразделения НАТО, с приоритетным преобладанием США, с такой же целью вводятся на территорию Республики Афганистан. То есть когда СССР заботился о военной безопасности своих границ, то это было названо агрессией и вмешательством во внутренние дела сопредельного государства. Введение же войск союзников под эгидой США было названо ответом на рост терроризма и защитой национальной безопасности США и ЕС.

То есть на поверку все попытки принудительного «навязывания демократии» оказываются очередными геополитическими ходами,

направленными на внедрение и поддержку своих политических и экономических целей и планомерное двуличное решение поставленных в связи с этим задач. Ярким примером двойной политики является внедрение вооруженных и управленческих сил США и их союзников в Ирак, Ливию и Афганистан, с дальнейшим отходом с этих позиций и невыполнением взятых на себя обязательств, и фактическом уклонении от решения декларативных задач, поставленных перед фактической оккупацией названных государств.

Инструментарий двойной политики как нельзя лучше подходит для проводимого на сегодня США воплощения в жизнь «теории контролируемого хаоса». То есть по политическим и экономическим (как внешним, так и внутренним) соображениям, и объективным факторам, сложившимся в современной геополитике и геоэкономике, США уже не может выдерживать взятую на себя единолично роль «всемирного полицейского», и вынуждено отступать с занятых позиций, но при этом, отступая, категорически не собирается уступать эти позиции прочим акторам международных отношений. И не давая при этом возможности оставляемым территориям самостоятельно решать проблемы государственного самоопределения и формировать социально-гражданские, политические, экономические и военные национальные институты.

Рассматриваемая нами тема особенно актуальна для современной России, так как уже несколько лет Российская Федерация находится буквально в полной политической и экономической блокаде, вызванной именно активным применением политики двойных стандартов по отношению к действиям российской власти.

Для того чтобы не попасть под летальное воздействие такого инструмента современной геополитики, как двойные стандарты, на данном этапе России необходимо создать свой собственный механизм противодействия влиянию политики двойных стандартов, проводимой внешними политическим акторами, с целью нивелирования политического веса РФ на международной арене. Этой цели служат недавно созданные в Вооружённых силах РФ войска информационных операций, которые призваны, в том числе, и противодействовать информационным атакам, основанным на применении двойных стандартов.

Осознанное и целенаправленное устремление западного блока государств на применение двойных стандартов создает определенные опасности и угрозы для национальной безопасности нашего государства. Историческими примерами тому из недавнего прошлого выступают скоординированное воздействие на процессы распада СССР и Югославии.

Видимо, впервые наиболее удачной политической операцией с применением двойных стандартов в социалистической стране, приведшей к краху правящего режима, были устроенные в конце декабря 1989 года провокации в Румынии. Тогда западные агенты в этой стране выносили из моргов трупы и оставляли их на улицах в качестве жертв режима Чаушеску. До этого через «пятую колонну» и агентуру в западные СМИ было запущены негативные материалы о румынском диктаторе. Таким вот способом обрабатывалось мировое общественное мнение. Хотя сам Чаушеску вовсе не был святым, но и всех тех

страшных преступлений, в которых его обвинили впоследствии и за которые расстреляли, он не совершал. В целом, операция по свержению Чаушеску была поручена руководителю восточноевропейского отдела ЦРУ Милтону Бордену, который через 15 лет не отрицал тот факта, что акция по физическому устранению «гения Карпат» санкционировалась правительством США [22, S. 352].

И именно спецслужбы США стоят за устранением Слободана Милошевича, Садама Хусейна, Муаммара Каддафи, Эдуарда Шеварднадзе с политической сцены, а чаще всего – и из жизни. Практика двойных стандартов в освещении политических событий, применяемая США, опасна, ибо может быть повторена в любой стране мира, в том числе и в России. Поэтому для устранения возникшей политической угрозы на сегодня существует острая потребность в формировании целевой программы, структур и подготовки квалифицированных кадров для планомерной работы в области информационных потоков, с использованием всех доступных инструментов международного права, полит- и PR-технологий [5].

Одной из самых главных причин существования самой идеи и практического воплощения политики двойных стандартов, является проблематика пробелов и коллизий в области международного права. Особенно тех его пунктов и положений, к которым относятся право народа на самоопределение, приоритет существующей территориальной целостности государства [4].

Но данная проблематика, на наш взгляд, является преднамеренно надуманной, ведь в Декларации принципов международного права (1970) прямо указано, что «при истолковании и применении изложенных выше принципов последние являются взаимосвязанными, и каждый принцип должен рассматриваться в свете других принципов». А вот неприменение данного принципа как раз и вызывает предпосылки и провоцирует к использованию политики двойных стандартов и концепции двойной морали. Чтобы не возникло данной правовой и моральной дилеммы, необходимо использовать указанные международные принципы только в их взаимосвязи. В конце концов, задача международного сотрудничества состоит не в попытках доказывания кто прав, а кто виноват, а в поисках общего консенсуса с целью выработки объективных решений по формированию разумного баланса в сфере международных отношений и при разрешении конфликтных меж- и внутригосударственных ситуаций.

Также следует признать существующий разрыв между динамикой политических процессов и отражением и реализацией принципов международного права. Фактически на сегодняшний день не юридические нормы регулируют международные отношения, а политические потребности диктуют праву условия их формирования с множеством постоянно меняющихся, иногда до взаимоисключения, факторов реальной действительности.

К сожалению, естественным в международных отношениях является тот аспект, что базовым фактором при определении и расстановки балансов в принятии резолюций или решений, выступает степень влиятельности государств, определяемая рядом критериев. Среди них важнейшими являются наличие

ядерного оружия, доля в мировом ВВП, объем расходов на оборону, доли в финансировании ООН и МВФ, численность общего населения и вооруженных сил государства, наличие размещенных за рубежом военных контингентов. Таким образом, дается характеристика местоположению, роли и качественному и количественному взносу государства в систему современных международных, экономических и военных отношений [12].

Следует однако отметить, что опасность проводимой непоследовательной политики с использованием инструментария двойных стандартов представляет угрозу не только при решении какого-то единичного геополитического конфликта, но формирует перманентное недоверие и ведет к полной дискредитации отношения к международным организациям и межгосударственным структурам, таким как Совет Безопасности ООН. Тем самым создается предпосылка для хаотизации и дезориентации современных международных отношений, что, в свою очередь, формирует почву для дальнейшего формирования геополитических противостояний и региональных межгосударственных и внутригосударственных социально-гражданских, этнических и политических конфликтов.

Даже сам факт наличия возможности применения «права вето» в ООН при решении спорных конфликтных вопросов, уже априори создает почву для неоперативности и необъективности решения конфликтной проблемы. К этому следует добавить наличие противоположных мнений и собственных интересов у каждой из сторон, принимающих общее регулирующее решение в свою пользу, или в пользу своих союзников, о чем мы уже писали выше.

Следовательно, согласование принимаемых решений по актуальным вопросам международной политики порой проходит не по сути самой проблемы, а становится инструментом торга в геополитическом перераспределении динамично меняющейся карты мира. Такие решения становятся элементом борьбы за сферы влияния между более мощными акторами – это касается первого, базового круга всех зарождающихся цивилизационных противостояний. Равным образом, эти решения – следствие борьбы на региональных уровнях между более слабыми государствами – это относится к межэтническим, межконфессиональным и межгосударственным, но в основном территориальным конфликтам.

Таким образом, к примеру, в Совете Безопасности ООН сформировались определенные блоки с целью защиты своих геополитических действий. Что примечательно, ни одна резолюция не была принята в сотрудничестве между странами Запада и Россией или КНР. Другими словами мы опять видим явное проявление двойных стандартов, когда международная организация, призванная осуществлять контроль над поддержанием межгосударственного мирного мирового баланса, сама выступает аренной для выяснения политических отношений – тем самым эскалируя геополитическую обстановку. Как правило, еще со времени биполярного мира и «холодной войны», существовало неприкрытое противостояние участников ООН по векторной оси – стран-членов и союзников НАТО на одном крыле, и прочими государствами с другой стороны.

Такая же политика принятия резолюций «блочным» вариантом поддерживается и поныне.

Еще одной из причин роста использования двойных стандартов является кризис проекта глобализации по-американски. Всё больше качественных и количественных изменений указывают на готовность мирового сообщества на возврат к парадигме приоритета национальных государств [9]. Например, США приостановили своё участие в ЮНЕСКО, когда деятельность этой международной организации перестала соответствовать американским интересам. На геэкономическом поле можно наблюдать, в качестве показателя стремления ухода от глобализационной парадигмы к региональной и национальной плоскости, пример учреждения Китаем Азиатского банка инфраструктурных инвестиций. Это явилось результатом принципиального расхождения позиций и невозможности вести равновесный диалог с МВФ.

Следует обязательно обратить внимание на тот аспект, что в основе всех механизмов политики двойных стандартов лежит разновекторность соотношения политики и морали. То есть когда в угоду стратегическим и оперативным соображениям государства в своих действиях на международной арене начинают проводить концепцию «двойной морали», разделяя мировое сообщество на «своих» и «чужих» [20], при этом не брезгуя прямым обманом и вводом в заблуждение мирового сообщества, как было в случае с надуманным поводом для военной агрессии против Ирака. Задекларированное перед нападением союзников на это государство наличие разных форм оружия массового уничтожения так и не было подтверждено.

Режим турбулентности в современных политической и экономической системах на глобальном и региональных уровнях формирует временную целесообразность использования двойных стандартов, но только в определяемых международными структурами рамках, без применения инструмента «табеля о рангах» на политическом поле, сообща, и без так называемых «крайне особых ситуаций», которые в результате превращаются в постоянную эксплуатацию позиций политики двойных стандартов. С этой же целью необходимо более оперативно и качественно формировать новые механизмы международного правового регулирования, с целью сокращения постоянно существующей дистанции между правом и практической плоскостью развития ситуации в международных отношениях.

В заключение обратимся к философским основаниям такого явления, как политика двойных стандартов. Это явление тесно связано с важнейшей гносеологической категорией «истина», которую в классической философии со времен Аристотеля традиционно понимают как адекватное отражение объективной реальности познающим субъектом. В идеале, истина отражает предмет вне зависимости от субъективного сознания. Разумеется, в гуманитарных и общественных науках, в том числе и в политологии, велик процент субъективности. Понятие «истина» как категория – необходимая абстракция, но истина всегда конкретна в форме истинных фактов или суждений, то есть в философии политики и теоретической политологии она тесно связана с общественно-политическими реалиями, исторической эпохой и страной. Поэтому

постмодернисты с такой радостью ухватились за тезис Ницше, высказанный им с апломбом в работе «По ту сторону добра и зла»: «Ложность суждения еще не служит для нас возражением против суждения» [23, р. 23]. В наше время часто рассуждают о множественности истин, и эти рассуждения становятся теоретической основой для практического применения политики двойных стандартов.

В современной философии появилась тенденция перехода от категории истины к более «мягким» формам этой категории. Это концептуальное понятие все чаще заменяется терминами «смысл», «правдоподобие», «достоверность». Таким образом, вводя некую размытость в понятие истины, допускается, что наличие сомнений, в том числе и субъективных, в толковании истинности происходящего становятся как бы критериями истины. Тем более, если эти сомнения и противоречия поддерживаются большинством или авторитетными субъектами. Этот процесс как раз ярко выражен в современной политике двойных стандартов. В современной сфере социальных и гуманитарных наук, которая сформировалась под действенным влиянием постмодернизма, категория «истина» носит субъективно-оценочный характер, а, следовательно, для корректности предлагают применять категорию «достоверность» [16].

Но здесь как раз и возникает прямой путь к возникновению двойной и множественной стандартизации, так как у каждого субъекта может формироваться и использоваться своя степень «достоверности», и свой собственный взгляд на предлагаемую достоверность. Либо может происходить переформатирование степени достоверности под свой взгляд и соответствие внутренним целям или субъективному пониманию.

А такие исследователи проблематики категории истины, как Л.А. Маркова, А.П. Огурцов, Ю.С. Моркина, предлагают еще более кардинальную замену понятия истины на понятие смысла, аргументируя это тем, что нечеткие границы между истиной и ложью, субъектом и предметом приводят к приоритетности понятия смысла, так как он присутствует в каждой из сторон противостояния [15].

Но в таком случае происходит простое нивелирование одной философской категории и замена её другой. И в этом случае почему-то забывается о том, что цель науки как раз и состоит в поиске истины, а не в судебном принятии решений, что есть истина, а что нет. Наука должна формировать путь и выбирать инструменты для принятия такого решения. Поэтому замену или подмену классической формы категории истины мы видим нецелесообразным, так как произойдет размывание не только понятия истины, но и заменяющих его понятий смысла, достоверности, правдоподобия или любого другого.

Кроме того, размывание границ между истиной и ложью порождает исчезновение границ различий между добром и злом, что приведет к кардинальным этическим проблемам. У каждого может быть своя истина, но атомная бомбардировка мирных жителей была, есть и должна остаться злом, равно как и врачебные опыты над заключенными в нацистских лагерях никогда не должны получить позитивную этическую оценку.

Мы придерживаемся в этом вопросе классических позиций относительно того, что благодаря свойствам самой сущности истины – целостности, системности и логической непротиворечивости, возможен логический критерий истинности – доказательность, без дополнительной необходимости обращения к эмпирической проверке [18, с. 57].

Подведем выводы нашего исследования. Во-первых, подчеркнем, что четкого методологического обозначения для понятия термина «двойных стандартов» нет и быть не может именно из-за слишком большой обтекаемости оценочных мнений и субъективных суждений, вкладываемых в это понятие.

Во-вторых, если обобщить существующие на сегодня определения понятия «двойные стандарты», то их можно применить в той ситуации, когда одно и то же явление объективной реальности намеренно оценивается противоречиво и чрезмерно эмоционально. В политике практика двойных стандартов выражается в том, что действия одних стран поддерживаются и оправдываются, а других – осуждаются и наказываются, причем сущность этих действий одинакова. Применяется совокупность принципов, дающих больший приоритет одной стороне, чем другой, в зависимости от позиции, занимаемой оценивающим и оцениваемыми субъектами.

В-третьих, приходится констатировать, что на сегодняшний день политика двойных стандартов выступает как реальность существующего цивилизационного противостояния между евроатлантическим и евразийским сообществом, играя роль действенного инструмента информационной, идеологической и мировоззренческой войны. Общим знаменателем эскалации политики двойных стандартов выступает реформатирование архитектуры международного сообщества в форму многополярного мира, более противоречивого, а, следовательно, и более конфликтного.

В-четвертых, в современную эпоху цивилизационного противостояния международная правовая оценка носит ангажированный и заведомо субъективный характер, что отодвигает институт международного права на вторую роль, уступая его позиции политике лоббирования исключительно национальных интересов. Сама политика двойных стандартов используется при этом довольно интенсивно, а международное право становится инструментом такой политики.

Итак, политика двойных стандартов – действенный инструмент информационной войны, которую Западная цивилизация ведет против России как оплота Русского мира. Эта политика представляет собой реальную угрозу для национальной безопасности нашей страны.

Библиографический список

1. *Ахматов А.В.* К вопросу о двойных стандартах в политике и праве // Вестник МГУ. Серия 7. Философия, 2008. №7. С. 85-91.

2. Булипопова Е.В. Северная Корея как азиатский «Прометей»: мифология и политтехнология «двойного стандарта» // Ойкумена. Регионоведческие исследования, 2009. №4, С. 89-94.

3. Булипопова Е.В. Двойные стандарты: проблема и понятие в дискурсивном пространстве современной политической теории // Политическая лингвистика, 2011. №1. С. 112-118.

4. Буханова А.С. Коллизия принципов самоопределения народов, территориальной целостности государств и возможные пути ее решения // Право и управление: XXI век, 2011. №4(21). С.67-71.

5. Верецагина А.В. «Война и мир» в условиях новой социальной реальности (к вопросу о военной и национальной безопасности России) // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС, 2015. №2. С.178-183.

6. Виноградов В.Н. Лорд Пальмерстон в европейской дипломатии // Новая и новейшая история, 2006. №5. С.182-209.

7. Гогун А. На полпути от истории к агитке (критика работы Мельтюхова М. И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1919–1939 гг) // Клио (журнал для учёных), 2002. №3. С. 221-224.

8. Горохов П.А. Правовой нигилизм. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. Оренбург, 1998. 148 с.

9. Гранин Ю.Д. Национальное государство в глобализирующемся мире. Социально-философский анализ. - М.: Медиаиндустрия, 2014. 362 с.

10. Ковалев А.А. Информационная политика и военная безопасность России в эпоху противостояния цивилизаций: теоретико-методологические аспекты проблемы: Монография.- Санкт-Петербург: Коновалов А.М., 2016. 193 с.

11. Кузьмина О.В., Лукьянов В.Ю. Использование «двойного стандарта» – важнейшая проблема современных международных отношений // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки СПб, 2014. С.56-69.

12. Мельвиль А.Ю. Политический атлас современности. – М.: МГИМО (У) МИД, 2007. 268 с.

13. Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918-1939 гг. - М., 2001.

14. Олейник А.В. Двойные стандарты запада против терроризма // Научно-аналитический журнал Observer, 2009. №12. С.34-45.

15. Панельная дискуссия // Эпистемология & Философия науки, 2009. Т. XXII. №4. С.48-77.

16. Пивоев В.М. Социальные и гуманитарные науки: специфика и соотношение // Вестник Ишимского госпединститута им. П.П.Ершова, 2013. №3. С.91-101.

17. Распутная Л.В. США и политика двойных стандартов // Каспийский регион: политика, экономика, культура, 2008. №2. С.17-24.

18. Селиванов Ф.А. Благо, истина, связь. - Тюмень: РИЦ ТГАКИ, 2008. С.57.

19. Шульц О.Г. Международные стандарты и политика «двойных стандартов» в вопросах международного сотрудничества в области прав человека // НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ / NOTA VENE, 2011. №5. С. 167-180.

20. *Cooper R.* The New Liberal Imperialism // The Observer, 7 April 2002.
21. *Halik Kochanski.* The Eagle Unbowed: Poland and the Poles in the Second World War. – Allen Lane, Harvard University Press, 2012. 734 p.
22. *Kunze Thomas.* Nicolae Ceaușescu. Ch. Links Verlag, 2009. 465 S.
23. *Satish Chandra Pandey.* International Terrorism and the Contemporary World. Sarup & Sons, 2006. 453 p.

Проблема угроз для легитимной власти в аспекте комплексной безопасности Российской Федерации*

Проблема комплексной безопасности страны является одной из важнейших задач, которые стоят перед Россией в современных условиях разгара цивилизационного противостояния. Эта проблема не может быть решена без целостного социо-гуманитарного и общественно-политического подхода, то есть без совместного приложения усилий философов, политологов, юристов, экономистов, культурологов. Ведущую роль в обеспечении комплексной безопасности страны играет военная безопасность, к рассмотрению которой автор настоящей работы неоднократно обращался ранее. На наш взгляд, военную безопасность России в условиях противостояния цивилизаций можно определить как особое состояние отношений между нашей страной и ее возможными противниками, обусловленное комплексом политических, экономических, военных и других факторов, который призван исключить возможность Третьей мировой войны [1].

Военная доктрина Российской Федерации¹⁰⁶, принятая 25 декабря 2014 г., относит к внешним военным опасностям для нашей страны установление в государствах, сопредельных с нами, режимов, политика которых угрожает интересам Российской Федерации. Такие режимы могут возникнуть, в том числе, в результате свержения легитимных органов государственной власти, как это случилось сравнительно недавно на Украине.

Целью настоящей работы является рассмотрение основных угроз для легитимной власти в Российской Федерации и выявление влияния этих угроз на комплексную безопасность страны. Данную цель мы предполагаем достичь, последовательно решая следующие задачи: 1) выявить этапы технологии воздействия на легитимную власть в целях ее свержения; 2) определить уровень опасности этих технологий для легитимной власти РФ; 3) показать влияние экономического положения России на комплексную безопасность страны; 4) выявить алгоритм создания конфликтной обстановки, направленной на

* Ковалев А.А. Проблема угроз для легитимной власти в аспекте комплексной безопасности Российской Федерации // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2018. – Т.14. – № 1. – С. 165-180.

¹⁰⁶ Военная доктрина Российской Федерации. URL: http://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172989

формирование условий для государственного переворота; 5) наметить основные пути противостояния угрозам для легитимной власти.

Отметим сразу, что в этой работе под «легитимной властью» мы будем понимать государственную власть, законно избранную в результате народного волеизъявления. Существуют либеральные трактовки легитимности, согласно которым «легитимность есть соответствие не просто закону (это законность), но и справедливости или высшему интересу»¹⁰⁷. Согласно западной либеральной традиции [2], преступная власть легальна, но не легитимна [3]. Исходя из таких либеральных трактовок, само право не всегда легитимно¹⁰⁸. Готовить заговор против тирана и бороться против тоталитарной власти – незаконно, но полностью легитимно в особых ситуациях. Ведь само кодифицированное право может быть несправедливым, а борцы за справедливость, согласно таким законам, признаются преступниками. Здесь представляется несущественным вдаваться в терминологические тонкости, поэтому мы придерживаемся именно широкого понимания легитимности.

Следует отметить, что к различным аспектам интересующей нас темы в разное время обращались такие исследователи, как Н.А. Баранов [4], В.И. Добренков [5], Н.Н. Ефимов [6], В.А. Золотарёв [7], С.Г. Кара-Мурза [8, 9], А.А. Кокошин [10], А.С. Панарин [11], И.В. Радиков [12–14], В.И. Слипченко [15], А.М. Трайнин [16] и другие ученые.

Мыслители прошлого мечтали о грядущем «начале формирования претендующего на охват всего человечества межгосударственного общественного договора, предполагающего равенство его субъектов» [17]. Но в реальности начатая после распада СССР глобализация обернулась невиданным ранее нивелированием развитых национальных культур и экономик мира под примитивные стандарты бездуховного «американского рая», ориентированного лишь на чистую материальность.

Одна из реалий современной международной политики заключается в том, что, с одной стороны, Российская Федерация принимает активное участие в международном партнерстве экономического, политического, гуманитарного характера. А другой реальностью в выстраивании взаимоотношений нашего государства и западных партнеров является тот факт, что одновременно против России ведется многоуровневая, высокотехнологичная, эшелонированная гибридная война или «война хаоса».

Такая война имеет несколько взаимосвязанных уровней, среди которых можно выделить информационный, финансово-экономический, социальный, военно-политический, культурно-цивилизационный, образовательный, террористический. Одними из разновидностей данной войны являются проекты по демонтажу существующих политических режимов, а также программы по дестабилизации социальной и политической ситуации в странах и регионах, которые выгодны так называемой «внешней силе». Однако следует понимать, что помимо существования подобных гибридных инновационных технологий и

¹⁰⁷ Philosophisches Wörterbuch. Hrsg. von Walter Brugger und Harald Schöndorf Alber, Freiburg. München, 2010. – 785 S.

¹⁰⁸ Конт-Спонвиль А. Философский словарь. – М.: Этерна, 2012. – 752 с.

угроз, существует понятие внутренней политической угрозы, которая основывается на действиях так называемой «пятой колонны» и агентов влияния внутри страны. Есть внешний периметр агрессии, например, хаотизация евразийского геополитического пространства, создание очагов конфликтов у границ Российской Федерации (Грузия, Нагорный Карабах, Украина, Молдавия, Казахстан), попытки дестабилизировать ситуацию в Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане. Но существует и внутренняя опасность, то есть определенные силы, создающие условия для управляемой извне дестабилизации.

Специфика теории и практики «управляемого хаоса» состоит не столько в целенаправленном коррумпировании государственной власти или воздействии на ее определенные органы, сколько в умелом подстраивании и направлении протестных настроений в нужном для потенциального агрессора векторе, при одновременном наполнении уже управляемого движения необходимым для влияющей стороны контекстом и смыслами. Затем, с помощью инновационных информационных технологий, происходит конвертирование протестных настроений из социальной плоскости в политическую, где протестное течение во многих случаях становится контролируемым внешней управляющей силой. Именно это произошло в Грузии осенью 2003 г., в Ираке в апреле 2003 г., в Ливии весной и летом 2011 г., на Украине в феврале 2014 г.

При этом следует учитывать, что специфика данной технологии заключается в том, что ни одна из так называемых «цветных революций» (или, по сути, государственных переворотов) не может быть осуществлена без поддержки внутренней элиты страны, выбранной целью воздействия, то есть той части ее политического и финансового истеблишмента, которая активно включается в данный процесс. В политической практике прошлых лет таких внутренних врагов существующей власти часто называли пятой колонной. С помощью этих слоев создается поддержка для управляемой извне дестабилизации. Силы извне, помогая заинтересованной стороне, осознанно способствуют деструктивным процессам. Порой народ, будучи намеренно введенным в заблуждение, способствует формированию условий для процесса управляемого хаоса. Именно поэтому чтобы объективно понимать происходящие политические процессы (особенно их конфликтную сторону), следует все факторы рассматривать в общем контексте.

В мире существовала и продолжает существовать геополитическая конкуренция. Имевшие место и происходящие сегодня деструктивные политические процессы в разных странах мира фактически представляют собой цепь государственных переворотов, осуществляемых с помощью информационного и военно-политического воздействия на внутренние процессы государств, выбранных извне целями воздействия, с использованием внутренних существующих или искусственно создаваемых конфликтов.

Суть любого переворота состоит в смене небольшой части элиты, то есть группы лиц, имеющей возможности принимать стратегические решения, с одновременным введением внешнего управления над государством, в целях повсеместного контроля и недопущения повторной смены власти или усиления влияния геополитического оппонента на страну-цель. Именно для этого и

применяется такой действенный инструмент, как метод «управляемого хаоса». На самом деле не происходит реальных революционных изменений, но чаще всего легитимные представители власти (а порой и сами легитимные органы власти) заменяются на контролируемые и подчиняемые внешней силе.

Рассмотрим реализацию технологий дестабилизации и свержения легитимной власти подробнее, для чего выделим их этапы. Основанием для такого выделения послужил авторский анализ специальной политологической литературы [18–22], посвященной технике государственных переворотов, сопровождаемой нарушением существующих законов смены власти в государстве. И хотя страстно написанная книга К. Малапарте [19] вышла еще в 1931 г. до поджога Рейхстага и до прихода к власти социал-националистов, а обстоятельный труд Э.Н. Люттвака [20] впервые вышел в свет в 1968 г., эти работы отнюдь не утратили своей актуальности.

1. Определение и расстановка сил. На данном этапе идет фильтрация политических, экономических, силовых и образовательных сфер государства в целях определения потенциальных направлений для разжигания или образования конфликта и лидеров протеста. Собирается информация о политическом, экономическом и социальном состоянии страны-цели. Делается это в целях определения подходов к одной из двух основополагающих точек опоры любого государства – это либо социально-экономическая сфера, либо область межэтнических или межконфессиональных отношений. Также на этом этапе проводится работа с госструктурами (как государственного, так и местного уровня), с представителями политических партий, представителями крупного бизнеса и средств массовой информации, лидерами общественного мнения (включая сетевой вариант – так называемыми «блогерами»), представителями деструктивно настроенной либерально-ориентированной общественности.

2. Формирование или переформатирование оппозиционных политических сил. Проводится процесс разделения на «своих» и «чужих» в политических кругах и государственных структурах. Общество раскалывается на несколько лагерей. Проводится динамичное нагнетание напряженности, могущее в конечном итоге привести к гражданской войне.

3. Дестабилизация обстановки. Осуществляется противопоставление друг другу социально активных групп и вхождение в фазу открытой конфронтации, включая силовую. Проводится резкое нагнетание противоречий, для чего используются управляемые каналы подачи информации (СМИ, сетевой вариант). Но при этом акцентируется внимание на социальных и экономических требованиях. При этом следует учитывать, что для перевода конфликта в активную фазу достаточно 10% населения, и дальше конфликт начинает развиваться в геометрической прогрессии.

4. Вовлечение широких масс в политическое движение через создание резонанса в обществе. Запускается «волна всеобщего психоза». Применяются активные манипуляционные технологии в целях формирования хаотичных и одновременно контролируемых масс людей. Создается иллюзия всеобщего протеста. При этом меньшая часть данных масс подкрепляется материально, а

основная масса действует по инерции, повинаясь воздействию применяемых к ним технологий.

5. Контролируемые массовые выступления и целенаправленные силовые действия для захвата власти. В данном случае главная задача технологии переворота заключается в прерывании основных коммуникаций, связывающих государственный аппарат с правительством и, следовательно, главными объектами направленного воздействия являются армия и спецслужбы. Именно стадия массовых выступлений рассчитана на психологическое воздействие на силовые структуры. Делается это в целях привлечения силовых структур на сторону той группы, которая пытается сменить легитимную власть.

6. Провокационная сетевая тактика столкновений. Данный этап направлен на сознательное формирование ситуаций с обязательным кровопролитием в результате. Проводится планомерная политика по формированию радикальных групп в целях дальнейшего контролируемого воздействия в условиях массовых выступлений.

7. Подключение процесса легализации внешней управляющей силы. Этот этап является результирующим. К этому моменту деятельность легитимной власти уже, как правило, парализована либо введена в хаос, что дает возможность новым лидерам выйти на первый план.

Но для дальнейших действий новой власти требуется претворить в жизнь фактор легализации. В отличие от классической формы революции, когда легализация новой власти осуществляется изнутри, в случае контролируемого государственного переворота, который в современных условиях является внешней инновационной информационной технологией воздействия, необходим и фактор внешней легализации. В данной фазе к процессу подключаются внешние источники, формирующие как сам канал подачи информации, так и контекст, который необходимо донести и внутрь страны-цели и одновременно высветить его под необходимым углом перед третьими или заинтересованными в данном процессе сторонами. Главная задача этого этапа – синхронное внедрение информации в сознание сторон, которые заинтересованы или участвуют в конфликте. С одной стороны, поддерживаются извне представители контролируемой оппозиции (часто являющиеся лидерами переворота), а с другой – дискредитируются представители легитимной власти. Параллельно проводится процесс отстранения от рычагов власти представителей предыдущей элиты. Этот процесс может включать судебное преследование прежних лидеров и даже их физическое уничтожение. Достаточно вспомнить судьбу С. Милошевича и С. Хусейна, преданных несправедливому суду, или еще более печальную участь Н. Чаушеску и М. Каддафи, уничтоженных без суда и следствия.

Показательным аспектом данного этапа является то обстоятельство, что в этой фазе конфликта внешняя управляющая сила проявляет себя в полном объеме, для начала перехватывая рычаги политического управления, а затем и беря под контроль экономические рычаги.

8. Процесс мобилизации населения. Чаще всего наблюдается созданная искусственными средствами «протестность» в стране – не без помощи инновационных информационных технологий и внешних (или с привлечением

прагматичных внутренних) материальных ресурсов. Данная система мобилизации формируется как на общегосударственном, так и на региональных уровнях повсеместно, что в необходимый момент («время X») создает волну протестных акций, мнений или мероприятий.

9. Фаза манипуляции сознанием масс. Информационная война входит в активную фазу. Применяются информационно-психологические методы воздействия как в целом на общество, так и на каждого отдельного индивидуума, если он представляет стратегическую или тактическую ценность.

10. Создание территориальной точки напряжения. Конкретным примером этого этапа является формирование точки активного социального или даже военного (вооруженного) напряжения либо в конкретном районе большого мегаполиса, либо в конкретном (часто подконтрольном или искусственно созданном) регионе государства.

11. Идеологическое формирование концептуальной базы. Активное воздействие на сознание масс с помощью манипуляционных социально-психологических технологий. В этом процессе принимает деятельное участие государство-агрессор, осуществляющий внешнее воздействие в целях создания полностью контролируемой ситуации в стране, выбранной в качестве цели. Такое воздействие включает выборную, контролирующую, судебную, карательную и распределительную функции.

12. Мероприятия по блокировке государственных органов и структур. Осуществление физического захвата или контроля над коммуникациями государственного аппарата и СМИ. Власть в современную эпоху – это прежде всего тотальный контроль над коммуникациями. Это осознали еще большевики во время Великой Октябрьской социалистической революции.

13. Создание иллюзии безопасного развития событий. Этот этап включает морально-психологическое воздействие на военнослужащих с одновременным синхронным формированием отрицательного отношения к вооруженным силам и силовым структурам, а также принижение статуса вооруженных сил и силовых ведомств.

Но иллюзия безопасности заведомо является ложной, так как на этом этапе обязательно возникает необходимость так называемой «сакральной жертвы», когда в ходе массовых протестных выступлений начинают гибнуть люди. И чем больше сторона-агрессор заинтересована в стране-цели, тем большим должно быть количество жертв, чтобы конфликт достиг предельного накала. При этом масштаб жертв, как бы это цинично ни звучало, контролируется, так как при малых масштабах цель нагнетания конфликта может быть не достигнута. А при больших масштабах сама ситуация может выйти из-под контроля, что противоречит стратегической задумке внешней стороны воздействия и ее оперативным планам. По своему итогу данный этап призван парализовать деятельность системы силовых структур, чтобы ввести хаос в наиболее активную фазу. В данной ситуации силовым структурам приходится либо максимально дистанцироваться от конфликта, сохраняя нейтралитет, либо переходить на сторону поддержки внешней управляющей силы, поддерживая лидеров переворота.

14. Устранение неугодного лидера и неконтролируемой части элиты (судебное, либо физическое). Здесь комментарии излишни. Этот метод применяется в том случае, когда осуществление предыдущих технологий пошло не по сценарию, или ситуация стала выходить из-под необходимой степени контроля (яркими примерами из недавней истории являются Ирак и Ливия).

Для локализации подобных процессов следует обязательно действовать в рамках закона, иначе появляется лишний повод для манипуляций мнением масс и созданием возможностей для дополнительных провокаций и информационных атак.

В случае осуществления (или возможности осуществления) государственного переворота в странах ближайших к границам России регионов (что, безусловно, затрагивает геополитические интересы РФ и создает определенные угрозы для безопасности страны) необходимо принятие ряда действий, направленных на недопущение такого сценария. К примеру, задействовать свои возможности и обязательства, заложенные в структуру и функциональность таких альянсов, как ОДКБ и ШОС.

Следует обязательно учитывать печальный опыт 1980-90-х гг., когда где-то из-за халатности, где-то целенаправленно, где-то из-за воздействия внешних сил, была разрушена такая мощная федерация, как СССР. И разрушалась она именно по приведенному сценарию и с использованием указанных технологий. Советский Союз проиграл именно в информационной войне, а не в классическом военном противостоянии. И этот факт указывает на то, что войны будущего перенесены в большей степени в информационную плоскость, а не в технологическую. Хотя и важность последней не стоит нивелировать, ведь информационные технологии, кроме ключевой интеллектуальной, также имеют материальную и экономическую базы.

При этом следует учитывать, что ни один победитель не оставит побежденную страну без присмотра. Победитель всегда вводит свой механизм и собственные инструменты управления. Оно может быть как прямым, так и опосредованным, когда в стране есть некая формальная власть, обладающая ограниченными полномочиями и создающая видимость автономии, но при этом пребывающая под четко утвержденным и спланированным контролем извне. Другими словами, колониальная форма правления и управления присутствует в модифицированной форме и в XXI в.

У разных стран современного геополитического поля степень зависимости и подчинения, естественно, разная, но в отличие от XX в. страны теперь не просто примыкают к одному из лагерей в цивилизационном противостоянии или соблюдают нейтралитет, а находятся в четкой зависимости от пребывания в так называемой «зоне жизненных интересов».

Россия смогла постепенно вновь обрести некую государственную самостоятельность, в том числе – в сфере силовых структур. Но на данном этапе это по-прежнему не произошло в области экономики, что представляет собой «ахиллесову пяту» для национальной безопасности нашего государства, так как создает предпосылки для социально-экономических кризисов, которые, при умелом манипулировании, могут перейти в политический конфликт. Несмотря на

то, что Россия имеет значительный вес на сегодняшней политической арене, о полной самостоятельности Российской Федерации можно говорить только относительно и весьма условно. Связано это прежде всего с тем фактом, что большинство промышленного и ресурсного комплекса в той или иной степени пребывает под внешним контролем (либо напрямую, либо через оффшорные рычаги) [23]. Другими словами, Россия фактически пребывает под экономической оккупацией.

К сожалению, наша страна не может действенно ответить США в экономической сфере на санкции Вашингтона, ибо современный объем всей экономики Российской Федерации, по сути, в 10 раз меньше экономики Соединенных Штатов [23]. Трудно говорить о действенных экономических санкциях против США со стороны РФ, когда Банк России является на сегодняшний день одним из крупнейших покупателей государственных облигаций США на внушительную сумму более 120 млрд долл. США.

На сегодняшний момент конфликт между РФ и западными оппонентами вошел в крайне острую фазу. Фактически с 2014 г. против нашей страны ведется необъявленная война. И в этом противостоянии используются методы информационных войн и технологии формирования ситуации переворота. В основном сейчас используется экономический рычаг воздействия, который, как уже было сказано, является одним из ключевых звеньев любого организованного государственного переворота, и именно этот рычаг в большей степени в РФ является подконтрольным внешней силе, то есть оппонентам России.

Именно в этих целях были введены экономические санкции, прервана система банковского финансирования извне, а Банк России и так был неподконтрольным Президенту РФ, согласно своему уставу. То есть данный рычаг воздействия применяется для социально-экономической дестабилизации страны, что, как мы помним, является первейшей задачей перехода конфликта из плоскости экономической в область внутреннего политического противостояния. При этом добавляется еще один эффект – значительно уменьшается и общий финансовый потенциал государства, что рикошетом бьет абсолютно по всем сферам жизнедеятельности государства, включая военный потенциал и общую систему национальной безопасности.

Таким образом, мы наблюдаем явный алгоритм создания конфликтной обстановки, направленной на формирование условий для возможного государственного переворота:

1) четко прослеживается заинтересованность и основополагающие действия западных оппонентов в создании такой ситуации, то есть угроза является внешней;

2) используются стандартные рычаги воздействия для дестабилизации внутренней обстановки, и главным инструментом в этом выступает фактор запуска и поддержки оппонентами РФ военных и вооруженных конфликтов по всему периметру границ России;

3) формируется экономическая нестабильность и повышается финансовый прессинг с целью дестабилизации экономики и социальной сферы;

4) внешними акторами поддерживаются клановые группы, способные и имеющие возможность осуществления государственного переворота.

На наших глазах за несколько лет произошел целый ряд государственных переворотов. Мы уже упоминали события в Грузии, Украине, в Ливии и Ираке. Можно вспомнить «тюльпановую революцию» в Киргизии в марте 2005 г., когда был изгнан из страны коррумпированный клан А. Акаева, или свержение Х. Мубарака в Египте в феврале 2011 г. Свержение Мубарака относится к целой цепи протестов и вооруженных восстаний, поэтично названных «Арабской весной» по аналогии с «Весной народов» (европейскими революциями 1848–1849 гг.). В начале 2011 г. произошли перевороты в Тунисе, Йемене, волнения в Бахрейне, Алжире, Марокко. Мы не будем касаться аксиологической значимости и моральной оправданности этих событий, но сомневаться в их заранее сформированной направленности и геополитической заданности может лишь наивный слепец. И следует принять во внимание тот факт, что основную роль в этих переворотах сыграли вооруженные силы и силовые структуры, но не в качестве совершающих перевороты силы, а из-за целенаправленного неиспользования их, введения в пассивное состояние или через их дискредитацию.

Из сказанного следует сделать ряд практических выводов.

1. В целях усиления центральной государственной власти и национальной безопасности существует острая необходимость в укреплении внутренней силы государства. Одной из составляющих решения этой задачи выступило создание Национальной гвардии в апреле 2016 г. Среди функций, которые возложены на данную структуру, – ряд полномочий, которые ранее выполняли отдельно МВД, ФСБ, внутренние войска, армия, пограничный контингент. А следовательно, данная структура по факту обладает более широким спектром возможностей, чем любая из перечисленных организаций.

Другими словами, Национальная гвардия стала неким мобильным щитом государства, предназначенным для оперативной защиты страны в случае возникновения форс-мажорной конфликтной внутренней или идущей извне ситуации.

2. Пиком применения инновационных информационных технологий и инструментов, направленных на дестабилизацию обстановки в стране, является выборный процесс либо президента государства, либо парламента, то есть наиболее уязвимым моментом является тот, когда создается вакуум власти и происходит политическая «пересменка» с одновременным усилением амбиций внутренних кланов элиты страны. Этот факт необходимо учитывать при формировании механизмов и инструментов национальной защиты.

Рассмотрим теперь факторы внешней угрозы для национальной безопасности Российской Федерации.

В первую очередь острый интерес представляет собой закон США № 2277 «Акт о предотвращении агрессии со стороны России». Данная доктрина направлена на агрессивное воздействие и манипулирование граничащими с Россией государствами (Украиной, Молдавией, Грузией, Литвой, а по факту – каждой из находящихся по периметру границы или в близком соседстве с РФ

страной) в целях дестабилизации внутригосударственной социальной, экономической и военной обстановки в данных странах и в Российской Федерации, снижению геополитического веса России как политического актора⁴. Значительная роль отведена укреплению блока НАТО, направленному на усиление деятельности этого альянса в ближайших к территории РФ государствах. В этом же законе приведен алгоритм полной информационной и материальной поддержки перечисленных в документе действий и намерений. И основополагающая роль в этом процессе лежит в технологиях формирования и поддержки современных, так называемых «революций».

Цветная революция – это новая форма политических технологий, применяемых для контролируемой извне смены политической власти. Основным идеологом данных технологий является Дж. Шарп (американский политолог и руководитель института им. А. Эйнштейна). Он является одним из разработчиков архитектуры и механизмов свержения легитимной власти с помощью методов гражданского неповиновения. В 1989 г. при его поддержке на базе Института философии АН СССР был создан Центр по изучению ненасильственных действий. А его труд *The methods of nonviolent action* [24] фактически можно считать инструкцией по подготовке и осуществлению государственных переворотов в виде так называемых «цветных» революций.

Особенно интересным представляется результирующий пункт № 198 «Двойной суверенитет и создание параллельного правительства». Ведь этот фактор как раз и является одним из главных для установления двоевластия в стране-цели и выступает прямым предвестником назревающего политического конфликта с предоставлением возможности государственного переворота. Что характерно, данное произведение получило достаточно широкое распространение, например, на территории Украины (притом на украинском языке под названием «От диктатуры к демократии»¹⁰⁹), именно в канун 2014 г., когда произошло свержение легитимной (хотя и насквозь коррумпированной) власти президента В. Януковича.

Основным постулатом и базовой идеей указанного произведения является тезис о том, что политическая власть не является статичным явлением, а выступает синергетичным образованием, созданным из различных источников. Власть опирается на систему силовых структур или манипулирует системой поощрения и наград, а также осуществляет карательные функции. Согласно данной теории, власть зависит от готовности тех, кто управляет, и тех, кем управляют, к выполнению приказов. Таким образом, базовой основой функционирования политической власти является согласие тех, кем правят.

С этим тезисом можно было бы согласиться, но существует еще один, не учтенный здесь аспект – присутствие интересов и действий третьей стороны, имеющей собственные интересы. То есть формула работала бы в том случае, если бы система была замкнутой, замкнутой на саму себя, но в современной геополитике это невозможно в принципе. А значит, указанные принципы могут

¹⁰⁹ Шарп Дж. От диктатуры к демократии: концептуальные основы обретения свободы. URL: http://aeinstein.org/wp-content/uploads/2013/10/FDTD_Ukrainian.pdf

функционировать узко регионально, выборочно и непродолжительный период. При этом, как мы уже указывали ранее, возникает обстановка, способствующая дестабилизации и возникновению угроз для государственной целостности и функциональности – вплоть до государственного переворота или переформатированию политического строя. Особенно ярко это проявляется, когда процесс конфликта уже запущен, и начинает осуществляться откровенный саботаж действий легитимной власти в образовавшемся контролируемом извне или представителями внешней силы, внутригосударственном хаосе.

Перечисленные технологии переворота были четко продемонстрированы в конфликтах в Грузии в 2003 г., Кыргызстане в 2005 г., попытке переворота в Белоруссии в 2006 г. (так называемая «васильковая революция»), на Украине в 2014 г. Все эти акции осуществлялись при «контролируемом бездействии» и пособничестве государственного аппарата и силовых структур, и при таком же контролируемом активном воздействии неправительственных структур и организаций, представляющих и направляемых внешними силами (разного толка партиями и фондами). Необходимо отметить, что данные технологии отработывались Западом в полном объеме уже с 1973 г., когда были совершены перевороты в Уругвае и Чили по схожим алгоритмам и сценариям. И опять же интересная параллель – труд Шарпа «Методы ненасильственных действий» вышел именно в 1973 г. Совпадение или все-таки закономерность?

При организации направленного воздействия внешними силами на дестабилизацию обстановки в указанных странах одной из основных форм было целенаправленное и методичное воздействие на силовые структуры. Например, одна из технологий манипулирования предусматривает целенаправленное выставление на передовую открытого силового конфликта (забастовка, митинг и т.п.) женщин, стариков или детей в целях психологического воздействия на органы правопорядка с одновременной дискредитацией силовых структур в глазах общественности и дополнительного накала конфликта. Прием «цветочной деморализации» был применен во всех переворотах и их попытках на территории стран СНГ (тюльпаны, розы, васильки и т.д.). А именно – применение трансовых методик управления сознания (психология масс и т.д.) для создания иллюзии воодушевления и массовой поддержки протестного выступления с одновременной психологической подготовкой масс к появлению лидеров, которые начинают указывать конкретные цели и действия, необходимые для обязательного осуществления [21]. Такая «цветочная деморализация», на наш взгляд, является на сегодняшний день действенным инструментом информационной войны.

Подведем итоги нашего исследования. Во-первых, выявлены этапы политических технологий воздействия на легитимную власть с целью ее свержения. Во-вторых, уровень опасности используемых технологий для современной РФ определен как близкий к критическому, ибо воздействию подвергаются наиболее уязвимые места в социально-экономической и национально-политических сферах. В-третьих, зависимость экономики страны от экономик ведущих стран Запада, прежде всего от США, самым пагубным образом влияет на комплексную безопасность страны. В-четвертых, нами

выявлен алгоритм формирования условий для возможного государственного переворота. В-пятых, в исследовании определены пути возможного противодействия угрозам для легитимной власти.

Итак, в настоящее время методы информационной войны позволяют содействовать свержению легитимной власти фактически в любой стране. Специальные политехнологии применяются целенаправленно, продуманно и поэтапно. Исходя из приведенного анализа технологий, механизмов, инструментов и применяемых на сегодняшний день методик ведения информационной и гибридных войн, можно сделать четкое заключение, что против Российской Федерации на данном этапе ведется прагматичная, методичная и последовательная война по рецептам постиндустриального информационного общества.

Все действия западных оппонентов направлены в первую очередь на дискредитацию России как мирового политического актора путем искусственного создания вокруг РФ «железного занавеса», состоящего из стран, лояльных к геополитическому курсу наших западных оппонентов (в первую очередь это политическая ось США – Великобритания). И одним из наиболее действенных инструментов, позволяющим наиболее эффективно и комплексно осуществить данную стратегию, является технология «цветной революции», а попросту говоря – свержение легитимной власти в результате государственного переворота. При этом необходимо понимать, что «обработанные» данной технологией страны, по сути, не нужны как равноправные партнеры ни ЕС, ни США, а представляют собой просто очередное звено и инструмент в стратегии решения европейскими и прочими западными странами своих геополитических и экономических задач на дальнюю перспективу. Видимо, лишь создание Евразийского мира с центром в России позволит обезопасить легитимно избранные правительства от свержения средствами и методами информационной войны.

Библиографический список

1. *Ковалев А.А.* Информационная политика и военная безопасность России в эпоху противостояния цивилизаций: теоретико-методологические аспекты проблемы: монография. СПб: Изд-во «Поликона», 2016. 194 с.
2. *Gauland A.* Das Legitimitätsprinzip in der Staatenpraxis seit dem Wiener Kongress. Berlin: Duncker & Humblot, 1971. 248 S.
3. *Classen A.* Interessenvertretung in der Europäischen Union. Zur Rechtmäßigkeit politischer Einflussnahme. Wiesbaden: Springer VS, 2014. 269 S.
4. *Баранов Н.А.* Место России в трансформирующемся мировом порядке // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2016. № 2-2. С. 79–83.
5. *Добреньков В.И., Агапов П.В.* Война и безопасность России в XXI веке. М.: Академический проект, 2011. 224 с.
6. *Ефимов Н.Н.* Политико-военные аспекты национальной безопасности России. М.: Ленанд, 2014. 240 с.

7. *Золотарёв В.А.* Военная безопасность Государства Российского. М.: Кучково поле, 2001. 536 с.
8. *Кара-Мурза С.Г.* и др. Революции на экспорт. М.: Эксмо; Алгоритм, 2006. 525 с.
9. *Кара-Мурза С.Г.* Советская цивилизация. От начала до наших дней. М.: Эксмо; Алгоритм, 2008. 1200 с.
10. *Кокошин А.А.* Политико-военные и военно-стратегические проблемы национальной безопасности России и международной безопасности. М.: Высшая школа экономики, 2013. 264 с.
11. *Панарин А.С.* Искушение глобализмом. М.: Эксмо-Пресс, 2002. 416 с.
12. *Радиков И.В.* Война в XXI веке и новая семантика военной доктрины России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 5-1. С. 150–153.
13. *Радиков И.В.* Нарастание военно-политической напряженности в условиях глобальной слабости международных институтов и «вырождения» войны // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2015. № 3. С.27–39.
14. *Радиков И.В.* Ослабление государственности как угроза национальной безопасности и международному правопорядку // ПОЛИТЭКС. 2013. Т. 9. № 4. С. 19–31.
15. *Слипченко В.И.* Войны шестого поколения. Оружие и военное искусство будущего. М.: Вече, 2002. 384 с.
16. *Трайнин А.М.* Национальная безопасность России. Лабиринт интервенции из будущего. Кн. 2. Смоленск: Май принт, 2014. 328 с.
17. *Горохов П.А., Вялых В.В.* Современные модификации общественного договора // Теория и практика общественного развития. 2013. № 11. С. 19–23.
18. *Хем М.* Быть диктатором. Практическое руководство. М.: Альпина Паблшер, 2016. 232 с.
19. *Малапарте К.* Техника государственного переворота. М.: Аграф, 1998. 224 с.
20. *Люттвак Э.Н.* Государственный переворот. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2012. 320 с.
21. *Hebditch D., Connor K.* Wie man einen Militärputsch inszeniert. Von der Planung bis zur Ausführung. Graz: Ares-Verlag, 2006. 429 S.
22. *Farcau B.W.* The Coup. Tactics in the Seizure of Power. Westport: Praeger, 1994. 382 p.
23. *Laine I., Kuivalainen O.* The Internationalization of New Russian Ventures: The Institutional Frontier. In: Growth Frontiers in International Business. Springer Verlag, 2017. 382 p.
24. *Sharp G.* The Politics of Nonviolent Action. Part 1. Power and Struggle. Boston: Porter Sargent Publishers, 1973. 144 p.

Проектное управление как методическая основа обеспечения военной безопасности России на современном этапе*

Особенность проекта как формы управленческой организации состоит в своей собственно индивидуальной уникальности, четкой целеопределенности и временности рамок осуществления. Задача проектного управления состоит в эффективном решении проблемных ситуаций, когда существует ряд изначально установленных ключевых категорий проекта, установленных с самого начала возникновения проблемной ситуации или угрозы, и помогающих анализировать ситуацию: цели; конечный результат; ключевые параметры; уровень и степень влияния окружающей среды; критерии оценки эффективности результатов; необходимые для выполнения ресурсы; набор механизмов и инструментария непосредственной деятельности и управления. Главное задание проектного управления состоит в комплексном достижении всех поставленных целей и планомерном поэтапном выполнении задания проекта, с одновременным четким ориентированием на временные рамки его выполнения [1]. Дополнительными факторами проектного управления выступают оптимизация, логическое распределение или интеграция заданий, осуществление которых необходимо для достижения запланированных проектом целей, и контроль бюджетных рамок проекта.

Научный подход, впервые осветивший тему проектного управления, был предложен представителями теории договоров. Базовыми принципами данной теории является идея о существовании множества количеств вариантов организации взаимодействия и договоренностей, и при этом любой субъект способен действовать в зависимости от ситуационного момента по «правилам игры», соответствующим каждой из этих договоренностей.

Базовым пониманием проектного управления выступает проект как отдельный объект управления, с такими характерными особенностями как уникальность, временность, неопределенность, которые и формируют специфику методов управления:

1. Непосредственное управление происходит в условиях неопределенности результатов. Вероятность полного выполнения сроков и объемов плана ограничивается новизной проектных решений и непосредственно уникальностью проекта. Именно поэтому основным аспектом проектного управления выступает сосредоточенность на снижении элемента неопределенности.

2. Риск в проектном управлении считается недопустимым, даже при условии потенциальной позитивной оценки. Поэтому приоритетом обладают те решения, которые обладают более перспективными, и характеризуются большей надежностью для достижения результата.

* Балашов А.И., Ковалев А.А. Проектное управление как методическая основа обеспечения военной безопасности России на современном этапе // Вопросы управления. – 2017. – № 1(25). – С. 157-163.

3. При управлении проектом, в отличие от текущей деятельности классических форм управления, когда производится компромисс между разными факторами и ресурсами, на первый план выступает базовое правило: «время важнее всего». Поэтому для своевременного выполнения этапов проекта предусматривается жертва ресурсной и бюджетной стороной, сохраняя при этом качество выполнения проекта.

4. Само управление проектом выполняется относительно отдельно от текущей деятельности. Необходимость состоит в полном сосредоточении на достижении цели и выполнении задач проекта, с высоким уровнем оперативности при принятии управленческих решений.

Методология проектного управления заключается в разработке, реализации и развитии проекта как сложной системы, воссоздающейся и функционирующей в динамической внешней среде. Основополагающими составляющими элементами проекта выступают идея (проблема и задания), замысел, способы их реализации и результаты решения, достигнутые при реализации проекта.

Государственные проекты, в зависимости от масштаба заданий, можно разделить на монопроекты, мультипроекты или мегапроекты. Например, в рамках мегапроектов проводятся глобальные государственные или общественные реформы, носящие макроэкономический характер на международном, национальном, межотраслевом или отраслевом уровне. Мультипроектами обеспечивается решение менее масштабных проблем в форме комплексных программ. К определению монопроектов можно отнести различные формы инновационных или инвестиционных узконаправленных проектов.

Концепция проектного управления идеально подходит к использованию в любой сфере государственной деятельности. Так, в применении к политической области – это могут быть проекты законодательно-правового регулирования, усовершенствования института власти, доктрины обороны и безопасности. В экономике – проекты приватизации или демонаполизации, промышленных программ или развитие топливно-энергетических систем, реформирования или модернизации финансовой или банковской систем.

Главными аргументами применения проектного управления при разработке программ и проектов в сфере государственной деятельности являются следующие [2]:

- возможность разработки и внедрения государственных программ в независимости от их уровня и степени сложности вследствие универсальности данной концепции;

- на базе проектного управления есть возможность эффективного решения контрольных функций сроков и затрат как на уровне государственных органов, так и на общественном;

- механизмы проектного управления дают возможность при реализации программ координировать множество задействованных в них структур и органов, обладая значительной гибкостью;

- проектный подход дает возможность иерархической структуризации заданий проекта, что дает возможность оперативно включать в структуру проекта

лишь самые необходимые и достаточные задания с эффективной оценкой выполнения заданий и общим контролем.

Эффективное обеспечение национальной безопасности в значительной степени зависит от потенциала военной организации, который, в свою очередь, базируется на экономических возможностях государства. При этом, несмотря на то, что военная сфера, являясь одной из основных и взаимосвязанной с абсолютным большинством прочих областей государственного управления, представляет на сегодня довольно слабоструктурированную систему, из-за отсутствия методологии и инструментария с целью моделирования её эффективной деятельности.

Новая историческая и военная реальность формирует новую парадигму военного строительства, основанного на взвешенном анализе и оценке осуществляемых в военной организации государства реформ с целью обеспечения военной и национальной безопасности России.

Для выработки эффективной военной политики в условиях институциональных и структурных преобразований государства и армии, необходимо получение конкретных научно-практических результатов, путем формирования оценочной методологии ресурсной обеспеченности и потенциального развития, с помощью информационно-аналитического инструментария, способного обеспечить объективное исследование состояния эффективности модернизации российской военной организации и ее оборонную готовность.

В состоянии кризиса современной геополитической ситуации, что характеризуется динамичной эскалацией и трансформацией существовавшей системы международных отношений, из-за политического и ресурсно-экономического противостояния, ведущими мировыми державами, включая и Россию, не исключается вероятность использования вооруженных сил с целью обеспечения защиты собственной безопасности и национальных интересов. В связи с этим наблюдается резкая динамика наращивания военной мощи и потенциала, как основной характеристики способности государства обеспечить свою национальную безопасность.

Результативность оборонных расходов, при построении новых подходов и моделей к оценке эффективности обороноспособности, необходимо рассчитывать как соотношение между результатами деятельности и расходами на их достижение, с учетом степени реального достижения результатов. Эта схема расчета результативности является классической. При подходе с точки зрения проектного управления необходимо проводить исследования относительно возможности замены существующих традиционных показателей боевой эффективности (характеристика выполнения поставленных задач личного состава и рациональность использования вооружения и военной техники), на применение индикативных показателей, интегрирующих вклад каждого звена сложной системы в выполнение конкретной боевой задачи-проекта [4].

Одной из таких новых проектных концепций управления в военной сфере, стала теория Джона Бойда OODA (Observe – Наблюдение, Orient – Ориентация, Decide – Решение, Act – Действие). Данная формулировка является в высокой

степени универсальной по применимости при применении в решении различных задач анализа и моделирования, с целью получения четкого алгоритма действий и инструмента для контроля эффективности выполняемых процессов.

В основу своей теории Бойд положил три базовых теоремы [3]:

1. Теореме Гёделя о неполноте, гласящую о том, что абсолютно любая логическая модель реальности по определению не является полной (или несостоятельной) и поэтому должен происходить процесс непрерывного улучшения (адаптации) с корректировкой в виду постоянно поступающих новых данных;

2. Принцип неопределенности Гейзенберга о существовании некоего предела способностей производить наблюдения с достаточной точностью. В результате любые малые погрешности наблюдений, используемые в процессе вычислений, приводят к разной пропорциональности увеличения объема получаемых неточностей в течение времени;

3. Любая замкнутая система проявляет стремление к увеличению через процесс хаоса, и, как следствие, в природе абсолютно любой заданной системы заложен фактор непрерывного изменчивого состояния, даже в условиях принятия внешних мер с целью сохранить её в неизменном исходном состоянии. Кроме того, любое наше воздействие со стороны на систему будет производить непреднамеренный сторонний эффект, что в результате приводит к динамике роста скорости протекания процесса изменений энтропии этой системы (и как следствие, к полному хаосу).

Взяв эти базовые положения как знаменатель, Бойд предложил их для уравнивания деятельности системы с динамической реальностью, способной осуществлять выполняемые действия в виде непрерывного цикла, с учетом постоянной динамики изменений среды и в постоянном с ней взаимодействии.

Дополнительно Бойдом была выдвинута гипотеза относительно того, что цикл деятельности и принятия решения OODA выступает основополагающим звеном механизма адаптации любой системы, и поэтому преимущество в степени и скорости цикла выполняемых действий и является потенциалом роста эффективности деятельности системы.

Таким образом, фактически любую деятельность в динамично меняющейся среде, а особенно это касается военной сферы, с определенной степенью приближения можно представить с помощью теории OODA в форме управляемого проекта, в котором многократное повторение условной петли действий (наблюдение-ориентация-решение-действие) отражает динамику реального развития ситуации по спирали, и при этом каждый виток помогает осуществлять постоянное взаимодействие с окружающей средой, являясь этапом проекта, и повторное действие деятельности системы получается более эффективным, чем предыдущее.

Эффективность процесса добивается благодаря принципу «обратной связи», при которой часть результатов на выходе системы обратно перенаправляется на её вход с целью уточнения и корректировки дальнейших этапов развития системы до полного достижения спланированного результата.

Исходя из теории петли OODA Бойда, любой человек или структура при осуществлении своей деятельности формирует свой алгоритм принятия решений. И любой алгоритм состоит из четырех фундаментальных элементов:

– этап первый – наблюдение – это подготовительный период по сбору информации, для дальнейшего использования при принятии решения. Получаемая информация поступает как от внешних, так от внутренних источников. Такими внутренними источниками могут выступать некие элементы обратной связи, например KPI (Key Performance Indicators) или обычные коэффициенты. Роль внешних источников играют любые доступные и стандартизированные каналы получения необходимой информации;

– этап второй – ориентация – является более сложным и ключевым звеном всего цикла OODA.

Данный этап представляет собой два подзвенья: разрушение (destruction) и созидание (creation). На первом шаге ситуацию разбирают на дробные элементарные части, более удобные для восприятия. В условиях структуры, принимающей решение, ситуация разбирается на связующие элементы такого уровня, когда полученные компоненты не станут соответствовать типовым стандартизированным для системы ситуациям. Именно это и выступает основной задачей субъекта, который принимает решение – идентифицировать текущую ситуацию по заранее определенным доктринальным установкам и инструкциям, что можно достичь путем планового обучения и тренировок, с целью накопления необходимой базы знаний и навыков.

Следующим шагом является этап составления решений подзадач в конкретный обобщенный план действий, это и есть пункт «созидания».

– этап третий – непосредственного принятия решения (decision) – субъект, принимающий решение, определяет реальность плана и приступает к его выполнению. Если существует несколько альтернативных вариантов действий, то выбор наиболее приемлемого, осуществляется согласно критерия «эффективность – стоимость» или любому другому согласно поставленной конечной задачи. Главными требованиями, предъявляемыми к плану, являются быстрота воплощения и его надежность.

– этап четвертый – действие – заключительное действие цикла в виде практической реализации выбранного вектора действий по выполнению плана. Формируется в виде приказа или указания с целью мониторинга деятельности в следующем цикле процесса, что является фактором важности для контроллинга управления проектом.

В отличие от других циклических моделей, управленческая проектность цикла OODA Бойда предполагает и учитывает наличие соперничества или конкуренции, когда соперник производит действия в рамках и по правилам своей собственной петли решений.

Кроме того, в роли противостоящей стороны может непосредственно выступать динамически изменяющаяся внешняя среда.

Основными способами достижения максимальной профессиональной эффективности, исходя из теории Бойда, выступают два тактических приема. Первый – ускорение циклов действий в количественном измерении. Второй

способ – качественное улучшение принимаемых управленческих решений. Проводимые планомерно подобные действия позволят получить качественные и количественные улучшения, для чего, собственно говоря и создается любой проект.

Следует учитывать, что в условиях конкурентной среды, которая является одновременно и результатом и условиями, происходит взаимодействие большого количества субъектов управления, чем и определяется соответствующий уровень соперничества и его влияние на процесс принятия решений.

Теорией Джона Бойда петля OODA рассматривается как формат единой типовой модели цикла по принятию решений управления, притом как собственным ресурсом, так и ресурсом противника. Таким образом, благодаря широкому составу функциональных блоков и когнитивным возможностям, концепция OODA является усредненной циклической формой известных циклических моделей, используемых при принятии решения в военной сфере.

Существует заметная схожесть цикла Бойда с общей методологией научного метода: наблюдение – формирование гипотезы – проверка гипотезы – выстраивание гипотезы, которая соответствовала бы наблюдениям. Еще одной отличительной от других циклических моделей особенностью является фактор обязательного наличия противника, против которого осуществляется борьба. Со свое стороны и действия противника направлены на принятие решения в пределах такой же петли.

Классически цикл OODA состоит из четырех последовательных этапов [3]:

1. Наблюдение (observation) состоит из процесса сбора необходимой информации, предназначенной для принятия решения в конкретном данном случае. Информация получается из внешних (датчики и другие каналы информации), и внутренних (элементы обратной связи петли).

Для того, чтобы наблюдение имело научный характер, необходимо что оно носило характер:

1. Планомерности и не случайности;
2. Было последовательным и систематическим;
3. Обеспечивалось большим количеством фактов о предмете наблюдения.

Естественным образом наблюдение должно носить объективность в процессе всего исследования. С научной точки зрения наиболее плодотворным является экспериментальное исследование, особенностью которого выступает тот аспект, что изучение явления (предмета исследования) происходит при разных обстоятельствах и в разных условиях.

2. Ориентация (orientation) – наиболее сложный и ключевой этап цикла OODA состоящий из двух поэтапов: разрушения (destruction) и создания (creation). В первом случае ситуация разбивается на элементарные части, декомпонируя задачи до уровня стандартизации составных задач, или типизации ситуаций, с целью облегчения понимания и для которых у лиц, принимающих решение уже существует план действий. С выделенными элементарными подзадачами ознакомление достигается через обучение, тренировку, накопление багажа опыта и инструкций, сформированных доктринальными установками и множественности планов. То есть происходит поэтапная проработка проекта

путем управления и координации процессов. Текущая ситуация идентифицируется лицом принимающим решение с уже знакомыми, и применяется заранее разработанный и согласованный план действий. Затем осуществляется созидательное объединение элементарных подпланов в общий план действий. Или процесс остается на этапе ориентации, если нет реальных планов, подходящих для выбора решения и осуществляется дальнейшая декомпозиция задачи. В случае невозможности осуществлять дальнейший успешный план, путем измельчения, то наступает последний цикл. С целью обработки информации, полученной с помощью применения исследовательских методов, для этапа ориентации применяются методы анализа и синтеза. Анализ дает возможность изучать качества, свойства и характеристики исследуемого объекта путем условного разделения на отдельные составные части. Через синтез осуществляется обобщение информации об отдельных составляющих и формируется совокупность информационных данных об объекте исследования в целом. Таким образом, происходит формирование прогнозов на ближайшую и далекую перспективу, на основе результатов полученных в процессе анализа и синтеза. Также, для самого прогнозирования применяются методы расчета и экстраполяции.

3. Принятие решения (decision) – на данном этапе происходит выбор лучшего сформированных планов. Чаще всего данный выбор осуществляется согласно критерия «эффективность – затраты», но в условиях лимитированного времени предпочтение отдается плану, предлагающему более быструю достижение уровня надежности.

При принятии решений используются следующие методы:

– метод эффективности-стоимости (построение моделей эффективности, стоимости, синтеза стоимости и эффективности);

– метод теории надежности – сохранение техническими объектами своих свойств во времени и в пределах значения всех установленных параметров, которые должны функционировать в заданном режиме и условиях применения.

4. Действие (action) – данный этап цикла характеризуется практической реализацией выбранного плана действий в форме выдачи указания, физической атаке или защите, перемещениях в пространстве и т.п.

Исходя из вышеизложенного следует понимать, что чем дольше мы входим в действие, тем большим временным ресурсом располагает противник. Поэтому тщательная взвешенная подготовка каждого звена петли и постоянные упражнения по устранению задержки путем тренировок – наиболее оптимальный подход к решению вопроса ускорения прохождения петли.

В качестве применения петли OODA в военной сфере применяются два базовых способа по достижению преимущества. Либо в качественном изменении убыстрить действие своих циклов, что даст возможность проводить действия первыми и вынудит противника реагировать на наши действия. Либо провести качественное улучшение принимаемых решений, более соответствующих обстановке, решений противника. При этом следует учитывать, что качественность решений приводят к лучшим результатам чаще, чем просто быстрые, ввиду в недостаточной степени просчитанных действий. Поэтому для

каждого шага процесса необходимо планомерное качественное и количественное улучшение, что и является прямой функцией проектного управления. При использовании цикла OODA, согласно теории Бойда есть два базовых способа получения преимуществ. Либо опережать его за счет ускорения собственной петли действий, либо производить «регулирование изнутри» процесса деятельности противника. При этом при ускорении процесса принятия решений может существовать два эффекта. В первом эффекте при внедрении своего плана первыми можно вызвать смятение в обстановке ранее, чем начнутся действия противника, поэтому этот эффект имеет сугубо наступательный характер. Преимущество первенства в действиях дает возможность занимать рубежи раньше, чем это запланировал противник, то есть убить противника раньше, чем он начнет стрелять. При втором случае противодействующая сторона, избегая уязвимого или вредного воздействия от противника, ускоряет собственный цикл действий OODA делает его оборонительным, и действуя вопреки ожиданий атакующего соперника. И качественность принимаемых решений будет более высокой, чем у противника. При этом конкурентное преимущество достигается либо через совершенствование своих решений, либо через ухудшение качества решений, которые принимаются стороной противника. Применяя автоматизированные системы управления, совершенствуя информационно-аналитическое и разведывательное обеспечение, экспертные и системы поддержки можно значительно повысить качество принимаемых управленческих решений. С помощью обучения и тренировок также значительно улучшается как процессы принятия решений, так и отрабатывается требуемая в конкретных условиях информация. При правильной организации совершенствования своего цикла OODA возникает реальная возможность снижения качества цикла принятия решений и общей функциональной деятельности противника, формировании помех и эффективное противодействие системам разведки и наблюдения, через введение противника в заблуждение или дезориентации (уже на этапе наблюдения и оценки), или с помощью принятия решения нехарактерного или непредсказуемого для противника.

Такая форма осуществления проектного управления как цикл OODA привлекательна на данном этапе для военной сферы тем, что в нем возможно максимально эффективное использование современных высокотехнологических и информационных технологий, а реализации максимальной скорости цикла Бойда помогает полная автоматизация и информатизация всех этапов анализа, принятия решений и осуществления действий.

Выводы. Проектное управление первых этапов цикла OODA основано на процессе сбора информации, методичном её распределении, осмыслении, анализе и принятии конечного решения на базе результатов обработанной информации. Ведь именно темп и правильность (в соответствии с обстановкой) принятия решений, являются основой любого эффективного управления и деятельности. Широка возможностей и простота алгоритмизации процесса управления данного проекта открывает широкие возможности во многих областях государственного применения, включая политику и военную сферу. Именно поэтому теорию циклов Бойда можно применить в качестве проекта по недопущению войны. Так

как в рамках государств, роль соперника играет аналогичный по своему функционалу и показателям объект, а место победы в конкурентной борьбе определяется политическим весом, экономическим или военным потенциалом, то основываясь на этих приоритетных и ключевых факторах можно выстроить модель цикла OODA, когда постоянная спираль циклов, постоянно контролируясь и корректируясь государством, сможет уберечь ситуацию от эскалации.

Библиографический список

1. *Бронникова Т.С.* Разработка бизнес-плана проекта. М.: Инфра-М, 2016. 224 с.
2. *Васильев А.И., Прокофьев С.Е.* Организация проектного управления в органах государственной власти // *Управленческие науки.* 2016. №4. С.44-52.
3. *Ивлев А.А.* Основы теории Бойда. Направления развития, применения и реализации. М., 2008. С.7.
4. *Хрусталева Е.Ю.* Глобальное военное противостояние и методология оценки обороноспособности России // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность.* 2013. № 9. С.2-9.
5. *Панина О.В.* Проектное управление в органах государственной власти // *Альманах мировой науки.* 2017. № 1-2 (16). С.122-125
6. *Шестаков В.А., Антошин В.А.* Комплексное управление безопасностью на государственном уровне // *Вопросы управления.* 2015. №4 (16). С.68-77.
7. *Клочков В.В., Селезнева И.Е.* Стратегические и прогнозные исследования и разработки: проблемы методологии и организации // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность.* 2017. Т.13. №3 (348). С.449-463.
8. *Гончаров Г.А.* Управление институциональными изменениями: сложности и их решение на пути к успеху // *Вопросы управления.* 2016. №1 (19). С.7-11.

Ресурсная безопасность как составляющая общей системы безопасности государства*

Введение

Общая система безопасности государства состоит из целого ряда отдельных направлений (видов) безопасности. Так, согласно Д.Г. Балуеву, термин «национальная безопасность» является аналогом английского термина national security, который переводится и как «национальная», и как «государственная безопасность». Однако другие авторы считают термины «государственная

* Ковалев А.А. Ресурсная безопасность как составляющая общей системы безопасности государства // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность.* – 2017. – Т.13. – № 9. – С. 1775-1784.

безопасность» и «национальная безопасность» не синонимами, а самостоятельными понятиями [1].

И.В. Гончаров утверждает, что национальная безопасность включает в себя все виды безопасности (государственную, экономическую, политическую, конституционную, социальную, продовольственную и др.) [2]. С.В. Гунич и А.И. Зубков считают, что под национальной безопасностью подразумевается тройная составляющая – безопасность личности, безопасность общества и безопасность государства¹¹⁰ [3].

Одним из направлений государственной политики в области национальной безопасности является безопасность геополитическая, представляющая собой процесс управления, при котором государственные и негосударственные органы обеспечивают контроль и надзор за ресурсами земного, водного, воздушно-космического и информационного пространства собственной страны [4].

Факторы развития и угрозы политике общей безопасности государства переплетаются, взаимодействуют и взаимозависят на различных уровнях управления экономикой – национальном, региональном и мировом. В связи с этим комплекс по реализации политики безопасности должен быть направлен на эффективное использование внешнеэкономического потенциала страны, развитие экспортно ориентированного производства и трансграничного сотрудничества, включая реализацию региональных межгосударственных проектов, формирование благоприятного устойчивого инвестиционного климата через планомерное достижение стратегических и тактических целей функционирования и развития внешнеэкономической и внутренней социально-экономической систем государства.

Созданием благоприятных условий для развития экономики достигается повышение уровня конкурентоспособности страны, что обеспечивает экономическую безопасность государства через достаточное обеспечение ресурсами требуемого уровня национальной безопасности¹¹¹.

Современная система международных отношений представлена не столько национальными границами, сколько разделением на «зону мира», представленную странами Запада и «зону конфликта», которую представляют государства Востока и Юга. И если государства Запада больше озадачены такими проблемами, как сепаратизм, экстремизм и терроризм, то страны «зоны конфликта» заняты наращиванием своего вооруженного потенциала [5, 6].

Парадоксальность современных международных отношений состоит в том, что существует четкое противоречие между настойчивым стремлением западных стран к максимальному обеспечению своей ресурсной безопасности за счет ущемления суверенитета других стран, обладающих такой необходимой Западу ресурсной базой. Яркими примерами в этих дискриминационных взаимоотношениях выступает политика Запада, направленная против Ирака и

¹¹⁰ Зубков А.И. Геополитика и проблемы национальной безопасности России: учеб. пособие. – М.: Юридический центр, 2004. – 240 с.

¹¹¹ Блохин С.В. Понятие экономической безопасности // Вестник Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации. – 2006. – № 5.

Ливии в виде прямой военной агрессии и фактической оккупации данных государств.

Применяются и косвенные методы контроля, как это было случае с Россией, когда в 2014 г. США ввели санкции в отношении ведущих отраслей и секторов экономики Российской Федерации. И одним из рычагов санкционного воздействия стал запрет экспортных поставок американским компаниям любого оборудования, комплектующих и технологий, применяемых в сфере разведки и добычи углеродного сырья. Подобные же санкции были введены и Евросоюзом 31 июля 2014 г. Данные запреты сократили возможности российских нефтегазовых компаний в вопросах технологического и экономического маневрирования, чем создали сложную ситуацию не только для самой отрасли, но и в целом для всей российской экономики¹¹². Именно поэтому, исходя из изложенного, мы поддерживаем точку зрения ряда отечественных исследователей относительно того, что в современных геополитических условиях России необходимо проводить достаточно жесткую внешнюю политику, отстаивающую ее интересы в мировом сообществе и гарантирующую обеспечение национальной безопасности государства [7].

В контексте сказанного необходимо отметить, что конкурентоспособность страны зависит от неравномерности расположения мировых ресурсов и от возможности целостно обладать, разрабатывать и защищать свою ресурсную базу. Этим аспектом определяется возможность занимать и планомерно удерживать высокие позиции по определенным видам экономической деятельности на геоэкономическом поле. Экономическая безопасность государства – это фактор стабильного и устойчивого развития на основе формирования экономико-правовых, институциональных, организационных и технологических условий, способных обеспечить сохранение и эффективное использование природных ресурсов, производственных мощностей в целях повышения уровня конкурентоспособности страны в соответствии с вызовами времени.

Ресурсная безопасность государства

Усиление глобализационных тенденций в мирохозяйственных связях, интеграционные процессы, переход экономических систем к постиндустриальному технологическому укладу, динамичное развитие информационно-коммуникационных технологий, чрезмерное обострение экологических проблем продуцируют новые научно-технологические вызовы и экономические угрозы развитию национальных экономик в частности и всей современной системе международных отношений в целом. И одним из основных факторов, вызывающих рост конфликтного потенциала как между отдельными государствами, так и целыми регионами и нарушающих баланс в системе международной безопасности, является проблема ресурсной безопасности.

Ключевую роль при принятии эколого-экономических решений относительно управления минеральными, водными, земельными, лесными и

¹¹² Пономарёв Н.Н. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года как важнейшее направление обеспечения национальной безопасности. Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2016. – № 1.

биологическими ресурсами должны выполнять процессы регулирования эффективного ресурсопользования. Согласование региональной, национальной и международной политики рационального природопользования через экономические и правовые механизмы призвано формировать и совершенствовать экономические стратегии развития национального хозяйства.

Экономическая безопасность государства является сложной многовекторной и многофакторной категорией, характеризующейся уровнем открытости и независимости национальной экономики, что обеспечивается путем эффективной реализации ресурсного, экспортного, инновационного, интеллектуального и трудового потенциалов. Именно этот аспект способен стать объективной предпосылкой противостояния внешним и внутренним геоэкономическими геополитическим угрозам.

Некоторыми учеными экономическая безопасность рассматривается как величина, которая помогает качественно рассмотреть экономику, выступая одной из ее характеристик ¹¹³. Более целостное определение экономической безопасности дает С.Ю. Глазьев: «Безопасность экономическая – это состояние экономики и производительных сил общества с точки зрения возможностей самостоятельного обеспечения устойчивого социально-экономического развития страны, поддержания необходимого уровня национальной безопасности государства, а также должного уровня конкурентоспособности национальной экономики в условиях глобальной конкуренции» [8].

Согласно стратегии национальной безопасности, в систему экономической безопасности включены все виды безопасности, которые предусматриваются нормативно-правовыми актами: экономическая, финансовая, информационная, фондовая, кадровая, общественная, ресурсная, валютная, ценовая, государственная, энергетическая, экологическая, транспортная, а также безопасность личности ¹¹⁴. Следовательно, и укрепление экономической безопасности государства должно быть комплексным и заключаться в объективной расстановке стратегических приоритетов в условиях современности с особым акцентом на все тактические процессы и оперативные подпроцессы [9].

Ресурсные проблемы затрагивают интересы широкого круга экономических субъектов, так как носят трансграничный характер, а следовательно, для их решения требуются институциональные подходы. Связано это прежде всего с проявлением таких факторов, как:

- прогрессирующая ограниченность большинства природных ресурсов;
- обострение различных форм конкурентной борьбы за сырьевую и энергетическую ресурсную базу;
- риск возникновения геополитических и даже вооруженных конфликтов как следствие неравномерного распределения ресурсов и отсутствия четко

¹¹³ Буторин В.К., Ткаченко А.Н., Шпилов С.А. Основы экономической безопасности. Т. 1. Системные концепции экономической безопасности. – Кемерово, 2007. – С. 20–22.

¹¹⁴ Пономарёв Н.Н. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года как важнейшее направление обеспечения национальной безопасности. Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2016. – № 1.

обозначенных правил координации действий международного сотрудничества в сфере ресурсопользования.

Противоречия, которые сопровождают современный этап развития социально-экономических систем, возникают между формами привлечения и использования природно-ресурсного потенциала, уровнем ресурсной и экономической безопасности, а также потребностями и возможностями экономического роста. Процесс глобализации наряду с положительным влиянием на социально-экономическое развитие (в форме динамичного развития международного сотрудничества, обмена достижениями в информационных и высоких технологиях, стремительных прорывах научно-технического прогресса) одновременно внес в мировое сообщество и негативную линию в виде роста динамики международных военно-политических конфликтов из-за такого же динамичного роста потребности в ресурсах.

До недавнего времени к природным ресурсам были отнесены «объекты естественной природной среды, пользующиеся спросом и экономически рентабельные для добычи (производства) и сбыта в необработанном виде или после минимальной обработки»¹¹⁵. Но на сегодняшний день более приемлема и отражает действительность следующая трактовка, данная ОЭСР в 2015 г.: «термин «природные ресурсы» обозначает возобновляемые и невозобновляемые запасы ресурсов в природе (минеральные ресурсы, энергетические ресурсы, почвенные ресурсы, водные ресурсы и биологические ресурсы)»¹¹⁶.

Парадокс регулирования природопользования состоит в том, что данный процесс осуществляется путем применения сугубо экономического механизма – как совокупности поощрительных, принудительных и компенсационных мер в целях воздействия на поведение людей в сфере производства товарной продукции и способов создания материальной заинтересованности товаропроизводителей и иных участников процесса материального производства в соблюдении экологических требований [10]. То есть, в данном случае речь не идет о формировании у товаропроизводителей заинтересованности в рациональном природопользовании и в охране природы. При этом данный аспект касается стран как с плановой, так и рыночной экономикой.

Ресурсно-экономические отношения из-за своего интернационального характера затрагивают абсолютно все сферы жизнедеятельности:

- политику (путем системы международных отношений, экономической и военно-политической интеграции, через сферу геополитики);
- экономику (путем процессов производства и потребления, через торговые и конкурентные взаимоотношения);
- военную сферу (военно-политические и вооруженные конфликты);
- экологическую и социокультурную области (образование, медицина, экология, безопасность, культурная сфера).

¹¹⁵ World Trade Report 2010. Trade in natural resources. URL: http://wto.org/english/res_e/booksp_e/anrep_e/world_trade_report10_e.pdf

¹¹⁶ Material Resources, Productivity and the Environment, OECD Green Growth Studies. OECD Publishing, Paris, 2015. P. 168-169.

Ресурсные конфликты выступают как следствие неэффективности экономико-экологических режимов государств и использования конфликтной политики в сфере ресурсопользования как основной стратегии при освоении или распределении природных ресурсов. Особенно это правило справедливо по отношению к категории невозобновляемых (нефть, газ, минеральные залежи) и трудновозобновляемых ресурсов (земельным, водным, лесным). В результате таких спланированных или неумышленных действий экономических субъектов, когда пересекаются интересы различных экономических субъектов относительно обладания или контроля над природным ресурсом или экологической ценностью, и возникает опасность ресурсного конфликта.

Таким образом, ресурсный конфликт можно охарактеризовать как внутреннее или межгосударственное противостояние враждебно настроенных сторон за право собственности, использования, контроля или распределения природных ресурсов, сопровождаемое возможным применением насильственных форм борьбы при достижении этой цели. Еще одним фактором, провоцирующим возникновение ресурсных конфликтов на локальном или глобальном уровнях, является отсутствие четкого и прозрачного международного механизма оценки и распределения возобновляемых и невозобновляемых ресурсов.

Динамика социально-экономического развития современного общества и сопутствующий рост темпов привлечения ресурсной базы для полноценного и соответствующего обеспечения функционирования национальных экономик указывают на актуальность и необходимость проведения исследований по проблематике изучения вопросов возникновения, оценки и противодействию ресурсным конфликтам, как ключевой угрозе экономической и ресурсной безопасности государства.

Таким образом, ресурсную безопасность государства можно охарактеризовать как уровень привлечения ресурсного потенциала в процессы производства и потребления, который обеспечивает эффективное функционирование национальной экономической системы и ее экономический рост и для которого характерна устойчивость к внутренним и внешним негативным угрозам, направленность на уменьшение вероятности конфликтного потенциала действий вовлеченных в процесс экономических субъектов, а также гарантируется государственный суверенитет за счет достаточности собственных природных ресурсов.

Рассмотрим основные виды ресурсных вызовов и рисков в общей системе экономической безопасности государства.

Земельный ресурсный конфликт. К основным рискам возникновения подобного типа конфликта можно отнести: неурегулированность законодательства относительно закрепления прав собственности и разрешений на разведку, разработку и использование как на национальном, так и на международном уровнях; неурегулированность процедур управления трансграничными земельными ресурсами, которые особенно важны в вопросах обеспечения ресурсной безопасности, так как существует риск перераспределения собственности, находящейся под контролем субъектов других стран; проблемы с разработкой и внедрением механизмов и инструментов

рентных отношений в области землепользования (особенно в развивающихся странах).

Водный ресурсный конфликт. Данный вид конфликта возникает под воздействием таких факторов, как: физическая ограниченность водных ресурсов; противоречия, возникающие при использовании водных ресурсов между двумя или более субъектами; отсутствие альтернативных источников водных ресурсов (например, опреснение воды или наличие ресурса в виде подземных вод); нежелание сторон выстраивать неконфликтную политику относительно совместного использования (потребления) водных ресурсов. Также необходимо отметить, что иногда водный ресурсный конфликт возникает не вследствие дефицитности, а из-за неэффективности используемых механизмов и инструментов управления и распределения. Как правило, это происходит из-за ограниченности институциональных возможностей, при неурегулированности имущественных прав или недостаточной прозрачности процедур управления. Среди прочих причин можно назвать несовершенство процедур распределения и оценки использования водных ресурсов.

Существующий дефицит водных ресурсов или угроза его возникновения побуждают и водообеспеченные страны, и страны с водным дефицитом выработать водосберегающие стратегии для своих национальных экономик в целях получения максимальной эффективности и отдачи от водопользования. Так, например, для сохранения своего водного потенциала такие водообеспеченные страны, как Австралия, Аргентина, Бразилия, Канада, США осуществляют значительный объем экспорта водоемких видов продукции (сельхозпродукция, водосберегающие технологии и промышленное оборудование). Таким образом, через конечную продукцию происходит косвенная «транспортировка» избытка водных ресурсов. Со своей стороны вододефицитные страны (такие как Япония, Южная Корея, Италия, Великобритания, Германия, Израиль, страны Среднего и Ближнего Востока) импортируют водоемкую продукцию в целях экономии своих ограниченных водных ресурсов. Подобным образом происходит некая виртуализация «торговли водой» [11].

Минеральный ресурсный конфликт. Причины возникновения: ограниченность данного вида ресурсов; самая высокая материальная ценность среди всех природных ресурсов и, как следствие, борьба за владение (использование) в целях получения значительной экономической выгоды; значительный риск коррупционных схем при продаже, перераспределении или использовании; ресурсная зависимость национальной экономики и, как следствие, замедление темпов социально-экономического развития [12].

Лесной ресурсный конфликт. Возникновение этого типа конфликта возможно при наличии исторических и этносоциальных факторов. Непосредственно лесной ресурс никогда не был единственной причиной конфликта, обычно являясь одним из звеньев конфронтации экономической, политической или социальной. Относительную конфликтогенность лесного ресурса в сравнении с минеральными, водными, земельными или энергетическими, можно объяснить его доступностью, транспортабельностью,

низкой капиталоемкостью, производительностью и фактором самовоспроизведения.

Вследствие неравномерного распределения энергетических ресурсов они относятся к политическому инструментарию практически всех современных государств. Различие применения этого инструментария заключается только в том, что согласно двум основным моделям энергетической политики, одни страны используют экспорт ресурсов для получения сверхприбылей от их продажи (здесь следует учитывать то обстоятельство, что топливно-энергетический комплекс России является системообразующей базой ее экономики, так же как и у некоторых арабских стран и государств Средней Азии). Страны Запада же, не обладающие собственными существенными запасами природных ресурсов, придерживаются альтернативной модели – стараются диктовать или контролировать процесс поставок энергоресурсов на свои рынки вплоть до военного воздействия на государства, обладающие достаточной ресурсной базой.

Таким образом, основная задача государственной политики по вопросу обеспечения национальной безопасности заключается в обеспечении формирования основ устойчивого планомерного развития, уменьшении конфликтного потенциала в сфере природопользования на национальном и международном уровнях.

В целях обеспечения национальной безопасности государства и повышения конкурентоспособности экономики страны необходимо формирование концепции устойчивого развития и эффективного природопользования, что, в свою очередь, требует осуществления структурной перестройки национальной экономики и трансформации социально-экономических отношений с учетом проявлений современных геополитических и геоэкономических вызовов и ресурсных угроз.

Выводы

В современном глобализационном мире роль и вес любого государства на геополитической арене зависит от уровня конкурентоспособности страны в геоэкономической сфере. Это напрямую зависит от эффективности формирования и реализации своих конкурентных преимуществ. Особенно этот аспект касается области обладания и использования ресурсной базы. Несмотря на то, что торговля ресурсами является основной статьёй доходов бюджета РФ, необходимо четко осознавать и учитывать тот факт, что запасы ресурсной базы имеют тенденцию к сокращению и исчерпанию. Именно поэтому в целях обеспечения ресурсной безопасности государства необходима разработка мер по нивелированию данной угрозы через переориентирование, поиск и замену классических источников энергии и производственного сырья на неисчерпаемые и возобновляемые альтернативы.

Библиографический список

1. *Фатеев К.В.* Военная безопасность Российской Федерации и правовые режимы ее обеспечения (теоретико-правовое исследование). М.: Военный университет, 2004. С. 17.
2. *Гончаров И.В.* О соотношении понятий «национальная безопасность», «государственная безопасность», «конституционная безопасность» // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 1. С. 116–122.
3. *Гунич С.В.* Конституционно-правовые аспекты определения сил обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 6. С. 15–17.
4. *Костин В.И., Костина А.В.* Национальная безопасность современной России: экономические и социокультурные аспекты. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. 342 с.
5. *Dhurba Rizal.* South Asia and Beyond: Discourses on Emerging Security Challenges and Concerns. New Delhi: Adroit Publishers, 2012. P. 53.
6. *Пономарёв С.В., Юрченко А.А.* Влияние санкций на экономику России // Молодой ученый. 2016. № 4. С. 478–481.
7. *Гриценков А.И., Глушак Н.В., Глушак О.В.* и др. Глобализация и национальная безопасность России // Вестник Брянского государственного университета. 2015. № 2. С. 323–325.
8. *Глазьев С.Ю.* Основы обеспечения экономической безопасности страны // Российский экономический журнал. 1997. № 1. С. 5.
9. *Шилевская Е.В.* Экономическая безопасность страны: угрозы и пути ее обеспечения. Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 5-1. С. 188–193.
10. *Гарнов А.П., Краснобаева О.В.* Общие вопросы эффективного природопользования: монография. М.: ИНФРА-М, 2016. 215 с.
11. *Перелет Р.А.* Торговля виртуальной водой и формирование бирж водных ресурсов: материалы IX международной конференции Российского общества экологической экономики «Экономические механизмы решения глобальных экологических проблем России». Барнаул: Изд-во Фонда «Алтай – 21 век», 2008. С. 160–165.
12. *Полтерович В., Попов В., Тонис А.* Экономическая политика, качество институтов и механизмы «ресурсного проклятия». М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2007. 98 с.

Роль Совета Безопасности Российской Федерации в военной политике*

Президент Российской Федерации В.В. Путин в ходе посещения авиабазы Хмеймим в Сирии 11 декабря 2017 г. заявил, что активная фаза боевых действий

* Ковалев А.А. Роль Совета Безопасности Российской Федерации в военной политике // Вестник Поволжского института управления. – 2017. – Т.17. – №6. – С.4-10.

завершена, Вооруженные Силы Российской Федерации успешно справились с задачей по ликвидации растущей угрозы глобального терроризма и экстремизма, его новых проявлений. Министру обороны и начальнику Генерального штаба был отдан приказ к выводу российской группировки войск из Сирии в пункты постоянной дислокации. За два года до этого, в сентябре 2015 г., Верховный Главнокомандующий получил от верхней палаты Российского парламента согласие на использование Вооруженных Сил Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации. Поддержку в правильности выбранного решения ему тогда оказал Совет Безопасности Российской Федерации – совещательный орган, изучающий и прогнозирующий обстановку в стране и мире, предлагающий Президенту разные варианты решения сложившейся ситуации, главным образом касающихся первостепенных задач военной политики [1].

В настоящее время научным сообществом основы функционирования Совета Безопасности Российской Федерации – важного конституционного органа, на наш взгляд проработаны недостаточно. Исследований, посвященных данному институту, ничтожно мало. Так, в монографии В.И. Мельникова изучаются политико-правовые аспекты деятельности Совета Безопасности в системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации [2].

Н.Н. Отмахова в работе «Конституционно-правовой статус Совета Безопасности Российской Федерации» рассматривает правовое положение этого конституционного органа власти. Для повышения его эффективности автор предлагает новую редакцию Закона «О безопасности», с приданием ему статуса Федерального конституционного закона [3]. Определенные изменения в законодательство о Совете Безопасности были внесены. Федеральным законом от 28 декабря 2010 г. «О безопасности», в котором Совету Безопасности, вернее, его статусу, посвящена самая большая из четырех глав Закона, в которой достаточно подробно расписаны задачи, функции, состав, организация деятельности Совета Безопасности [4].

Д.Б. Павлов считает, что важнейшей проблемой в обеспечении экономической безопасности России является координация деятельности различных структур. По его мнению, определенную системность в эту сферу вносит Совет Безопасности РФ [5].

В.А. Белобородов рассматривает Совет Безопасности как единицу механизма общей государственной безопасности, которая осуществляет координацию деятельности органов власти по реализации принятых Президентом РФ решений в области обеспечения безопасности и дает оценку эффективности их деятельности [6].

Я.А. Пономаренко в статье «Роль Совета Безопасности России в реализации государственной политики в области обеспечения безопасности» проводит исторический обзор развития данного органа власти, анализирует специфику его функционирования в системе управления [7].

Совет Безопасности – это относительно новая структура в истории отечественного государственного строительства, впервые созданная на излете существования Союза ССР, в декабре 1990 г., в соответствии с принятым тогда

Законом «Об изменениях Конституции (Основного Закона) СССР в связи с совершенствованием системы государственного управления» [8]. На Совет Безопасности СССР возлагалась выработка рекомендаций по проведению в жизнь общесоюзной политики в области обороны страны, поддержанию государственной, экономической и экологической безопасности, преодолению последствий стихийных бедствий и других чрезвычайных ситуаций, обеспечению стабильности и правового порядка в обществе. Очевидно, за всем этим стояла попытка тогдашнего высшего руководства страны не допустить распада Союза. Но уже в 1991 г. в ряде республик СССР стали создаваться аналогичные структуры, что означало желание вести свою, отдельную от Москвы политику в этой сфере.

После распада Советского Союза Россия учредила Совет Безопасности РФ. До этого он упоминался в Законе РСФСР от 24 апреля 1991 г. «О Президенте РСФСР», где в п. 9 ст. 5 говорилось, что Президент возглавляет Совет безопасности РСФСР [9]. Позже, 5 марта 1992 г., был принят Закон РФ «О безопасности», один из разделов которого назывался «Совет Безопасности Российской Федерации» [10].

На разных этапах Новейшей истории России роль этого органа в политической жизни страны была различной. Если в период, который принято называть «конституционным кризисом» 1992-1993 гг., главной задачей Совета Безопасности было обеспечить победу Президента в его противостоянии с Верховным Советом России и тем самым сохранить Б.Н. Ельцина у власти, то после 2000 г. этот орган направил свои усилия не на сохранение личной власти Президента, а на отстаивание и обеспечение национальных интересов и национальной безопасности России.

Сегодня Совет Безопасности России является конституционным совещательным органом, осуществляющим подготовку решений Президента страны по вопросам обеспечения, общественной, экологической и иных видов безопасности государства, предусмотренных законодательством Российской Федерации, а также по вопросам, связанным с защитой конституционного строя, организацией обороны и оборонного производства, военного строительства, военного и военно-технического сотрудничества с другими государствами, международного сотрудничества в области безопасности. Как видим, функции российского Совбеза значительно расширены в сравнении с функциями Совета Безопасности СССР, что объясняется принципиально новым геополитическим положением России и обострением проблем национальной безопасности в постсоветский период.

В мировой практике имеется опыт создания совещательно-коллегияльных органов, аналогичных российскому Совету Безопасности. Такие органы функционируют в Великобритании, США, Израиле, Японии, Иране, Бразилии и других странах мира. К примеру, Совет национальной безопасности Израиля является центральным органом государства по координации действий, анализу и мониторингу в области национальной безопасности и борьбе с терроризмом. Совет безопасности Японии, основанный на базе Совета обороны в 1986 г., выступает центральным исполнительным органом власти, который занимается

определением стратегии и защитой безопасности страны, разрабатывает план действий в период чрезвычайных ситуаций. Совет национальной безопасности Великобритании курирует вопросы, связанные с национальной безопасностью, включая координацию разведывательной и оборонной стратегии; он также решает проблемы внешней политики, обороны, международных отношений, энергетической и ресурсной обеспеченности. Совет национальной безопасности США, созданный в 1947 г., выступает консультативным органом при президенте США для решения наиболее важных вопросов национальной безопасности и внешней политики, координации действий силовых ведомств. Высший совет национальной безопасности Исламской республики Иран был основан в 1989 г. для разработки политики в сфере обороны и национальной безопасности, координации деятельности в разведывательной, оборонной, а также экономической, социальной и культурной сферах. Национальный совет обороны Федеративной республики Бразилии, созданный еще в 1927 г., является консультативным органом президента Бразилии по вопросам национальной безопасности, внешней политики и оборонной стратегии, а также вырабатывает критерии и условия безопасности национальной территории и ее эффективного использования. В целом советы безопасности различных стран имеют схожие цели и функции, везде выполняют роль единых координационных центров по обеспечению безопасности на всех стратегически значимых и жизненно важных направлениях.

Председателем Совета Безопасности РФ является Президент РФ В.В. Путин. В разное время его возглавляли по должности Б.Н. Ельцин (1992-1999 гг.), В.В. Путин (1999-2008 гг.), Д.А. Медведев (2008-2012 гг.).

Текущая деятельность осуществляется секретарем Совбеза и его аппаратом. За 25 лет сменилось тринадцать секретарей Совета Безопасности. Это были как военные, так и гражданские лица, имеющие большой опыт работы на руководящих постах в государстве (генералы Е.И. Шапошников, А.И. Лебедь, Н.Н. Бордюжа; государственные деятели И.П. Рыбкин, С.Б. Иванов, И.С. Иванов, В.В. Путин (в качестве главы ФСБ России при Б.Н. Ельцине) и др.).

В состав Совета Безопасности входят как постоянные члены (глава Правительства, председатели Совета Федерации и Государственной Думы, министры обороны и иностранных дел, директор ФСБ и др.), так и непостоянные, которые могут включаться в состав Совета Безопасности и исключаться из него. Те и другие персонально назначаются Президентом РФ. Всего через этот орган прошли за время его существования в новой России 125 человек. По длительности нахождения в составе Совета Безопасности можно составить своеобразный рейтинг: нынешний министр обороны С.К. Шойгу является членом Совета Безопасности уже 23 года; Президент РФ В.В. Путин – 19 лет; специальный представитель Президента РФ С.Б. Иванов – 18 лет; секретарь Совбеза Н.П. Патрушев – 17 лет; губернатор Санкт-Петербурга Г.С. Полтавченко – 17 лет; полномочный представитель Президента РФ в Южном федеральном округе В.В. Устинов – 17 лет.

Аппарат Совета Безопасности является самостоятельным структурным подразделением Администрации Президента РФ и имеет в ней статус

управления. В соответствии со штатным расписанием аппарата Совета Безопасности у секретаря Совбеза – шесть заместителей и четыре помощника, назначаемых на должность Указом Президента России.

В соответствии с задачами и функциями Совет Безопасности образует рабочие органы – постоянные межведомственные комиссии и научный совет. В настоящее время при Совете Безопасности РФ действуют семь межведомственных комиссий по различным вопросам: проблемам СНГ; военной безопасности; общественной безопасности; безопасности в экономической и социальной сфере; информационной безопасности; экологической безопасности; проблемам стратегического планирования.

Все эти комиссии осуществляют подготовку предложений и рекомендаций Совбезу по основным направлениям государственной политики в области обеспечения национальной безопасности, способствуют координации деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов РФ в деле обеспечения национальной безопасности.

Так, в межведомственную комиссию по военной безопасности входит 38 должностных лиц. Председателем ее является начальник Генерального штаба Вооруженных Сил, первый заместитель министра обороны России. В составе комиссии – глава комитета Совета Федерации по обороне и безопасности, первый заместитель председателя комитета Государственной Думы РФ по обороне, заместители министров иностранных дел, здравоохранения, образования и науки, промышленности и торговли, связи и массовых коммуникаций, финансов, экономического развития, заместитель министра по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, вице-президент РАН, заместители руководителей СВР, ФСБ, ФСВНГ, ФСО, ФСВТС, первый заместитель руководителя Главного военного следственного управления Следственного комитета, заместитель главного военного прокурора, руководитель Росрезерва и другие должностные лица.

Функции данной комиссии: анализ состояния и перспектив развития военно-политической и социально-экономической ситуации с позиций военной безопасности; подготовка предложений и рекомендаций Совету Безопасности по вопросам стратегического планирования в военной сфере, организации обороны, формированию федерального бюджета в части, касающейся расходов на оборону страны и обеспечение безопасности государства; рассмотрение проектов нормативных правовых актов, направленных на обеспечение военной безопасности; анализ уровня социальной защиты военнослужащих, уволенных с военной службы, и членов их семей.

В свою очередь, научный совет при Совете Безопасности России образован в целях научно-методологического и экспертно-аналитического обеспечения его деятельности. Данный совет работает на общественных началах, председателем его по должности является секретарь Совета Безопасности. В состав совета включаются представители Российской Академии Наук, руководители других научных организаций, а также отдельные ученые и специалисты. Так, будучи

президентом РАН, Ю.С. Осипов в течение 16 лет входил в состав Совета Безопасности.

На научный совет при Совете Безопасности возложено научно-методологическое и экспертно-аналитическое обеспечение деятельности Совета Безопасности; подготовка предложений и рекомендаций по проведению комплексных научных исследований в области обеспечения национальной безопасности; совершенствование методологии научного обоснования стратегии национальной безопасности государства; научно-методологическая оценка и прогнозирование внутренних и внешних угроз; проведение научной экспертизы проектов нормативных правовых актов, концептуальных, доктринальных, аналитических и иных документов по вопросам обеспечения национальной безопасности; научное обоснование проектов решений в области национальной безопасности; проведение сравнительного анализа теории и практики обеспечения национальной безопасности в Российской Федерации и зарубежных странах.

Деятельность Совета Безопасности осуществляется в форме заседаний и совещаний. Заседания проводятся, как правило, один раз в квартал в соответствии с планами, утверждаемыми Президентом РФ по представлению секретаря Совета Безопасности, который осуществляет подготовку заседаний и проектов решений. Все решения принимаются постоянными членами Совбеза простым большинством голосов и вступают в силу после утверждения президентом. В целях реализации решений, могут издаваться указы, распоряжения и даваться специальные поручения Президента РФ. Оперативные совещания с постоянными членами Совета Безопасности происходят практически каждую неделю.

К примеру, повестка дня заседания Совета Безопасности России 31 августа 2012 г. включала обсуждение мер, направленных на повышение эффективности работы оборонно-промышленного комплекса Российской Федерации; 8 мая 2013 г. речь шла об обеспечении национальной безопасности России в связи с развитием ситуации в Афганистане и ее влиянием на стабильность в Центральной Азии; 22 апреля 2014 г. обсуждалась реализация государственной политики Российской Федерации в Арктике в интересах национальной безопасности; 3 июля 2015 г. рассматривался комплекс вопросов, связанных с обеспечением безопасности и национальных интересов России в условиях санкций со стороны ряда государств; 7 декабря 2016 г. был одобрен проект Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г. и первоочередные меры по обеспечению национальных приоритетов в сфере экономики; 26 октября 2017 г. рассматривала комплекс вопросов, связанных с обеспечением безопасности информационной инфраструктуры России.

Итак, круг вопросов, решаемых этим координационно-совещательным органом в последние несколько лет, довольно широк и многообразен. По понятным причинам информация об этом подается лаконично и скупно, поскольку деятельность такого органа, как Совет Безопасности, не может быть открытой, публичной и прозрачной.

Являясь конституционным совещательным органом, Совет Безопасности Российской Федерации тем не менее не имеет реальной власти, а лишь готовит

предложения для Президента РФ по различным аспектам обеспечения национальной безопасности. Именно в Совет Безопасности стекается вся информация, связанная с безопасностью государства, именно здесь за одним столом встречаются руководители всех силовых ведомств и государственных органов, от которых зависит наша национальная безопасность. Поскольку председателем за этим столом является Президент страны, пользующийся непререкаемым авторитетом, есть все основания думать, что здесь действительно происходит консолидация усилий и выработка единой, согласованной политики (чего мы не наблюдаем сегодня в политических кругах США и ряда европейских стран). Совет Безопасности России – это орган, способный в оперативном режиме реагировать на любую кризисную ситуацию, будь то внутри страны, у ее границ или в отдаленных точках мира. Успехи России в Сирии, в целом на Ближнем Востоке и в Азии свидетельствуют о том, что такая консолидация в Совете Безопасности России сегодня существует. Об эффективности ее можно судить по конечным результатам, таким, например, как фактическое уничтожение ИГИЛ (запрещенная в России террористическая организация) на территории Сирийской Арабской республики. Решение об этом разрабатывалось и принималось Советом Безопасности.

Библиографический список

1. Вопросы Совета Безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 6 мая 2011 г. (в ред. от 25 июля 2014 г.) URL: <http://base.garant.ru>
2. *Мельников В.И.* Совет Безопасности РФ в государственной системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. М., 2011.
3. *Отмахова Н.Н.* Конституционно-правовой статус Совета Безопасности Российской Федерации // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Томск, 2008. С. 120–121.
4. О безопасности: Федер. закон от 28 дек. 2010 г. № 390-ФЗ (в ред. от 5 окт. 2015 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. *Павлов Д.Б.* Совет Безопасности России как основной субъект правового регулирования экономической безопасности // Экономика и право. XXI век. 2012. № 1. С. 25– 32.
6. *Белобородов В.А.* Совет Безопасности как структурная единица механизма государственной безопасности // Пятый Пермский международный конгресс ученых-юристов. Пермь, 2014. С. 44–45.
7. *Пономаренко Я.А.* Роль Совета Безопасности России в реализации государственной политики в области обеспечения безопасности // Социально-экономические исследования, гуманитарные науки и юриспруденция: теория и практика. 2016. № 11. С. 120–124.
8. Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР в связи с совершенствованием системы государственного управления» (утратил

силу): Закон СССР от 26 дек.1990 г. № 1861-I. URL: www.constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/zakony/185464

9. О Президенте РСФСР (утратил силу): Закон РСФСР от 24 апр. 1991 г. № 1098-1. URL: <http://www.base.garant.ru/1548919>

10. О безопасности (утратил силу): Закон РФ от 5 марта 1992 г. № 2446-I (с изм. и доп.). URL: www.ivo.garant.ru/#/document/10136200/paragraph/10973/doclist/0/selflink/0/context/

Роль советской элиты в обеспечении безопасности государства: историко-политический аспект*

Элита – понятие, используемое ныне чрезвычайно широко и употребляемое в научной и публицистической литературе в разных смысловых нюансах и оттенках [6]. Термин «элита» в литературе советского периода носил, как правило, негативный характер и чаще всего употреблялся для обозначения властных структур западного мира, целиком и полностью оторванных от народа [2]. Понятие «элита» нельзя отождествлять с властью вообще. В этой работе под элитой мы будем понимать часть общества, резко отличающуюся от большинства членов социума по своим важнейшим экзистенциальным параметрам, характеристикам и показателям. Сам *modus Vivendi* элиты и ее интересы резко отличны от среднего представителя общества, поэтому можно говорить об элитах экономической, военной, научной, политической. Нас в этой работе будет интересовать роль политической элиты в обеспечении комплексной безопасности нашей страны в советский период ее истории.

Обращение к прошлому всегда актуально хотя бы потому, что прошлое, уходя, не всегда могло убраться свои последствия, – если несколько перефразировать известный афоризм В.О. Ключевского [1]. Многие из современных проблем во внутренней и внешней политике России, в том числе и относящиеся к вопросам безопасности и обороноспособности страны, коренятся именно в годах советской истории.

Можно по-разному оценивать роль Октябрьской революции, которая коренным образом изменила властные механизмы в деле осуществления реальной политики. Сама власть из сакрального фактора в первые годы после революции превратилась в нечто случайное и обыденное. Если ранее монарха с детских лет готовили к управлению государством, в том числе учили вполне профессионально разбираться в вопросах комплексной безопасности страны, то после Октября 1917 г. положение изменилось коренным образом. Начала формироваться новая политическая элита, представители которой не только не имели ясных представлений о сложном деле государственного управления, но и по своим человеческим и мировоззренческим качествам были не всегда способны

* Ковалев А.А., Балашов А.И. Роль советской элиты в обеспечении безопасности государства: историко-политический аспект // Управленческое консультирование. – 2017. – №7. – С.20-24.

нести тяжкий крест управления Российским государством и служения народам многонационального Отечества.

Если Александра II к управлению страной готовили такие гении русской мысли, как законодатель М.М. Сперанский, историк С.М. Соловьев, математик Н.А. Лобачевский и поэт В. О. Жуковский, то первые представители советской политической элиты были людьми, часто уверенными лишь в том, что патриотизм и Отечество суть понятия устаревшие и ненужные. Такие убеждения не могли не сказаться на представлениях новой элиты о необходимости самой безопасности страны, укреплять которую порой полагалось совершенно ненужным делом.

Можно по-разному относиться к марксизму как идеологии советского общества, начавшего возводиться после победы Октябрьской революции. Оказавшиеся на вершине власти В.И. Ленин и Л.Д. Троцкий как самые яркие личности и политики СНК (первого правительства новой России) были твердо уверены, что цель осуществившейся революции – ускорить революционный пожар мирового масштаба, поэтому безопасность Отечества сама по себе поначалу мало интересовала их. Чисто политически государство и дело его укрепления полагались ненужными, ибо даже в работе «Государство и революция», написанной летом 1917 г., Ленин предсказывал скорый конец государства как фактора реальной политики [3]. Но через несколько месяцев он уже лихорадочными темпами начал строить новый тип государства, в основу которого был положен принцип революционного насилия.

Лишь после непосредственной угрозы потери власти большевиками был объявлен лозунг «Социалистическое Отечество в опасности», положивший начало практическим шагам по строительству армии нового типа – Красной армии. Здесь трудно переоценить роль Л.Д. Бронштейна (Троцкого), который не только сыграл огромнейшую роль в деле создания армии нового государства, но и дал своей колоритной фигурой образец для чисто внешнего облика представителей новой политической элиты. Но характерными признаками новой элиты стали не только внешние атрибуты в виде кожанок и шикарного образа жизни, но и безудержная жестокость в осуществлении пролетарской диктатуры и «красного террора», объявленного после убийства Соломона Урицкого в Петрограде и покушения на В.И. Ленина в Москве.

Новая политическая элита осуществляла ленинский принцип диктатуры как власти, опирающейся непосредственно на насилие и не признающей других мер наказания, кроме высшей меры. Это не могло не повлиять на создание крайне неблагоприятного образа советской власти на внешней арене и привело к поддержке сопротивления внутри страны с помощью внешних сил. Гражданская война синтезировалась с военной интервенцией, что привело к объединению политической и военной элиты внутри страны. Такой синтез с самых первых лет советской власти осуществлялся под влиянием марксистской идеологии, которая, будучи интернациональной по своей сути, начала постепенно становиться в СССР государствообразующей идеологической силой.

Одновременно высокими темпами с декабря 1917 г. стал укрепляться аппарат по обеспечению внутренней безопасности новой власти. 20 декабря 1917

г. была создана ЧК, представители которой немало способствовали созданию облика властной элиты как «щита и меча» революции. Именно органы государственной безопасности во многом способствовали созданию и внедрению образа «осажденной крепости» в сознание миллионов людей. И эту роль органы государственной безопасности играли вне зависимости от того, как они назывались: ЧК, ОГПУ, НКВД, МГБ, КГБ. Роль «службы государевой» советские органы играли обстоятельно, осуществляя функции не только по обеспечению внутренней безопасности, но и исполняя охрану идеологических устоев.

Победив в Гражданской войне, новая политическая элита страны начала утрачивать боевой потенциал и некогда присущую ей пассионарность. Для строительства экономики нового общества и для превращения аграрно-индустриальной страны в индустриальную державу потребовалась новая элита, совмещавшая политические амбиции с высокой образованностью и умением решать важнейшие экономические задачи, выведшие, в конечном счете, на вопросы обороны страны. И.В. Сталин прекрасно понимал, что кадры решают все, и что под его руководством страна должна пройти исторический период, на который у западных держав ушли годы истории.

Революционная элита могла воевать и сражаться на фронтах Гражданской войны, но строить новую жизнь она не умела. Не в состоянии она была решать и важнейшие задачи обеспечения внутренней и внешней безопасности страны. Простое кадровое перемещение такой элиты создало бы потенциально опасный слой профессиональных революционеров – людей, умевших хорошо воевать и сражаться. Поэтому как слои военной элиты, так и высший эшелон силовых структур должны были подвергнуться чистке, которую осуществили органы НКВД, сами в свою очередь ставшие объектом репрессий. Таким способом, как нам представляется, пытались укрепить безопасность внутри страны и за ее пределами. Нужно отметить, что многие из репрессированных на самом деле представляли опасность для безопасности государства.

Как это часто бывает в русской истории, репрессии 1930-х годов стали массовым явлением и приобрели политически-кумулятивный характер. Произошло качественное новое обновление элиты, которая уже не столько мечтала об идеалах мировой революции, но была лично предана и зависима от фигуры вождя, ставившего конкретные политические задачи в деле обеспечения безопасности страны.

Новая элита Советского общества, рожденная после репрессий 1930-х годов, уже не была ориентирована интернационалистски, как ее предшественники. Идея патриотизма подчиняла себе внутреннюю и внешнюю политику, поэтому именно годы Великой Отечественной войны привели к окончательной замене большевистского интернационализма на идеологию великодержавного национализма. Военная элита пополнилась выдающимися военачальниками, и даже идеологическая элита вынуждена была подчинить идеи марксизма новой исторической ситуации. За годы советской власти была создана мощнейшая и крупнейшая армия за всю историю нашей Родины. Решение этой задачи является во многом результатом усилий политической элиты страны, которую все чаще именовали номенклатурой.

Реальная политика по реализации внутренней и внешней безопасности определялась высшей советской и партийной элитой, построенной по строго иерархическому пирамидальному принципу. Вождь находился на вершине политической системы, и все реальные политические механизмы и процессы определялись волей одного человека.

После смерти Сталина и последовавших процессов десталинизации и попыток декоммунизации в странах Восточной Европы началась фактическая деградация коммунистической политической элиты, мерилom ценностей которой были идеалы марксизма-ленинизма в их сталинской форме, выраженные в догмах IV главы знаменитого «Краткого курса истории ВКП(б)». Именно эти догмы мыслились Сталиным в качестве главного идеологического компонента в системе воспитания коммунистической управленческой элиты. Безопасность страны увязывалась с новой формой патриотизма – патриотизмом советским. Политическая элита не могла не учитывать происходивших в стране и мире изменений, да и большинству из относившихся к власти людей хотелось перемен – прежде всего позитивных в плане собственного материального существования.

Безопасность страны после окончания Второй мировой войны тесным образом корреспондировалась с уровнем коллективной безопасности внутри мировой коммунистической системы. Военная безопасность определялась совокупностью экономических, научных, культурных, политических факторов. Но у руководства СССР не всегда хватало понимания всей сложности изменившейся глобальной политической ситуации, а действовать сталинскими методами не всегда получалось. Хотя даже во время оттепели Хрущева во внутриполитическом плане управленческая элита достаточно жестко вела себя во время разгрома демонстрации в Новочеркасске в 1962 г., а жесткость акций в Восточной Германии и Венгрии была ясна невооруженным глазом. Но в большинстве случаев, как показал дальнейший печальный опыт перестройки, именно жесткая внутренняя и внешняя политика являются гарантом самого существования государства. Ведь Советский Союз, по сути дела, и являлся исторической Россией, а само существование многонациональной России традиционно раздражало многочисленных недругов нашей Родины.

Поэтому именно на высшую управленческую элиту страны и было направлено воздействие разведывательных служб Запада. Исследователи довольно часто упоминают план Даллеса – вне зависимости от его реальности и запланированных там конкретных политических шагов нужно отметить, что в конце 80–90-х годов XX в. все они были успешно реализованы [5]. К сожалению, эта реализация была осуществлена не без участия высшей военной и политической элиты, которая вследствие совокупности самых разнообразных причин допустила развал Советского Союза. На наш взгляд, развал СССР не только является величайшей геополитической катастрофой XX в., как отметил В.В. Путин, но и величайшей изменой национальным интересам, осуществленной

правлящей элитой страны, и крупнейшим поражением патриотических сил и самой идеи патриотизма¹¹⁷.

Возрождение патриотизма как главной национальной идеи страны, о котором недавно говорят с самых высоких политических трибун, является чрезвычайно обнадеживающим фактором. Да, этот процесс часто идет вразрез с традиционным пониманием демократии, выработанным в западных обществах за годы их развития. Но Россия – не Запад и не Восток, поэтому у нас другая история.

Когда высшая политическая элита страны понимала особенности исторического пути России и дистанцировалась от бездумного копирования западных традиций, это всегда шло на пользу как военной безопасности нашей страны, так и всемирной безопасности в целом. Если же политическая элита утрачивала патриотическую составляющую своего мировоззрения или же обнаруживала существенные деформации патриотизма как в сторону космополитизма, так и в сторону бездумного национализма, – тогда комплексная безопасность страны оказывалась под угрозой.

В целом, для России опыт искусственного внедрения демократического правления оказался не очень удачным для уровня безопасности страны. В советское время политическая элита формировалась часто из случайных элементов. Но все же дело воспитания управленческой элиты было отдано специальным партийным идеологическим органам наподобие ВПШ. Эта тенденция обнаружила как свои позитивные, так и негативные последствия за годы советской истории. Итак, степень позитивного воздействия советской элиты на комплексную безопасность страны зависела от уровня патриотичности этой элиты и влияния общей культуры на действия высших управленцев. Советский опыт нельзя не учитывать и сегодня в обеспечении военной и комплексной безопасности страны. В этой связи уместно вспомнить мудрое высказывание Дж. Сантаяны, который в области политической философии являлся сторонником идеи «элиты» в противовес идее демократии: «Тот, кто пытается перечеркнуть историю, обречен пережить ее вновь» [4].

Библиографический список

1. *Ключевский В.О.* Русская история: учеб. пособие. М.: Независимая газета, 1992.
2. *Лазарев С.Е.* Советская военная элита 1930-х годов: «Красные» полководцы, какими они были. Проблемы взаимоотношений. Трагедия «чисток». М.: URSS Ленанд, 2016.
3. *Ленин В.И.* Государство и революция: Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции. М.: Госполитиздат, 1952.
4. *Сантаяна Д.* Скептицизм и животная вера. СПб.: Владимир Даль, 2001.

¹¹⁷ Путин: патриотизм – «это и есть национальная идея» // ТАСС информационное агентство [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/politika/2636647>

5. *Соболев А.Г.* Аллен Даллес: тайны и войны. М.: Росинформагротех, 2013.
6. Современная элита России: политико-психологический анализ / под ред. Е.Б. Шестоपाल и А.В. Селезневой. М.: Аргатак-Медиа, 2015.

Теоретико-методологические аспекты взаимосвязи информационной политики и военной безопасности*

В современную эпоху подверглось существенным переменам само понятие «средства массовой информации», которые в XX столетии вследствие возросшего влияния на массовое сознание и сами общественные процессы все чаще стали именоваться «четвертой властью». Действительно, если понимать под властью «способность и возможность социального субъекта осуществлять свою волю, используя различные ресурсы и технологии» [1, с. 49], становится понятным правомерность такого сравнения. И влияние этой власти как на массовое сознание, так и на индивидуальную психологию не всегда было положительным, но носило зачастую сугубо деструктивный характер.

Во вновь принятой Стратегии национальной безопасности констатируется: «Все большее влияние на характер международной обстановки оказывает усиливающееся противоборство в глобальном информационном пространстве, обусловленное стремлением некоторых стран использовать информационные и коммуникационные технологии для достижения своих геополитических целей, в том числе путем манипулирования общественным сознанием и фальсификации истории» [2].

Поэтому исследование различных аспектов влияния информационной политики на военную безопасность нашей страны представляется весьма актуальным. В этой статье мы определим наиболее общие, основные связи между информационной политикой России и уровнем военной безопасности нашей страны на теоретико-методологическом уровне. На наш взгляд, взаимосвязь такого рода можно и нужно рассматривать, учитывая многообразие форм общественного сознания: право, мораль, религия, наука, искусство, политическое (идеологическое) сознание. Некоторые исследователи к формам общественного сознания относят и философию [3, с.327]. Политическая философия – важнейшая часть социальной философии и на своем предметном уровне она во многом совпадает с теоретической политологией.

Взаимосвязь информационной политики и военной безопасности отражается на всех формах общественного сознания напрямую или опосредованно. Это влияние зависит от целого комплекса причин, среди которых важнейшими являются сами исторические условия, сама историческая эпоха. Историческая эпоха воздействует на формы общественного сознания, но и формы

* Ковалев А.А. Теоретико-методологические аспекты взаимосвязи информационной политики и военной безопасности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – 2016. – №1. – С.158-166.

общественного сознания формируют облик исторической эпохи. Здесь наблюдается активнейшее взаимное диалектическое воздействие. Сама политика в предельно широком ее понимании является формой общественного сознания и оказывает влияние на существование и динамику других модификаций общественного сознания. Формы общественного сознания можно понимать как духовные сферы, на которые оказывает первостепенное воздействие экономика, определенный тип хозяйственных отношений, существующих в обществе.

Экономика в марксизме, который долгое время признавался в нашей стране в качестве светской религии, рассматривается как базис любого общества, воздействующий на все формы общественного сознания. В этом утверждении есть рациональное зерно, но следует учитывать и влияние самих надстроечных сфер на базис. Порой средствами политики, входящей с точки зрения марксизма в область надстроечных явлений, оказывается существенное воздействие на экономику общества, что приводит к печальным последствиям. Например, политика горбачевской «перестройки» привела к разрушению и уничтожению социалистической плановой экономики великого государства и к его гибели. Поэтому бездумно следовать по пути марксистского экономического детерминизма не следует, но и нецелесообразно забывать о ведущей роли экономических факторов в жизни современного общества, в том числе о влиянии экономических процессов на степень военной безопасности страны.

Экономика была, есть и будет. Она исчезнет лишь тогда, когда вымрет человечество. Но любая экономика – слепок общества. И кризис отечественной экономики невозможно рассматривать вне структурного кризиса российского общества, являющегося частью мирового экономического кризиса, который поразил планету осенью 2008 года и развивается и ныне. Но вызревал этот кризис гораздо раньше. Кризис экономики напрямую связан с кризисом науки, политики, морали и других форм общественного сознания.

Глобализация по-американски нацелена на то, чтобы в третье тысячелетие Россия вступила в качестве бесправной резервации, чье население обречено на уничтожение. Лишь в последнее время Россия начала политику активного противостояния негативному воздействию глобализации, в том числе и в сфере укрепления военной безопасности. Но сам процесс укрепления военной мощи страны сталкивается со значительными экономическими трудностями.

Распад Советского Союза оказал крайне негативное влияние на экономику бывших союзных республик, в том числе и на экономику России как правопреемницы Советского Союза. Разумеется, обречено было российское рентабельное предприятие, которое производило комплектующие для приборов и автоматов, которые собирались в Вильнюсе или Риге. В целом, экономическая политика 90-х годов была неудачной и антипатриотичной. Хотя невиданные ранее темпы инфляции снизились после развала СССР, роста инвестиций не произошло. Процесс модернизации экономики не был начат. В особо тяжелом положении оказалась военная промышленность, от которой напрямую зависит безопасность страны. Само государство, осуществляя весьма сомнительные методы противодействия инфляции, стало крупнейшим нарушителем финансовых обязательств.

Сейчас современная экономика России вынуждена расплачиваться за ошибки прошлых лет. На военную безопасность влияет уровень развития экономики в целом, всех ее отраслей, в том числе и процессы, происходящие в едином экономическом пространстве. И здесь велика роль грамотной информационной политики, которая призвана освещать и подчеркивать имеющие место позитивные изменения и достижения. Значительную роль сыграл Указ Президента РФ от 10.09.2014 за номером 627 «О военно-промышленной комиссии Российской Федерации. Трудно переоценить положительное значение специальных журналов и других средств массовой информации, например, периодического издания «Оборона России».

По аргументированному мнению заместителя руководителя Центра сравнительных политических и экономических исследований Института мировой экономики и международных отношений РАН Л.А. Гордона, за годы осуществления рыночных реформ 1990-х годов реальные доходы населения России снизились более чем в два раза до показателей 60-70-х годов. Одновременно произошло ухудшение большинства показателей уровня и качества жизни [4].

Реальные доходы населения в ушедшем 2015 году снизились на 9 процентов. «ВТБ Капитал» приводит данные, что граждане России расходуют 50-55 % семейного бюджета на покупку продуктов. По данным Росстата, в октябре 2015 года реальная зарплата среднего россиянина сократилась на 10,9%.

Российское общество разобщено до крайности, а расслоение населения по доходам достигло своего предела. Среднего класса, схожего с тем, что есть на Западе, в нашей стране так и не сложилось. Представители высших слоев общества, то есть сверхбогатые, процветают, а большинство населения еле-еле сводит концы с концами. Возникает опасность, что люди перестанут быть единым народом в социальном смысле. Народ распадается, теряя способность противостоять дезинтегрирующим его силам. Русский народ начинает деградировать биологически, то есть сокращаться численно, утрачивать физическое и духовное здоровье. Таковы страшные реалии новой эпохи глобализации по-американски.

В период глобального структурного кризиса и противостояния цивилизаций информационная политика России должна быть направлена на укрепление стабильности внутри страны, а на внешнеполитическом уровне такая политика неизбежно будет принимать характерные черты информационной или идеологической войны. И все недостатки, просчеты и ошибки в экономической политике России будут лишь очередным козырем в руках врагов и противников нашей страны.

Поэтому в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», подписанной Президентом 31 декабря 2015 года, следующие экономические факторы названы в числе основных показателей, необходимых для оценки состояния национальной безопасности: валовой внутренний продукт на душу населения; децильный коэффициент (соотношение доходов 10 процентов наиболее обеспеченного населения и 10 процентов наименее обеспеченного населения); уровень инфляции; уровень безработицы. Напрямую с этими

экономическими показателями связан и важнейший, на наш взгляд, показатель состояния национальной, в том числе и военной, безопасности – удовлетворенность граждан степенью защищенности своих конституционных прав и свобод, личных и имущественных интересов, в том числе от преступных посягательств.

А такого рода удовлетворенность зависит не только от развития экономики, но и от грамотной информационной политики. Стоит отметить, что несмотря на существенные экономические трудности, которые переживает ныне наша страна, в стране наблюдается невиданный ранее уровень поддержки В.В. Путина. Как сообщает Левада-Центр, в феврале 2015 г. уровень поддержки деятельности В.В. Путина на посту президента Российской Федерации достиг 86 % [5]. По данным ВЦИОМ, опубликованным в октябре 2015 г., рейтинг одобрения работы Владимира Путина составил 89,9%. Эти высокие показатели объясняются активной патриотической политикой Путина на внешней арене, прежде всего его четкой и бескомпромиссной позицией по наиболее существенным вопросам, касающимся национальной безопасности и престижа России. Поэтому огромна роль патриотически ориентированной информационной и идеологической политики.

Становление и развитие патриотизма как залога военной безопасности – одна из задач современной информационной политики. Патриотическое сознание как форма идеологии является важнейшей частью духовной сферы социального бытия. Такое сознание выступает залогом государственной устойчивости и военной мощи.

Грамотная современная информационная политика должна формировать патриотизм как у взрослых людей (а это неизмеримо трудно), так и прежде всего у подрастающего поколения. Именно всеобъемлющее противостояние внутренней угрозе бездуховности должно стать главной целью информационной политики России на современном этапе.

На взгляд автора, для народов России и в первую очередь русских как государствообразующего этноса основной причиной экономического кризиса, неизбежно повлекшего за собой демографический коллапс, являются духовные и информационные факторы. Отсюда ныне со всей возможной остротой встает вопрос о выработке принципов формирования и механизмов реализации патриотической государственной информационной политики, одной из функций которой будет снижение негативного информационного воздействия на психику отдельного человека и духовное здоровье общества в целом.

Здесь мы напрямую выходим на проблемы морали как важнейшей формы общественного сознания, которая влияет на взаимосвязь информационной политики России и военной безопасности страны. Любая реальная политика должна пройти между Сциллой максимы Макнавелли о том, что цель оправдывает средства и Харибдой афоризма Джорджа Герберта, согласно которому благими намерениями вымощена дорога в ад.

Моральное сознание связано с ценностями – как индивидуальными, так и коллективными. Этика тесно связана с аксиологией, влияние их друг на друга обоюдное. Мощь российского государства, его военная безопасность являются

величайшей моральной ценностью как для общественного сознания, так и для индивидуального сознания каждого патриотически настроенного гражданина.

Любая информационная политика – смесь правды, полуправды и откровенной лжи. Но благая цель – военная безопасность государства – оправдывает возможную неправду в информационной политике российского государства и делает вопрос о моральной составляющей весьма и весьма аморфным. Недаром великий политик Уинстон Черчилль однажды сказал: «В военное время правда так драгоценна, что она всегда должна быть защищена ложью» [6, p.457].

Мораль оперирует понятиями «совесть», «добро», «зло», «справедливость», «несправедливость». Разумеется, понимание этих важнейших понятий разнится в зависимости от культурной и цивилизационной принадлежности политика, оперирующего этими терминами. Тем более, мораль сама по себе – понятие историческое. То, что было аморальным в одну историческую эпоху, становится вполне допустимым в другую. Именно в последние годы делается многое для патриотического воспитания молодежи. Причем на вооружение берется то лучшее из опыта духовного и нравственного развития, что было накоплено в Советском Союзе, хотя и опровергается марксистский тезис о классовом характере морали и всячески подчеркивается ее общечеловеческий характер.

Мораль как форма общественного сознания тесно связана с правом, но право, как известно, носит – в отличие от морали – обязательный и принудительный характер. Информационная политика регулируется соответствующими правовыми актами, скажем, Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». На сегодняшний день их недостаточно, они не совершенны и требуют корректировки. Но право как форма общественного сознания оказывает влияние на степень и качество взаимосвязи информационной политики и военной безопасности.

Право возникает вместе с государством, когда лишь моральных норм и принципов становится недостаточно для регулирования общественных отношений. Право призвано уравнивать людей перед законом, поэтому оно тесно связано с такими явлениями, как свобода, ответственность, демократия. Свободно действующий индивид должен ощущать правовую ответственность за свои действия, в том числе и при осуществлении информационной политики. Тем более велика правовая ответственность за преступное обращение с информацией, в том числе и недоброкачественную информационную политику, связанную с военной безопасностью государства, находящегося в состоянии цивилизационного противостояния с другими государствами. Предельно опасным поступком, наносящим вред военной безопасности государства и наказываемый уголовным законодательством России, является государственная измена (статья 275 УК РФ).

Взаимосвязь информационной политики и военной безопасности проявляется и в такой форме общественного сознания, как религия. Порой в ушедшем столетии казалось, что религия как одна из форм мировоззрения и способ мировидения окончательно уходит в прошлое. Зачастую полагали, что

религиозные войны и все связанное с ними многообразие страстей канули в архивы европейской и мировой истории. Но история делала новый виток, и то, что казалось навсегда канувшим в лету, вновь становилось актуальным и обретало все новые социальные грани.

Ныне становится все более ясным, что религия – одна из важнейших форм постижения мира и укрепления людской солидарности на основе почитаемых ими неких высших смыслов, относящихся к универсуму, индивиду, совершенствованию общества и самой жизни. Великий Гегель был теологом по образованию, как и все представители немецкой классической философии. Он прекрасно писал, что религия «есть сфера вечной истины, вечного покоя, вечного мира», а все народы в ней «всегда видели свое достоинство и праздник своей жизни» [7].

Христианство и ислам, иудаизм и буддизм – отнюдь не только явления минувшего, эти религии принадлежат современности и накрепко впаяны в социокультурную реальность, которой ныне живет планета. Может быть, в большей степени это касается именно ислама, который за прошедшие 13 столетий своего существования не только давно уже стал поистине мировой религией, но и превратился на рубеже второго и третьего тысячелетий в один из определяющих факторов жизни всей человеческой цивилизации. И России при проведении своей информационной политики, направленной на обеспечение военной безопасности, приходится учитывать это обстоятельство, ибо ислам для России – не только внешний, но и внутренний цивилизационный фактор.

Следует особо подчеркнуть, что православная церковь может послужить государству в деле формирования патриотизма, приняв действенное участие в этой составляющей информационной политики, направленной на обеспечении военной безопасности страны.

Военная безопасность страны напрямую зависит от науки и уровня научных разработок в оборонных отраслях. Наука как форма общественного сознания генетически связана со знанием и информацией. Саму науку можно оценивать как систематизированное и теоретически оформленное знание о природной и социальной реальности, которая окружает человека. С самого начала эпохи Нового времени наука становится активно действующей силой, преобразующей социальную реальность и оказывающей существенное воздействие на политику. Это воздействие всемерно усилилось в XX столетии и приобрело колоссальные формы в современную эпоху противостояния цивилизаций. Это нашло отражение в концепциях информационного и постиндустриального обществ.

Важнейшей отраслью современного научного знания являются разнообразные военные науки – как теоретической, так и практической направленности. В целом, в отечественной науке до сих пор не удалось преодолеть печальное явление «утечки мозгов», которое началось после уничтожения Советского Союза, и продолжается по сей день. Этот процесс представляет собой весомую угрозу военной безопасности России. К ученым нерусских национальностей бессмысленно взывать патриотическими лозунгами, ибо они понимают лишь универсальный и космополитический язык денег. И судить их за это трудно, ибо лишь русские люди готовы жить ради идеалов и

умирать за них. Поэтому талантливым людям, которые были готовы работать на благо России ради денег, нужно было создать надлежащие условия. Этого не было сделано, поэтому те отрасли отечественной науки, которые имеют непосредственный выход на оборонную промышленность, понесли существенные потери.

Большинство физиков, уехавших из России, ныне активно работают в оборонной промышленности и в сфере высоких технологий Западного мира. Такие ученые живут согласно старой римской пословице *Ubi bene, ibi patria*. В 1992 году в России трудились 804 тысяч ученых, а в 2006 году их было уже 39,9 тысяч человек [8]. После уничтожения Советского Союза Россию покинули примерно 60 % математиков, 50 % физиков и биологов [8]. Это очень печальная статистика, ибо ум и таланты этих людей могут быть направлены против нашей Родины.

Надежда – на молодое поколение, которому, разумеется, нужно создать условия для самореализации. Но по данным опросов, только 56 % экономически активных россиян предпочли бы, чтобы их дети имели гражданство РФ. Если в 1953 году Россия по интеллектуальному потенциалу молодежи занимала третье место в мире, то сейчас наша страна по этому показателю находится на сороковом месте [9, p.175]. На царскую Россию в 1900–1914 гг. пришлось 7.7% мировых научных открытий. В СССР эта доля составляла 13,9 %. В РФ составляет 4.4% [9, p. 178]. Эта статистика свидетельствует о том, что промедление в принятии мер по повышению уровня жизни отечественных ученых и по привлечению в нее свежих сил – смерти подобно.

Логически выстраивается цепочка: грамотная информационная политика призвана привлекать в науку все большее количество талантливой молодежи, а достижения науки, в том числе и оборонной, должны более интенсивно использоваться в целях достижения высокого уровня военной безопасности. В Стратегии национальной безопасности отмечено: «Конкуренция между государствами все в большей степени охватывает ценности и модели общественного развития, человеческий, научный и технологический потенциалы» [2].

Впрочем, за последние годы были достигнуты значительные положительные результаты. Американская газета *The New York Times* констатирует: «Россия усилила свои вооруженные силы и утвердилась на мировой арене с такой энергичностью, которой мы не наблюдали со времен холодной войны. Именно это увеличило напряженность в ее отношениях с Западом» [10]. В этом же номере отмечается, что для восстановления своего лидирующего влияния в мире Россия возобновляет использование имеющихся военных баз и возводит новые базы в Арктике, используя последние достижения науки. Ведь в северном регионе из-за таяния льдов в ближайшее время станут доступными для разработки новые природные ресурсы, а также будут проложены дополнительные судоходные пути.

Одним из приоритетов России на долгосрочную перспективу является «закрепление за ней статуса одной из лидирующих мировых держав». Об этом говорится в новой Стратегии национальной безопасности РФ, текст которой был

опубликован 31 декабря 2015 г., на официальном портале правовой информации. Без использования последних достижений науки и практической реализации их во всех сферах экономики, в том числе и в военной промышленности, эта задача представляется утопичной. Именно развитая наука в современную эпоху противостояния цивилизаций будет одним из критериев мощи государства.

Искусство как форма общественного сознания напрямую связано с политикой в целом и с информационной политикой в частности. Искусство – отражение действительности в форме художественных образов, которые воплощаются в конкретных произведениях. Искусство воздействует на жизнь, как и жизнь на искусство. Искусство продуцирует смыслы, наполненные определенным ценностным, этическим и эстетическим содержанием. Если в произведениях искусства будет воспеваться бездуховность, жестокость, насилие и будут всячески превозноситься и культивироваться ценности западной цивилизации, то этим будет нанесена существенная угроза военной безопасности нашей страны. В футболках со звездно-полосатым флагом на груди и под разнузданную музыку американского джаза российская молодежь не пойдет защищать свою страну. И здесь важна роль информационной политики, которая будет пропагандировать традиционные русские ценности, проверенные веками русской истории – как мирной, так и ратной.

Именно «разрушение традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [2] названо в качестве одной из основной угроз государственной и общественной безопасности России. Такое разрушение возможно вследствие бездумного потребления продуктов чужеродного, космополитичного, русофобского искусства. Искусство должно воспитывать патриотов, лишь тогда дело военной безопасности страны будет находиться в надежных руках. Из всех искусств наиболее синтетическим является кино. Видимо, это хорошо понимал В.И. Ленин, когда объявил именно кино «важнейшим из искусств» [11, с. 579].

Кинематограф – мощное средство информационной политики, в своих лучших творениях приближающееся к высокому искусству. В годы Советской власти были созданы шедевры, воспитывавшие молодежь в духе патриотизма. Достаточно лишь вспомнить эпопеи Юрия Озерова «Освобождение», «Битва за Москву» и «Сталинград», прекрасный фильм Владимира Рогового «Офицеры», великий сериал Татьяны Лиозновой «Семнадцать мгновений весны». Отрадно наблюдать, что в последние годы российское искусство не оставляет без внимания патриотическую тему, в том числе и кинематограф. На экраны страны вышли такие фильмы, как эпопея Никиты Михалкова «Утомленные солнцем-2» и фильм Федора Бондарчука «Сталинград». Такие информационно насыщенные и остросюжетные фильмы способствуют воспитанию любви к Родине и гражданских чувств.

В современной России неясна роль идеологии, которую можно понимать и как политическое сознание. В целом, любая идеология – это система идей, выражающая в систематизированной форме важнейшие жизненные интересы определенной группы людей в социуме или же всего социума в целом. Считается, что сам термин ввел в 1801 году француз Дестют де Траси [12, с. 45], и этот термин долгое время использовался для обозначения науки о появлении и

развитии идей. Позднее он приобрел негативный смысл, и уже Наполеон всячески ругал критикующих все и вся «идеологов», противопоставляя их людям дела и подлинным патриотам страны [13, с. 234]. Это противопоставление схоже с разницей между интеллектуалами, приносящими реальную пользу своей стране, и интеллигенцией, настроенной исключительно деструктивно.

Даже Маркс и Энгельс оценивали идеологию как «ложное сознание», присущее всем учениям, отличающимся от их теоретических разработок. Но Маркс подчеркивал связь идеологии с реальными общественными обстоятельствами и конкретикой социального бытия: «Если сознательное выражение действительных отношений этих индивидов иллюзорно, если они в своих представлениях ставят свою действительность на голову, то это опять-таки следствие ограниченности их материальной деятельности и их, вытекающих отсюда, ограниченных общественных отношений» [14, с. 19].

И лишь впоследствии, после работ А.А. Богданова [15] и В.И. Ленина [16], идеология стала пониматься как система идей, направленных на организацию масс. Ленин понимал идеологию как духовно-теоретическое оружие класса. Он писал: «...вопрос стоит только так: буржуазная или социалистическая идеология. Середины тут нет (ибо никакой «третьей» идеологии не выработало человечество, да и вообще в обществе, раздираемом классовыми противоречиями, и не может быть никогда внеклассовой или надклассовой идеологии)» [16, с.39].

Идеология не может быть научной, ибо нельзя говорить об истинной идеологии так же, как говорят об истине в науке, подразумевая под истиной соответствие наших знаний об окружающей действительности самой этой действительности. Видимо, идеологию целесообразно понимать как вид ценностного сознания, включающий в себя комплекс значимых политических, экономических, нравственных, правовых идей. Здесь идеология может быть соотнесена с понятием национальной идеи.

Национальная идея России при президенте Б.Н.Ельцине так и не была выработана, хотя первый гарант Конституции неоднократно давал такого рода поручения и даже ставил конкретные сроки – от месяца до года. Президент Путин часто отмечал, что национальная идея не появится, если государство не станет над этим активно работать. Именно это происходило в 90-е годы. Это было выгодно той части национальной элиты, которая, по словам В.В. Путина, «предпочитала воровать» [17].

Путин часто отмечал, что Россия не может двигаться вперед без культурного и духовного самоопределения. Отвечая на вопрос российского журнала «VIP-Premier» о национальной идее, он назвал в качестве таковой сбережение народа. Приведем знаковую цитату: «Мне очень часто задают этот вопрос, и я позволю себе повториться и процитировать Александра Солженицына, который однажды назвал нашей национальной идеей "сбережение народа". В этой фразе, собственно, и заключена главная цель современной России, всех преобразований, которые происходят в экономике, социальной сфере, общественной и политической жизни» [18].

По мнению Президента, современной России не подходят три типа идеологии. Во-первых, от идеологии советского времени общество ушло навсегда. Во-вторых, не следует идеализировать монархизм дореволюционной России. В-третьих, совершенно неприемлем для России крайний либерализм Запада.

В 2013 году Президент обратился с призывом к представителям различных политических течений начать плодотворную дискуссию о российской идентичности: «Нам всем – и так называемым неославянам и незападникам, государственнымникам, и так называемым либералам, всему обществу – предстоит совместно работать над формированием общих целей развития. Нужно избавиться от привычки слышать только идейных единомышленников, с порога, со злобой, а то и с ненавистью отвергая любую другую точку зрения» [17]. При этом красными линиями, за которые никому нельзя заходить, Путин считает принципы суверенитета, самостоятельности и целостности России [17].

Само появление всеобъемлющей национальной идеи, на наш взгляд, окажет огромное позитивное воздействие на степень военной безопасности страны и на национальную безопасность России в целом.

Проведение информационной политики, равно как и дело обеспечения военной безопасности, должно находиться под постоянным контролем государства, соотносясь с его важнейшими функциями. Отметим, что государство, во-первых, не может не заниматься проблемами гражданского общества. Во-вторых, государство как аппарат насилия и принуждения должно регулировать экономические отношения, поощрять развитие национальной экономики и защищать ее интересы в международных организациях и союзах. В-третьих, государство должно делать все для защиты национального суверенитета, обеспечивая надежную оборону и поддерживая высокий уровень боевой подготовки армии. В-четвертых, государство должно проводить патриотическую информационную политику среди граждан и соответствующую идеологическую работу. Именно государство при проведении и информационной политики должно бороться с проявлениями космополитизма и русофобии среди части отечественной интеллигенции, ориентированной на Запад. В-пятых, государство должно соблюдать каждого законопослушного гражданина, создавая условия для проявления его духовных и физических потенций.

Итак, нами была рассмотрена взаимосвязь между информационной политикой России и уровнем военной безопасности страны через диалектическое отражение в формах общественного сознания, таких как право, мораль, религия, наука, искусство, политическое (идеологическое) сознание. Мы показали ведущую роль экономических факторов в жизни современного общества, в том числе о влиянии экономических процессов на степень военной безопасности страны и действенную информационную политику.

Библиографический список

1. *Шабурова О.В.* Власть // Социальная философия. Словарь. М., 2004.
2. Интернет-портал "Российской Газеты". <http://www.rg.ru>

3. *Гобзов И.А.* Социальная философия. Учебный словарь. М.: Академический проект, 2008.
4. Федеральный образовательный портал «Экономика. Социология. Менеджмент» // <http://www.ecsocman.edu.ru/images/pubs/2004/06/23/0000163134/002Gordon.pdf>.
5. Рейтинг одобрения Владимира Путина вырос до 86 процентов // Российская газета, 26.02.2015
6. *Never Give In.* The Best of Winston Churchill's Speeches. Pimlico, 2013.
7. *Гегель Г.В.Ф.* Философия религии в 2 т. Т.1. М., 1976.
8. *Peter Patze:* Wie demokratisch ist Russland?. Ein tiefenorientierter Ansatz zur Messung demokratischer Standards (= Schriftenreihe "Demokratiestudien". Bd. 2). Nomos, Baden-Baden 2011.
9. *Tanja Wagensohn:* Russland nach dem Ende der Sowjetunion. Pustet, Regensburg 2001.
10. The New York Times, January, 14th , 2016.
11. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 44.
12. *Соколов В.В.* Введение в классическую философию. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999.
13. *Тарле Е.В.* Избранные сочинения в четырех томах. Том II. Наполеон; Талейран. Ростов н/Д.: Изд-во «Феникс», 1994.
14. *Маркс К., Энгельс Ф.* Собрание сочинений. Том 4.
15. *Богданов А.А.* Из психологии общества. (Статьи 1901 – 1904 г.). СПб, 1904, изд-во "С. Дороватовского и А. Чарушникова"
16. *Ленин В.И.* Что делать? // Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 6.
17. Россия без идентичности // http://www.ng.ru/politics/2013-09-20/1_identity.html
18. Путин назвал новую национальную идею // <http://newsland.com/news/detail/id/712314>

Управление системой государственной безопасности в условиях геополитической конфронтации*

Управление системой государственной безопасности – часть механизма государственного принуждения. Управленческое воздействие является одним из ведущих инструментов влияния на участников общественных отношений. Свой принудительный потенциал государство применяет на соответствующих основаниях в форме закономерной реакции на изменения социальной действительности. Это особенно актуально в условиях геополитических и геоэкономических структурных, институциональных изменений и потрясений

* Ковалев А.А. Управление системой государственной безопасности в условиях геополитической конфронтации // Вестник Поволжского института управления. – 2017. – Т.17. – №2. – С.4-10.

современного социума. Управление обществом невозможно без использования некоторой степени ограничения свободы действий его участников.

Эффективная система национальной безопасности представляет собой связь трех базовых звеньев – личности, общества и государства. Административное обеспечение функционирования этой связи реализуется государством. Именно поэтому в системе принятия государственных управленческих решений существуют такие категории, как угроза безопасности, государственные и национальные интересы. Принимаемые уполномоченными государственнымными структурами меры противодействия разнообразным угрозам безопасности личности, общества и государства обосновывает необходимость применения актов принуждения, путем вынужденного ограничения прав и свобод субъектов этого общества. В традиционной, ранее сложившейся форме системы обеспечения государственной, национальной и международной безопасности показывают свою неэффективность в решении современных угроз [1].

Государственное управление не ограничивается административно-политической сферой, так как вопросы обеспечения государственной безопасности пересекаются и с такими областями, как экономическая, социальная и информационная. На практике решение вопросов управления в сфере государственной безопасности включает в себя комплекс взаимосвязанных мероприятий политического, организационно-правового, военного, материально-технического и информационно-психологического характера.

Сложность управления данной сферой объясняется, прежде всего, сложившейся кризисной ситуацией на современной геополитической и геоэкономической арене. На это указал советник Президента РФ по вопросам региональной экономической интеграции С.Ю. Глазьев: «Пытаясь установить контроль над Россией, Средней Азией и Ближним Востоком, США добиваются стратегического преимущества в управлении поставками углеводородов и других критически значимых природных ресурсов» [2]. Такая стратегия позволяет российским геополитическим оппонентам контролировать и своих партнеров, и политических противников. Считаю справедливым утверждение И.В. Радикова: «Россия вынуждена корректировать свою военную политику с учетом существующих в мировой политике напряженности в различных областях межгосударственного и межрегионального взаимодействия, соперничеством ценностных ориентиров и моделей развития, неустойчивости процессов экономического и политического развития на глобальном и региональных уровнях, тенденции к силовому разрешению возникающих противоречий» [3].

Подчеркнем, что именно вынуждена, несмотря на предпринимающиеся попытки обвинить Российскую Федерацию в преднамеренной односторонней агрессии. Ввиду такой политики внешних геополитических оппонентов России необходимо перейти от политики оправданий к политике утверждения своего взгляда на новую форму геополитической архитектуры и системы международной безопасности.

Эскалация идеи милитаризма, показательное количественное расширение блока НАТО слишком очевидны, чтобы не понимать, что, к сожалению, политика компромиссов и договоренностей, которой придерживалась Российская

Федерация, не принесла позитивных результатов. Принципиальное навязывание США геополитических правил игры всем участникам современной системы международных отношений в интересах только одного государства поставило международное сообщество на грань очередной мировой войны, главная опасность которой в том, что она будет вестись в формате, отличающемся от любых военных действий прошлого. При разрешении геополитических противоречий мировое сообщество все чаще использует военную силу, поэтому данный процесс будет тотальным и непредсказуемым. Другими словами, третья мировая война затронет абсолютно все государства и все сферы жизнедеятельности общества, так как ставкой в ней станут ресурсная база планеты и человеческий капитал, вплоть до передела территорий, ограничения количества населения, контроля рождаемости и объема питьевой воды. Россия сегодня достаточно уязвима в этом отношении, прежде всего, из-за того, что является привлекательной целью, поскольку располагает обширными запасами всех перечисленных ресурсов.

Кроме того, главный геополитический оппонент России – США – в связи с «борьбой за демократию и соблюдение прав человека» создал одну из самых больших армий в истории человечества с целью эшелонированной защиты собственных политических интересов и национальных ресурсов, что одновременно дает возможность претендовать на ресурсы других стран через манипуляцию геополитическими решениями. Учитывая этот фактор, России для обеспечения собственной национальной безопасности необходимо консолидировать государственное управление, согласовать работу экономических и политических инструментов и механизмов, чтобы противодействовать внешней агрессии.

Управление государственной безопасностью включает в себя противодействие не только прямым военным угрозам, но и множеству других: финансово-экономическим, социально-культурным, экологическим, психолого-информационным, духовным, угрозам национальной идентичности. Таким образом, для обеспечения государственной безопасности на современном этапе развития общества требуется координация внешней и внутренней политики страны с учетом ситуации на международной арене, а также формирование внутренней мощи государства, основанной на политическом, экономическом, социальном, культурном и духовном потенциале.

На пути к восстановлению собственного геополитического статуса Россия последовательно отстаивает свои национальные и государственные интересы, поддерживает паритетные отношения с государствами региона, которые входят в сферу ее жизненных и национальных интересов, историческими партнерами и союзниками. К примеру, оказывает не декларативную, а реальную экономическую и политическую поддержку при решении конфликта на Украине.

Отметим, что на Российской Федерации лежит не только ответственность за собственную государственную и национальную безопасность, но и за безопасность на региональном уровне. Существует также необходимость активно участвовать в обеспечении эффективного функционирования современной системы международной безопасности, поддерживать баланс сил и угрозы

мирового сообщества. Это особенно актуально на фоне динамичного роста степени влияния «трех сил зла»: терроризма, экстремизма и сепаратизма. Кризис современной системы международной безопасности проявляется не только в существующей политической напряженности, но и в экономическом ослаблении как отдельно взятых стран, так и мирового сообщества в целом. О том же свидетельствуют начавшееся противостояние идей глобализации и регионализации, неконтролируемая миграция, экологические и ресурсные проблемы, террористическая активность. Россия сегодня является ключевым геополитическим актором, который может сбалансированно ослабить напряженность региональных противостояний по оси Восточной Европы – Ближнего Востока и способствовать формированию паритетных и объективных отношений в сфере международного сотрудничества. Это подтверждается тем, что Российская Федерация чаще остальных геополитических акторов делает шаг навстречу, предлагая объединить усилия по предотвращению эскалации конфликтов, чем отстаивает собственные государственные интересы.

Одна из главных угроз для современного государства – то, что войны ведутся не столько за территории или ресурсы, сколько с целью разрушения государственности оппонента. Для этого оказывается точечное геополитическое и геоэкономическое воздействие на государство-цель, и главной задачей государственного управления в сфере обеспечения безопасности является выстраивание адекватного внешним и внутренним угрозам механизма защиты и противодействия на политическом, экономическом, военном и социальном уровнях.

Несмотря на наращивание военного и материально-технического потенциала большинством геополитических участников международных отношений, главная «ударная сила» современного противостояния на международной арене – идеологическое и информационно-психологическое воздействие на геополитического оппонента или страну-цель. В современной войне акцент сместился из сферы столкновения материальных и человеческих ресурсов в область противоборства идей, информационного и даже духовного превосходства. Территория страны, население которой поражено психологически или духовно путем применения инструментов информационного воздействия, уже может считаться захваченной без применения ядерного или высокоточного оружия. Особенно опасно, что разрушение государства осуществляется руками его же населения, направляемого или управляемого как внутри, так и извне вследствие психологической, социальной и идеологической апатии. На этом построены «гибридные войны» и «цветные революции».

Классическое определение войны практически утратило свой смысл. Оружие стало не последним аргументом геополитики, а просто одним из ее инструментов, не самым действенным и достаточно энерго- и ресурсозатратным, что значительно уменьшает эффективность и целесообразность его использования в современных условиях.

Концепции, концепты и парадигма современной войны формируются не на полигонах, не путем военного освоения космоса, а через «мировую паутину» – Интернет. Танкам, ракетам и спутникам в начале XXI в. противопоставлен один

весомый аргумент: борьба должна идти не за территории, а за умы населения. Основным оружием становится нивелирование национальной идеи путем искажения реальной действительности в сознании людей.

Предпринимается беспрецедентная в истории человечества попытка создать общемировое тотально контролируемое общество, существующее в системе раздаточной экономики, основанной на контроле информационных и ресурсных потоков, науки и образования. При этом государство как социально-правовой институт теряет монополию на право распределения, уступив свои функции надгосударственным и частным структурам, осуществляющим проект глобализации. Однако несмотря на продвижение этого проекта, а также идей демократии и либерализации, становится все очевиднее, что на геополитической арене ключевые решения принимают те акторы, которые де-факто проводят политику национализма. Примерами стран, заботящихся о своей государственности более остальных, выступают США и Великобритания. При одинаковом стратегическом подходе к данному вопросу у этих держав различная тактика отстаивания своих государственных интересов. Если США делают ставку на политику силы и навязывания своих интересов и идеологии международному сообществу, то Великобритания выбирает путь недопущения чужих интересов (и проблем) внутрь, что и подтвердил ее выход из Евросоюза. США использует механизмы и инструменты навязывания, разрушения и поглощения, Великобритания же применяет принцип превентивности и недопущения. Следование указанным принципам можно проследить как на геополитической арене, так и в сфере экономики и геоэкономики. Следует принимать во внимание возможность манипулирования информацией, акцентирования угроз общественной безопасности и необходимости достижения большей справедливости (то есть перераспределительных программ), что позволяет органам исполнительной власти обосновывать и получать дополнительные полномочия, регуляторные функции, бюджеты. Расширение государственных регуляторных функций позволяет наряду с увеличением ведомственных бюджетов расширять основания для коррупционных сделок [5].

Кроме того, существует тенденция уменьшения роли государства и усиления влияния на внутригосударственные отношения неправительственных организаций и транснациональных структур, что влияет на эффективность выстраивания системы управления государственной безопасностью, так как возникает внутренняя опасность информационно-психологического и экономического деструктивного воздействия. Обнищание нации и информационно-психологическое давление создают угрозу социальных взрывов.

Для обеспечения эффективного функционирования системы управления государственной безопасностью прежде всего необходимо планомерное и контролируемое разграничение реально существующих политических, экономических проблем и военных угроз, с одной стороны, и вопросов, не несущих реальной опасности, – с другой. Это позволит не нагнетать обстановку внутри государства и объективно воспринимать как внешнюю, так и внутреннюю экономико-политическую и общественную ситуации. Необходимо также формирование научной и материальной базы для подготовки специалистов в

области обеспечения государственной и национальной безопасности. Требуется модернизация и укомплектование профессиональным кадровым составом уже существующих силовых и прочих организаций государственного аппарата, формирование новых структур, соответствующих вызовам и угрозам современности.

Текущая геополитическая ситуация, агрессивное поведение на международной арене западных оппонентов в ответ на попытки Российской Федерации предлагать альтернативные формы организации системы международных отношений и международной безопасности, ее поиски собственного пути, а также внутренние финансово-экономические проблемы и накапливающееся социальное напряжение вызывают угрозу «цветной революции».

Отметим и усиление тенденции к нарушению государственного и национального суверенитета под влиянием глобализации, создающее непосредственную угрозу государственной безопасности. Условия глобализации углубляют различия в возможностях социально-экономического развития регионов планеты, в результате чего повышается степень непредсказуемости социально-экономической ситуации на национальной и международной арене [6]. По этой причине требуется научное переосмысление таких категорий, как государственная, национальная, региональная, международная безопасность, безопасность общества и человека, ввиду кризисного состояния института государственности, возросшего влияния международных межправительственных организаций. Обозначенные проблемы сформировали острую необходимость в изменении существующего формата системы управления государственной безопасностью, в определении новой стратегии обеспечения международной безопасности.

Сложность формирования эффективной системы управления в этой сфере сегодня состоит в том, что в мире идет глобальный процесс усложнения социальной реальности, возрастает разнообразие вызовов и угроз. Как следствие, по меткому выражению У. Бека, образуется «общность страха» [7], поэтому вопросы безопасности заняли центральное место, вытеснив или синергетически объединив в себе другие проблемы, от политико-экономических и военных до информационно-психологических и духовных. Этому способствовало возникшее противостояние и информационная конкуренция между базовыми геополитическими акторами – международными организациями, государствами и набирающими все больший экономический и политический вес транснациональными компаниями. Среди современных задач управления в области государственной безопасности – информационная защита от деструктивной и преднамеренно искаженной информации, распространяемой при так называемых информационных войнах, происходящих как на межгосударственном, наднациональном, так и на внутригосударственном уровне.

Таким образом, управление сферой государственной безопасности – одно из ключевых звеньев в современной системе общественной безопасности, направленной прежде всего на защиту конкретной личности. Необходимо признать, что механизмы систем национальной, наднациональной и

международной безопасности нуждаются в полномасштабной и планомерной перестройке, чтобы не допустить дальнейшей эскалации геополитической, геоэкономической и социальной конфронтации. При этом государственное принуждение может осуществляться только внутри страны, благодаря и, что особенно важно, с согласия общества, так как оно выступает основным инструментом социального управления, не позволяющим обществу встать на путь саморазрушения.

Библиографический список

1. *Ланцов С.А., Усмонов Ф.И.* Проблемы безопасности в теории международных отношений: сравнительный анализ основных направлений // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2008. Т. 4., № 2. С. 151–163.

2. *Глазьев С.Ю.* Об эскалации международной военно-политической напряженности и необходимых действиях России // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания РФ. 2015. № 16 (569): Актуальные вопросы внешней политики Российской Федерации (к «правительственному часу» 374 заседания Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 25 мая 2015 г.). С. 30–45.

3. *Радиков И.В.* Новая сущность войны в XXI в. и ее отражение в военной доктрине Российской Федерации // Вестник Санкт-петербургского университета. Сер. 6: Политология. Международные отношения. 2015. № 2. С. 39–51.

4. *Клименко А.В., Минченко О.С.* Государственное регулирование экономики: Вопросы теории и лучшая практика // Вопросы государственного и муниципального управления. 2016. № 3. С. 7–30.

5. *Боязитов Д.Р.* Особенности управления региональным развитием в глобальном информационном обществе // Государственное и муниципальное управление в XXI веке: теория, методология, практика. 2016. № 24. С. 146–151.

6. *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой; послеслов. А. Филиппова. М., 2000.

Участие Национальной гвардии России в обеспечении военной безопасности*

Вопросы военной безопасности рассматриваются большинством государств мира как наиболее приоритетные и всегда – в явном или скрытом виде – находятся в политической повестке дня. В современном мире, в связи с появлением новых форм ведения военных действий (информационная, гибридная война) их значимость как никогда актуальна. Подтверждаются выводы многих российских политологов о том, что «процесс формирования новой системы

* Ковалев А.А. Участие Национальной гвардии России в обеспечении военной безопасности // Управленческое консультирование. – 2016. – №9. – С.52-59.

международных отношений после окончания «холодной войны» приобрел затяжной и во многом неуправляемый характер. Создалась ситуация, несущая в себе большой кризисный потенциал и одновременно мало приспособленная к предотвращению и урегулированию глобальных проблем безопасности на коллективной основе» [2]. В этих условиях возрастает внимание российского государства и общества к обеспечению своей военной безопасности.

В этом процессе задействованы многие институты государства, но особую роль среди них играют те структуры, которые относятся к «силовому блоку» и в функции которых входит непосредственное противодействие внутренним и внешним угрозам. Реформирование подобных структур, перераспределение их полномочий непосредственно влияет на эффективность обеспечения военной безопасности. Поэтому представляется необходимым рассмотреть изменения, происходящие в этой сфере сегодня в связи с созданием в России новой силовой структуры – Национальной гвардии.

5 апреля 2016 г. Президент России, Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами Российской Федерации В. В. Путин сообщил, что принял решение о создании на базе внутренних войск МВД России Национальной гвардии. При этом В.В. Путин заявил: «Мы активно обсуждали вопросы, связанные с совершенствованием работы правоохранительных органов и силовой их составляющей, и рассуждали, думали о том, как нам улучшить работу по всем направлениям. Решения приняты. Мы создаем новый федеральный орган исполнительной власти на базе внутренних войск МВД – создаем Национальную гвардию...»¹¹⁸.

Позже, в ходе «прямой линии» 14 апреля с. г., Президент подчеркнул, что немаловажным фактором для принятия такого решения стала необходимость снижения затрат на содержание различных служб за счет оптимизации структур, прежде всего управленческого и штабного назначения¹¹⁹.

Созданию Национальной гвардии предшествовало обновление стратегии национальной безопасности. Так, 31 декабря 2015 г. в соответствии с федеральными законами «О безопасности»¹²⁰ и «О стратегическом планировании в Российской Федерации»¹²¹ Президент России утвердил стратегию национальной безопасности¹²², являющуюся базовым документом стратегического планирования, направленным на укрепление национальной безопасности РФ. В качестве предпосылок к созданию Национальной гвардии в стратегическом документе был указан ряд оснований. А именно: национальным приоритетом на долгосрочную перспективу названо укрепление обороны страны, государственной и территориальной целостности Российской Федерации. В

¹¹⁸ Официальный сайт Президента Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/51643>

¹¹⁹ Официальный сайт Президента Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/51716>

¹²⁰ О безопасности: Федеральный закон Рос. Федерации от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ.

¹²¹ О стратегическом планировании в Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ.

¹²² О стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации № 683 от 31 декабря 2015 г.

документе говорится, что достижение стратегических целей обороны страны осуществляется в рамках реализации военной политики путем совершенствования военной организации государства, форм и способов применения Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований. Совершенствование военной организации государства осуществляется на основе сбалансированного развития компонентов военной организации, наращивания оборонного потенциала, оснащения Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований современным вооружением, военной и специальной техникой, инновационного развития оборонно-промышленного комплекса Российской Федерации. Помимо прочего, стратегия предусматривает, что обеспечение государственной и общественной безопасности осуществляется путем повышения эффективности деятельности правоохранительных органов и специальных служб. А это возможно за счет совершенствования структуры и деятельности федеральных органов исполнительной власти, а также комплексного развития правоохранительных органов и специальных служб, принятия на вооружение перспективных специальных средств и техники, развития системы профессиональной подготовки в области обеспечения национальной безопасности.

Таким образом, назрели все необходимые основания для создания Национальной гвардии. В первую очередь это необходимость повышения эффективности использования имеющихся ресурсов внутренних войск МВД и ряда других подразделений в сфере борьбы с терроризмом и экстремизмом, территориальной обороны, охраны государственной границы. Во-вторых, подчинение новой структуры исполнительной власти непосредственно Верховному Главнокомандующему, что повышает оперативность реагирования на возникающие угрозы. В-третьих, передача внутренних войск в структуру Национальной гвардии затрагивает и те подразделения, которые до настоящего времени существовали де-факто в автономном режиме (например, некоторые силовые структуры на территории Республики Чечня). Этим же днем вышел Указ Президента «Вопросы Федеральной службы войск Национальной гвардии Российской Федерации»¹²³. Специалисты отмечают, что идея создания подобной структуры обсуждалась в течение нескольких лет. Изначально предполагалось, что у Национальной гвардии будут прежде всего охранительные функции – предотвращение и ликвидация массовых беспорядков¹²⁴. Но в итоге функции новой структуры значительно расширены.

Интересно сравнить их с функциями аналогичных служб в других странах. Например, национальная гвардия США рассматривается как резерв вооруженных сил и часто задействуется в военных операциях (за последние годы – в Афганистане и Ираке). Организационно подчиняясь командующему

¹²³ Вопросы Федеральной службы войск Национальной гвардии Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации № 157 от 5 апреля 2016 г.

¹²⁴ Армия Золотова: зачем и каким образом создается Национальная гвардия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rbc.ru/politics/05/04/2016/5703ed1d9a794798356bbca1>

сухопутными силами армии США¹²⁵, она также выступает в роли силовой структуры при подавлении беспорядков, ликвидации последствий стихийных бедствий.

Можно провести определенные аналогии и с корпусом стражей исламской революции в Иране, который иногда называют «революционной гвардией». Формируется он в отличие от армейских структур этого государства на добровольной основе, но при этом имеет солидную материальную базу, большую численность личного состава и широкий спектр задач, связанных с распространением идеологии исламской революции и борьбы с внутренними и внешними противниками¹²⁶. В частности, подразделения КСИР активно участвуют в боевых действиях на территории Сирии¹²⁷.

Существуют национальные гвардии и в ряде стран постсоветского пространства. Так, в Казахстане данная структура находится в подчинении МВД и выполняет функции, схожие с теми, что выполняли ранее существовавшие подразделения внутренних войск: охрана общественного порядка, сопровождение грузов, помощь пограничникам, участие в спецоперациях других силовых структур, конвоирование осужденных и т. д. Схожие функции выполняет национальная гвардия в некоторых других странах СНГ, например в Киргизии. А в таких государствах, как Азербайджан, Грузия, Таджикистан, нацгвардия в основном занята охраной глав государств и высших должностных лиц¹²⁸.

Наконец, в Украине созданная в 2014 г. национальная гвардия появилась в результате слияния внутренних войск МВД и «сил самообороны Майдана». Призванная выполнять преимущественно функции обеспечения внутренней безопасности и правопорядка¹²⁹, фактически она принимала активное участие в боевых действиях на востоке Украины.

Таким образом, национальные гвардии (или аналогичные формирования) тех стран, где они существуют, выполняют весьма разнообразные функции во внутренней и внешней политике. Сам термин «гвардия» указывает на стремление отобрать лучших представителей общества для решения поставленных задач и в то же время – на определенную обособленность от армейских структур. Но прямого аналога (по задачам и полномочиям) Национальной гвардии, создаваемой в РФ, в других странах нет.

Основной целью создания российской Нацгвардии является обеспечение государственной и общественной безопасности, защита прав и свобод человека и гражданина. Здесь стоит обратить внимание на один важный аспект. Согласно Указу Президента, была образована Федеральная служба войск Национальной

¹²⁵ Козичев Е., Малаев М., Шелковников Д. Что нужно знать про национальную гвардию [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2956897>

¹²⁶ Сумбатян Ю. Воины «мировой исламской революции» [Электронный ресурс]. URL: http://www.psj.ru/saver_national/detail.php?ID=7177

¹²⁷ В Сирии погибли два иранских генерала [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/news/2015/10/14/iranians/>

¹²⁸ Армия Золотова: зачем и каким образом создается Национальная гвардия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rbc.ru/politics/05/04/2016/5703ed1d9a794798356bbca1>

¹²⁹ Верховная рада проголосовала за воссоздание Национальной гвардии Украины [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rbc.ru/fnews.open/20140313141313.shtml>

гвардии Российской Федерации (сокращенное название – Росгвардия), т. е. по сути – федеральное министерство. А уже в структуре этого ведомства создаются войска Национальной гвардии.

Руководство войсками Национальной гвардии осуществляет Президент Российской Федерации, который определяет задачи органов управления, утверждает структуру и состав войск, штатную численность военнослужащих и гражданских служащих. Непосредственное управление войсками Национальной гвардии осуществляет директор Федеральной службы войск Национальной гвардии Российской Федерации – главнокомандующий войсками Национальной гвардии. По должности он становится постоянным членом Совета Безопасности России.

Стоит также отметить, что новая федеральная служба является правопреемником МВД России в отношении передаваемых ей органов управления, объединений, соединений, воинских частей, военных организаций высшего образования и иных организаций внутренних войск МВД России, в том числе по обязательствам, возникшим в результате исполнения судебных решений.

В связи с тем что работа по формированию войск Национальной гвардии только разворачивается, можно предположить, что в ближайшее время будут изданы дополнительные нормативно-правовые акты, регламентирующие деятельность войск Национальной гвардии. Как отмечалось ранее, данные войска созданы путем преобразования внутренних войск МВД России. То есть с 5 апреля 2016 г. внутренние войска стали именоваться войсками Национальной гвардии в структуре ФСВНГ России. Указом Президента в них дополнительно включены: специальные отряды быстрого реагирования и мобильные отряды особого назначения территориальных органов, Центр специального назначения сил оперативного реагирования и авиационные подразделения МВД России, а также подразделения в сфере оборота оружия, частной охранной деятельности и вневедомственной охраны.

Далее рассмотрим новый силовой институт федеральных органов исполнительной власти с точки зрения обеспечения военной безопасности.

Как известно, до сих пор вопросы обеспечения военной безопасности были возложены на подразделения Минобороны, ФСБ, ФСО, СВР, МВД, МЧС, ГУСП России [1].

На новый орган исполнительной власти также возлагается решение основных задач, касающихся обеспечения военной безопасности: участие в территориальной обороне Российской Федерации, оказание содействия пограничным органам ФСБ России в охране государственной границы. К полномочиям Национальной гвардии в области обеспечения военной безопасности относится участие в обеспечении режима военного положения и режима чрезвычайного положения, проведения мероприятий военного времени, гражданской обороны в условиях военного времени, а также участие в совместных действиях с Вооруженными Силами, воинскими формированиями и органами по обеспечению обороны Российской Федерации, деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности.

Следует отметить, что задачи какой-либо структуры определяют основные направления ее деятельности, тогда как полномочия – возможности для реализации поставленных задач.

Рассмотрим некоторые моменты более детально. Под военной безопасностью мы понимаем особое состояние отношений между государствами (или их коалициями), обусловленное сочетанием политических, экономических, военных и других факторов, исключающих возможность начала войны (военных действий). Здесь важно понять, что военная безопасность – это состояние. И поддерживать это «состояние не начала войны» возможно при помощи ряда особых режимов (систем), применяемых как по отдельности, так и в комплексе. Эти режимы как раз и должны обеспечиваться силами Национальной гвардии Российской Федерации. К таким режимам относятся: военное положение – в случае агрессии против Российской Федерации или непосредственной угрозы агрессии¹³⁰; чрезвычайное положение – как временная мера для обеспечения безопасности граждан в случае вооруженного мятежа, деятельности незаконных вооруженных формирований¹³¹; военное время – начинается с момента объявления состояния войны или фактического начала военных действий¹³²; гражданская оборона – как система мероприятий по защите населения от опасностей, возникающих при военных конфликтах¹³³; территориальная оборона – как система охраны и обороны военных, важных государственных и специальных объектов, борьба с незаконными вооруженными формированиями¹³⁴.

5 апреля 2016 г. в соответствии с пунктом «г» ст. 84 Конституции Российской Федерации Президент России внес в Государственную Думу проект Федерального закона «О войсках Национальной гвардии Российской Федерации»¹³⁵. Законопроектом предусматривается определить задачи войск Национальной гвардии Российской Федерации, их состав, принципы деятельности и полномочия, урегулировать вопросы, связанные с руководством и управлением ими, комплектованием личным составом, обеспечением социальной защиты военнослужащих войск Национальной гвардии, а также с их финансовым и материально-техническим обеспечением.

22 июня 2016 г. законопроект был принят Государственной Думой, 29 июня 2016 г. одобрен Советом Федерации, и уже 3 июля 2016 г. Президент России подписал Федеральный закон «О войсках Национальной гвардии Российской Федерации»¹³⁶. В рамках данной статьи мы не имеем возможности полностью проанализировать указанный закон. Отметим главное, что войска Национальной

¹³⁰ О военном положении: федер. конст. закон Рос. Федерации от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ.

¹³¹ О чрезвычайном положении: федер. конст. закон Рос. Федерации от 30 мая 2001 г.

¹³² Об обороне: федер. закон Рос. Федерации от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ.

¹³³ О гражданской обороне: федер. закон Рос. Федерации от 12 февраля 1998 г. № 28-ФЗ.

¹³⁴ Об обороне: федер. закон Рос. Федерации от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ.

¹³⁵ Официальный сайт Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=1037356-6&02>

¹³⁶ О войсках национальной гвардии Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ.

гвардии Российской Федерации являются государственной военной организацией, предназначенной для обеспечения государственной безопасности.

11 апреля 2016 г. на Федеральном портале проектов нормативных правовых актов размещен проект Указа Президента РФ «Положение о Федеральной службе войск Национальной гвардии Российской Федерации»¹³⁷. В пояснительной записке сказано, что данный правовой акт определяет основные задачи, полномочия и организационную деятельность федеральной службы, а также ее структуру.

В связи с тем что в настоящее время с правовой точки зрения остаются открытыми многие вопросы, касающиеся войск Национальной гвардии, до вступления в силу ряда соответствующих законов, функционирование новой федеральной службы будет осуществляться в соответствии с положениями действующих федеральных законов, определяющих задачи, права и полномочия внутренних войск МВД России и полиции.

Итак, основной целью создания Национальной гвардии является обеспечение государственной и общественной безопасности. Однако действующее российское законодательство не содержит четкого определения понятия «государственная и общественная безопасность». В Конституции России имеется одиннадцать установок по различным вопросам безопасности¹³⁸: это безопасность государства¹³⁹, государственная безопасность¹⁴⁰, общественная безопасность¹⁴¹, оборона и безопасность¹⁴², экологическая безопасность¹⁴³, безопасность граждан¹⁴⁴, безопасность людей¹⁴⁵, а также безопасность труда¹⁴⁶. Базовый закон «О безопасности» вообще не содержит никаких определений данного понятия. В этом законе указаны принципы, содержание, правовые основы, полномочия органов власти в области безопасности и т. д. Однако самого определения нет. Анализируя другие документы, мы выходим на концепцию общественной безопасности в Российской Федерации, утвержденную Президентом РФ в 2013 г. Под общественной безопасностью понимается здесь состояние защищенности человека и гражданина, материальных и духовных ценностей общества от преступных и иных противоправных посягательств, социальных и межнациональных конфликтов, а также от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера¹⁴⁷. Но концепция – это лишь система

¹³⁷ Федеральный портал проектов нормативных правовых актов [Электронный ресурс]. URL: <http://regulation.gov.ru/projects пра=47818>

¹³⁸ Конституция Российской Федерации: официальный текст.

¹³⁹ Там же, ч. 5 ст. 13; ч. 3 ст. 55; ч. 1 ст. 82.

¹⁴⁰ Там же, п. «д» ч. 1 ст. 114.

¹⁴¹ Там же, п. «б» ч. 1 ст. 72.

¹⁴² Там же, п. «м» ст. 71.

¹⁴³ Там же, п. «д» ч. 1 ст. 72.

¹⁴⁴ Там же, ч. 1 ст. 56.

¹⁴⁵ Там же, ч. 2 ст. 74; ч. 1 ст. 98.

¹⁴⁶ Там же, ч. 3 ст. 37.

¹⁴⁷ Концепция общественной безопасности в Российской Федерации: утв. Президентом Российской Федерации 14 ноября 2013 г. № Пр-2685.

взглядов. В свою очередь стратегия национальной безопасности¹⁴⁸ трактует, что национальная безопасность включает в себя оборону страны и все виды безопасности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации и законодательством Российской Федерации – прежде всего государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую, транспортную, энергетическую безопасность, безопасность личности. Таким образом, чтобы не возникало правовых коллизий, стоит указать, что целью создания Национальной гвардии является обеспечение именно национальной безопасности. Это снимет ряд дискуссионных вопросов. Желательно также на законодательном уровне закрепить понятие государственной безопасности, по примеру «военной безопасности» в Военной доктрине Российской Федерации.

Непосредственное влияние нового института на обеспечение военной безопасности, на наш взгляд, возможно в силу следующих обстоятельств:

- Национальная гвардия может выступать инструментом обеспечения антитеррористических операций широкого масштаба на территории РФ против организаций мирового терроризма;

- Национальная гвардия или ее отдельные подразделения могут быть использованы при проведении внешних операций, однако в настоящее время этот вопрос законодательно не урегулирован;

- в условиях распространения гибридных форм ведения военных действий Национальная гвардия может рассматриваться как структура, противодействующая враждебным акциям на территории РФ – попыткам бунтов, вооруженного сопротивления законным властям, разжигания масштабных межэтнических конфликтов и др.

Согласимся с профессором И. В. Радиковым, который подчеркивает, что «мы должны исходить из того, что потребности безопасности России существуют объективно. На каждом этапе ее исторического развития они не должны выходить за пределы неких границ при любой внутривнутриполитической структуре. Но высшим критерием этих потребностей, национальных интересов в демократическом обществе должны быть потребности каждого человека, ибо только их гарантия способна дать государству и обществу подлинную стабильность и безопасность... Защита конституционного строя, суверенитета и территориальной целостности, установление политической, экономической и социальной стабильности, безусловное исполнение законов и поддержание правопорядка, развитие международного сотрудничества в сущности своей являются с позиции конкретного человека способами обеспечения главного, жизненно важного, значимого интереса государства – всестороннего развития личности» [2].

Таким образом, рассмотрев вопросы начального этапа функционирования нового силового института власти, можно в заключение выделить ряд дискуссионных аспектов, которые заслуживают дальнейшего рассмотрения.

¹⁴⁸ О стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации № 683 от 31 декабря 2015 г.

1. Вероятно, создание Национальной гвардии положительно скажется на обеспечении национальной безопасности в ее силовом аспекте. Создается новый силовой институт, который должен стать важным элементом большого механизма обеспечения безопасности государства, противодействия внутренним и внешним экстремистским силам.

2. Возникает ряд вопросов, касающихся задач и полномочий в сфере обеспечения военной безопасности. Не совсем понятны вопросы практического взаимодействия Нацгвардии с другими силовыми институтами власти (МВД, ФСБ), очевидны дублирующие функции этих структур. Необходимо дальнейшее развитие нормативной составляющей функционирования нового института и ее имплементация на практике.

3. Возникает дискуссионный вопрос относительно незакрепленного в правовых актах понятия «государственная безопасность», которое широко использовалось в советский период, а затем было вытеснено из законодательства понятием «национальная безопасность». В случае его возвращения в политический и правовой дискурс необходимо четко определить содержательное наполнение, границы данного понятия, соотношение с другими видами безопасности.

В целом необходимо отметить, что создание Национальной гвардии РФ открывает новые возможности в сфере обеспечения военной безопасности, в частности, при использовании особых правовых режимов, проведении антитеррористических и анти-экстремистских операций. Но механизмы и пределы реализации этих возможностей могут быть оценены только исходя из ее реальной деятельности.

Библиографический список

1. *Ковалев А.А.* Властные механизмы обеспечения военной безопасности Российской Федерации: дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2015.
2. *Радиков И.В.* Национальная безопасность как главный национальный проект России: типичные проблемы реализации // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2007. Т. 3. № 1. С. 64–82.
3. *Радиков И.В.* Безопасность человека: реальность или фикция? // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. 2010. № 4. С. 5–11.

Энергобезопасность как составляющая национальной безопасности в условиях геополитического противостояния*

Суть и важность проблемы энергетической безопасности

Фактор всеобъемлющей безопасности становится важнейшим в современную эпоху глобализации, проводимой, по большей части, по рецептам США и под постоянным контролем этой сверхдержавы над зависимыми от нее государствами остального мира. Ныне все более популярной становится теория, согласно которой национальными государствами утеряна монополия на гарантию политической и экономической безопасности своих граждан из-за неэффективности государства как института. Именно поэтому сформировалась парадигма, направленная на передачу интеграционными наднациональными структурами объединениям все большего объема ответственности и прав именно в вопросах безопасности.

В особой мере это касается политики энергетической безопасности. Энергетическая безопасность является важнейшей составляющей комплексной безопасности как отдельно взятых государств, так и всего мира в целом. При этом нельзя допустить, чтобы фактор доступа или зависимости от энергетической сферы становился краеугольным камнем преткновения в геополитической и геоэкономической областях. Рационализация использования и интеграция энергетических рынков должна основываться на продуманном симбиозе наднациональной и национальной компетенции в форме четко очерченных экономико-правовых моделей как самих государств, так и наднациональных структур. К тому же чрезвычайность ситуаций и цикличность кризисов в сфере энергетики и при обеспечении ее безопасности находится на постоянной повестке дня при разработке стратегий универсализации отношений производителей и потребителей энергии. При этом задачи, которые стоят перед государствами, в значительной степени отличаются у стран – потребителей энергоносителей и стран, которые занимаются их поставками или транзитом.

Так, Д. Ергиным отмечается, что энергетическая безопасность является системным процессом, составными частями которого выступают национальные политики и международные институты. Их цель состоит в координированном реагировании на сбои, проблемные и оперативные чрезвычайные ситуации [1]. Таким образом, исследователем акцентируется внимание на том, что обеспечение энергетической безопасности невозможно без активного международного сотрудничества, базовой основой которого должны выступать международные институты.

Важность самой проблемы политики энергетической безопасности базируется на общем социальном значении энергии, которая заключается в четырех главных аспектах ее использования социально-экономической системой:

* Ковалев А.А., Балашов А.И. Энергобезопасность как составляющая национальной безопасности в условиях геополитического противостояния // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2017. – Т. 13. – № 10. – С. 1896-1909.

1) функционировании, то есть обеспечении базовых человеческих потребностей и энергообеспечении экономической деятельности;

2) поддержании существующего уровня инфраструктуры современного общества;

3) использовании энергии для обеспечения роста численности населения, капитала и потребления;

4) обеспечении динамики изменений экономической инфраструктуры, технического прогресса и роста производительности.

Важным фактором, который следует выделить рассматривая вопрос энергетической политики безопасности, является невозможность природных ресурсов, при этом данные ресурсы, как правило, добываются в так называемых «развивающихся» странах, а потребляются, по большей части, странами развитыми, что приводит к разбалансированию социально-экономических отношений между данными группами государств. Чтобы обеспечить сокращение данного разрыва в уровне социально-экономического развития, необходима обновленная архитектура международных институтов, способных взвешенно контролировать национальные и наднациональные взаимоотношения в этой сфере. Это предполагает совершенно новый подход к глобализационным процессами отказу от однополярного мира, который сложился за последние четверть века, прошедшие после распада СССР.

Определение понятия «энергобезопасность» вследствие своей комплексности имеет как сугубо экономический, так и общетехнический, организационный характер. Например, с технической точки зрения энергетическая безопасность – это совокупность режимов энергообеспечения и энергопотребления, которые позволяют сохранять непрерывность и устойчивость технологических процессов по добыче, транспортировке и переработке полезных ископаемых [2]. Связано это с тем, что современное развитие в мире энергетики характеризуется динамичным и агрессивным ростом конкуренции на мировых энергетических рынках [3].

С точки зрения Ф. Проэдрю, который дал комплексное определение данного понятия, объединив отношение к энергетической безопасности стран – экспортеров и импортеров энергоресурсов, «энергетическая безопасность – это устойчивый баланс между предложением и спросом на энергоресурсы, сопутствующий взаимному стабильному экономическому и социальному развитию импортеров и экспортеров энергоресурсов [4]. Данное определение представляется более емким, чем определение энергетической безопасности отдельного государства, как, к примеру, в монографии исследователей вопроса энергетической безопасности В.В. Бушуева, Н.И. Воропая, А.М. Мастепанова и Ю.К. Шафраника [5]. В последней под энергетической безопасностью понимается «состояние защищенности граждан, общества, государства, экономики от обусловленных внутренними и внешними факторами угроз дефицита в обеспечении их обоснованных потребностей в энергии экономически доступными топливно-энергетическими ресурсами приемлемого качества в нормальных условиях и при чрезвычайных обстоятельствах, а также от нарушений стабильности, бесперебойности топливо- и энергоснабжения» [5].

Со своей стороны, П. Кэмерон считает, что основой формирования европейской энергетической политики являются взаимоотношения между правительствами и энергетической промышленностью в их выборе между традиционной и либеральной парадигмами [6]. Связано это прежде всего с тем, что фактор ограниченности энергетических ресурсов объемом, достаточным только для минимального обеспечения в функциональном обеспечении и поддержке необходимой инфраструктуры, формирует угрозу всей системе национальной безопасности.

Основные угрозы энергетической безопасности

В целом угрозы, связанные с формированием энергетической безопасности, во многом совпадают с факторами, угрожающими комплексной безопасности в целом. Эти угрозы лежат во внутри- и внешнеэкономических, политических, социально-политических, техногенных и природных сферах.

К экономическим угрозам прежде всего можно отнести:

- дефицит инвестиционных ресурсов, остро необходимых в связи с высокой потребностью энергетической сферы в постоянной модернизации инфраструктуры;

- финансовую нестабильность, возникающую вследствие необходимости поддержания технологических процессов и связанную с расчетами за поставки топливных ресурсов;

- чрезмерную энергоемкость или несбалансированность производства и потребления топливно-энергетических ресурсов;

- монополизацию энергопотоков производителями и поставщиками энергоресурсов (что может спровоцировать неоправданно высокие цены из-за отсутствия альтернативы и конкуренции);

- неэффективное использование топливно-энергетических ресурсов или неэффективное управление энергетическим комплексом.

К внешнеэкономическим и политическим угрозам можно отнести такие опасности, как безальтернативную зависимость от импорта энергоресурсов или необходимого оборудования для обслуживания энергосферы, а также зависимость импортных и экспортных поставок от критической привязанности к транспортной системе. Сюда же следует отнести то, что на современном этапе объектом конкуренции в энергосфере выступают уже не только сами ресурсы, но и инновационные технологии, внедряемые в направления добычи, переработки и транспортировки, что обеспечивает дополнительное экономическое превосходство при взаимодействии акторов энергетического рынка.

К социально-политическим угрозам относятся источники нестабильности в обществе: финансовые кризисы; социальные конфликты, подобные «цветным революциям»; достаточно высокий уровень криминализации отрасли энергетики из-за ее высокой прибыльности.

К техногенным угрозам можно отнести: изношенность, низкие технический уровень и качество оборудования энергосистем; нарушение техники безопасности и правил технической эксплуатации систем и оборудования; нерациональное размещение энергетических объектов.

Проблемными в сфере энергобезопасности являются вопросы природных угроз. Они связаны в первую очередь с существенным ростом критических последствий таких природных процессов, как глобальное потепление и тотальное загрязнение планеты. К этой категории также относятся все виды стихийных бедствий, которые могут оказать воздействие на системы обеспечения энергоресурсами. Пример техногенной катастрофы в Японии в апреле 2011 г., вызванной цунами, является знаковым для современной цивилизации. Ни одна, даже самая развитая в техническом отношении, мировая держава не застрахована от природных катаклизмов, могущих повлиять на социально-политическую сферу, а в худшем случае – даже уничтожить ее.

Модели энергетической безопасности

На сегодняшний день существуют две базовые модели обеспечения глобальной энергетической безопасности. Первая из них получила название Вашингтонского консенсуса и заключается в устранении разнообразных политических барьеров в целях получения доступа иностранных инвесторов к источникам энергии и сырья и возможности выхода на перспективные рынки развивающихся стран. Вторая модель – Пекинский консенсус – основана на сочетании государственного контроля над энергетической отраслью как стратегической составляющей национальной экономики в совокупности с сотрудничеством с частным сектором. В основном этот вариант используется странами группы БРИКС и государствами – членами ОПЕК. Первую же модель использует большинство индустриально развитых стран Запада, включая США.

На сегодняшнем этапе развития общества на наших глазах происходит попытка демонтажа государства как субъекта и представителя национальных интересов. Происходит это из-за нивелирования национальных образований экономической интернационализацией и хозяйственной транснационализацией на фоне укрепления новой картины мира с преобладанием экономической и политической роли транснациональных систем – финансовых, информационных, неправительственных структур и организаций [7]. Используя эту современную концепцию как стратегию, была осуществлена попытка заменить существовавшую ранее парадигму, согласно которой главными акторами международной арены выступают именно государства, а геоэкономика является лишь инструментом геополитики.

Таким образом, если наложить существующую концепцию на существовавшую ранее парадигму, то можно прийти к выводу, что будущим вектором развития России станет необходимость укрепления эффективности национальной экономики, что даст возможность сохранить даже нарастить политическую самостоятельность и экономическую самодостаточность. Однако такая позиция силы одновременно порождает опасность частичной утраты геополитического влияния на международной арене. Данная дилемма возникает не вследствие утраты ведущих позиций вследствие геополитической слабости, а из-за продолжающегося конфликта экономических интересов России и Запада. Следствием этого может быть нивелирование роли России ее оппонентами, бойкотирование Российской Федерации на геополитическом поле. Именно поэтому, сместив акцент из области геополитики в сторону укрепления позиций в

геоэкономике, Россия сможет нивелировать несоответствие позиций на геополитическом поле своему статусу путем национально-государственного самоутверждения, используя геополитику как инструмент. Таким образом, с помощью определенной сгруппированности, которая сможет обеспечить внутреннюю стабильность в государстве путем оптимизации национальных, частных и даже индивидуальных интересов, Россия одновременно создаст необходимую базу для активного участия в формировании международной системы как в геоэкономике, так и – в перспективе – в геополитике.

Ведущая роль государства в обеспечении энергетической безопасности России закреплена в Доктрине энергетического развития¹⁴⁹. Приоритеты энергетической безопасности, выражающиеся в смещении акцента с обеспечения ресурсной и инфраструктурной энергетической достаточности на экономическую доступность поставок энергоносителей и на модернизацию энергетического комплекса, обозначены в Стратегии энергетической безопасности до 2035 г.¹⁵⁰. Она является концептуальным документом, в котором сформулирован курс развития энергетической отрасли, определяющий, в свою очередь, внутреннюю и внешнюю политику страны. Таким образом, на законодательном уровне обозначено, что энергетическая стратегия играет ключевую роль в энергобезопасности государства и его экономике в частности, а также в составе национальной безопасности в целом.

Современная геополитическая ситуация и энергетическая безопасность

Политическая составляющая вопроса энергетической безопасности заключается в том, что мировой рынок энергоресурсов выступает как арена столкновения политических интересов и инструмент политического воздействия.

Современная напряженная геополитическая ситуация заключается в том, что несмотря на провозглашение превращения современного общества в информационное, по-прежнему обостряется борьба именно за энергетические ресурсы. Только на сегодняшнем этапе эта борьба ведется более закамуфлировано и прагматично. Совершенно очевидным является тот факт, что без энергоресурсов никакая – даже самая высокотехнологическая экономика – не способна эффективно функционировать. Именно поэтому в настоящее время наблюдается существенный рост жесткого противостояния за овладение ресурсными базами – от Африки до Арктики. Политологический ситуационный анализ показывает, что все современные так называемые разноцветные революции направлены на страны, в той или иной степени владеющие либо ресурсным потенциалом, либо имеющие географический статус транзитных территорий для транспортировки этих ресурсов. Ярким примером является борьба за контроль над ресурсными базами Ирака, Ливии (и Ближнего Востока в целом), политическая игра вокруг Кавказа, Украины и Турции (как транспортных ресурсных коридоров).

Уникальной особенностью современного сообщества стало и то, что на первую роль выходит область геоэкономики, определяя вектор развития

¹⁴⁹ Доктрина энергетического развития России. URL: http://labenin.z4.ru/Docs/en_bezop_project.doc

¹⁵⁰ Энергостратегия – 2035 предполагает изменения на рынках быта и отказ от экспортно-сырьевой модели. URL: <http://regnum.ru/news/economy/1767874.html>

геополитики. Это не означает, что последняя играет теперь второстепенную роль или является зависимым (подчиненным) направлением. Мир не может долго быть однополярным, ибо и в социально-политических науках применим ньютоновский закон о том, что любое действие равно противодействию. Другое дело, что в социальном плане действие этого закона может быть растянуто во времени. Геополитическая активность США, направленная на решение собственных экономических проблем, возросших после глобального структурного кризиса 2008 г. за счет стран мирового сообщества, ни к чему позитивному в социальном плане не приведет. Этому учит опыт всей мировой истории.

Большинство современных исследований в данной области являются чисто аналитическими, при этом упускается из виду необходимость синтеза, который жизненно важен не только в теоретической политологии, но и в реальной практике социального бытия. Разбирая лишь отдельные вопросы обсуждаемых проблем и фокусируя внимание на отдельных направлениях политологической мысли, мы не получим целостной картины, даже если факты в исследовании будут излагаться довольно обоснованно и научно аргументированы. Любой анализ, в том числе событий (event-analysis) и ситуаций, предполагает синтез, так же как синтез должен учитывать результаты анализа.

Нельзя рассматривать вопрос, какой должна быть национальная экономика – экспортно или импортно ориентированной, основанной на золотом стандарте валют или электронных системах платежей, если не будут освещены – кроме, собственно, экономики – геополитические, исторические и социальные аспекты вопроса, сформировавших данную проблематику.

Ямайская система, заявленная в мировой экономике в 1976 г., установила начало ощутимого дисбаланса в современном сообществе, где в противовес геополитике (включая и военный потенциал) был осуществлен крен в сторону геоэкономики. Манипуляционные технологии из сферы социальной и политической даже не сместились, а устойчиво закрепились в сфере экономики, и особенно в ее глобализационном аспекте. Мировое сообщество динамично и целенаправленно движется в направлении распределительной системы, которая будет построена не на существовавшей до сих пор парадигме разделения стран на категории первого, второго или третьего мира, а на всеобщей схеме перераспределения и контроля над ресурсной базой и информационным потенциалом. Именно поэтому настолько уменьшается (опять же искусственно) роль государственности и так же динамично увеличивается вес в геополитике и геоэкономике роли ТНК и наднациональных структур.

Связано это прежде всего с тем обстоятельством, что международные организации в полной мере не могут решить современные «энергетические» проблемы XXI в. через свои привычные функциональные действия. При этом и сами национальные правительства не могут обеспечить самостоятельное эффективное решение целого комплекса возникших проблем. Задача международных организаций состоит в учреждении рамочных условий для отдельных национальных политик, уяснении их структуры и формулировке четких правил для участников экономического взаимодействия в целях определения стратегии взаимодействия [8].

Сюда же можно отнести и актуальность проблемы навязчивого перевода экономики с наличных (и финансово обеспеченных) расчетов в область электронных платежей – и это при постоянных информационных (планомерных) заявлениях о киберугрозах в любой из сфер современного общества – от экономической, финансовой, банковской до военной, политической и социальной. Виртуальная реальность не только подавляет актуальную реальность, но порой и доминирует над ней. Это одна из основных угроз как для безопасности государств в целом, так и для энергетической безопасности в частности.

Исходя из всеобщей взаимосвязанности приведенных аспектов, следует со всей четкостью осознавать, что фактор энерго независимости выступает одной из составляющих современной как геоэкономической, так и геополитической мозаики. Связано это прежде всего с тем, что дальнейшее экономическое и социальное развитие современного сообщества будет происходить в условиях динамичного сокращения топливно-энергетических ресурсов в частности, и ресурсной базы планеты в целом [9–12].

В современных международных отношениях прослеживается четкая тенденция к увеличению числа таких сфер жизнедеятельности, в пределах которых наблюдается динамика роста проблем, которые понимаются уже как угрозы национальной безопасности. Б. Бузани О. Уэвер определяют данный феномен как секьюритизацию – «дискурсивный процесс, посредством которого intersubjective понимание выстраивается в политическом сообществе таким образом, чтобы воспринимать что-либо в качестве экзистенциальной угрозы... и обеспечить применение срочных и исключительных мер для ее устранения» [13].

В связи с этим можно согласиться с В.Е. Морозовым, который в своих исследованиях отметил, что секьюритизация выступает как явление, характерное для периода завершения холодной войны, «поскольку после окончания межблокового противостояния исчезли основания для того, чтобы рассматривать в качестве чрезвычайных лишь угрозы, исходящие от других государств, и соответственно наделять абсолютным приоритетом военную безопасность» [14].

В большей степени перечисленные тенденции проявляются именно в сфере энергобезопасности. Так, Ю.В. Боровский считает, что определения энергетической безопасности, дающиеся для одного государства, обладают высокой долей субъективности, в которой в полной мере отображены особенности именно национального энергетического потенциала. И, главное, сфера энергетики трактуется не просто как сугубо отраслевая проблема, а выступает ключевой для всей системы национальной безопасности государства, непосредственно влияющей на политические, геополитические и геоэкономические процессы в целом и на вектор внешней политики страны в частности [15].

Согласно неореалистической концепции (Д. Моран, Д. Рассел, М. Клэр), определяющим влиянием на энергетическую сферу обладает фактор выстраивания взаимоотношений между отдельными государствами, которые стремятся либо обеспечить себя стабильными поставками энергоресурсов, либо организовать поставки своих энергоносителей в другие страны с максимальной

выгодой для себя. В результате это приводит к росту напряженности, возникновению вооруженных конфликтов и наращиванию военной мощи. Центральный тезис неореалистического подхода заключается в так называемом ресурсном национализме, то есть в усиленном контроле со стороны государства над природными ресурсами [16].

Именно поэтому перспективность развития топливно-энергетического комплекса (ТЭК) любого современного государства, а также стратегические задачи по упрочению позиций страны в мировой системе разделения труда как энергетической державы предъявляют новые требования к обеспечению безопасности и надежности функционирования практически всех объектов ТЭК [5].

Так, например, в современных условиях усиления теории и практики терроризма данный фактор необходимо учитывать при прогнозировании существующих или потенциальных форм опасности для объектов высокого риска, к которым относятся объекты ТЭК – атомные и гидроэлектростанции, нефтяные платформы, газо- и нефтепроводы, хранилища углеводородов, линии электропередачи и др. Нанесение урона этим объектам может привести к возникновению чрезвычайных ситуаций и существенным потерям для национальной экономики, к гибели сотен тысяч людей, значительному экономическому ущербу и масштабным экологическим последствиям [17].

Несмотря на все попытки (реальные или декларируемые) создать завершённый международный механизм контроля и справедливого распределения энергоресурсов, на практике все сводится к лоббированию интересов либо отдельных крупных геополитических акторов, либо к формированию региональных союзов и пулов. Так, например, в состав БРИКС входят пять крупнейших стран, среди которых: два крупнейших государства мира по населению – Китай и Индия; самые большие страны Южной Америки и Африки – Бразилия и ЮАР. Россия, занимающая 9-е место в мире по численности населения, в то же время является крупнейшим государством по размеру своей территории. Таким образом, доля БРИКС составляет более 1/4 поверхности Земли и около 45% общего мирового населения, что позволяет целенаправленно и весомо осуществлять контроль за перераспределением энергоресурсов [18].

При этом у каждой из стран БРИКС есть свое индивидуальное понимание внедрения энергетических программ в целях снижения и предотвращения потенциальных угроз их энергетической безопасности [19].

Таким образом, первым шагом на пути обеспечения энергетической инфраструктуры государства выступает необходимость формирования системы планомерного анализа угроз и оценки риска нарушения информационно-технологической безопасности энергетических комплексов¹⁵¹.

Среди проблем в сфере энергетической безопасности, наиболее актуальных на сегодняшний день, находится вопрос освоения ресурсов Арктики. При

¹⁵¹ Гаськова Д.А., Массель А.Г. Разработка экспертной системы для анализа угроз кибербезопасности в энергетических системах // Информационные математические технологии в науке и управлении. – 2016. – № 1. – С. 113–122.

решении этого вопроса следует учитывать его полную международную правовую неурегулированность и острый интерес к нему со стороны не только крупных, но и небольших геополитических акторов¹⁵². Проблема освоения энергоресурсов Арктики видится как наиболее важное и приоритетное стратегическое направление в решении вопроса энергетической безопасности как любого из современных государств, так и международного сообщества в целом.

Видимо, американский проект под названием «глобализация» уже вступает в завершающую фазу – со всеми вытекающими отсюда последствиями, которые сегодня еще трудно предсказать. Однако уже можно с известной долей вероятности отметить, что такие проекты, как «Китайское чудо», единая Европа в форме Евросоюза целиком и полностью не удалась. В Евросоюзе наблюдаются реверсивные и центробежные тенденции, а Китай в одиночку пока не может победить в цивилизационном противостоянии с Западом. Мир входит в фазу откровенной борьбы за ресурсы.

Видимо, в ближайшей перспективе невозможно повторение такого глобализационного проекта, как резервная валюта в форме доллара США, ибо монополярный мир переходит в фазу региональных предпочтений. Биполярность достигаема только в результате продолжительного периода либо скачкообразно – как итог мировой войны, когда (если человечество не погибнет и не деградирует) будут расставлены новые геополитические акценты и сформируются новые правила игры.

Отметим, что для поддержания статуса своей валюты как резервной государству следует обладать не только достаточным геополитическим и геоэкономическим влиянием, но и военным потенциалом, притом поддерживаемым не со стороны, а именно собственным (именно в этом кроется слабость стран, входящих в блок НАТО). Также представляется невозможным повторение такой модели развития в случае Китая, поскольку в этом случае КНР необходимо будет повторить модель и стиль геоэкономического и геополитического поведения США (включая и военное). А этого не допустят ни сами США, ни существующие геополитические игроки, особенно на фоне динамичной регионализации.

Выводы

Итак, энергобезопасность России станет эффективной в случае формирования самодостаточной и независимой экономики, в которой энергетические ресурсы будут использоваться не только как базовый источник, поддерживающий благополучие страны, но и как инструмент влияния и аргумент в геополитических взаимоотношениях.

На энергетической сфере РФ лежит задача особой сложности – обеспечение топливно-энергетическими ресурсами собственного производственного комплекса с одновременной нагрузкой по наполнению бюджета путем экспорта энергоресурсов.

¹⁵² Махмутов Т.А., Надараджа Х., Петровский В.Е.и др. Азиатские игроки в Арктике: интересы, возможности, перспективы // Российский совет по международным делам. – 2016. – №26. URL: http://russcouncil.ru/activity/publications/aziatskie-igroki-v-arktike-interesy-vozmozhnosti-perspektivy/?phrase_id=888684

Цикличность экономики, прогнозируемость периодических социальных и экономических кризисов, в том числе и в энергетической сфере, должны стать основой для концепции регулирования энергетической безопасности на глобальном и национальных уровнях. Наличие такой концепции и грамотное ее применение может помочь формированию стратегии эффективного использования энергетических ресурсов с помощью их рационального и оптимального распределения.

В условиях острейшего современного геополитического противостояния эффективность экономики, национальный суверенитет и обороноспособность страны напрямую зависят от обеспечения энергетической безопасности. Следовательно, энергетическая сфера безоговорочно должна находиться под особым контролем государства. Передача управления такой важнейшей стратегической областью в частные руки чревата потерей контроля над национальной безопасностью в целом.

Библиографический список

1. *Yergin D.* Energy Security and Markets. In: Energy and Security. Strategies for a World in Transition. Woodrow Wilson Center Press, John Hopkins University Press Publ., 2013. P. 69–87.

2. *Абрамович Б.Н., Сычёв Ю.А.* Энергобезопасность предприятий минерально-сырьевого комплекса // Горный информационно-аналитический бюллетень. 2015. № S7. С. 737–744.

3. *Фёдоров Д.В.* Инновационное развитие электроэнергетического сектора в России: материалы международной научно-практической конференции «Правовое регулирование в сфере электроэнергетики и теплоснабжения». М.: Юрист, 2013. С. 16–21.

4. *Proedrou F.* EU Energy Security in the Gas Sector: Evolving Dynamics, Policy Dilemmas and Prospects. Farnham: Ashgate, 2012. P. 4.

5. *Бушуев В.В., Воронай Н.И., Мастепанов А.М.* и др. Энергетическая безопасность России. Новосибирск: Наука, 1998. С. 26.

6. *Cameron P.* Competition in Energy Markets: Law and Regulation in the European Union. New York: Oxford University Press, 2002. 478 p.

7. *Кочетов Э.* Ослепление геополитикой: глобализирующийся мир и евразийский континенту опасной развилки // Безопасность Евразии. 2001. № 4. С. 287–325.

8. *Ramsay W.C.* Energy Sector Governance in the 21st Century. In Energy and Security. Strategies for a World in Transition. Washington, DC, Baltimore: Woodrow Wilson Center Press, John Hopkins University Press Publ. 2013. P. 149–150.

9. Energy Technology Perspectives: Scenarios and Strategies to 2050. Paris: OECD/IEA, 2006.

10. *Бушуев В.В.* Энергетический потенциал и устойчивое развитие. М.: ИАЦ «Энергия», 2006. 320 с.

11. *Мазур И.И.* Энергия будущего. М.: Елима, 2006. 823 с.

12. Энергетика XXI века: условия развития, технологии, прогнозы / под. ред. Н.И. Воропай. Новосибирск: Наука, 2004. 386 с.
13. *Buzan B., Waever O.* Regions and Powers. The Structure of International Security. Cambridge University Press, 2003. P. 467.
14. *Морозов В.Е.* Безопасность как форма политического: о секьюритизации и политизации // Полис. Политические исследования. 2011. № 3. С. 24–35.
15. *Боровский Ю.В.* Мировая система энергоснабжения. М.: Навона, 2008. 296 с.
16. *Трачук К.В.* Современные исследования проблем энергетической безопасности: теоретические аспекты // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 4. С. 219–226.
17. *Шельяков А.А.* Опасность террористической угрозы в современном обществе: материалы Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права». Ч. 2. СПб: Изд-во СПб Ун-та МВД России, 2013. С. 44–49.
18. Новое направление российской внешней и внешнеэкономической политики – взаимодействие в БРИКС: колл. монография. М.: ИЭ РАН, 2014. 220 с.
19. *Савко П.О.* Опыт стран БРИКС в решении проблем повышения энергоэффективности экономики. В кн.: Опыт и сотрудничество стран БРИКС и их регионов / под ред. А.Ю. Архипова, Е.В. Фомичевой. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2013. 112 с.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Абрамович Б.Н., Сычёв Ю.А. Энергобезопасность предприятий минерально-сырьевого комплекса // Горный информационно-аналитический бюллетень. – 2015. – № 7. – С. 737-744.
2. Акчурина О.С., Демидов С.В. Рождение идеи Лиги Наций в Великобритании. В кн.: Направления и формы гуманитаризации высшего образования. Вып. 3. Рязань: Изд-во РГРТУ. – 2013. – С. 26-33.
3. Аминов И.Р. О фундаменте национальной безопасности России // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). – 2015. – № 2 (27). – С. 56-62.
4. Аникин В., Сурма И. Международные аспекты экономической безопасности в условиях геополитической нестабильности // Современный мир и геополитика / Отв. ред. М.А. Неймарк. М.: Изд-во «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2015.
5. Антология мировой философии: в 4 т. Т. 2: Европейская философия от эпохи Возрождения по эпоху Просвещения. М., 1970.
6. Аристотель. Политик. СПб., 1911.
7. Ахматов А.В. К вопросу о двойных стандартах в политике и праве // Вестник МГУ. Серия 7. Философия. – 2008. – №7. – С. 85-91.
8. Ачкасова В.А. Региональные политические конфликты: российский контекст: Дис. ... д-ра полит. наук. СПб., 2002.
9. Бабурин С.Н. Территория государства. Правовые и геополитические проблемы. М.: Изд-во МГУ, 1997.
10. Балашов А. И. Военный потенциал и экономические ограничения российской армии // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2015. – №34 (319). – С. 46–55.
11. Балашов А.И., Ковалев А.А. Проектное управление как методическая основа обеспечения военной безопасности России на современном этапе // Вопросы управления. – 2017. – № 1 (25). – С. 157-163.
12. Балто-славянские исследования. XIX. Сборник научных трудов. – СПб.: Нестор-История, 2014. – 588 с.
13. Баранов Н. А. Ценностные императивы евразийского вектора России // Новые горизонты глобального мира: сб. науч. трудов. – СПб., 2015. – С. 108-117.
14. Баранов Н.А. Место России в трансформирующемся мировом порядке // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2016. – № 2-2. – С. 79–83.
15. Барановский В.Г., Иванова Н.И. Глобальное управление: возможности и риски. – М.: ИМЭМО РАН, 2015. – 315 с.
16. Барциц И.Н. Международные методики оценки эффективности государственного управления // Управленческое консультирование. – 2009. – № 4 (36). – С. 1026.
17. Батанова О.Н. Русский мир и проблемы его формирования: дис. ... канд. полит. наук. М., 2009.
18. Безопасность Европы: коллективная монография. – М.: Весь мир, 2011. – 748 с.

19. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой; послеслов. А. Филиппова. – М., 2000.
20. Белобородов В.А. Совет Безопасности как структурная единица механизма государственной безопасности // Пятый Пермский международный конгресс ученых-юристов. – Пермь, 2014. – С. 44-45.
21. Белозеров В.К., Соловьев А.В. Гибридная война в отечественном политическом и научном дискурсе // Власть. – 2015. – № 9. – С. 8-11.
22. Бельков О.А. О понятийно-категориальном аппарате теории и политики национальной безопасности России. // Экспертно-аналитическое обозрение «Безопасность России-2010». – М.: Наука-XXI, 2010.
23. Богданов А.А. Из психологии общества. (Статьи 1901 – 1904 г.). – СПб, 1904, изд-во «С. Дороватовского и А. Чарушникова».
24. Богоулавская Ю.К. НАТО в глобальной политике США: американские концепции трансформации: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2013.
25. Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в Заливе не было. – М.: РИПОЛ классик, 2016. – 224 с.
26. Болгов Р.В. Информационные технологии в современных вооруженных конфликтах и военных стратегиях: политические аспекты: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2011.
27. Боровский Ю.В. Мировая система энергоснабжения. – М.: Навона, 2008. – 296 с.
28. Бочарников И.В. Национально-государственная политика России в дореволюционный период // Человеческий капитал. – 2017. – № 1 (97). – С. 6-10.
29. Бочарников И.В. Неядерное сдерживание как фактор обеспечения безопасности и суверенитета России в современных условиях // Тренды и управление. – 2015. – № 2. – С. 120-128.
30. Бочарников И.В. Подвиг советского народа в Великой Отечественной войне как высшее проявление патриотизма и служения Отечеству // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2015. – № 2. – С. 72-86.
31. Бочарников И.В. Правый экстремизм в современном европейском пространстве // Дипломатическая служба. – 2017. – № 4. – С. 69-78.
32. Бочарников И.В. Современные концепции войн и практика военного строительства. – М.: Экон-информ, 2013. – 144 с.
33. Бочарников И.В. Социальные механизмы управления устойчивым развитием российской системы образования // Вестник Московского государственного гуманитарно-экономического института. – 2013. – № 1 (13). – С. 71-75.
34. Боязитов Д.Р. Особенности управления региональным развитием в глобальном информационном обществе // Государственное и муниципальное управление в XXI веке: теория, методология, практика. – 2016. – № 24. – С. 146-151.
35. Бременский А. Деяния архиепископов гамбургской церкви. В кн.: Немецкие анналы и хроники X–XI столетий. – М.: Изд-во Университета Дмитрия Пожарского, 2012. – С. 297-449.

36. Бронникова Т.С. Разработка бизнес-плана проекта. – М.: Инфра-М, 2016. – 224 с.
37. Булипопова Е.В. Двойные стандарты: проблема и понятие в дискурсивном пространстве современной политической теории // Политическая лингвистика. – 2011. – №1. – С. 112-118.
38. Булипопова Е.В. Северная Корея как азиатский «Прометей»: мифология и политтехнология «двойного стандарта» // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2009. – №4. – С. 89-94.
39. Буханова А.С. Коллизия принципов самоопределения народов, территориальной целостности государств и возможные пути ее решения // Право и управление: XXI век. – 2011. – №4(21). – С.67-71.
40. Бушуев В.В. Энергетический потенциал и устойчивое развитие. – М.: ИАЦ «Энергия», 2006. – 320 с.
41. Бушуев В.В., Воропай Н.И., Мастепанов А.М. и др. Энергетическая безопасность России. – Новосибирск: Наука, 1998.
42. Вайнштейн О.Л. Западноевропейская средневековая историография. – Л.: Наука, 1964. – 483 с.
43. Васильев А.И., Прокофьев С.Е. Организация проектного управления в органах государственной власти // Управленческие науки. – 2016. – №4. – С.44-52.
44. Верещагина А.В. «Война и мир» в условиях новой социальной реальности (к вопросу о военной и национальной безопасности России) // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – 2015. – №2. – С.178-183.
45. Верещагина А.В., Самыгин С.И., Имгрунт С.И. Цивилизационная безопасность современного мира в условиях актуализации цивилизационной идентичности: социальная утопия или перспективная реальность? // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2016. – № 6-7. – С. 38–43.
46. Верховская В.А. Конфликтные формы взаимодействия в этнополитической суверенизации: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2005.
47. Виноградов В. Н. Лорд Пальмерстон в европейской дипломатии // Новая и новейшая история. – 2006. – №5. – С.182-209.
48. Воротников В.В. Внешняя политика государств Балтии в начале XXI в. – М.: Аспект Пресс, 2015. – 271 с.
49. Газимагомедов Г.Г. Конфликт рынка и государства в становлении системы социальной безопасности современной России: Дис. ... д-ра полит. наук. СПб., 2005.
50. Гапич А.Э., Лушников Д.А. Технологии цветных революций. – М.: РИОР; ИНФРА-М, 2014.
51. Гарнов А.П., Краснобаева О.В. Общие вопросы эффективного природопользования: монография. – М.: ИНФРА-М, 2016. – 215 с.
52. Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М.: Мысль, 1990.
53. Гегель Г.В.Ф. Философия религии в 2 т. Т.1. – М., 1976.
54. Геродот. История. – М., 2007.

55. Гибридные войны в хаотизирующемся мире XXI века: колл. монография / под ред. П.А. Цыганкова. – М.: Изд-во Московского ун-та, 2015. – 381 с.
56. Глазьев С.Ю. Об эскалации международной военно-политической напряженности и необходимых действиях России // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания РФ. 2015. № 16 (569): Актуальные вопросы внешней политики Российской Федерации (к «правительственному часу» 374 заседания Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 25 мая 2015 г.). С. 30-45.
57. Глазьев С.Ю. Основы обеспечения экономической безопасности страны // Российский экономический журнал. – 1997. – № 1. – С. 5.
58. Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Т. Гоббс. Соч.: в 2 т. – М., 1991. Т. 2. С. 139-140.
59. Гобзов И.А. Социальная философия. Учебный словарь. – М.: Академический проект, 2008.
60. Гогун А. На полпути от истории к агитке (критика работы Мельтюхова М. И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1919-1939 гг.) // Ключ (журнал для учёных). – 2002. – №3. – С. 221-224.
61. Голованов Е.В. Проблема соотношения универсальной и региональных систем безопасности и реформа Совета Безопасности ООН: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2013.
62. Гончаров Г.А. Управление институциональными изменениями: сложности и их решение на пути к успеху // Вопросы управления. – 2016. – №1 (19). – С.7-11.
63. Гончаров И.В. О соотношении понятий «национальная безопасность», «государственная безопасность», «конституционная безопасность» // Актуальные проблемы российского права. – 2009. – № 1. – С. 116-122.
64. Горбачёв Ю.Е. Сетевая война: миф или реальность? // Военная мысль. – 2006. – № 1. – С. 66-76.
65. Горбенко И.Д., Долгов В.И., Грененко Т.А. Информационная война – сущность, методы и средства ведения: материалы юбилей. научно-технич. конф. – М., 1998. – С. 11-14.
66. Горохов П.А. Глобализация: опыт философского осмысления // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2007. – № 7. – С. 44-50.
67. Горохов П.А. Правовой нигилизм. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. – Оренбург, 1998. – 148 с.
68. Горохов П.А., Батеженко В.В. Феномен перестройки четверть века спустя: опыт социально-философского осмысления // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2010. – № 7. – С. 51-56.
69. Горохов П.А., Вялых В.В. Современные модификации общественного договора // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 11. – С. 19-23.
70. Горохов П.А., Южанинова Е.Р. Трактат Иммануила Канта «К вечному миру»: возможность реализации проекта // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 11. – С. 188-190.
71. Гражданская защита. Понятийно-терминологический словарь. – М.: Флайст, Информационно-издательский центр «Геополитика», 2001.

72. Гранин Ю.Д. Национальное государство в глобализирующемся мире. Социально-философский анализ. – М.: Медиандустрия, 2014. – 362 с.
73. Грищенков А.И., Глушак Н.В., Глушак О.В. и др. Глобализация и национальная безопасность России // Вестник Брянского государственного университета. – 2015. – № 2. – С. 323-325.
74. Гулыга А.В. Немецкая классическая философия. – М.: Рольф, 2001.
75. Гуляев К.В. Проблема противодействия международному терроризму современных условиях: политические и правовые аспекты: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2008.
76. Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации / Предисловие С. Б. Лаврова. – М.: Экопрос, 1993.
77. Гунич С.В. Конституционно-правовые аспекты определения сил обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. – 2013. – № 6. – С. 15-17.
78. Давтян Д.В. Гражданский контроль как механизм обратной связи в процессе взаимодействия власти и общества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 7–2. – С. 52-54.
79. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М., 1995. Т. 1. А – З.
80. Добренков В.И., Агапов П.В. Война и безопасность России в XXI веке. – М.: Академический проект, 2011. – 224 с.
81. Доманов В.Г., Артюхин О.А. Политический неоампир: выбор России или геополитический сателлитизм. Ч. I // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – 2015. – № 1. – С. 105-111.
82. Дорогой К.Б. Реформа государственного управления в России в критериях системности // Управленческое консультирование. – 2016. – № 2 (86). – С. 145-152.
83. Дубас А.П. Информационная война: новые возможности политического противоборства // Образование региона. – 2010. – № 1. – С. 69-72.
84. Дынкин А.А., Иванова Н.И. Глобальная перестройка. – М.: Весь мир, 2014. – 528 с.
85. Емелин К.Н. Особенности внешнеполитической стратегии Польши в обеспечении энергетической безопасности: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2014.
86. Ершов В.В. Социально-политическое развитие российского Дальнего Востока: соотношение геополитической и глобализационной стратегий: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2004.
87. Жижек Славой. 13 опытов о Ленине. – М.: Ad Marginem, 2003.
88. Жиркова С.В. Роль Балтийского региона в сотрудничестве Россия – Евросоюз // Социально-экономические явления и процессы. – 2013. – № 6. – С. 87-91.
89. Жуков В. Взгляды военного руководства США на ведение информационной войны // Зарубежное военное обозрение. – 2001. – № 1.
90. Золотарёв В.А. Военная безопасность Государства Российского. – М.: Кучково поле, 2001. – 536 с.

91. Золотокрылин О.В. Интеграционные процессы на постсоветском пространстве: противоречия и конфликты. Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2008.
92. Ибрагимов А.М. Международные гарантии обеспечения норм права международной безопасности // Право и политика. – 2009. – № 8. – С. 1687-1695.
93. Ивашов Л.Г. Военная реформа в современной России: состояние и перспективы // Управленческое консультирование. – 2006. – № 2 (22). – С. 42-51.
94. Ивлев А.А. Основы теории Бойда. Направления развития, применения и реализации. – М., 2008.
95. Кабузан В.М. Формирование многонационального населения Прибалтики (Эстонии, Латвии, Литвы, Калининградской области России) в XIX–XX вв. (1795–2000 гг.). – М.: Институт российской истории, 2009. – 151 с.
96. Кант И. Собрание сочинений в 8 томах. Том 7. – М., 1994. – 495 с.
97. Каракулян Э.А. Международная безопасность в контексте современных тенденций в праве международного сообщества // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2017. – № 1. – С. 122-129.
98. Кара-Мурза С.Г. и др. Революции на экспорт. – М.: Эксмо; Алгоритм, 2006. – 525 с.
99. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. От начала до наших дней. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2008. – 1200 с.
100. Кешнер М.В. Легитимность односторонних санкций в современном международном праве. В кн.: Материалы VII Конгресса РАМИ, 28–29 сентября 2012 г. – М.: МГИМО-Университет, 2013. – С. 71-83.
101. Кириллов В.В. Оптимизация оборонного строительства (социально-политический анализ опыта СССР и России): Автореф. дис. ... канд. философ. наук. СПб., 1993.
102. Клаузевиц К. О войне. – М., 1933.
103. Клаузевиц К. О войне. Т. 1. – М.: Terra Fantastica, АСТ, 2002. 560 с.
104. Клименко А.В., Минченко О.С. Государственное регулирование экономики: Вопросы теории и лучшая практика // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2016. – № 3. – С. 7-30.
105. Ключков В.В., Селезнева И.Е. Стратегические и прогнозные исследования и разработки: проблемы методологии и организации // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2017. – Т.13. – №3 (348). – С.449-463.
106. Ключевский В.О. Русская история: учеб. пособие. – М.: Независимая газета, 1992.
107. Ковалев А.А. Активация информационного компонента в обеспечении военной безопасности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – 2016. – №3. – С.229-239.
108. Ковалев А.А. Анализ вариантов формирования системы международной безопасности в эпоху цивилизационного противостояния // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2017. – Т. 13. – № 12. – С. 2349–2362.
109. Ковалев А.А. Властные механизмы обеспечения военной безопасности Российской Федерации: дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2015.

110. Ковалев А.А. Влияние геополитических факторов на обеспечение военной безопасности Российской Федерации // Управленческое консультирование. – 2018. – №6. – С.53-62.
111. Ковалев А.А. Влияние процессов глобализации и регионализации на вопрос национальной и государственной безопасности: путь от экономики до геополитики // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2017. – Т. 13. – № 6. – С. 1150-1161.
112. Ковалев А.А. Военная безопасность России и проблемы геополитики // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2016. – № 2 (8). – С. 41-50.
113. Ковалев А.А. Вопросы военной безопасности в программах парламентских партий на выборах в Государственную Думу VII созыва // Управленческое консультирование. – 2016. – №11. – С.39-49.
114. Ковалев А.А. Гражданское общество России и укрепление военной безопасности в эпоху противостояния цивилизаций // Управленческое консультирование. – 2017. – №9. – С.18-28.
115. Ковалев А.А. Дискуссия на тему противоборства и сотрудничества в современной политике: от «гибридных войн» к «гибридному миру» // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2017. – Т. 13. – № 5. – С. 975-986.
116. Ковалев А.А. Информационная политика и военная безопасность России в эпоху противостояния цивилизаций: теоретико-методологические аспекты проблемы: монография. – СПб: Изд-во «ПОЛИКОНА». 2016. – 193 с.
117. Ковалев А.А. Исследование проблем безопасности в Санкт-Петербургском государственном университете: итоги и перспективы // ЛОКУС: Люди, общество, культура, смыслы. – 2018. – №3. – С.82-96.
118. Ковалев А.А. Некоторые вопросы обеспечения безопасности при проведении в жизнь реформы силовых институтов власти // Управленческое консультирование. – 2016. – №10. – С.126-134.
119. Ковалев А.А. О роли и месте полномочных представителей Президента Российской Федерации во властном механизме обеспечения военной безопасности страны // Управленческое консультирование. – 2018. – №2. – С.24-31.
120. Ковалев А.А. Политика двойных стандартов как угроза национальной безопасности Российской Федерации // Вопросы безопасности. – 2017. – № 5. – С.12-24.
121. Ковалев А.А. Проблема угроз для легитимной власти в аспекте комплексной безопасности Российской Федерации // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2018. – Т. 14. – № 1. – С. 165-180.
122. Ковалев А.А. Ресурсная безопасность как составляющая общей системы безопасности государства // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2017. – Т. 13. – № 9. – С. 1775-1784.
123. Ковалев А.А. Роль Совета Безопасности Российской Федерации в военной политике // Вестник Поволжского института управления. – 2017. – Т.17. – №6. – С. 4-10.

124. Ковалев А.А. Теоретико-методологические аспекты взаимосвязи информационной политики и военной безопасности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – 2016. – №1. – С.158-166.
125. Ковалев А.А. Управление системой государственной безопасности в условиях геополитической конфронтации // Вестник Поволжского института управления. – 2017. – Т.17. – №2. – С.4-10.
126. Ковалев А.А. Участие Национальной гвардии России в обеспечении военной безопасности // Управленческое консультирование. – 2016. – №9. – С.52-59.
127. Ковалев А.А., Балашов А.И. Военная безопасность Балтийского региона в условиях продвижения военной инфраструктуры НАТО к границам Российской Федерации // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2018. – Т. 14. – № 6. – С. 1151-1165.
128. Ковалев А.А., Балашов А.И. Международно-правовые аспекты политики кибербезопасности некоторых европейских стран бывшего советского блока // Вестник Поволжского института управления. – 2018. – Т.18. – №5. – С.105-114.
129. Ковалев А.А., Балашов А.И. Роль советской элиты в обеспечении безопасности государства: историко-политический аспект // Управленческое консультирование. – 2017. – №7. – С.20-24.
130. Ковалев А.А., Балашов А.И. Энергобезопасность как составляющая национальной безопасности в условиях геополитического противостояния // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2017. – Т. 13. – № 10. – С. 1896-1909.
131. Ковалев А.А., Мрочко В.Л. Геополитический имидж военного статуса России // Власть. – 2017. – № 2. – С. 64-68.
132. Ковалев А.А., Мусин Э.А. Военная безопасность как проблема философии политики // Вестник Поволжского института управления. – 2018. – Т.18. – №3. – С.106-115.
133. Ковалев А.А., Павлов В.В. Вопросы информационной безопасности в национальных стратегиях России и Казахстана // Управленческое консультирование. – 2017. – №12. – С.95-103.
134. Ковалев В.В., Магомедов М.Г., Самыгин С.И. Практика двойных стандартов в мировой политике: угрозы национальной безопасности России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2016. – № 6-7. – С. 55-60.
135. Кокошин А.А. Политико-военные и военно-стратегические проблемы национальной безопасности России и международной безопасности. – М.: Высшая школа экономики, 2013. – 264 с.
136. Конфигурация нового миропорядка: проекты и реальность: коллективная монография. – Новосибирск: НГУЭУ, 2015. – 291 с.
137. Корнеев В.С. Понятия «страны Балтийского региона» и «Балтийский регион» // Космополис. – 2008. – № 2. – С. 68-76.
138. Корнеев В.С. Международная регионализация на Балтике: монография. – СПб: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2010. – 205 с.
139. Корнеев В.С. Формирование трансграничных мезорегионов на Балтике. – Калининград: Изд-во Российского гос. ун-та им. И. Канта, 2010. – 79 с.

140. Косов Ю.В., Фокина В.В. Политическая регионалистика. – СПб.: Питер, 2009.
141. Костин В.И., Костина А.В. Национальная безопасность современной России: экономические и социокультурные аспекты. – М.: ЛИБРОКОМ, 2013. – 342 с.
142. Кочетов Э. Ослепление геополитикой: глобализирующийся мир и евразийский континенту опасной развилки // Безопасность Евразии. – 2001. – № 4. – С. 287-325.
143. Крыжова М.И. Экологическая безопасность и ее институционализация на глобальном уровне: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2010.
144. Крючков Ю.Н. Эволюция военной политики России: историко-политологический анализ: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2008.
145. Кудрина Н.Н. Политический терроризм: сущность, формы проявления, методы противодействия: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2000.
146. Кузьмина О.В., Лукьянов В.Ю. Использование «двойного стандарта» - важнейшая проблема современных международных отношений // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки СПб. – 2014. – С.56-69.
147. Куковский А.А., Петров А.В., Рослов П.Д. Актуальные вопросы обеспечения безопасности в современном мире // Вестник ЮУрГУ. Сер. Право. – 2016. – № 2. – С. 47-52.
148. Кучерявый М.М. Информационное измерение политики национальной безопасности России в условиях современного глобального мира: Дис. ... д-ра полит. наук. СПб., 2014.
149. Лазарев С.Е. Советская военная элита 1930-х годов: «Красные» полководцы, какими они были. Проблемы взаимоотношений. Трагедия «чисток». – М.: URSS Ленанд, 2016.
150. Ланцов С.А., Усмонов Ф.И. Проблемы безопасности в теории международных отношений: сравнительный анализ основных направлений // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2008. – Т. 4. – № 2. – С. 151-163.
151. Лексютина Я.В. Американо-китайские отношения в условиях трансформирующейся международной системы в начале XXI в.: Дис. ... д-ра полит. наук. СПб., 2012.
152. Ленин В.И. Государство и революция: Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции. – М.: Госполитиздат, 1952.
153. Ленин В.И. Полное собрание сочинений (5-е изд.). Т. 26. – М.: Политиздат, 1969.
154. Ленин В.И. Что делать? // Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 6.
155. Лескинен М.В. Поляки и финны в российской науке второй половины XIX в.: «другой» сквозь призму идентичности. – М.: Индрик, 2010. – 368 с.
156. Лиддел Гарт Б.Г. Стратегия непрямых действий. – М., 1957.
157. Лиддел Гарт Б.Г. Энциклопедия военного искусства. – М, СПб: АСТ, Терра Фантастика, 1999. – 649 с.
158. Лобов А.В. Политические аспекты проблемы ядерной безопасности в странах Северной Европы: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2009.

159. Локк Д. Два трактата о государственном правлении. – М., 2009.
160. Люттвак Э.Н. Государственный переворот. – М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2012. – 320 с.
161. Магда Е.В. Гибридная война: выжить и победить. – Харьков: Виват, 2015. – 320 с.
162. Мазур И.И. Энергия будущего. – М.: Елима, 2006. – 823 с.
163. Малапарте К. Техника государственного переворота. – М.: Аграф, 1998. – 224 с.
164. Мальгина А.А. Феномен ядерного оружия в современном мире и перспективы режима нераспространения ядерного оружия: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2007.
165. Манжула Е.А. Фактор космической безопасности в современных мирополитических процессах: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2013.
166. Маркарян В.Р., Молчан А.С. Факторы устойчивого развития региональных социально-экономических систем в условиях глобализации экономического пространства // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2014. – № 95. – С. 1011-1020.
167. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. Т. 1. – М.: Политиздат, 1980.
168. Мельвиль А.Ю. Политический атлас современности. – М.: МГИМО (У) МИД, 2007. – 268 с.
169. Мельников В.И. Совет Безопасности РФ в государственной системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. – М., 2011.
170. Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918-1939 гг. – М., 2001.
171. Морозов В.Е. Безопасность как форма политического: о секьюритизации и политизации// Полис. Политические исследования. – 2011. – № 3. – С. 24-35.
172. Мюллерсон Р. Два мира – два права? Геополитика под прикрытием законности и морали // Россия в глобальной политике. – 2014. – Т.12. – № 2.
173. Набока А.В. Проблемы сотрудничества России и государств-участников Содружества Независимых Государств в сфере военной безопасности: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2013.
174. Накашидзе Б.Д. Наднациональность в международном праве и государственный суверенитет: вопросы совместимости // Государственное управление. Электронный вестник. – 2016. – № 58. – С. 177-193.
175. Небольсина М.А. Частные военные и охранные компании: тенденции роста и проблемы легитимации. В кн.: Международная безопасность, контроль над вооружениями и ядерное нераспространение: 70 лет после атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки. – М.: Изд-во ИМЭМО РАН. 2016. – С. 102-106.
176. Нехай Р.Ш. Система обеспечения военной безопасности региона Российской Федерации: проблема функционирования и совершенствования: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2006.

177. Новиков И.А. Отношения России и Европейского союза: проблемы и факторы развития стратегического партнерства. Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2011.
178. Новое направление российской внешней и внешнеэкономической политики – взаимодействие в БРИКС: колл. монография. – М.: ИЭ РАН, 2014. – 220 с.
179. Ноздрин А.В. Политика двойных стандартов в международных отношениях // Актуальные проблемы современных международных отношений. – 2013. – № 1. С. 79-83.
180. Олейник А.В. Двойные стандарты запада против терроризма // Научно-аналитический журнал Observer. – 2009. – №12. – С.34-45.
181. Осипов Ю.М. Евразийская (постсоветская) международная интеграция как насущная актуальность// Философия хозяйства. – 2014. – № 1. – С. 17-22.
182. От информационной безопасности к кибербезопасности: опыт научно-исследовательских работ и подготовки кадров в Санкт-Петербургском политехническом университете Петра Великого. – СПб., 2017.
183. Отмахова Н.Н. Конституционно-правовой статус Совета Безопасности Российской Федерации // Правовые проблемы укрепления российской государственности. – Томск, 2008. – С. 120-121.
184. Павлов Д.Б. Совет Безопасности России как основной субъект правового регулирования экономической безопасности // Экономика и право. XXI век. – 2012. – № 1. – С. 25-32.
185. Павловский А.И. Мирополитические аспекты освоения космического пространства. Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2011.
186. Пак Сан Ву. Теория международных отношений и политические процессы на территории бывшего СССР: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2002.
187. Панарин А.С. Искушение глобализмом. – М.: Эксмо-Пресс, 2002. – 416 с.
188. Панельная дискуссия // Эпистемология & Философия науки. – 2009. – Т. XXII. – №4. – С.48-77.
189. Панина О.В. Проектное управление в органах государственной власти // Альманах мировой науки. – 2017. – № 1-2 (16). – С.122-125.
190. Панцеров К.А. Информационная политика стран Тропической Африки в условиях глобализации мирового порядка: Дис. ... д-ра полит. наук. СПб., 2011.
191. Пацек М. Энергетическая безопасность Словацкой Республики в контексте отношений Российской Федерации и Европейского Союза: Дис. ...канд. полит. наук. СПб., 2011.
192. Перелет Р.А. Торговля виртуальной водой и формирование бирж водных ресурсов: материалы IX международной конференции Российского общества экологической экономики «Экономические механизмы решения глобальных экологических проблемв России». – Барнаул: Изд-во Фонда «Алтай – 21 век», 2008. – С. 160-165.
193. Петров А.С., Талыкин А.А., Минин А.В. Критерии оценки защищенности информации в компьютерных системах: сочетание единых критериев и критериев // Вестн. Восточно-укр. нац. ун-та им. В. Даля. – 2005. – № 1.
194. Пивовар Е.И. Русский язык и русский мир как факторы социокультурного диалога на постсоветском пространстве // Материалы международной

конференции «Диалог культур и партнерство цивилизаций: становление глобальной культуры». – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, 2010. – С. 167-170.

195. Пивоев В.М. Социальные и гуманитарные науки: специфика и соотношение // Вестник Ишимского госпединститута им. П.П.Ершова. – 2013. – №3. – С.91-101.

196. Платон. Диалоги. – М., 1986.

197. Платон. Собрание сочинений: в 4 т. – М., 1994. Т. 2.

198. Полтерович В., Попов В., Тонис А. Экономическая политика, качество институтов и механизмы «ресурсного проклятия». – М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2007. – 98 с.

199. Пономарёв С.В., Юрченко А.А. Влияние санкций на экономику России // Молодой ученый. – 2016. – № 4. – С. 478-481.

200. Пономаренко Я.А. Роль Совета Безопасности России в реализации государственной политики в области обеспечения безопасности // Социально-экономические исследования, гуманитарные науки и юриспруденция: теория и практика. – 2016. – № 11. – С. 120-124.

201. Потехин В.К. Современные войны и национальная безопасность России // Кому будет принадлежать концентрированное оружие в XXI веке?: сборник статей / гл. ред. Ю.В. Крупнов. – М., 1997. – С. 69-87.

202. Почепцов Г.Г. Информационные войны. – М.: Ваклер, 2000.

203. Проблемы кибербезопасности информационного общества / под ред. Д.С. Черешкина. – М., 2006.

204. Прокаева О.Н. Влияние процессов глобализации на проблему национальной идентичности // Инновационная наука. – 2016. – № 5-3. С. – 65-67.

205. Пыж В.В. Геополитическая обусловленность военной политики России: Дис. ... д-ра полит. наук. СПб., 2004.

206. Радиков И.В. Архитектура безопасности в системе международных отношений: эволюция и перспективы обновления // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2010. – Т. 6. – № 4. – С. 229-248.

207. Радиков И.В. Безопасность как ценностный императив мировой политики // Универсальные ценности в мировой и внешней политике / под ред. П.А. Цыганкова. – М.: изд-во МГУ, 2012. – С. 51-59.

208. Радиков И.В. Безопасность человека: реальность или фикция? // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. – 2010. – № 4. – С. 5-11.

209. Радиков И.В. Военная безопасность общества и государства: политологический анализ: дис. ... докт. полит. наук: 23.00.01 / Радиков Иван Владимирович. – СПб., 2000. – 408 с.

210. Радиков И.В. Военно-политические проблемы обеспечения безопасности Российского государства в переходный период: дис. ... канд. филос.наук: 09.00.10 Радиков Иван Владимирович. - М., 1992.

211. Радиков И.В. Война в XXI веке и новая семантика Военной доктрины России // Исторические, философские, политические и юридические науки,

- культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 5-1 (55). – С. 150-153.
212. Радиков И.В. Дисперсия современной архитектуры безопасности в АТР: глобальные тенденции и региональные особенности // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2011. – № 2 (30). – С. 10-19.
213. Радиков И.В. Нарастание военно-политической напряженности в условиях глобальной слабости международных институтов и «вырождения» войны // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – 2015. – № 3. – С.27-39.
214. Радиков И.В. Национальная безопасность как главный национальный проект России: типичные проблемы реализации // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. –2007. – Т.3. – № 1. – С. 64-82.
215. Радиков И.В. Нетерпимость и ксенофобия как угроза стабильности и безопасности России // Общество. Среда. Развитие. – 2011. – № 1 (18). – С. 90-94.
216. Радиков И.В. Новая сущность войны в XXI в. и ее отражение в военной доктрине Российской Федерации // Вестник Санкт-петербургского университета. Сер. 6: Политология. Международные отношения. – 2015. – № 2. – С. 39-51.
217. Радиков И.В. О трансформации военной политики постсоветской России. Ч. 2 // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2009. – Т.5. – № 2. – С. 163-179.
218. Радиков И.В. О трансформации военной политики постсоветской России. Ч. 1 // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2009. – Т.5. – № 1. – С. 56-71.
219. Радиков И.В. Ослабление государственности как угроза национальной безопасности и международному правопорядку // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2013. – Т.9. – № 4. – С. 19-31.
220. Радиков И.В. Политический страх как фактор современной политики // Власть. – 2017. – Т.25. – № 4. – С. 43-49.
221. Радиков И.В. Политическое доверие для власти: ресурс развития или проблема? // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2016. – № 4 (71). – С. 130-134.
222. Радиков И.В. Ресурсы и потенциал российского влияния на систему международной безопасности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. – 2013. – № 3. – С. 66-73.
223. Радиков И.В. Ценностный подход в процессе формирования общей повестки дня международной безопасности // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2012. – № 3. – С. 41-45.
224. Распутная Л.В. США и политика двойных стандартов // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2008. – №2. – С.17-24.
225. Расторгуев С.П. Информационная война. – М.: Радио и связь, 1999.
226. Роттердамский Эразм. Воспитание христианского государя; Жалоба мира, отовсюду изгнанного и повсюду сокрушенного; Похвальное слово глупости. – М., 2001.
227. Рубан В.Я. Информационная безопасность: сущность и проблемы // Стратегическая панорама. – 1998. – № 3-4. – С. 12.

228. Рудницкая А.П., Глинник Ю.А. Процессы регионализации в странах европейского Союза: вызовы и тенденции // PolitBook. – 2016. – № 1. – С. 92-107.
229. Рудницкая А.П., Сагакова К.В. Основные направления реализации внешней и внутренней политики России в условиях современной системы мирового взаимодействия // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2015. – № 4-2. – С. 304-307.
230. Рукинов В.А. Социализация безопасности и политической безопасности в современной России: Дис. ... д-ра полит. наук. СПб., 2010.
231. Рябов Ю.А. Формирование внешнеполитического измерения пространства свободы, безопасности и правосудия Европейского союза: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2014.
232. Савко П.О. Опыт стран БРИКС в решении проблем повышения энергоэффективности экономики. В кн.: Опыт и сотрудничество стран БРИКС и их регионов / под ред. А.Ю. Архипова, Е.В. Фомичевой. – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2013. – 112 с.
233. Самыгин С.И., Верещагина А.В., Рачипа А.В. Финансовая безопасность государства в условиях экономической глобализации: специфика рисков и угроз // Гуманитарий Юга России. – 2016. – Т.17. – № 1. – С. 169-177.
234. Сантаяна Д. Скептицизм и животная вера. – СПб.: Владимир Даль, 2001.
235. Селиванов Ф.А. Благо, истина, связь. – Тюмень: РИЦ ТГАКИ, 2008.
236. Сидоров П.И. Ментальная экология террористической гражданской войны // Экология человека. – 2014. – № 7. – С. 15-23.
237. Сланевская Н.М. Интеграционная политика австралийского союза в Азиатско-Тихоокеанском регионе, 90-е годы XX века: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2000.
238. Слипченко В.И. Войны шестого поколения. Оружие и военное искусство будущего. – М.: Вече, 2002. – 384 с.
239. Словарь-справочник терминов в области кибербезопасности. – М., 2014.
240. Смищенко Р.С. Регионализм и модели регионализации в сравнительной перспективе // Известия Алтайского государственного университета. – 2011. – № 4-2. – С. 278-281.
241. Соболев А.Г. Аллен Даллес: тайны и войны. – М.: Росинформгротех, 2013.
242. Современная элита России: политико-психологический анализ / под ред. Е. Б. Шестопал и А.В. Селезневой. – М.: Аргамак-Медиа, 2015.
243. Сокирянская Е.Л. Методология и техники разрешения этнополитических конфликтов: на примере российско-чеченского конфликта 1991–1994 гг.: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2002.
244. Соколов В.В. Введение в классическую философию. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999.
245. Соловьёва О.А. Государственное регулирование в условиях экономической трансформации // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 8. – С. 23–31.
246. Станкевич Л.Т., Горбатова Н.В. Административная реформа России как процесс формирования диалога государственной власти и общества // Управленческое консультирование. – 2005. – № 3(19). – С. 197-211.

247. Старостин А.М., Самыгин С.И., Верещагина А.В. Эволюция войны и многообразие ее форм в условиях кризиса национальной идентичности и динамики угроз информационной безопасности современного общества // Социум и власть. – 2016. – № 5(61). – С. 49-54.
248. Сурма И.В. Философия безопасности в контексте актуальной геополитики // Вопросы безопасности. – 2016. – № 6. – С. 15-23.
249. Тарле Е.В. Избранные сочинения в четырех томах. Том II. Наполеон; Талейран. – Ростов н/Д.: Изд-во «Феникс», 1994.
250. Тоффлер Э. На пороге будущего // «Американская модель»: с будущим в конфликте. – М., 1984.
251. Трайнин А.М. Национальная безопасность России. Лабиринт интервенции из будущего. Кн. 2. – Смоленск: Май принт, 2014. – 328 с.
252. Трачук К.В. Современные исследования проблем энергетической безопасности: теоретические аспекты // Вестник МГИМО-Университета. – 2013. – № 4. – С. 219-226.
253. Фатеев К.В. Военная безопасность Российской Федерации и правовые режимы ее обеспечения (теоретико-правовое исследование). – М.: Военный университет, 2004.
254. Фатеев К.В. Обеспечение военной безопасности Российской Федерации: теория и практика правового регулирования. – М.: За права военнослужащих, 2005.
255. Фёдоров Д.В. Инновационное развитие электроэнергетического сектора в России: материалы международной научно-практической конференции «Правовое регулирование в сфере электроэнергетики и теплоснабжения». – М.: Юрист, 2013.
256. Филатова Н.В. Мирные стратегии управления политическими конфликтами: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2004.
257. Фисун А.А. Теоретически-категориальное осмысление понятия «информационная война» в структуре информационно политического пространства // Информационное общество. – 2011. – Вып. 13. – С. 43-48.
258. Фокин П.Е. Александр Зиновьев: Прометей отвергнутый. – М.: Молодая гвардия, 2016.
259. Фурсов А.И. Холодный восточный ветер русской весны. – М.: Книжный мир, 2015.
260. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX в. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2003.
261. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2014. – 571 с.
262. Хардт М., Негри А. Множество: Война и демократия в эпоху империи. – М.: Культурная революция, 2006.
263. Харламов А.В., Харламова Т.Л. Глобализация и системные изменения в управлении российской экономикой // Проблемы современной экономики. – 2015. – № 2. – С. 121-124.
264. Харлампьев М.Р. Сущность и природа этнополитического конфликта: источники противостояния и пути урегулирования: Дис. ... канд. социол. наук. СПб., 2001.

265. Хем М. Быть диктатором. Практическое руководство. – М.: Альпина Паблшер, 2016. – 232 с.
266. Ходаковский Е.А. Политическое развитие и безопасность Российского государства в системе гецивилизационных взаимодействий Запада и Востока: дис. ... д-ра полит. наук. М., 2010.
267. Ходынская-Голенищева М.С. Подготовка «Женева-2» в свете актуальных аспектов развития сирийского кризиса // Вестник МГИМО. – 2013. – № 5. – С. 33-38.
268. Ходынская-Голенищева М.С. Сирийский кризис, методы дестабилизации «неугодных» государств и провоцирование «управляемого хаоса» // Вестник МГИМО. – 2015. – № 3. – С. 43-50.
269. Хрусталеv Е.Ю. Глобальное военное противостояние и методология оценки обороноспособности России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2013. – № 9. – С.2-9.
270. Цезарь Г.Ю. Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне, о Гражданской войне, об Александрийской войне, об Африканской войне. – М., 2007.
271. Чичановский А.А. Информационные процессы в структуре мировых коммуникационных систем: учебник. – М.: Грамота, 2010. – 568 с.
272. Шабурова О.В. Власть // Социальная философия. Словарь. – М., 2004.
273. Шамахов В. А., Балашов А. И. Новая геополитическая реальность и ее влияние на стратегию экономического и социального развития России // Управленческое консультирование. – 2016. – № 1(85). – С. 22-30.
274. Шамахов В.А., Кириленко В.П., Ковалев А.А. Безопасность современной Европы: между стремлениями и реальностью // Политика и Общество. – 2018. – № 10. – С.43-52.
275. Шамахов В.А., Ковалев А.А. Властные механизмы обеспечения военной безопасности Российской Федерации в эпоху противостояния цивилизаций. – М.:РИОР, 2018. – 256 с.
276. Шамахов В.А., Ковалев А.А. Военная безопасность России и информационная политика страны в эпоху конфликтного противостояния цивилизаций. – М.:РИОР, 2019. – 184 с.
277. Шамахов В.А., Ковалев А.А. Изменение географии глобальной безопасности в эпоху цивилизационного противостояния // Мировая политика. – 2018. – № 4. – С.43-55.
278. Шамахов В.А., Ковалев А.А. Оппозиция «Мир - Война» как явление гибридной политической реальности // Политика и Общество. – 2018. – № 7. – С.25-39.
279. Шацкая В.И. Формирование программы США ЕвроПРО и ее влияние на международную безопасность: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2014.
280. Шельпяков А.А. Опасность террористической угрозы в современном обществе: материалы Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права». Ч. 2. – СПб: Изд-во СПб Ун-та МВД России, 2013. – С. 44-49.

281. Шестаков В.А., Антошин В.А. Комплексное управление безопасностью на государственном уровне // Вопросы управления. – 2015. – №4 (16). – С.68-77.
282. Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. – 1992. – № 1. – С. 37-67.
283. Шмитт К. Теория партизана. – М.: Праксис, 2007. – 301 с.
284. Шпилевская Е.В. Экономическая безопасность страны: угрозы и пути ее обеспечения. Международный научно-исследовательский журнал. – 2016. – № 5-1. – С. 188-193.
285. Шульц О.Г. Международные стандарты и политика «двойных стандартов» в вопросах международного сотрудничества в области прав человека // Национальная безопасность / Nota bene. – 2011. – №5. – С. 167-180.
286. Энергетика XXI века: условия развития, технологии, прогнозы / под. ред. Н.И. Воропай. – Новосибирск: Наука, 2004. – 386 с.
287. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / авт.-сост. В. Серов. – М., 2005.
288. Юрьева Т.В. Проблемы региональной безопасности: современный опыт Европы // Вестник МГИМО. – 2010. – № 6. – С.126-133.
289. Яровой Г.О. Трансграничная региональная интеграция в Европе. Проблемы и перспективы развития «внешних» еврорегионов на примере еврорегиона «Карелия»: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2006.
290. Ярыгин Г.О. Проблемы экологической безопасности в политике США, Канады и Европейского союза: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2007.
291. Яшина А.В. Концепции обеспечения национальной безопасности в демократических государствах: сравнительный анализ: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2013.

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
Анализ вариантов формирования системы международной безопасности в эпоху цивилизационного противостояния.....	6
Безопасность современной Европы: между стремлениями и реальностью.....	17
Влияние геополитических факторов на обеспечение военной безопасности Российской Федерации.....	27
Влияние процессов глобализации и регионализации на вопрос национальной и государственной безопасности: путь от экономики до геополитики.....	36
Военная безопасность Балтийского региона в условиях продвижения военной инфраструктуры НАТО к границам Российской Федерации.....	49
Военная безопасность как проблема философии политики.....	62
Военная безопасность России и проблемы геополитики.....	72
Вопросы военной безопасности в программах парламентских партий на выборах в Государственную Думу VII созыва.....	78
Вопросы информационной безопасности в национальных стратегиях России и Казахстана.....	89
Геополитический имидж военного статуса России.....	100
Гражданское общество России и укрепление военной безопасности в эпоху противостояния цивилизаций.....	105
Дискуссия на тему противоборства и сотрудничества в современной политике: от «гибридных войн» к «гибридному миру».....	116
Изменение географии глобальной безопасности в эпоху цивилизационного противостояния.....	129
Исследование проблем безопасности в Санкт-Петербургском государственном университете: итоги и перспективы.....	143
Международно-правовые аспекты политики кибербезопасности некоторых европейских стран бывшего советского блока.....	155
Некоторые вопросы обеспечения безопасности при проведении в жизнь реформы силовых институтов власти.....	164
О роли и месте полномочных представителей Президента Российской Федерации во властном механизме обеспечения военной безопасности страны.....	173
Оппозиция «Мир-Война» как явление гибридной политической реальности.....	180
Политика двойных стандартов как угроза национальной безопасности Российской Федерации.....	195
Проблема угроз для легитимной власти в аспекте комплексной безопасности Российской Федерации.....	206
Проектное управление как методическая основа обеспечения военной безопасности России на современном этапе.....	219

Ресурсная безопасность как составляющая общей системы безопасности государства.....	227
Роль Совета Безопасности Российской Федерации в военной политике...	235
Роль советской элиты в обеспечении безопасности государства: историко-политический аспект.....	242
Теоретико-методологические аспекты взаимосвязи информационной политики и военной безопасности.....	247
Управление системой государственной безопасности в условиях геополитической конфронтации.....	257
Участие Национальной гвардии России в обеспечении военной безопасности.....	263
Энергобезопасность как составляющая национальной безопасности в условиях геополитического противостояния.....	272
БИБЛИОГРАФИЯ.....	283

Ковалев Андрей Андреевич

**Актуальные проблемы национальной безопасности России:
теоретические и практические аспекты**

Налоговая льгота – Общероссийский классификатор продукции
ОК 005-93, т.2.; 95 3005 – учебная литература

Подписано в печать 03.04.2019. Формат 60х90 1/16. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 19. Тираж 700 экз. Заказ 157
Не для продажи.

Отпечатано в цифровой типографии
«Издательско-полиграфическая компания «ПОЛИКОНА»»
190020, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, 199